

ПРИАМУРЬЕ

Из века в век

АМУРСКИЕ КАЗАКИ

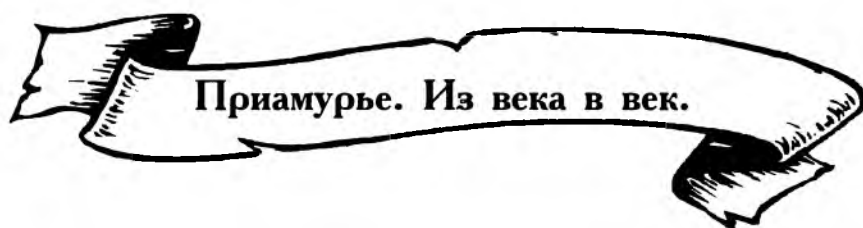
ТОМ 1

**Посвящается
150-летию
Амурской области и
Амурского казачьего войска**

*По благословению
Его Высокопреосвященства
Архиепископа Благовещенского и
Тындинского Гавриила*

АМУРСКИЕ КАЗАКИ

Материалы, документы, свидетельства, воспоминания.

1-й том

ОАО «Амурская ярмарка»,
Благовещенск-на-Амуре, 2008

УДК А63.35-283.31
ББК А629

В данный двухтомник включены публикации по истории амурского казачества конца XIX – начала XX веков: «Краткая история Амурского казачьего войска» Р.С. Иванова, «Памятка Амурского казака» Р.А. Вертопрахова, «Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год» Р.К. Богданова, «Путешествие амурского казака Д. Пешкова от Благовещенска до Петербурга». Эти издания сохранились в единичных экземплярах и стали практически недоступны для широкого круга читателей. В том 1-й включены также статьи современных историков-краеведов по истории амурского казачества.

В двухтомнике отражена история освоения Дальнего Востока России, героический вклад амурских казаков в развитие Приамурья, организация Амурского казачьего войска, приводится информация о казачьей службе, предоставлена характеристика обыденной повседневной жизни казаков.

Тексты публикуются в современной орфографии, с сохранением авторского стиля изложения. Издание снабжено обширными комментариями, пояснениями и иллюстрациями, подготовленными редакцией.

Издание ориентировано на историков, краеведов, преподавателей учебных заведений, студентов, учащихся и всех тех, кто интересуется историей освоения Дальнего Востока России и Амурского казачества.

Ответственный редактор – к.ф.н., А.В.Телюк.
Редактор-составитель – историк-архивист В.Н.Абеленцев.
Научный консультант – д.и.н., профессор Н.А.Шиндялов.

Книга издана на средства ОАО «Амурская ярмарка».

ISBN 978–5–903972–01–2

Амурские казаки (1-й том). Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. / Серия «Приамурье. Из века в век» — 288 с.
Издатель: ОАО «Амурская ярмарка», Благовещенск-на-Амуре, 2008 г.
Адрес для электронной корреспонденции: fair@amur.ru

В.Н. АБЕЛЕНЦЕВ*

КАЗАКИ ПРИАМУРЬЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

В историографии российского казачества Приамурские казахи войска (Забайкальское,* Амурское,* Уссурийское*) справедливо рассматривались как единая социально-культурная общность. Не случайно государственным законом для них был определен единый отсчет существования (17 сентября 1655 г.) и войсковой праздник в день Алексея Человека Божиего* 17(30) марта. Однако, до сих пор, и в официальной, и в казачьей историографии прослеживается тенденция выделения незначимых особенностей в ущерб историческим реалиям. Историческая объективность заключается в том, что в каждый конкретный период существования казачество, как таковое, имело особенные этнические черты и правовой статус, зависящий от конкретной государственности. В отличие от «старых» казачьих войск, Приамурские казахи войска сформировались позднее и при определяющей роли государства. Сохраняя менталитет казачества, в бытовых реалиях они были напрямую зависимы от государственных интересов, но сумели сформировать специфическую идеологию и культуру.

Казачество — это составная часть русской нации (субэтнос, народ) наряду с великороссами (рускими), малороссами (украинцами), белорусами, червонороссами (галичанами). Как субэтнос, оно формировалось в тот же период XIII — XVIII вв., но обособленно, вне границ Речи Посполитой и Московской Руси, на территории Дикого поля (Украины) и Предкавказья. Южнорусское казачество было окончательно включено в состав Российской империи в начале XVIII в., но сохранило свою исконную территорию как Область Войска Донского. Малороссийское казачество было включено в состав империи в начале XIX в. и, вместе с южнорусским, образовало Кубанскую и Терскую области. В имперский период, благодаря донцам и вольным русским людям, сформировались 11 казачьих войск со своей территорией, но при ведущей роли государства. При этом в формировании казачьего населения ведущую роль играл потомственный казачий элемент и соответствующий

менталитет. Во весь период существования Российской империи казачество имело статус особого сословия, так как понятие национальности не имело государственного значения. Как сословие казачество являлось неподатной частью лично свободного населения Российской империи, обязанного государственной (воинской) службой, то есть приравнивалось к мелкопоместному дворянству. В годы Гражданской войны казачьи области (Дон, Кубань, Терек, Урал) подошли к созданию и попытались сформировать свою государ-

Казак. Рисунок Н. Пирогова.

* Здесь и далее по тексту см.: Примечания и комментарии. Том 2-й.

*Сибирский городовой казак.
Середина XIX века.*

ственность. Несмотря на антиказачий характер Советской власти, до 1929 г. она де-факто признавала казачество, как самобытную часть населения России, и Советы в полном наименовании включали определение: «рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». В годы Гражданской войны, коллективизации («голодомора») и последующих репрессий на территории СССР активная и деятельная часть казачьего населения была физически уничтожена и рассеяна, территории казачьих войск фактически реквизированы и отданы под заселение неказачьему населению, наименования казачьих населенных пунктов изменены. Фактически, казачество было уничтожено как народ. Казачий менталитет сохранили одиночки, да и то первой и второй волн эмиграции. По-

этому понятия «трудовое казачество», «красное казачество», «казачьи части РККА» всегда были демагогией, призванной скрыть реальное положение вещей. Понятие казачества, как народа и сословия, исконно несовместимы ни с коммунистическими идеями, ни с советской властью. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации 1992 г. «О реабилитации казачества» оно признано репрессированным народом, имеющим право на возрождение как исторически сложившаяся культурно-этническая общность.

Однако, в чем заключается смысл казачества как культурно-этнической общности?

Это:

- социально-хозяйственный уклад жизни;
- территориальное общественное самоуправление в местах компактного проживания;
- традиционные формы землевладения, землепользования и распоряжения землей;
- воинская служба;
- менталитет и культура.

В советский период история казачества, в том числе амурского, как своеобразной части русского населения, имеющей свои социально-психологические, культурные и хозяйственные особенности, не имела права на существование, так как считалось, что казачество как таковое было уничтожено фактом победы советской власти в

Воин-бурят инородческого конного полка Забайкальского казачьего войска.

гражданской войне и упразднения его законодательством как сословия Российской империи.

Однако, в практической деятельности органов советской власти, до конца 1940-х гг. казачество рассматривалось как особая часть населения, в массе своей безусловно враждебная коммунистическому режиму. Это находило подтверждение в неоднократных попытках сопротивления казачьего населения РСФСР мероприятиям властей, многолетнем существовании организованной казачьей эмиграции, восстановлении казачьего самоуправления на Северном Кавказе, оккупированном германской армией и включении в ее состав многотысячных казачьих воинских подразделений.

Основой казачьей идеологии, выработанной веками независимого существования, являлось ощущение себя единым народом независимо от территории проживания, служение России по договору с государством и демократические принципы местного самоуправления. Неприятие или подавление государственной властью казачьего духа лежало в основе конфликтов казачества с государством, начиная с XVII века, и привело к его уничтожению как организованной и деятельной части населения на территории СССР.

Национальные вопросы в период обострения внутренних и межгосударственных отношений всегда привлекали повышенное внимание общественности и ученых. В связи с этим нелишне рассмотреть процесс формирования казачества Приамурья во взаимоотношениях с окружающим миром в исторической ретроспективе, на протяжении почти 300 лет, то есть с середины XVII до начала XX века, когда Забайкальское и Амурское казачьи войска существовали в форме определенных полугосударственных структур.

Как известно, первое появление русских на Амуре* как представителей Московского государства и великорусской национальности относится к периоду похода В.Д. Пояркова* со служилыми людьми в 1643–1646 гг. Хотя этот поход был проявлением инициативы государства и не был напрямую связан с казачеством, но в составе отряда были и служилые казаки. Коренное население Верхнего и Среднего Амура — дауры* — встретило русских доброжелательно, но в связи с попыткой части отряда ворваться в даурское поселение, оно было вынуждено дать отпор и, тем самым, обрекло весь отряд на голодную зимовку.

В.Д. Поярков сознавал, что малочисленность отряда и неизведанные пути (а также государственные указы) определяют необходимость установления дружественных и союзных отношений с местным населением. Однако, после неуместной «инициативы подчиненных», которые были им жестоко наказаны, у него не оставалось другого выхода, как максимально ограничить контакты с местным населением. Дауры, которые были тесно связаны с другими родственными племенами, стали относиться к русским с опаской и «по таежному телеграфу» новости распространились по всей долине Амура. Именно поэтому в дальнейшем Поярков избегал останавливаться вблизи населенных мест и потерял большую часть отряда. Несмотря на сведения об Амуре, доставленные участниками похода, предприятие потерпело полную неудачу, так как не привело местные народы в подданство

Амурский казак. 1900 г.

московского государя и не дало государству то, в чем оно особенно нуждалось – увеличения податного населения и сбора ясака в форме пушнины.

Второй поход на Амур под руководством Ерофея Павловича Хабарова* и его преемников был частным предприятием при негласной поддержке якутского воеводы Францбекова.* Получив денежную поддержку и разрешение вербовать людей, тем не менее, Хабаров в первую очередь радел о собственной выгоде. Дауры, памятуя первое появление русских, встретили новый отряд враждебно, поэтому Хабаров встал на путь завоевателя-конкистадора, используя тактику выжженной земли, насилие и вероломство. Очевидно, значительную роль играли его личные качества, что привело к бунту в самом отряде, часть которого пыталась отколоться от предводителя. Даурские поселения сжигались, взрослое мужское население истреблялось, женщины и дети отдавались для обслуживания ратников. Зачастую вожди дружественных родов подвергались пыткам и казням. После обвинения Е. Хабарова в насилиях над местными жителями и подчиненными и от-

правки в Москву, его преемник Онуфрий Степанов Кузнец* вынужден был пожинать плоды предыдущей политики. В начале 1650-х годов были безнадежно испорчены отношения не только с даурами, но и другими племенами (дючерами,* солонами), жившими по Сунгари и в низовьях Амура. В это время на Амуре скапливалось около 1000 русских, которые приходили отдельными группами и представляли собой слабо организованные отряды служилых казаков, «гулящих людей» и промысловиков, которых местному населению надо было поить и кормить. Неслучайно, к этому времени относится и призыв маньчжур,* с которыми у местных народов были определенные родственные и торговые связи, и переселение дауров на правый берег Амура. Осада Ачанского городка* и Кумарского острога,* разгром казачьей флотилии на Сунгари* в 1658 г. стали закономерными итогами политики Ерофея Хабарова. При этом интересы маньчжур в то время лежали на юге, а племенам Приамурья оказывалась помощь как родственным народам.

Новое появление русских на Амуре связано с именем Никифора Черниговского* и восстановлением Албазина* в 1665 г. В то время на Верхнем и Среднем Амуре фактически не было значительных этнических групп, поэтому русские сумели довольно мирно вписаться в местные условия и, несомненно, наладить контакты с остатками коренного населения.

Обострение обстановки начинается к концу 1670-х – началу

1680-х гг., когда Москва берет Албазин под свою руку, а формирующаяся империя маньчжур начинает включать в свой состав независимые монгольские* и тунгусские* племена Прибайкалья и Приамурья. При этом Москва принимает под свое покровительство бурят* и тунгусов рода Гантимура.* Между двумя формирующимися империями возникает соперничество не столько за территорию, сколько за население, которое является неперенным фактором закрепления за собой территории. Это доказывает тот факт, что после подписания Нерчинского договора* 1689 г. северо-восточные провинции империи Цин почти двести лет заселялись только ограниченным контингентом знаменного маньчжурского населения для противодействия русскому влиянию.

Несмотря на наше устоявшееся отношение к Нерчинскому договору как фиксации временного поражения России на дальневосточных рубежах и приостановки русской колонизации, он стал этапным моментом, обеспечившим впоследствии, в других условиях и на других принципах межгосударственных и межнациональных отношений, утверждение России в Приамурье. Фактически была прекращена вольная («дикая») колонизация, которая привела к гибели значительной части русского пассионарного элемента и разорила Приамурье. Служилые и работные люди, сосредоточенные в начале XVIII века в Прибайкалье, силой необходимости были вынуждены перейти к оседлому образу жизни и налаживать нормальные отношения с монгольскими, бурятскими, эвенкийскими родами. Преобладание служилого мужского населения над женским привело к массовым бракам с представительницами местных народов (в основном, бурятками, якутками,* даурками и эвенкийками). Этот процесс, несомненно, начался еще во второй половине XVII века у албазинцев Никифора Черниговского, так как они были отлучены от Русского государства и могли выжить только за счет интеграции с местными племенами.

Можно считать, что практика браков великороссов с женщинами тунгусо-маньчжурской (монгольской) языковой группы продолжалась около 150 лет (5-6 поколений). Местные племена охотно выдавали девушек в жены русским, так как менталитет кочевников рассматривал женщин как обузу в хозяйстве, приобретая взамен родственные связи и покровительство русских властей. Кроме того, в психологии служилого люда Сибири и Прибайкалья наличествовали сходные черты с кочевыми народами. В массе своей это были профессиональные воины, охотники, промысловики, гулящие люди, с прохладцей относившиеся к московской власти и с долей презрения к оседлому землепашцу. Для русского человека племена бывших монголо-татар давно стали привычными: 600 лет с ними воевали, торговали и рождались и наименование «инородец» не носило какого-либо уничижительного значения, а констатировало факт принадлежности к отличной от великороссов языковой группе. Процесс интеграции русского служилого населения в иную языковую среду в разное время был характерен для всех территорий будущей Российской империи (Предкавказье, Предуралье, юг Сибири). В результате в течение XVIII века на территории Сибири и Прибайкалья сформировались новые субэтноты великорусского народа (чалдоны,* гураны*). Сохраняя свой менталитет и православную веру, по крови

Участники съезда (круга) Амурского казачьего войска 1905-1906 гг., осужденные в 1906 г.

они принадлежали к монголоидной расе, что выразилось в формировании своеобразного генотипа и хозяйственно-бытового уклада. В свое время римляне так же закладывали основу новых европейских народов, интегрируясь в окружающую среду «варваров». При этом местные племена Прибайкалья не утрачивали свою этническую основу, продолжая существовать наряду с русским «гуранским» населением. Единственный тунгусский (манегрский?)* род Гантимуровых, вышедший с территории будущей Маньчжурии* на место исторического обитания в районе Нерчинского острога,* почти полностью влился в состав гуранской общности и служилого забайкальского казачества.

Таким образом, к началу XIX века основу населения Забайкалья составляли буряты, гураны и обособленно жившие старообрядцы,* сохранявшие великорусский генотип допетровского времени. После ухода русских и дауров из Приамурья, территория была освоена оленными и конными эвенками, кочевавшими до отрогов Хингана* и по правому берегу Амура. По сословной принадлежности среди гуранов выделялись пограничные забайкальские казаки (потомки служилого люда Сибири XVII в.) и крестьяне горнозаводского ведомства, которые в середине XIX века были причислены к созданному Забайкальскому казачьему войску. Несмотря на религиозные, культурные и сословные различия, основное население Забайкалья имело общее происхождение и русские (гураны) имели больше оснований считать себя автохтонным (коренным) народом, чем пришедшие с севера эвенки. Естественно, что на хозяйственно-бытовом уровне имели место конфликтные ситуации, но

в целом состояние межкультурного и межнационального взаимодействия служит примером естественной интеграции европеоидной и монголоидной рас.

К середине XIX века основное население Забайкалья* составляли казаки (гураны) и буряты, входившие в состав инородческих полков Забайкальского казачьего войска. Как известно, казачье население Забайкалья стало основой населения будущих Амурской и Приморской областей. Будучи родственными по крови племенам Приамурья, забайкальцы относительно быстро освоились на возвращенной территории и наладили межнациональные отношения. До начала XX века они, ставшие амурцами и приморцами, сохраняли свою этносоциальную целостность, увеличение численности шло за счет естественного прироста. Эксперимент Н.Н. Муравьева,* зачислившего в Амурское войско штрафованных солдат (великороссов, малороссов, поляков и евреев) окончился неудачей: прижились единицы, остальные были возвращены в

Е.И. Бреус, казак 2-го Амурского казачьего полка. Благовещенск, 1914 г.

Казачья форма, вооружение и снаряжение. Начало XX века.

родные места. После русско-китайской войны 1900-1901 гг. на Амур и в Приморье были переселены несколько тысяч потомственных казаков Донского, Кубанского и Оренбургского казачьих войск, которые значительно укрепили пограничную линию и привнесли свежую кровь в гуранскую среду. Исполняя функцию пограничной стражи, казаки находили контакты с маньчжурским и китайским населением, представляли государство в отношениях с эвенками, якутами и племенами Нижнего Амура.

Обострение русско-цинских отношений и Китайский поход 1900 г.* не привели к росту враждебности в отношении маньчжуро-китайского населения. Известные факты утопления китайцев в районе поселка Верхне-Благовещенского,* расстрелов цинских подданных в казачьих станицах были

связаны с провокационным поведением «боксеров» («ихэтуаней»)*, которых русский менталитет расценивал как хунхузов.* Повсеместно были известны случаи, когда казаки спасали своих соседей с правого берега, предупреждая о продвижении русских войск из Забайкалья. После оккупации Россией Северной Маньчжурии Амурский казачий полк нес там службу вплоть до начала русско-японской войны, разгоняя остатки шайек «боксеров» и банды бывших солдат правительственных войск, от которых терпело ущерб, прежде всего, китайское население. Известен тот факт, что при проводах в отставку командира Амурского казачьего полка полковника Печенкина,* власти и население округа города Нингута* устроили ему торжественные проводы с поднесением почетного адреса.

В конце XIX - начале XX вв. Цинская империя в очередной раз находилась на грани развала, под угрозой потери независимости. Участие русских войск в подавлении восстания ихэтуаней, не имевшего какой-либо осмысленной цели, и оккупация Северной Маньчжурии почти на 10 лет отсрочили крах государства Цин, после чего Китай почти 40 лет находился в состоянии гражданской и национально-освободительной войн. Забайкальские и амурские казачьи части, в 1900 г. впервые принявшие боевое крещение в Маньчжурии, поддержали свою репутацию в русско-японскую войну 1904-1905 гг., защищая на дальневосточном театре военных действий не только интересы России, но Китая и Кореи.

В период первой русской революции 1905-1907 гг. население Амурского казачьего войска впервые созвало съезд (круг), на котором поддержало общедемократические лозунги революции. Большая часть деле-

Семьи казаков братьев Пакуловых. Пос. Бусевский Кумарского станичного округа. Сидят: Ефросинья, Фаддей и Константин Логовичи, Елена Евгеньевна. Стоят: Евдокия, жена Ивана; Софья Фаддеевна, Андрей Иванович Сидельников и его жена Марфа Константиновна. Благовещенск, 1916 г.

готов съезда в сентябре 1906 г. была приговорена к каторжным работам и ссылке с исключением из войскового сословия.

Амурское казачье войско, созданное государством, сохраняло и культивировало свои традиционные основы, не отличаясь в этом отношении от более старых казачьих войск.

К 1914 году его территория протянулась вдоль Амура от границы Забайкальской области до Хабаровска,* численность достигла 46823 душ обоего пола и составляла около 20% населения области. В границах современной Амурской области проживало 31056 человек в 67 станицах* и поселках (хуторах), объединенных в станичные округа* — Игнашинский, Албазинский, Черняевский, Кумарский, Екатерининский, Николаевский, Константиновский, Поярковский, Иннокентьевский, Раддевский (частично). На начало XX века значительный прирост населения произошел за счет массового переселения казаков с Кубани, из Ставрополя и Оренбуржья, осуществляемого по программе Военного министерства Российской империи. Основу хозяйства составляли: земледелие, охота и рыболовство, отхожие промыслы. До начала 1-й Мировой войны войсковое и личное хозяйство стабильно развивалось, в основном обеспечивая собственные

П.М. Головин, кубанский переселенец, один из основателей станицы Николаевской. Около 1900 г.

Казаки 1-го Амурского казачьего полка армии адмирала А.В. Колчака: П.К. Пакулов, А.П. Плотников, М.Т. Марков, М.М. Былков (пос. Буссовский Кумарского округа). Благовещенск, 1919 г.

потребности населения, и было слабо связано с областным рынком. Начало мировой войны и всеобщая мобилизация непосредственно затронули казачье население. Кадровый 1-й Амурский казачий полк и взвод лейб-гвардии Сводного казачьего полка приняли участие в боевых действиях, в 1915 г. был отправлен на фронт 2-й Амурский полк. Из казаков старших возрастов были сформированы 8 особых сотен, которые несли охранную службу на территории При-

амурского генерал-губернаторства. За четыре года войны фактически все служилое войсковое население (около 5 тысяч человек) было мобилизовано, при этом около 3 тысяч казаков — во фронтовые части. Амурцы участвовали в боевых действиях в Польше, Прикарпатье, Румынии и к концу 1917 г. были переведены под Петроград в составе конного корпуса генерала А.М. Крымова (затем П.Н. Краснова).

Отсутствие мужчин основных трудоспособных возрастов оказало негативное влияние на состояние войскового хозяйства в большей степени, чем это происходило в крестьянском уезде. Значительно уменьшился прирост казачьего населения и к осени 1917 года численность казаков в области не превышала довоенного числа.

Февральскую революцию 1917 г. амурские казаки фронтовых частей и правление Амурского казачьего войска в Благовещенске встретили как естественное разрешение кризисной ситуации. Войско приняло присягу на верность Временному правительству. Представители полков и войска участвовали в работе Союза казачьих войск в Петрограде, выступившего в поддержку правительства и за сохранение казачества в республиканской России. Революционность казаков шла в русле общедемократических требований и не принимала лозунги большевиков и левых эсеров. Казачье население области, выступая за ввод земских учреждений, в то же время требовало сохранения целостности войсковой территории, земельных наделов и казачьего самоуправления.

Войсковые круги 1917 г., избрав атаманом И.М. Гамова* и создав войсковое правление, осудили октябрьский переворот 1917 г., декларировали непризнание власти Совета народных комиссаров, выступили против перехода власти к советам и свое решение поддержали вооруженной силой, которой стали казаки, вернувшиеся с фронта, и молодое пополнение. Неудачное завершение «гамовского мятежа» в марте 1918 г. и установление в области советской власти привели к формальному объединению казачьего и крестьянского съездов, но среди активных советских работников казаки насчитывались единицами, а членов РКП(б) почти не было. Офицерский состав войска и наиболее активные казаки перешли на китайский берег Амура и в течение полугода вели работу по подготовке к свержению власти Амурского совнаркома.

Мероприятия советской власти (изъятие продовольствия, оружия, лошадей) привели к прямым выступлениям против нее, которые продолжались с июня по сентябрь 1918 г., вплоть до на-

Бойцы 4-го кавалерийского полка Народнореволюционной армии Дальневосточной Республики. Сидят: Сергей и Иван Пакуловы, стоят: К. Ярославцев и М.Н. Пакулов. Благовещенск, август 1921 г.

Уполномоченные 5-го очередного собрания Амурского союза сельскохозяйственной кооперации, многие из них станут участниками Зазейского восстания. Благовещенск, 1922 г.

чала японской оккупации и прихода белогвардейских и казачьих отрядов. В сентябре 1918 г. на территории Амурской области казачье население, за небольшим исключением, поддержало восстановление буржуазно-демократической власти и войсковой организации. V-й войсковой круг отменил решения мартовского (1918 г.) крестьянско-казачьего съезда, как неправомочные и не выражавшие интересов большинства казаков.

Осенью 1918 г. войсковая организация была восстановлена в полном объеме и функционировала как военно-хозяйственное объединение казачьего населения. Амурский казачий полк нес службу в области, совместно с войсками Японии участвовал в борьбе против красных партизан. Немногие сторонники советской власти были преданы военно-полевому суду, а по большей части переданы на поруки хуторским обществам. Красные партизанские отряды зачастую обеспечивались оружием, лошадьми и припасами за счет грабежа казачьих селений и в ответ сводные сотни казачьих округов совершали налеты на ближние крестьянские села. Наибольшего обострения междоусобная война достигла к весне 1919 г., в период развертывания партизанского движения, но постепенно враждующие стороны осознавали, что ее окончание находится в зависимости от наличия японских оккупационных войск в области. В феврале-марте 1920 г. временный Благовещенский исполком Советов, опиравшийся на Амурский казачий полк — основную военную силу гарнизона, и «Таежный исполком», возглавлявший партизанское движение, вынудили к эвакуации японские войска.

Создание Дальневосточной республики* и организация ее местных управлений позволило направить все силы населения на окончательный разгром интервентов и «Белого движения», и на какое-то время сгладило противоречия между крайними направлениями политических сил. Казачество, в пределах войсковой территории, сохраняло традиционный образ жизни и выставило на фронты Забайкалья и

Участники 1-го съезда уполномоченных колхоза «Гигант» им.ОКДВА. Константиновка, 1929 г.

Приамурья, преимущественно, молодежь и часть бывших фронтовиков. 1-й Амурский казачий полк был постепенно переформирован в Троицко-Савский кавалерийский; на базе отдельного кавалерийского дивизиона, состоявшего из красных партизан и казаков, был создан 4-й Амурский полк. Оба формирования в последующие три года участвовали во всех значительных боях гражданской войны в Забайкалье, Монголии и Приморье.

Несмотря на материальные и людские потери 1918-1922 гг., казачье население области в основном сохранило административно-хозяйственную структуру, увеличилось количество населения, возникли новые поселки. В 1917-1918 гг. выделился из Поярковского - Константиновский станичный округ, из Иннокентьевского - Никольский, из Раддевского - Пашковский. В Николаевском округе возник поселок Ивановский, на основе офицерских участков были образованы Корфовский* и Резуновский,* в Константиновском округе — высе-

Поярковская сельскохозяйственная выставка 30-31 октября 1927 г.

лок Ново-Троицкий. В пределах Амурской области (в современных границах) проживало до 30000 человек казаков, в ЕАО — до 20 тысяч. По данным переписи 1923 г., казачье население Амурской области (совр.) составило около 45 тысяч человек.

К периоду гражданской войны (1918-1922 гг.) относится и формирование амурской казачьей эмиграции в Китае, состоявшей из семей офицеров Амурского казачьего войска и рядовых казаков, не принявших власть советов. К 1923 г. была образована Амурская станция* в Харбине, а также другие объединения, существовавшие до 1945 г. Число эмигрантов не превышало тысячи человек, но их тесная связь с приграничным населением до 1929 г. оказывала влияние на репрессивные мероприятия советских властей по отношению к казачеству и в последующие годы.

В 1923 г. на Дальнем Востоке были организованы впервые после гражданской войны выборы в органы советской власти, началось районирование, которое привело к объединению казачьих и крестьянских административно-территориальных образований. После 1923 г. из официальной статистики исчезли такие наименования казачьих населенных пунктов как станицы и хутора. Власть рассматривала сельское население, в первую очередь, как объект налогообложения и источник средств для восстановления разрушенной промышленности. Проведение сельскохозяйственных переписей служило фискальным целям. Введение единого сельхозналога, наложившего на разоренную деревню непосильное бремя, привело к обострению отношений сельского населения с государством.

Вспыхнувшее в январе 1924 г. Зазейское восстание,* охватившее почти все развитые сельскохозяйственные волости Благовещенского уезда, стало реакцией на антикрестьянскую экономическую политику советской власти.

В вооруженных отрядах повстанцев насчитывалось до 5 тысяч человек, значительную часть составили казаки бывших Николаевского,

Руководство и актив Амурского казачьего войска в эмиграции. Слева направо: 1-й ряд — Мельников, Л.Л. Черных, И.Ф. Корнев, Н.Танаев, Р.А. Вертопрахов, Н.М. Шалыгин, А.И. Пермяков, И.Л. Пинегин, Корнев, П.Н. Сотников; 2-й ряд — И.Н. Никитин, П.И. Корнев, А.Н. Лазарев, Г.С. Попов. Харбин, начало 1930-х гг.

Константиновского и Поярковского округов. При подавлении восстания, только по официальным данным, было расстреляно более 400 человек, сотни семей бежали на китайскую сторону, были разорены многие хозяйства. После снижения налогов и объявления амнистии большая часть беженцев возвратилась в свои села.

Памятный знак, установленный в 1932 г. пограничниками заставы «Кани-Курган» на месте задержания одного из руководителей приамурской казачьей эмиграции Н.Г. Метелицы.

Однако органы ГПУ продолжали арестовывать участников восстания, тайно осуществляли расстрелы, не сообщая семьям погибших.

Несмотря на потери, казачье население продолжало увеличиваться за счет естественного прироста (до 50 000 человек в 1926 г.). В середине 1920-х гг. были образованы выселки в современном Благовещенском районе - Верхний и Нижний Кукуй, Удобный, Передовое. Относительная самостоятельность крестьян в ведении своего хозяйства к 1928 г. привела к восстановлению довоенных посевных площадей и поголовья скота. Однако улучшение материального положения сельского населения не привело к росту государственных хлебозаготовок, так как государству нечем было оплачивать поставки, а окрепший крестьянин мог выжидать благоприятных условий для ре-

ализации излишков своего хозяйства. Нищие колхозы и коммуны существовали только за счет государственной поддержки.

«Все хлебные излишки государству!» Обозы коммун им. Войкова, цм. Фрунзе, «Труженник» на хлебоприемном пункте Константиновского сельхозкредитного товарищества. 7 ноября 1929 г.

Осуществление коллективизации в Амурской области осложнялось неблагоприятными погодными условиями 1928-1929 гг., военным конфликтом с Китаем 1929 г. и оккупацией Японией Маньчжурии в 1931 г. Международные события непосредственно повлияли на ужесточение репрессий по отношению к приграничному казачьему населению, которое рассматривалось как потенциально враждебное советской власти и ВКП(б). Полный провал политики насильственной коллективизации к 1930 г. стал очевиден и сравнительно мягкие формы репрессий (высылка в отдаленные районы, конфискация имущества) были дополнены расстрелами. По неполным данным, содержащимся в списках реабилитированных казаков (приговоренных к расстрелу), видна динамика ужесточения карательной политики: 1929 — 1, 1930 — 32, 1931 — 21, 1932 — 51, 1933 — 75, 1934 — 83, 1935 — 1, 1936 — 4, 1937 — 48, 1938 — 316.

В период коллективизации по Дальнему Востоку подверглись высылке более 11 тысяч семей, по некоторым районам и отдельным селам высылалось до 35% хозяйств. Значительная часть сельского населения, бросив хозяйства, выезжала в другие места, вербовалась на стройки, золотые прииски и рыбозаводы. В северных районах население голодало. В конце 1920-х гг. началось массовое переселение на Дальний Восток из центральных районов России, которое продолжалось вплоть до начала Отечественной войны. В области сформировалась система лагерей и спецкомендатур. Граница была усилена созданием укрепленных районов, увеличением численности пограничной охраны и регулярных войск. Фактически это означало, что к 1935 г. область потеряла около половины коренного населения, убыль которого была восполнена мерами государственного принуждения. В это время исчезли такие станицы и поселки, как Екатерининская,* Грибский,* Гродековский* и др.; значительно изменился состав населения Албазинской,* Константиновской,* Поярковской,* Иннокентьевской* станиц.

В 1932-1934 гг. органы ОГПУ инициировали дела по обвинению участников «казачьих белогвардейских повстанческих организаций» в Сковородинском, Константиновском, Михайловском районах. Как правило, арестовывали наиболее грамотных и хозяйственных казаков, пользовавшихся авторитетом у населения (учителей, хозяйственников, членов сельсоветов).

Процесс по делу контрреволюционной казачьей повстанческой

Я.И. Волокитин (1877-1932), казак пос. Димского, эмигрант, резидент организации генерала Е.Г. Сычёва. 1932 г.

А.Я. Гуров (1872-1932), казак Поярковской станицы, учитель, археолог-любитель. 1926 г.

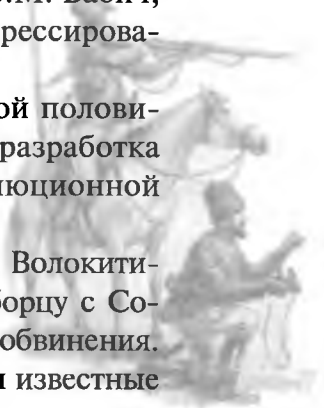
организации в Михайловском-на-Амуре районе ДВК в марте-апреле 1932 г. стал одним из первых в ряду подобных процессов, инспирированных органами ОГПУ против казачьего населения Приамурья. В контрреволюционной повстанческой деятельности было обвинено более 50 казаков бывшего Поярковского станичного округа.

В обвинительном заключении указывалось, что в марте 1932 г. Благовещенским погранотрядом ОГПУ была раскрыта организация, ставившая целью свержение советской власти и создание на Дальнем Востоке казачьего буферного государства при помощи белоэмигрантов и японских интервентов. Эта организация якобы возникла под руководством белоэмигрантской группы в Маньчжурии, возглавляемой генералом Е.Г. Сычевым;* укрепляла связи с белоэмигрантской колонией в Чикадэ (на китайском берегу вблизи Поярково) и ее руководителем Волокитиным,* действовавшим по указанию представителя Сычева полковника Н.Г. Метелицы.* Были созданы повстанческие ячейки в Пояркове, Димском,* Чесноковском.* В 1932 году повстанческая организация приступила к оформлению Димско-Поярковского повстанческого отряда (начальник Куприянов), перед которым была поставлена задача — поднять восстание в момент прибытия японской армии, а пока вести разведывательную работу.

На заседании тройки полномочного представительства ОГПУ по ДВК 30 апреля 1932 г. было рассмотрено дело по обвинению граждан А.Я. Гурова,* П.К. Номоконова и других, в числе 22, по статьям УК РСФСР 58.2, 6, 11-13; 58.4, 59.10 и приговорены к расстрелу А.Я. Гуров, П.К. Номоконов, Д.И. Пинегин, Я.И. Волокитин, И.Е. Куприянов, В.А. Фомин, Г.К. Кочуков, Я.А. Шемелин, Ф.П. Булдыгин, И.И. Бутин, В.А. Унтилов, К.Е. Доценко, Г.А. Перебоев, В.М. Бабич, «Семен». Шестеро обвиняемых были освобождены, но репрессированы позднее, в 1933 - 1938 гг.

В отличие от формального рассмотрения дел второй половины 30-х годов, в 1932 г. органами ОГПУ была проведена разработка документов и идеологического обоснования «контрреволюционной организации».

Провокационная роль чекистами была отведена Я.И. Волокитину, единственному многолетнему эмигранту и активному борцу с Советами, на чьих показаниях возводилась шаткая постройка обвинения. Идеологами повстанческой организации были представлены известные

среди казачества люди — первый амурский археолог А.Я. Гуров и представитель учительской казачьей династии П.К. Номоконов. Бывший многолетний станичный атаман И.И. Бутин, георгиевский кавалер, умелый предприниматель, активно боровшийся с советами до 1925 года, своим присутствием среди обвиняемых должен был поддержать тезис о контрреволюционной роли казачества. Другие фигуранты по делу также были подобраны не случайно, почти все принимали участие в борьбе против красных в 1918–1920 гг., в разной степени сопротивлялись коллективизации, не скрывали презрения к «коммунякам», однако к моменту ареста не совершили каких-либо действий антисоветского характера.

Впервые пересмотр дела состоялся в 1959 г. Было выяснено, что по материалам японских разведорганов ни один из 28 обвиняемых не числился. По девяти казакам приговоры были отменены и дела прекращены, однако по девятнадцати оставлены в силе по фактам их враждебной деятельности в годы гражданской войны. Реабилитированы в 1990 г.

В 1934 году судебной тройкой ПП ОГПУ ДВК по «Делу на контрреволюционную казачью повстанческую организацию (Сычевской ориентации Братства Русской правды)» 56 жителей области были приговорены к расстрелу, 83 — к различным срокам заключения в лагерь

или высылке с семьями на спецпоселение. Причем, рассматривая материалы предварительного следствия по делу, прокурор Амурской области Александровский в декабре 1933 г. и прокурор ПП ОГПУ ДВК Звягин в феврале 1934 г. в своих заключениях указали, что сотрудники госбезопасности и погранохраны в процессе расследования дела допустили грубейшую политическую ошибку,

П.Г. Эпов (1920–1993), казак пос. Аносовского, полный кавалер орденов Славы. 1985 г.

И.К. Пакулов с родными в областном краеведческом музее. Благовещенск, 1997 г.

В.В. Перминов, забайкальский казак, харбинец (слева) и сотник А.Г. Тарала, уссурийский казак, выпускник Благовещенской духовной семинарии. Австралия, Сидней, 1997 г.

рассматривая все амурское казачество как контрреволюционное сословие. Прокуроры отметили многие факты грубейших нарушений законности и прямой фальсификации следственных материалов и предложили уголовное дело на большинство обвиняемых прекратить, а арестованных из-под стражи немедленно освободить. Однако, вопреки этому, дело было направлено на рассмотрение тройки, и, по данным В. Га-

лузы*, большинство проходивших по нему лиц репрессировали.

К 1937 г. область еще не оправилась от последствий коллективизации и связанных с ней репрессий, но безумная машина вновь набирала обороты. По данным областной прокуратуры, в 1938 г. было расстреляно около 1000 только казаков, то есть можно сделать вывод о том, что в бывших казачьих поселках в основном остались старики, женщины и подростки.

Последний удар казачьему мужскому населению нанесла война. Около 100 тысяч человек, шестая часть общей численности населения области была призвана в РККА, из них погибли и умерли от ран около 40 тысяч. Таких гигантских потерь казачество не имело ни в одной войне, область была обескровлена. По данным «Книги памяти Амурской области» в числе погибших определены 1176 казаков, из них единицы достигали возраста 30-40 лет, основной контингент составила молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Характерно, что значительная часть военнообязанных была призвана не из бывших казачьих округов, а из Селемджинского, Зейского, Желтулакского, Мазановского, Шимановского районов - мест высылки и поселения. Ориентировочно, было призвано на фронт около 3 тысяч человек потомственных казаков, то есть спустя 27 лет после начала 1-й мировой войны бывшая казачья часть населения смогла выставить в армию едва ли половину того, что давала до революции. При этом в 1914 г. пошел на фронт обученный служилый состав в возрасте от 21 до 38 лет, а не молодежь, прошедшая в советское время территориально-милиционную подготовку. В числе участников Великой Отечественной было достаточно много казаков, помнивших славу предков и достойно их представлявших - Герои Советского Союза В.М. Брынь (станция Николаевская*), М.А. Василенко (поселок Винниковский*), П.Н. Куницын (станция Екатерининская), П.И. Седельников (г. Свободный), В.А. Стрельцов (поселок Новопетровский), полный кавалер орденов Славы П.Г. Эпов (поселок Аносовский*) и другие.

К концу войны амурское казачество, как самобытная и организованная часть населения, перестало существовать. Остались на память в семьях амурцев старые фотографии и затаенные воспоминания стариков о былом.

Человеческая память неспособна надолго сохранить реальные приметы былого. Сравнительно недавно ушел из жизни старейший амурский казак Иван Константинович Пакулов (1902-2000), ветеран трех войн - Гражданской, Халхин-Гола и Отечественной, до последних дней жизни сохранявший великолепную память и трудоспособность. Во всяком случае, в Амурской области только семья Пакуловых сумела сохранить в великолепном состоянии фотографии казаков поселка Бусевского Кумарского станичного округа начала XX века и живые предания о прошедшем времени, передать их сыновьям и внукам. Многие другие семьи сохранили только неясные воспоминания о принадлежности к казачьим родам и снимки, не поддающиеся расшифровке.

По распоряжению Войскового Наказного Атамана
генерал-лейтенанта Лечицкого составил войсковой
старшина Амурского казачьего войска
Р.С. Иванов.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Благовещенск, 1912 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Войсковой наказный атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск Платон Алексеевич Лечицкий, знакомясь с войском в 1911 году, нашел, что казаки, а особенно учащаяся молодежь, не знают прошлого Амура, а потому приказал составить краткую историю войска Амурского, не ожидая выхода в свет полной истории.

Исполнив в трехмесячный срок настоящую работу на основании архивных дел войска и опубликованных трудов писателей эпохи графа Муравьева: Струве, Шумахера, Милютина, Любарского, Барсукова и др., я сознаю, что при такой торопливости и отсутствии опыта с моей стороны, в настоящей книге возможны ошибки, неточности, может быть, излишние подробности и пр. Поэтому приму с большою благодарностью указания на недочеты и погрешности в книге со стороны лиц, знакомых с нашей историей.

При чтении о жестокостях и дикостях наших предков-казаков пусть сердце юного читателя не отвернется от этих людей, под грубою оболочкою коих скрыто было сердце, полное самоотвержения, беззаветной любви к РОДИНЕ, преданности ЦАРЮ и ПРАВОСЛАВИЮ и вот за эти-то высокие качества души история простила их дикие поступки и жестокости и благоговееет перед их делами.

Также молчаливо прочти, юный читатель, те строки, где говорится об обидах, пережитых нашими славными дедами, такое уж было время и недаром еще Пушкин говорил: «Чем древнее были наши предки, тем более ели батогов».

Не обижайся своим происхождением: теперь многие и многие считают за честь носить наш мундир.

Не ищи, наконец, в нашей новой истории особых славных дел и подвигов — слишком мало для того времени; но и несмотря на это, отцы наши спокойно могут умереть, ибо они с пользою послужили ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ, сроднились с новым краем, полюбили батюшку — Амур — всеми силами своей души и, невзирая на то, что он их зорил иногда до нитки — они готовы были сложить свои кости на защиту его и свою горячую любовь к нему завещали нам. Подражайте, дети, им и знайте, что сила любви этой кроется в словах бессмертного Карамзина: «Родина

мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества».

Вот об этом-то утре нашего казачества на Амуре я, насколько сумел, решился поведать нашему юношеству.

Р.С. Иванов

глава II

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАКАМИ АМУРА В XVII ВЕКЕ

Ермак Тимофеевич*, покорив сибирского царя Кучума*, «прорубил ворота в Сибирь», чрез которые хлынула казацкая вольница и ураганом понеслась далеко на восток, сокрушая на своем пути попадавшиеся племена инородцев.

Имея «огненный бой», то есть ружья, о чем иноземцы не имели понятия, казаки не встречали с их стороны отпора и довольно легко приводили «к шерти» (присяге) иноземцев и облагали их данью (обьясачивали).

Шли они партиями, во главе с сотником или пятидесятником, в зависимости от силы отряда. В своих действиях сотник руководствовался какой-либо «наказной памятью», данной от воевод. В памятях указывалось: «и дорогою идти им бережно, сторожливо и на станех ставиться с карау-

лом, чтобы, пришед, иноземцы над ними какого дурна не учинили», а во время похода «имати вожжей, выбирая из тунгузских ясачных иноземцев знающих людей добрых, чтобы кто знал, где провожати и указывати русским ратным людям на неясачные места, где кто живет по кочевьям». В занятых новых местах — «где пригоже острог поставить и укрепить вельми тот острожек, будучи для государева ясачного сбора, от приходу немирных неясачных людей было безстрашно и без боязни». В отношении иноземцев указывалось просто: «призывать их в вечное холопство ласково, а для того брать у них лучших людей в аманаты (заложники), а если они учинятся непослушными, государева ясака и аманатов давать не будут, то служилым людям чинить над ними поиск и, прося у Бога милости, смиряти их ратным обычаем войною, безвестным и тайным приходом и в аманаты у них лучших людей изымать или жен их детей взять, под кого бы можно впредь ясак на государя брать».

Состав партий был разнообразный: тут были приписные казаки, «новоприборные», охочие (т.е. гулящие) люди; попадались ссыльные, беглые и много промышленных. Но все они зачислялись в ратные люди и, поступив под начальство назначенного воеводой сотника, назывались служилыми людьми, получали государево жалование и им по-

ИЗ ВЕКА В ВЕК

*Шел крепкий русский человек
На дальний север и восток
Неудержимо, как поток,
С плохой винтовкой за плечом,
Иль с неизменным топором,
С краюхой хлеба в кошеле,
Отдавая поклон родной земле.
От неприглядного житья
Он шел в безвестные края,
Чрез тундры, реки и хребты,
Чрез быстрину и высоты,
Пока в неведомой дали
Он не пришел на край земли,
Где было некуда идти,
Где поперек его пути
Одетый в бури и туман,
Встал необъятный океан...*

М. Розенгейм

Казак-первопроходец.
XVI — XVII вв.

Надвратная башня сибирского острога.

лагалось продовольствие от государя на каждого в год по две четверти с осьминою ржаной муки и по осьмине крупы.

Несмотря на такой пестрый состав, партии эти беспрекословно подчинялись начальнику отряда или атаману, который над ними имел право «расправу чинить, смотря по вине, и от всякого дурна унимать», шли, куда он их вел, памятуя лишь, что они «делают государево дело».

Путь, по которому казаки постепенно продвигались вперед, лежал через главные реки Тобол, Енисей, Тунгуску и Лену.* На этих реках ими были основаны остроги Тобольск, Енисейск и Якутск.* Из Енисейска служилые люди рассылались к Байкальскому озеру, к «братским» людям или бурятам; из Якутска же на северо-восток и к Амуру. Так как расстояния между острогами были громадные, то между ними устраивались зимовья, таможенные избы и отдельные острожки.

В главных острогах сидели воеводы, им принадлежала полная власть над приписными к острогу людьми и они же ведали рассылкой продовольствия и жалованья служилым.

Дороги не было, сообщение совершалось по узким тропам, а потому доставка припасов была несвоевременная и беспорядочная: припасы, следующие в Енисейск, забирались тобольскими людьми, следующие в Якутск — енисейскими и т.д.; от этого происходили голодовки и особенно плохо приходилось людям, посланным за ясаком. Много челобитных было послано казаками в Москву в Сибирский приказ,* ведавший всеми делами Сибири. Сколько горя и нужды излито в этих жалобах простым нехитрым языком! В одной челобитной, например, пишут казаки: «а будучи на твоей государевой службе недель по тридцать и больше ободрались, на тех твоих государевых дальних службах, наги и босы, топоренки приломали» и т.д. В другой жалуются, что «пороху и свинцу тоже не было давано, и порох со свинцом покупали под волоком дорогой ценой: фунт по полтине и по 20 алтын».

Из этих же челобитных видно, насколько казакам трудна была служба в пути: «в поход на Лену, сообщают казаки, припасы и пушки обносились, ста-

Волок. Миниатюра, XVII в.

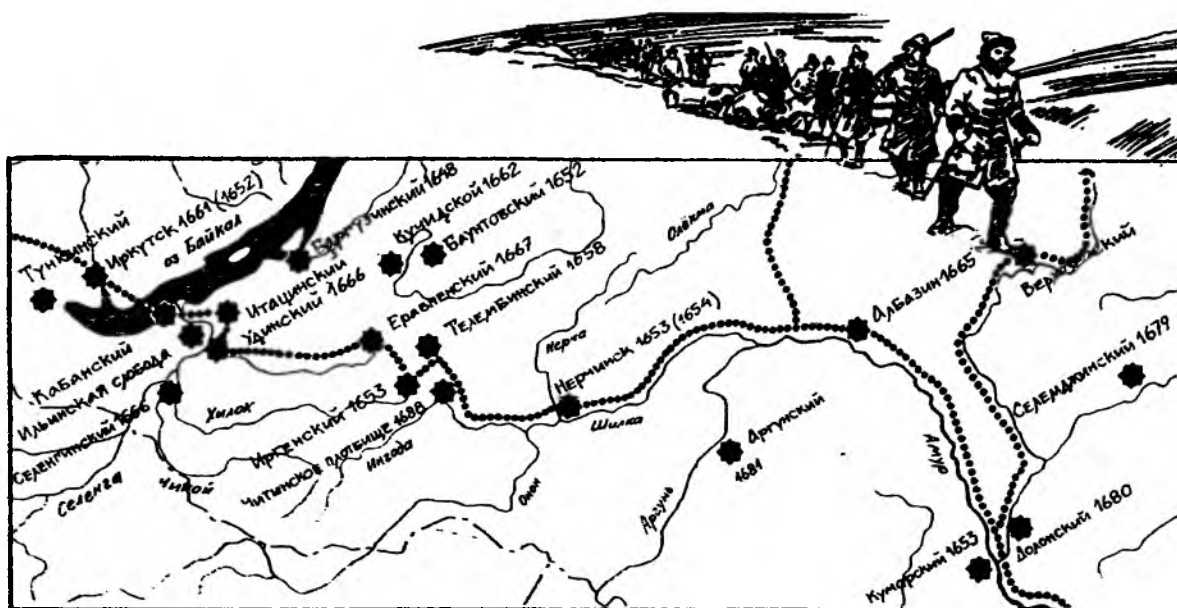
рым судам были поделки, шли долго» или: «На тунгузских порогах много было мешкоты и проторей: взводили суда по канатам, человек по семидесяти и осьмидесяти одно судно за волок».

Жаловались на мелководье в иных реках: «и те реки, идучи, перед собой прудят парусами и как запрудят и воды накопят, по той запрудной воде до иного парусного запора и сойдут». Но как бы то ни было, в своем поступательном движении на восток казаки добрались до моря — Охотского и уткнулись в Байкал. Вся северо-восточная Сибирь уже была «подведена под высокую руку царя».

Бессилие и крайнее невежество дикарей, населявших Сибирь, уступило дорогу силе и знанию русских. Это было в конце царствования Михаила Федоровича*, первого царя из дома Романовых. Но храбрая вольница не остановилась на этом. Иные казаки пустились искать счастья по морю: Семен Дежнев*, далеко ранее Беринга*, проплывает на своих утлых «кочах» из Ледовитого океана в Охотское море, Владимир Атласов* покоряет Камчатку.* Иные же обратили свои взоры на юг, так: казак Иван Москвитин* в 1639 году, дойдя до Охотского моря, объясачил всех побережных тунгусов и на р. Уде узнал от туземцев, что на юге от них, за горами, течет река Дзи (Зея)*, приток реки Амура, впадающего в Великое море и что на реках этих живет земледельческий и промышленный народ, который ведет оживлен-

Михаил Федорович, царь и государь Всея Руси (1613-1645)

Карта-схема продвижения казаков-переводоходцев в Забайкалье. Рисунок В. Кулеша.

ный торг с тунгусами, обменивая у них пушнину на хлеб, драгоценные камни и металлические изделия.

Атаман Максим Перфильев* в 1640 г., объясачивая тунгусов по р. Витиму*, тоже узнает от них, что на юге за горами течет р. Шилкар*, по ней живут Дауры, у них два князя Ловкай* и Батога* и что много у них скота, хлеба, серебра, соболиных мехов и шелковой материи.

Слухи эти быстро облетали по всем становьям. Богатство южной страны не давало покоя завоевателям, и вот с этого времени и начинаются многочисленные экспедиции казаков на Амур. Но тут они, как и в «братской» земле, встречали отпор. Население здесь было густое и неохотно покидало насиженные родные места; здесь люди имели «лучной и огненный бой», а потому казаки наши, несмотря на то, что бились, не щадя своего живота, проявляя чудеса храбрости, должны были в конце концов уступить силе. Но расскажем по порядку о походах знаменитых наших предков.

ВАСИЛИЙ ПОЯРКОВ.

Якутский воевода Иван Головин*, получив «отписки» казаков Москвитина и Перфильева, решил для проверки слухов об Амуре послать с ратными людьми Еналея Бахтиарова* и письменного голову Василия Пояркова. Еналей Бахтиаров пошел не тою дорогою, и, проплутав несколько времени, возвратился ни с чем. Поярков же выбрал другой путь, напрямик. Взяв с собой 132 казака, 15 гулящих людей, двух целовальников, двух толмачей, двух кузнецов и пушку железную, ядром в полфунта, на 100 выстрелов и по 8 пудов зелья и свинцу, он 15 июля 1643 года выступил с Лены на приток ее Алдан* и потянулся бечевой вверх по ней, перешел в Учур*, а отсюда в Гонаму*; здесь отряд захватила зима. Много намучились казаки, переходя бесчисленное множество порогов и «шиверы»*, но обиднее всего была для них потеря свинца, он свалился с судна, и достать его было невозможно.

Наказав отряду строить зимовье для себя и казны у Станового хребта*, а весною перевалиться чрез него и идти за ним, Поярков с небольшою частью казаков на лыжах перешел хребет и вышел в р. Брянту*, на берегу которой выстроил зимовье и приступил к сооружению судов.

Раннею весною, тотчас же за ледоходом, Поярков спустился в Зею и на одном из притоков ее поставил острожек и стал ожидать товарищей. Здесь он впервые увидел Даурских людей, которые приняли их ласково и сперва давали им еду, но затем, узнав, что это за

Миниатюра из «Краткой сибирской летописи» (Кунгурской) с изображением представителей отдельных народов Сибири.

люди, отказали им в продовольствии. Надо было брать силою. Поярков отпустил в Даурские селения 70 человек, наказав взять в заложники князьков.

Князьки встретили далеко за своим городком непрощенных гостей, дали им 10 скотин и 40 кузовов овсяной крупы, но просили их не ходить в городок. Не послушались казаки князей, вошли в город, но тут жители встретили их боем.

Потеряв 10 человек, казаки с голыми руками вернулись к Пояркову и чуть-чуть не померли с голоду: есть было нечего и им приходилось питаться сосновою корой да корнями. Поярков встретил их не приветливо, он не принял их к себе и предоставил питаться, как знают. Дошло до того, что эти люди ели трупы умерших от голода товарищей. Тяжелые наступили дни. Поярков сам питался древесною корой с примесью муки. Жители озлобились на русских и не давали им ничего, а было время, когда они были ласковы, ходили к русским и на их расспросные речи, давали ответы охотно. Тогда Поярков узнал от них, что у них самих нет ни серебряной руды, ни синей краски и дорогих камней, а все это они достают от хана Борбоа, заведующего всем населением, что сам хан живет в особом большом городе, окруженном большим земляным валом, имеет лучной и огненный бой, сильно богат: соболей, скота имеет в изобилии, а из хлеба курит вино.

Дождавшись товарищей с продовольствием и казной, отряд оправился немного и, долго не мешкая, пустился плыть по Зее. По обеим сторонам ее встречались селения Дауров, пестрели пашни, бродил скот; по всему видно было, что туземцы жили оседло и богато. Спустившись в большую реку (Амур), которую Поярков принял за Шилку, он повернул налево и долго плыл по большой равнине. Казакам эта страна показалась раем, так как повсюду встречались груши, яблоки, орешник и разные овощи. Жившие тут инородцы объяснили Пояркову, что они находятся в подданстве манжурского князя, а тот, в свою очередь, зависит от китайского. Добравшись до «Шунгалы», т. е. Сунгари, Поярков послал вперед 25 человек узнать, далеко ли море. Посланные казаки были разбиты Дучерами, живущими между Сунгари и Уссури, и из них возвратилось только двое. Плывя далее, Поярков встретил народ Натки*, а к

Памятник Е.П. Хабарову в г.Хабаровске.

самому морю — Гиляков*. Здесь он решил зимовать, обложив данью гиляков. С трудом казаки прожили эту зиму — припасы вышли и они кормились рыбой и разными кореньями. Весною Поярков решил возвратиться в Якутск морем. Возвращаться обратно старым путем было слишком долго и небезопасно. Настроили лодок и пустились плыть, придерживаясь берега. Сколько казаки натерпелись за это странствование — трудно себе и представить. Их мотало волнами около двенадцати недель и выбросило, наконец, не доходя р. Ульи,* куда они держали путь на своих посудинах. Еле волоча ноги, питаясь выброшенной волнами разной рыбешкой, казаки добрались до Ульи, где было поставлено ранее зимовье. Отсюда они, уже знакомыми им путями, кое-как доплыли до Якутска 12 июня 1646 г., притащив, однако, с собою 12 сороков соболей и аманатов гиляков, т. е. пленных.

Поход Пояркова был самый неудачный и гибельный для отряда. Потеряв более половины людей, он не закрепил Амурский край за Русью, а только озлобил тамошних жителей, оставив по себе среди них недобрую память: казаков стали называть погаными людоедами.

Представив чертеж пройденного пути, описав пространно и картинно «о пегой орде»* (население Амурского края), которую можно покорить тремястами людей, Поярков ничего не упомянул о тех жестокостях и терзаниях, который перенесли его люди от него же самого.

Вся слава его подвига, огромная сила воли и отчаянная смелость его меркнут, когда читаем челобитную казаков, поданную воеводе: служилых людей он нещадно бил и мучил, грабил хлебные запасы, заставлял покупать их у себя, принуждал есть тела убитых иноземцев и своих, погибших от голода. Воевода, должно быть, хорошо раскусил Пояркова; он предложение его о покорении Амура отклонил, а поручил таковое Хабарову.

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ.

Хабаров был родом крестьянин Вологодской губернии. В Сибирь переселился с братом и сыном Павлом и стал заниматься хлебопашеством на Енисее. Вскоре он перешел на Лену и стал вести торговлю, и занялся соболиным промыслом. Дела его шли хорошо и он быстро разбогател, завел солеварню и усилил хлебопашество. Слухи о богатстве земель по Шилке дошли до него; мысль побывать в царстве Ловкая, обложить его ясаком и добыть

через это огромную прибыль себе и царю не покидала его и вот в 1649 году Хабаров подает челобитную якутскому воеводе Францбекову, в которой просит дозволения идти на князя Ловкая, причем заявил, что всю набранную артель ратных людей он обязывается содержать на свой счет, даст денег, судов, хлебных запасов, оружия, зелья, словом всего, что требуется для осуществления этого дела.

Воевода разрешил набрать людей и дал «память» от себя, в которой указывалось Хабарову идти на непослушного Ловкая и его улусных людей; велено на Шилке построить острог, из него ходить в народы, но оружие употреблять в крайности и в случае покорности Ловкая — обложить его ясаком и обещать государеву защиту.

Позднею осенью Хабаров вышел из Илимска* с 70 молодцами, большинство которых были казаки. Дошедши до устья р. Тутиры*, он волоком спустился на Амур. Слухи о зверских поступках Пояркова, должно быть, быстро распространились по Амуру, так как с приближением Хабарова все жители разбегались и селения оставались пустыми. Миновав две пустых крепостцы, Хабаров около третьей встретил 5 конных людей. Это был сам Ловкай с родственниками. Через толмача Ловкай спросил о причине появления русских. Хабаров объяснил, что пришли торговать, но Ловкай не верил и на предложение вносить умеренный ясак — поворотил коня и ускакал. В четвертом острожке тоже никого не было, в пятом нашли старуху, сестру Ловкая. Стали ее пытаться по тогдашнему

обычаю, поджаривая на огне. Старуха рассказала, что Ловкай, соединившись с другими жителями, ждет русских. Хабаров увидел, что о приходе его узнали все дауры, и что ему с малыми силами с ними не справиться и поворотил назад. Дойдя до первой крепостцы, он укрепил ее, оставил в ней немного ратных людей, а с остальными спешно вернулся в Якутск, где и заявил Францбекову, что страна на Амуре богата, хлебородна, но с малыми силами успеха не видать. Воевода дал еще 21 казака, а 117 человек Хабаров набрал лично на свои средства. С такою-то силою Хабаров возвратился в оставленную крепостцу, которая названа была Албазином*. Здесь он зимовал и строил лодки. Весною 1651 г. он сплавом подошел к трем рядом стоящим крепостцам. Около первой произошел бой. Поле было утыкано стрелами. Среди даур были манджуры, прибывшие за сбором ясака. Манджуры хотели отбить высадку русских, но при первых выстрелах, потеряв 20 человек, отошли в поле и были только зрителями. Ночью русские сделали пролом, а утром ворвались в крепость.

Оружие и защитное снаряжение казаков-землепроходцев. XVI XVII вв.

Шелом. XVI-XVII вв.

Вслед за этим вторая и третья крепостцы сдались после безуспешной обороны. Во всех крепостях была найдена масса неприятельских трупов, а в подвалах были скрыты женщины, девицы и дети; кроме всего этого много оставлено скота и лошадей. Все это досталось в руки победителя. Прожив тут недель шесть, Хабаров 20 июня 1651 г. спустился ниже Зеи, где передовой его отряд взял крепость; при этом сдались в плен три князька. По прибытии Хабарова они с подвластными им народами присягнули на верность России и обещались платить ежегодно дань с тысячи человек.

7 сентября Хабаров отплыл далее, предав сожжению оставленный им городок Толгин.* Дальнейший его путь ознаменовался диким истреблением мирных и

беззащитных жителей Амура и сожжением их домов, имущества и припасов. Сам Хабаров так писал воеводе: «2 июня, поделав судна большие и малые и, прося у Бога милости, поплыли мы из Албазина и через два дня отплыли до юрт, из которых даурские люди все уехали, и мы лишь только схватили ясыря — старую бабу...» Взяв, после ожесточенного штурма, три укрепления, русские дауров «в пень порубили 641 человека, больших и малых, а ясырю взято было поголовно старых и молодых, и девок 243, да малого ясырю ребенок 118. Поплыли вниз по Амуру и, плывя два дня да ночь, все улусы громили и людей побивали, и ясырь имали» и т. д.

Бессмысленный грабеж и зверство восстановили туземцев против Хабарова и они всяческими мерами старались отомстить ему, но безуспешно. Так, когда недалеко от Сунгари Хабаров остановился на зимовку, построив городок Ачанск, дучеры и ачань*, в числе тысячи людей, воспользовались отлучкой части русских, сами атаковали Хабарова, но неудачно; русские сделали вылазку, истребили более ста человек, а остальные разбежались. Тогда разбитые и разоренные жители Амура обратились за помощью к манджурам. Фудутун* Нингуты Ижиней, неожиданно подступил к Ачанску и открыл стрельбу по русским, застав их врасплох на утренней заре 24 марта. У манджур была артиллерия и одно стеноломное орудие в 40 фунтов пороку. Этим-то орудием они проббили брешь в стене. Сам Хабаров вот как живописно описывает начало этого боя: «Братцы казаки!- закричал на город казачий есаул Андрей Иванов,- ставайте наскоре и оболакайтесь в куюки (род кольчуги) крепкие». «И метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую, и мы казаки чаяли — из пушек бьют казаки из города, ажно (а на место того) бьет из оружия и из пушек по нашему городу войско Богдойское.* И мы казаки с ними, богдойскими людьми, войском их, дрались из-за стен с зари до схода солнца. У того нашего города богдойские люди вырубили три звена стены сверху до земли. И из того великого войска богдойского кличет князь Исинеи: «Не жгите, не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!». Услыша те речи, помолясь Спасу и Пречистой Владычице нашей Богородице и Угоднику Николаю Чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз (я), Яро-

фейко, и есаул Андрей Иванов, и все наше войско казачье: «Умрем мы, братцы, казаки за веру крещеную и постоим за дом Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца, и порадеем мы, казаки, Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу* всяя России, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся». После такого единодушного решения, казаки, не задумавшись, вкатили в образовавшуюся брешь свою медную пушку вместе с другими орудиями и открыли такой ужасный огонь, что манджуры обратились в бегство. Заметив это, казаки сделали вылазку и отбили две чугунные пушки. Неприятель оставил более 600 трупов, 8 знамен, много оружия и более 800 лошадей. Однако русским это не прошло даром: у них было убито 10 казаков и более 70 ранено.

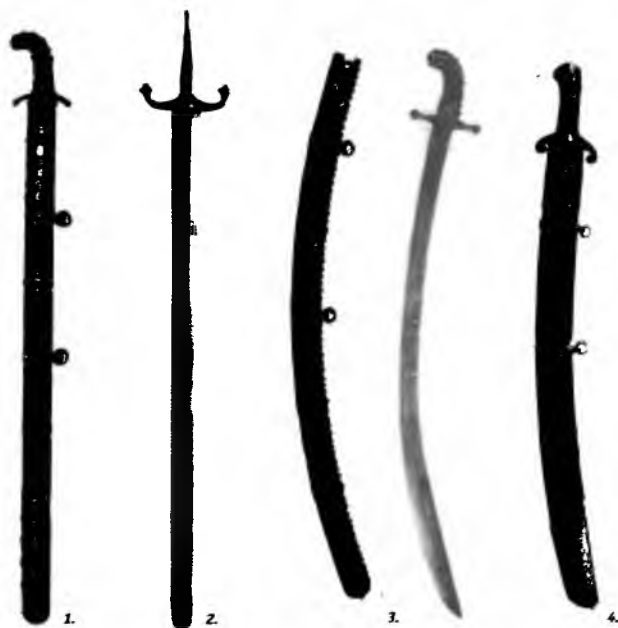
У Хабарова начали в это время кончаться запасы продовольствия и он, боясь вторичного наступления неприятеля, потянулся на лодках вверх по Амуру. В устье Сунгари его поджидали манджуры. Хабаров не захотел принять боя. В его отряде слишком много было раненых; воспользовавшись сильным попутным ветром, они на парусах быстро прошли мимо манджурской орды. В конце Хинганских щек* его встретил

Зерцальный доспех. 1619 г.

Чичегин* с 144 людьми, с порохом и свинцом. Посланный же Чичегиным Иван Нагиба*, с казаками, для розыска Хабарова, где-то в многочисленных островах около Сунгари разъехался с ним.

Соединившись с Чичегиным, Хабаров дошел 1 августа 1652 года до Зеи и собирался строить здесь острог, надеясь с высланным подкреплением защищать завоеванный им край. Но в это время в отряде произошло возмущение. На вопрос Хабарова — где строить острог? — часть отряда сказала: «Где будет угодно и где бы Государю прибыль учинить, тут и город станем делать». А другая часть, разохотившись пограбить, ответив, что «пора радеть своим зипунам и пожиткам», села в лодки, где была государева казна, пушки, порох и

Мечи и сабли. XVI-XVII вв.

прочее и уплыла вниз по Амуру. Уплывших было 136 человек. О случившемся Хабаров послал с 4 казаками донесение воеводе: «воры учинили государевой службе поруху, иноверцев отогнали и землю смяли», просил подмоги и что без царского указа он с Амура уйти не может.

Весть о беспорядках на Амуре не успела дойти до Москвы, но там знали о подвигах Хабарова, а присылаемые воеводой соболи, горностаи, чернобурые лисицы и прочая пушнина убеждали правительство, что стоит «ту землицу искать», а потому решено было послать на Амур особого воеводу и с ним 3000 стрельцов. Начавшаяся война с Польшей отвлекла внимание правительства от Амура и вместо трехтысячного отряда, туда послан был вельможа Зиновьев*. Он прибыл на Амур в августе 1653 года, привез царское жалованье Хабарову и золотые медали за храбрость его сподвижникам и начал наводить свои порядки на Амуре.

Хабарову не понравилось это; он сомневался даже в личности Зиновьева; сомневался, есть ли у него подлинный указ царя всем распоряжаться на Амуре.

Между ними произошла ссора. Зиновьев обвинял Хабарова в утайке казны, пороха и свинца и, как видно из челобитной Хабарова, Зиновьев бил его, таскал за бороду и, сменив, отправил связанным в Москву и сам выехал с ним, захватив с собой пленными несколько мужчин и женщин. «Тишайший» — царь Алексей Михайлович, повелел в 1655 году отослать пленных на Амур к Степанову для возвращения сродникам и отнюдь не принуждать амурских народов к крещению; Хабарова же за услуги пожаловал сыном боярским* и назначил его управителем приленских деревень, где и до сих пор живет память о нем; на место же его на Амуре оставлен казак Онуфрий Степанов.

ОНУФРИЙ СТЕПАНОВ.

С отбытием Хабарова переменилось и счастье русского оружия на Амуре, пошатнулась и дисциплина в рядах отважных казаков; им обидно было видеть, как их любимого атамана таскал за бороду приезжий дворянин и с каким позором повезли его в Москву. Они и слушать не хотели Степанова, когда он объявил им приказ Зиновьева пахать пашни и готовить хлеб для имеющего прибыть шеститысячного русского отряда и наотрез отказались платить одну десятую половину с погромного живота (иначе сказать, с награбленной добычи).

При таких условиях настаивать на исполнении казаками инструкций Зиновьева Степанов считал опасным, а между тем, жить надо, продовольствие иссякало, достать же его по Амуру не было никакой возможности: Хабаров дотла сжег все селения, а жители по приказу манджурских властей отошли вглубь страны на р. Нонни*. И вот он решает плыть на Сунгари, там еще русским духом не

Сибирские дощаники. 1692 г.

пахло. Манджуры не предполагали, что у русских хватит смелости забраться сюда, а потому селения оставили беззащитными. Этим Степанов воспользовался и без особого труда набрал у жителей такое количество припасов, сколько поднять могли лодки. Сплыв на Амур с такой богатой добычей, Степанов зазимовал на земле дучеров. Весною он вновь захотел попытать счастья там же. Но на сей раз реквизиция ему не удалась — казаков встретили манджуры на лодках, загорелся речной бой; казаки и тут были мастера, они быстро разбили флот неприятеля, но высадиться не могли, с суши манджуры, в количестве 3000, открыли огонь — Степанов принужден был отступить и потянул вверх по Амуру.

У нынешней Кумарской станицы* Степанов встретился с 30 енисейскими казаками; они служили на Шилке при сотнике Бекетове* и за недостатком, якобы, продовольствия бросили пост; за ними пошел и сам Бекетов, но добровольцем, разжаловав самого себя из сотников в простые рядовые, ибо считал позорным оставлять пост без надобности. Степанов принял их к себе на службу и вместе с ними приступил к укреплению Кумарского острога, против речки Кумары,* заложенного еще Хабаровым. Здесь решено было зимовать и ждать китайцев, так как Степановым получено было известие от пленных, что китайцы формируют сильный отряд для изгнания русских с Амура.

Острог в Кумаре казаки соорудили прочный. Он состоял из земляного вала, сделанного четырехугольником, с башнями на углах. Много трудов положили казаки на сооружение вала: земля была мерзлая и ее добывали кирками. На вале стоял двойной палисадник, промежутки которого засыпаны были песком. Около вала был выкопан ров глубиною в сажень и шириной в две, а пред ним поле было усеяно «чесноком», то есть в землю были вкопаны деревянные заостренные колья с железными крючьями и прикрыты слегка хворостом.

Весною 1655 г. действительно подступила к Кумаре китайская сила числом около десяти тысяч человек. У русских было только три пушки, в середине острога сделан был широкий раскат*, по которому пушки вращались во все стороны. В крепости был вырыт колодезь и от него были проведены во все стороны трубы для гашения огня. В остроге была церковь Спаса с чудотворною иконою; казаки говели. И все это было сделано с октября по март!

Русский гарнизон состоял из 500 человек. Китайцы привезли с собой двухколесные тележки, на которых были поставлены щиты для защиты от ружейных выстрелов. У них было 15 пушек и множество пищалей. Началось сражение. 20 человек казаков, захваченных на реке,

Тип восточносибирских острогов. Реконструкция.

были перебиты китайцами. Вылазка была неудачная — казаки далеко зашли, были отрезаны и, так как не хотели сдаваться в плен — были изрублены. Китайцы стреляли с трех батарей день и ночь, но видя, что пушки их не наносят особого вреда, подступили вдруг со всех сторон под острог. Горячая завязалась схватка с часу ночи и до самого утра Благовещенья Пресвятой Богородицы. В церкви шел молебен. Наконец казаки сделали удачную вылазку в тыл осаждавшим, это обескуражило их и они отступили с большим уроном. Осада после этого продолжалась около трех недель и, видя ее безуспешность, неприятель отошел, изрубив с досады все казачьи суда на берегу.

О битве под Кумарским острогом сохранилась историческая песня. Вот она:

*Во Сибирской во уkraine,
Во Даурской стороне,
Во Даурской стороне-
И на славном на Амуре на реке,
На устье Комары реки,
Казаки Царя Белаго
Острог себе поставили,
Ясак Царю собрали.
Из-за сабли острья,
Из-за крови горячия казаки,
Круг острогу Комарскаго
Они глубокий ров вели,
Высокий вал валили,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолы приготовили.
По утру рано-ранешенько,
Ровно двадцать пять человек,
Выходили молодцы,
На Амур славну реку,
Неводочками шелковыми
Рыбу свежую ловить.
Как несчастье случилось
С удалыми казаками там:
Издамече, издамече,
Из чиста поля,
Из раздолья широкаго
Выкатилось знамечко —
Большое Богдойское;
И знамя за знаменем идет;
А роты за ротами валят;
То идет Богдойский князек,
Он с силою поганою —
К острогу Комарскому.*

*Как вешняя вода
По лужам разливалась,
Облеяла сила поганая
Вокруг острога Комарскаго.
Отрезали у казаков
Ретиво сердце со печенью:
Полонили молодцов,
Двадцать пять человек,
С шелковыми неводочками
И с рыбою свежою —
И как ездил Богдойский князь
На своем добром коне,
И летал как черный ворон
Круг Комарскому острогу.
И кричал Богдойский князек
Всем, сидящим в остроге:
«А вы сдайтесь-ка, казаки,
Из Комарскаго острогу!
Буду я вас жаловать
И златом и серебром,
Да женами прелестными
И красными девицами».
Не сдалися казаки
В остроге сидючи;
Как кричали казаки
Своим громким голосом:
«Отъезжай-ка, Богдойский князек,
От нашего сиденьица,
Острога Комарскаго.
А Богдойский князек
Со своею поганою силою
Плотный приступ делал.
Казаки тут справились,
За ружья хватались.*

*Амурские
казаки*

*И было в остроге
Три медных пушки;
Три пушечки гунули,
И ружья вдруг грянули...
И замолчали силушки,
Три силы Богдойския,
Три силы поганья.
Побежал Богдойский князек
Со своими силами
Прочь от острогу,
А сам заклиняется:*

*«А не дай-же Боже
Напредки бывать
На славной и быстрой
Амуре-реке».
Там крепость поставлена
С стенами и рвом,
А в крепости сделан
Двор гостинно-каменный
И лавки большая
С товарами в них.*

По отступлении китайцев от Кумарского острога, к Степанову мало-помалу стали стекаться бродившие шайки охочих людей, нужно было их кормить, а продовольствие было на исходе, кроме того, крепкая нужда была в порохе и свинце; в случае вторичного наступления китайцев обороняться было нечем.

Послав собранный им ясак, согласно инструкции Зиновьева, прямо в Москву, минуя Якутск, Степанов сделал непоправимую ошибку. На все его просьбы в Якутск о присылке подмоги воевода отмалчивался. Положение казаков стало печальным. Степанов не знал, что в это время в Москве порешено было передать амурских казаков в ведение

вновь образованного Нерчинского воеводства, и что воевода Пашков* стремился соединиться с ним; он не знал, что помощь была недалеко и для спасения своего отряда положил плыть в Гиляцкую землю — там, по слухам, еще водились припасы, много было рыбы и к тому же гиляки не были подвластны Китаю. Соорудив дощаники, он поплыл вниз. Поход этот был для него роковым. Китайцы были осведомлены об отчаянном положении Степанова и ждали его около устья Сунгари. Против нынешней станицы Михайло-Семеновской* китайский флот из 47 судов, вооруженных пушками и разным оружием, встретил русских.

Это было весною 1658 года. Возгорелся речной бой. Казаков было 500 человек, они долго оборонялись. Но вот Степанов видит, что часть его отряда сдалась китайцам, часть покинула место боя и бежала... Дрогнула казацкая сила! С оставшимися 270 казаками Степанов не мог долго биться с превосходными силами неприятеля и был, что называется, разбит наголову и погиб с верными ему казаками со славою.

Недалеко от места гибели Степанова, где произошел последний речной бой, стоит ныне хутор, удачно названный Степановским* в память этого смелого ата-

Спасская башня Илимского острога, с часовней «на свесе» во имя Спаса Нерукотворного образа. 1667 г.

Плавание по сибирским рекам. Миниатюра. XVII в.

мана и верного слуги Государя. Были минуты отчаяния, когда у Степанова приходила мысль бежать с Амура, но, помня, что он назначен личным государевым указом, стыдился своего малодушия и довел свой несчастный жребий до конца. Напрасно некоторые писатели называют его бездарным и слабым; даже в китайских летописях упоминается об этом славном речном сражении и упорстве «дьявола» — предводителя русских.

ПАШКОВ И БЕКЕТОВ.

После неудачи Степанова Амур опустел, разбитые и бежавшие его казаки шайками стали бродить по опустошенным амур-

ским берегам, а так как поживиться уже было нечем, то, чтобы не умереть окончательно с голоду, они стали постепенно стекаться к верховью Амура — к Нерчинску,* где в это время русские начали обосновываться прочно и Нерчинск являлся главным опорным пунктом для них. Но, прежде чем добраться до Нерчинска, много казацких голов полегло в Забайкалье. Здесь казакам пришлось иметь дело с воинственным племенем бурят, или как называли их «Братскими», с тунгусами и мунгалами*. В Забайкалье казаки начинают проникать с 1643 года из Енисейска. Первая попытка казака Хрипунова* с сотней людей оказалась неудачной, он был атакован туземцами и погиб со своими товарищами. Пятидесятник Иванов* удачнее действовал, он первый из русских перешел зимою озеро Байкал и привел к покорности часть бурят, но действовавший одновременно с ним в другом конце озера Скороходов, хотя и построил зимовье в Баргузине, в 1644 г. был осажден тунгусами и истреблен со всеми казаками.

В 1646 году Похабов* с 150 казаками переплывает озеро на устроенных им судах,

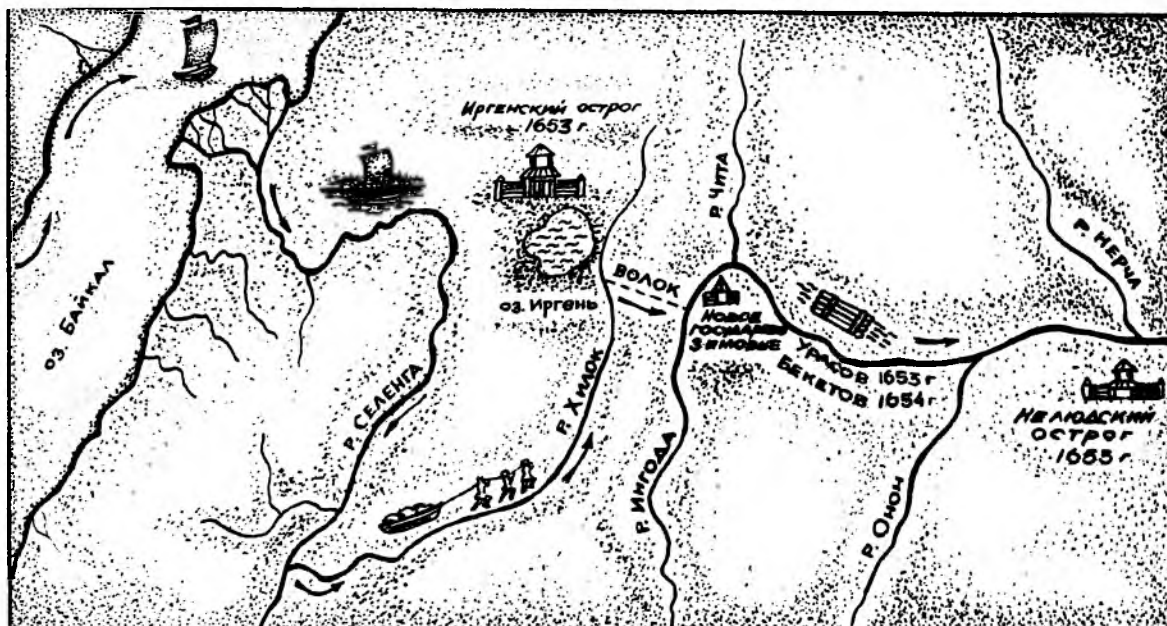

«XVII столетие. Сибирские казаки у проведывания новых земель». Художник Н. Каразин.

разбивает улусных людей князя Турукая* и склоняет Цазан-Хана* послать посольство в Москву с покорностью. Посольство бурят в 1560 г. было благосклонно принято Государем Алексеем Михайловичем и даже ответ был послан, но царский посол боярин Заболоцкий* был убит в том месте, где ныне стоит Посольский монастырь*.

К тунгусам, живущим в долинах реки Ингоды* и Шилки, был послан в 1652 году сотник Бекетов с сотней казаков, впереди его шел Максимов.* Бурятский тайша дает проводников. В Хилке Бекетов встречается с Максимовым и строит на озере Ирген зимовье, но весной, обложенные Бекетовым ясаком тунгусы окружают отряд Бекетова; продовольствие иссякло, помощи же никакой не было. Доведенные до крайности казаки оставляют пост и уходят на Амур, где и соединяются с отрядом Степанова.

В 1654 году московское правительство поручает енисейскому воеводе Афанасию Пашкову утвердиться на р. Шилке, учредить там главный пункт, откуда управлять всеми окольными землями и подчинить Амур. Пашков набрал 300 человек свежего войска из сибирских городов, выступил из Енисейска на судах; не доходя устья Илима, волоком перешел на р. Лену и переправился через Байкал. Прекратив беспорядки в Иргенском* остроге, он в 1658 году спустился на Шилку и на устье р. Нерчи* основал Нелюдской острог, впоследствии переименованный в г. Нерчинск. Устроившись в Нерчинске, он занялся делом на Амуре: приказал заложить острог в Албазине, послал пятидесятника Андрея Потапова с 30 казаками разыскать отряд Степанова и объявить ему царский указ, что все казаки на Амуре подчиняются ему, как амурскому воеводе и, чтобы с сего времени слушали его распоряжения. Но Степанова, как мы уже знаем, в это время не существовало и разбитые шайки казаков его бродили по Амuru, ободранные и полуголодные, не имея воинского вида, мало радели службе и не думали подчиняться новому воеводе: одна шайка амурцев, встретив Потапова, ограбила его самого и скрылась к устью

Путь отряда П. Бекетова. Карта-схема В. Балабанова.

Амура; другая, пришедши в Нерчинск и будучи послана Пашковым с сыном его Еремеем на усмирение бунта в Иргенском остроге, ночью обобрала предводителя и его товарищей, возвратилась в Нерчинск и отсюда на казенных судах скрылась на Амур.

Таким-то образом слава Амура исчезла, и Пашков вынужден был обращать внимание на сохранение западных земель и вновь построенного Нерчинска. Но и тут дела были не важны: московское правительство не интересовалось ими и, послав Пашкова, забыло о нем. Между тем, он терпел крайнюю нужду во всем: просит выслать порох и свинец и прочие огнестрельные припасы; ему, вместо того, чтобы это прислать, отвечают, что на Тугирском волоке когда-то дворянин Зиновьев закопал военные припасы, и что для розыска их послан сын боярский Пущин с казаками, и что этими припасами Пашков вполне обойдется. А припасы эти давным-давно казак Михаил Сорокин*, проходя на Амур, вырыл и поставил для сведения крест на том месте. Вышел у Пашкова провиант, земледелие, о котором он мечтал, могло развиваться только в будущем, просьбы же его о присылке хлеба, соли и круп оставались без исполнения и вскоре голод так усилился в его отряде, что сам он и его казаки ели собак, лошадей, лисиц и прочих зверей.

Протопоп Аввакум*, сопутствовавший во всех походах Пашкову, в своих воспоминаниях об этом времени говорит: «Ах, и времени тому! По полям траву и коренья копали, а зимой — сосну, а иное — кобылятины Бог даст и кости находили от волков и что волк не доест, то мы едим, а иное — самих озяблых ели волков и лисиц и, что получают, всяку скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка, и место скверное кобылы съедят...».

Бог весть, как они пережили это время...

Но, несмотря на такую крепкую нужду, неудачи и равнодушие Москвы, с утверждением власти в Нерчинске, местные инородцы покорились, а тунгусы, откочевавшие ранее за Аргунь*, возвратились и приняли подданство России в лице князя Гантимура. И все это случилось благодаря смелости и решительности воеводы Афанасия Пашкова и его храбрых казаков.

НИКИФОР ЧЕРНИГОВСКИЙ.

В 1638 году в Сибирь был послан поляк, а по иным сведениям малороссийский казак Никифор Черниговский. Вскоре он назначается казенным приказчиком деревень на Чечуйском волоке, а потом смотрителем Усть-

Основание Тюмени и сбор ясака. Миниатюра из «Краткой сибирской летописи» (Кунгурской).

Кутской солеварницы.* Илимский воевода Обухов*, которому подчинялся Черниговский, наезжал в Киренск и творил всякое озорничество, «вымучивал животы» и, между прочим, отбил красавицу жену у Черниговского. Последний не мог пережить этого озорства и, однажды, подговорив товарищей, напал ночью на лодку Обухова и убил его, а затем вместе с сообщниками, захватив с собой силою киренского иеромонаха Гермогена* с церковною утварью, бежал на Амур, где и поселился в разоренном Албазине. Это было в 1665 году. Всех их прибыло с Черниговским более 80 человек.

По прибытии в Албазин, Черниговский немедленно занялся приведением в надлежащий вид разрушенного укрепления. Укрепление это было четырехугольное, около 180 шагов в поперечнике, по углам были две башни. Все было обнесено валом с частоколом и ямами. Амбар с припасами, приказная изба и караульня были в крепости, жилье и казармы вне ее.

С окончанием же постройки церкви во имя Св.Воскресения, производившейся иеромонахом Гермогеном, Албазин принял вид населенного пункта и в нем забились жизнь. Слухи о возникновении Албазина быстро разнеслись по окрестным местам и отовсюду народ потянулся на вольный Амур; никакие угрозы быть биту кнутом, ни заставы не помогали, шли с женами и детьми. От хорошей жизни не бежал бы народ. Таким образом, вольная колонизация Амура шла быстро, в короткий промежуток времени в окрестностях Албазина возникают: монастырь во имя Спаса Всемилостивого* у Брусянного Камня*, повыше Албазина — монастырская мельница, крестьянские слободы: Покровская, Монастырщина, Игнашино, Озерная и Паново*, жителей которых Черниговский заставил заниматься земледелием, через что устранены вечные нехватки хлеба и частые голодовки населения.

Забываясь о благоустройстве края, Черниговский не забывал радеть службе Государю, он деятельно рассылал во все концы служилых людей для сбора ясака и по обычаю брал аманатов. Ясак акку-

Макет Албазинского острога. Амурский областной краеведческий музей.

*Печать Албазинского воеводства.**

человек его соратников. В Москве, должно быть, хорошо была известна его полезная деятельность и там признавали его заслуги отечеству — он только для проформы был за свои злодеяния присужден с товарищами к смертной казни, но затем помилован и в награду ему послано две тысячи рублей, а Албазину пожалована серебряная печать с двуглавым орлом и надписью: «Печать Великого Государя Сибирской земли Албазинского острога».

После этого Черниговский сдает Албазин Семену Вешнякову*, но сдача эта не имела значения наказания, так как он в том же году разбивает мунгальских людей в Забайкалье и, по-видимому, продолжает служить.

Сдача Албазина Черниговским показала, что Албазин, как крепость и главный оплот наш на Амуре, очень слабо вооружен; по сдаточному расписному списку значится налицо: «знамя камчатное,* барабан, десть* бумаги писчей, семь ядер пушечных, 4 топора, 16 мушкетов, денег 2 рубля 18 алтын, сухого пороху 32 фунта, мокрого — полтора пуда, много ясашных книг, 109 служилых людей» и т.д. Московское правительство знало об этом, но не принимало никаких мер к прочному занятию края, а, наоборот, интересуясь Амуром с прибыльной стороны, начало ссылать под Албазин пашенных крестьян, оказывая им жалкое пособие, с условием распашки земли в пользу казны по десятине с каждого. Положение крестьян было очень тяжелое и в одной челобитной они так пишут: «...сосланы мы бедные за свои согрешения в такую дальнюю Украину и посажены в пашню на пень да на колоду.

ратно доставлялся к нерчинскому воеводе с прибавлением большого приношения. Без этого сдабривания воеводы ему нельзя было обойтись — ведь он бежавший уголовный преступник. Мысль эта, должно быть, сильно его беспокоила и, хотя воевода называл Черниговского в отписках «Албазинского острога приказным человеком», но это нисколько не мешало тому же воеводе, по какому-нибудь ничтожному предлогу, схватить Черниговского и предать в руки правосудия.

Во избежание этого Черниговский с 1674 году сам бьет челом Великому Государю, прося помилования. Челобитную подписывают 100

Алексей Михайлович, царь и государь Всея Руси (1645-1676).

А ссуда нам давана из твоей, Великого Государя, казны небольшая: даваны были кони старые и жеребята молодые, ни в соху, ни в борону не годились, ральники (сохи) даваны старые и ломаные» и т.д. Далее они ропщут, что: «...хлеб у нас по три года не доходил, ржа давила и червь ел, в прошлом годе были дожди заливные, не давало сено поставить и земель на другой ряд перепахать, а хлебы все вытопило». Кроме того, жалуются, что богдойские люди потравили хлеб и сено, и прочее.

Надо сказать, что в это время Россией правила, за малолетством Петра,* сестра его София,* которая, будучи занята московскими делами, естественно, мало обращала внимания на устройство далекой окраины, о которой и московские бояре имели слишком мало понятия, хотя и за это время московское правительство продолжало следить за развитием на Амуре хлебопашества; оно, например, указывало послать боярского сына Игнатия Милованова* выяснить запас и местонахождение пригодных для хлебопашества земель по Зее, Селемдже* и прочим, — что тот и сделал весьма обстоятельно. Далее, оно заботилось, чтобы на берегах Амура было оседлое население и рекомендовало воеводе такую меру: «...пашенных крестьян албазинским казакам в обиды не давать и заказать пашенным крестьянам, у которых есть дочери, их девки и они б дочерей своих выдавали замуж за пашенных крестьян, а за албазинских казаков ни за какого отнюдь не выдавали».

Такой странный взгляд на казаков по тому времени не был удивительным. Они считались служилыми людьми, обязанными постоянной и бессрочной службой доколе в силах, за определенное, очень ничтожное жалованье, денежное и хлебное. За время нахождения при своих домах большинство казаков устроенных войск довольствовалось земельным наделом, не превышающим шести десятин на душу, и это установлено было для того, чтобы казаки «не отвлекались от службы».

Но перейдем к изложению военных событий, в которых казаки оказывались незаменимыми. «Не прославлены были, — говорит Катанев,* — летописцами и историками подвиги этих людей. Безвестно, безымянно и без особого поощрения свыше, борясь не столько с людьми, сколько с суровой природою, страшными морозами и непроходимыми снегами, безводными пустынями и палящим солнцем, занимали они и покоряли под высокую царскую руку, землю за землею».

ПЕРВАЯ ОСАДА АЛБАЗИНА. ТОЛБУЗИН.

Пограничные отношения наших с инородцами с каждым годом делались хуже и хуже. Обращение с ними немногим лучше отличалось от Пояркова и Хабарова. Конечно, это хорошо было известно китайскому правительству в Пекине. Оно еще в 1670 году спрашивало воеводу

*Софья Алексеевна, царица, правительница
Русского государства (1682-1689).*

Знамя албазинцев.

Нерчинского: кто такие поселились на р. Амуре, воры или действительно люди Белого царя и предупреждали жить в мире, но русские продолжали свои грабежи. Они пробрались на р. Бурею,* обложили там инородцев ясаком — соболем и хлебом, так как они занимались хлебопашеством; сам Черниговский походом с 300 казаками идет на р. Ган, уже на китайской стороне, облагает данью тамошних жителей; албазинские казаки зазва-

ли в избу приехавших 20 китайских купцов с торгом и сожгли их живыми, пограбив имущество и, наконец, дерзость казаков доходит до того, что они отправляют казака Милованова в Пекин с предложением самому Богдыхану перейти в подданство Русского Царя... Словом — они так же зазнались, как древние запорожцы, писавшие кругом знаменитую грамоту султану. Московское правительство пробовало в это время дипломатическим путем уладить пограничные наши дела и послало посольство в лице грека Николая Спафария.* Как известно, посольство это было неудачно. Богдыхан не отвечал на грамоту из Москвы, считая ее недостаточно раболопно написанной, упрекал Спафария, что он не все китайские церемонии соблюдал, хотя посланник и кланялся Богдыхану в землю, и, наконец, в заключении Богдыхан потребовал выдачи князя Гантимура, перешедшего в подданство России.

Выехав ни с чем из Пекина, Спафарий с дороги написал в Албазин, чтобы казаки бросили «озорство» и жили мирно с инородцами и предупреждал, что иначе не миновать ссоры с Китаем.

Но казаки сами уже успели «пронюхать», что им готовится «бесконечная беда от Богдойских людей». Они узнали от даурских мужиков, что к ним приехал «большой боярин из Пекина» и им-де велено, сказывали те мужики, «под хлебные запасы бусы* сделать, а хлебные запасы и лошади жирные готовить и всякие воинские припасы по тому же изго-

Посольство Н.Г. Спафария в Пекине. Гравюра на дереве А. Неймана с рис. Р. Штейна. 1880 г.

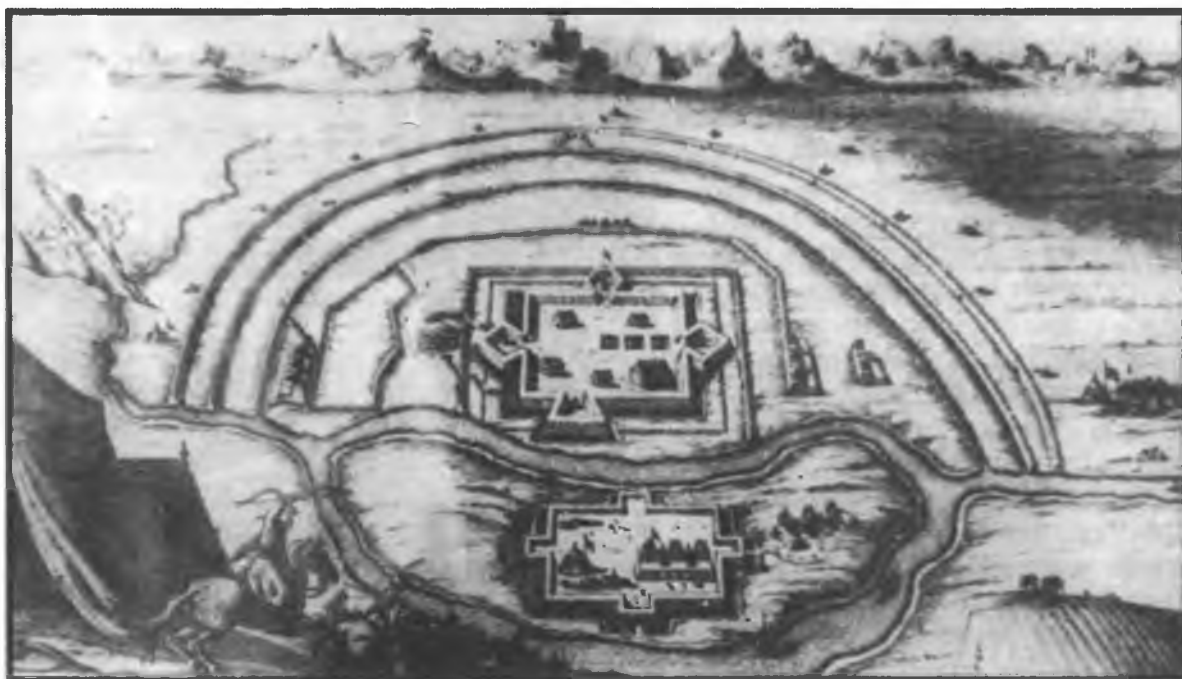
товлены, свезены под остроги — да нынешней весной по пластам наперед будет конница легкая в большом собрании, а достальная же сила будет водяными путями в бусах с хлебным запасом, и с огненным оружием, и с пушками, и со всякими воинскими припасами». Это было в 1683 году.

Закопошились казаки. Стали наскоро укреплять свои остроги, ров копать, «чесноки» бить и надолбы делать. Все сознавали, что воинских припасов у них мало. А потому гонец за гонцом летели в Нерчинск, прося оттуда помощи. Воевода нерчинский Воейков* в свою очередь просил Енисейск и Тобольск о подкреплении и так донес в Москву о своем бедственном положении: «...а в твоей Великого Государя казне ружье, которое осталось от воеводы Афанасия Пашкова и то, Государь, ружье все перержавело, а иное попорчено и к стрельбе не годится, а которые ружья доведется починить, то в остроге нет бронных и оружейных мастеров, а бронный мастер Коземка Федоров стал дряхл, и стар, и слеп. А бердышев и топоров, и рогатин, и сабель в твоей, Великого Государя, казне у казаков нет ничего, пищали не у всех и обороняться нечем, кроме ножей...».

Московское правительство, сознавая значение Албазина и малочисленность его гарнизона, послало указ в Сибирь о наборе «новоприборного полка» под начальством немца Афанасия фон-Бейтона* и, кроме того, послало впоследствии из Москвы полномочного посла боярина Головина* для руководства всеми делами. В это же самое время жгучих приготовлений к обороне Москва жалует Албазину герб, изображающий орла, парящего на синем поле и держащего в одной ноге лук, в другой стрелу.

Но в то время, как Головин собирался в путь, шел со своими стрельцами через необъятное пространство Сибири, претерпевая всевозможные затруднения и лишения, военные события на Амуре разворачивались своим чередом.

Главнокомандующий китайскими силами Лань-тань* избрал

Осада Албазинского острога маньжурами.

Айгун* главным сборным пунктом и сосредоточивал здесь свои силы. Уничтожив наши острожки — Новозейский,* Селемджинский,* Долонский* по Зее, Дукитанский* по Амгуни,* он готовил решительный удар — разгромить русских в Албазине. Но действовал медленно и осторожно, предварительно послав к албазинскому начальнику грозную грамоту Богдыхана.

Бывший тогда начальником Албазина казак Войлошников* собрал всех казаков, и им была прочитана эта грамота, в которой говорилось: «...вы, пришедши в мою землю, сгоняете моих ясачных людей, отнимаете у промышленных людей соболей и запас, приняли Гантимура в товарищи и на моем рубеже делаете худо и потому я, Богдыхан, посылаю против вас большое войско и повелел, где вас найдут — там бить и брать. Но прежде призываю вас добрым порядком под мою державу».

Казаки выслушали, отвергли «прелестные» предложения и порешили единогласно, надеясь на Бога и счастье Царя, защищаться до последней капли крови.

Из Албазина был послан казак Мыльников* с 67 казаками для разведки неприятеля и для возвращения ушедшей партии казаков на р. Хамун. Но попытка эта кончилась несчастливо: Мыльникова под Айгуном окружили китайцы, о сражении нечего было и думать — и Мыльников сдался. Часть казаков успела скрыться, остальные же были уведены в Пекин. Этой неудачей открылись военные действия на Амуре.

В 1685 г. манджуры двинулись к Албазину, обороной которого деятельно распоряжался вновь прибывший воевода Алексей Ларионович Толбузин.* Он распорядился очистить соседние заимки и деревни, собрать всех жителей в крепость, а 40 дворов, построенных кругом ее — сжечь. Гарнизон, считая казаков, купцов, промышленных людей и крестьян, состоял из 450 человек при 3 пушках и 300 мушкетах. Кроме всего этого ждали со дня на день подкрепление, отправленного из Енисейска с Афанасием Бейтоном.

Штурм Албазина в 1865 г. Художник А. Сучков.

Китайцы подошли к Албазину на 100 бусах и одновременно шли сухопутно конница и пехота. В общем, численность всего китайского войска определялось до 15 тысяч при 15 пушках, из коих были осадные и полевые. 4 июня 1685 г. показался передовой отряд китайцев, им был захвачен скот, ходивший на пастбище. 11-го июня Лань-тань подступил к Албазину и, как говорится в китайской летописи об этой первой осаде: «Лань-тань подошел к городу близко и посылал несколько человек в город увещевать их, но они, разбойники, не только покориться не хотели, но вышед тайно на берег выкопанного круг города рва, вслед тех наших начали бить и при том палить из пушек и ружей; тогда Лань-тань бросился против их, разбойников, и велел по ним палить из пушки-дракона, то они принуждены были отступить...».

После этого китайцы начали укреплять свой лагерь, возведя на острове Арбуне батарею и расставив кругом заставы, дабы пресечь возможность получения подкрепления русским извне. Дней через пять подошел к Албазину плот русских с женами и детьми, то, должно быть, были жители верхних деревень Монастырщины или Покровской, запоздавшие прибыть к крепости. Плот был окружен манджурами и, за отказ сдаться и ярое сопротивление, все бывшие на нем русские были истреблены, числом более 40 человек, с женами и детьми.

В тот же день Лань-тань решился на приступ; сделав вид, что наступает с передней стороны, он с задней расставил голландские пушки и приказал громить стены с двух сторон. Толбузин держался. Почти добрая половина защитников была перебита, припасы истощились, башни и строения разбиты, но казаки не сдавались, все ожидая помощи.

Когда же китайцы подошли вплотную и крепость обложили грудами дров и лесу, намереваясь сжечь русских, тогда иеромонах Гермоген и священник Воскресенской церкви старец Тихон начали убеждать Толбузина сдать город, под условием свободного пропуска всех жителей в Нерчинск, со всем оружием и имуществом.

Воевода вынужден был решиться на эту меру и послал людей вести переговоры. Лань-тань обрадовался, согласился на условия и предложил передаться китайцам, обещая милости Богдыхана.

Часть казаков перешла к китайцам и увлекла с собой священника Максима Леонтьева.* Передавшиеся* захватили с собой икону Св. Николая и были уведены в Пекин. Остальные же отправились в Нерчинск, сопровождаемые китайским отрядом до Аргуни.

По очищении русскими Албазина, последний со всеми деревнями был сожжен китайцами. Лань-тань отошел к Айгуну и, оставив в нем гарнизон до 2 тысяч людей при 30 пушках, с остальным войском, вернулся на Сунгари.

Толбузин встретил Бейтона недалеко от Нерчинска с подкреплением из сотни людей при трех пушках, с оружием и припасом.

Утомленность людей, переживших осаду и лишения обратного похода, надорвали силы казаков — требовался отдых, а потому Толбузин благоразумно решил идти в Нерчинск вместе с подкреплением.

Прийти Бейтон сутками—двумя ранее и Албазин может быть отстояли бы, но оказалось, что в пути буряты отогнали у него казачьих лошадей, и он должен был догонять и отбивать их.

ВТОРАЯ ОСАДА АЛБАЗИНА. ФОН-БЕЙТОН.

По прибытии Толбузина в Нерчинск, между ним, Бейтоном и воеводой Власовым* состоялось совещание, на котором, во избежание

*Мушкетер немецких полков в России.
XVII в.*

опалы Государей, решено не отдавать Албазина. С этой целью 15 июля 1685 г. был послан к Албазину отряд казаков из 70 человек для разведки. В августе месяце из отряда этого сообщено было, что Албазин и селение сожжены, но хлеб, в количестве 1000 десятин, на полях не тронут. Власов тогда же послал Бейтона с 200 казаками к Албазину, за ним пошел Толбузин с албазинскими жителями.

Толбузин с Бейтоном, по прибытии к Албазину, деятельно принялись за восстановление крепости, а жители — за уборку хлеба с полей.

Вместо острога сделали земляной вал в 4 сажени толщиной и в 3 сажени высотой, скрепили его кореньями, дерном и внутри построили дом для воеводы, больницу, знаменную избу и погреба для

пороха и оружейных припасов. Много хлопот было с рытьем колодца.

К весне 1686 г. Албазин был укреплен, поля засеяны хлебом и казаки занялись своим обычным делом — сбором ясака с инородцев и разведкой неприятеля.

Но, несмотря на неоднократно посылаемые партии казаков, Толбузину не удалось разузнать о намерениях китайцев: при появлении русских последние скрывались, а тунгусы-шпионы вводили только в заблуждение.

Тревожимый этим наружным спокойствием неприятеля, Толбузин в марте послал Бейтона с 300 казаками к Кумаре разузнать, во что бы то ни стало, о намерении китайцев. Бейтон 17 марта у Кумары встретил манджурских всадников, погнался за ними и, истребив более 30 человек, взял в плен манджура, от которого было дознано, что китайцы знают о возобновлении Албазина и готовятся летом к наступлению.

Действительно, в июле 1686 г. манджуры, в числе 8 тысяч человек при 40 пушках, подступили к Албазину. Русских собрано было около 900 человек при 5 медных и 3 чугунных пушках. Выстроив укрепления, остатки которых свидетельствовали о больших познаниях в фортифика-

Смотр служилых людей. Художник С.В. Иванов.

ции, китайцы приступили к правильной осаде и беспрепятственной бомбардировке. В отряде их были и европейцы, переодетые в китайскую одежду, а потому все действия неприятеля отличались обдуманностью и наносили страшный вред русским.

Несчастные албазинцы, претерпевая ужасные лишения от неприятеля и появившейся цынги, не падали духом, а проявляли чудеса храбрости. 1 сентября китайцы сделали подкоп и, взорвав стену, пошли на приступ, но были отбиты с большим уроном.

В ноябре месяце Толбузину ядром оторвало ногу и он умер в больнице, передав начальство Бейтону.

Со смертью его китайцы предложили сдаться, и, получив отказ, яростно повели наступление, зажав русских в тесное кольцо.

Острог был завален трупами и их не успевали зарывать; свирепствовавшая цынга косила ряды защитников более, чем ядра неприятеля.

Но, несмотря на такое отчаянное положение, албазинцы продолжали отбиваться; израненный и больной Бейтон на костылях мужественно командовал остатками храбрых защитников, делая по временам вылазки. Об одной из этих вылазок русских упоминается в китайской летописи: «... неприятель, вышед из города со всеми своими силами, чинил нападение на наши батареи, хотя пушки отбить, но ему ничего не токмо не удалось, но еще нашею командою, которая была при пушках, был прогнан, схвачено несколько живых людей. С сего времени более и появляться не смел, а наши город с сухого и водяного путей кругом осадили...»

Да, осадили..., но взять не смогли и 6 мая 1687 года, после 11-месячной безуспешной борьбы, отступили недалеко от Албазина, сообщив Бейтону, что начались переговоры о мире. Русских из 900 осталось не более 150 человек, но и эта горсточка людей, изнемогая от ран, холода и голода, не покинула крепости и твердо держалась против во много раз превосходного противника и так просто, но сердечно описывала последние дни осады в своей челобитной Великим Государям*:

«...и мы, холопи ваши, с ними, Богдойскими людьми, билась из города днем и ночью, не сходя со стены и на многия вылазки выходили из города и многих их людей подивали, голов своих не щадили за дом Пречистыя Богородицы и за вас, Великих Государей, помня крестное целование и вашу, Великие Государи, к себе любовь и милость и помня в осадное время голоду и от безводицы с великой нужды и языков у них имели и на размену и на русские люди отдавали, а ВАШЕГО, ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЕЙ, ГОРОДА НЕ ОСТАЛИ БЕЗ ВАШЕГО УКАЗУ».

Хвала вам, воины русские, слава! И да запечатлеются ваши святыя слова в сердцах потомков ваших навсегда, служа им в трудную годину путеводною звездою!

Насколько было ужасно положение этих последних защитни-

Канси, * император маньжурской династии Цин (1662-1722).

ков, можно заключить из письма Бейтона к нерчинскому воеводе: «...сколько побито и померло... ей, Создатель Сердцеведец! Милости прошу у Бога, да у вас, государь, стольника. Человеческое, убогое и хворое, и беспамятное, и неосмысленное писать и сметить некому, записать некому, некогда, потому что странное время было: друг друга не видали и кто поздоровет, раненые и кто умрет, — не знали, потому что скудость во всем стала такая у нас в Албазине... и нам бы томною и голодную смертью не помереть... Пили мы с покойным одну кровавую чашу, с Алексеем Ларионовичем и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали и видим себе всегда час гробный...»

ПОТЕРЯ АМУРА. НЕРЧИНСКИЙ ТРАКТАТ.

В августе 1687 г. китайцы окончательно отступили вглубь своей страны от Албазина. Военные действия были прекращены. Для переговоров выехал из Москвы 26 января 1687 г. полномочный посол, окольничий и наместник брянский, любимец Петра, Федор Алексеевич Головин. Ему было наказано отстоять границу по Албазин, но это ему не удалось. Китайские послы к августу 1688 года подступили к Нерчинску с 15-ти тысячным войском, а с нашим послом прибыло из Москвы 506 московских стрельцов и до 1400 сибирских служилых людей, а всего с местными казаками набралось до 3000 человек.

Такой значительный перевес в силах весьма неблагоприятно для нас отозвался в переговорах. Полагаясь на свое войско, китайцы были несговорчивы. Несколько раз переговоры готовы были кончиться кровавым столкновением.

Китайцы требовали установить границу по Байкалу, оставалось взяться за оружие, но Головин, зная, что мунгалы волновались и в случае столкновения с китайцами перешли бы на их сторону, не посмел решиться на такое крайнее средство, а прибегнул к подкупу иезуитов-переговорщиков, одарив их бо-

Ф.А. Головин, полномочный посол на переговорах с Китаем.

Нерчинск. 1704 г.

гатыми дарами. Средство это помогло и границу порешили установить р. Горбицу, приток р. Шилки.

27 августа 1689 года договор был заключен и подписан обеими сторонами. Послы разъехались. Албазин был разрушен в третий раз, а Бейтон с уцелевшими защитниками прибыл в Нерчинск. Амур опустел...

Прошло с тех пор с лишком двести лет. Амур снова сделался нашим, на нем вырастают богатые и цветущие города, станицы и села, а то место, где несколько раз рубились наши предки и поныне стоит в том же нетронутом виде: те же рвы, те же валы, ямы, места батарей, землянок и пр. — немые свидетели стойкости и мужества русских людей, бившихся за распространение русского владычества. Но добрые и славные дела не гложут и благодарное потомство в том месте, где покоится прах доблестного воеводы Толбузина и его сподвижников казаков, сооружает памятник.

Пусть этот памятник в потомках воспитывает великий дух веры и мужества, с которыми наши предки были непобедимы! Если они вообще не привыкли к пышным памятникам, зато умели умирать героями за Царя и Русь Святую.

Да будут начертаны на стенах его нижеприводимые славные имена последних албазинских удальцов и да пусть на вечные времена хранятся величавые образы их среди казачества:

*Проект памятника защитникам Албазина.
Начало XX в.*

Атаман Иван Бузунов

Савка Степанов

Юшка Обросимов

Пятидесятник Васька Смиренников

Васька Ерофеев

Пятидесятник

Анцифорка Кондратьев

Андрюшка Вьюшков

Филька Лапшаков

Ивашка Колмогор

Ивашка Бахтевской

Екимка Иванов

Оксенка Лукиянов

Ивашка Белокопытов

Оксенка Федоров

Казачий сын Абрашка Онисимов

Якушка Федоров

Стенька Сергеев

Матюшка Назаров

Ивашка Зубко

Алешка Бутарин

Никишка Поскотинной

Федька Михалев

Васька Деревцов

Казачьи дети

Оська Петров

Ивашка Савин

Пушкарь Алешка Наседкин

Казак Митька Быстрой

Васька Фалилеев

Васька Артемьев

Игнашка Степанов

Климка Дементьев

Назарка Алексеев

Емелька Сазанов

Ивашка Олонец

Макарка Леонтьев

Костька Гордеев

Якушка Федоров

Карпушка Оттеев

Ивашка Бянкин

Андронка Однокопылка

Матюшка Шемелин

Оська Корнилов

Ивашка Будилов

Артюшка Мунгалов

Сенька Ключевской

Ивашка Ключевской

Митька Ваулин

Тимошка Волков

Мишка Бурашев

Сенька Соснин

Федька Беляник

Павка Герасимов

Ларка Простокишин

Ивашка Кошкаров

Васька Кряжев

Сенька Усольцов

Ивашка Страметчек

Ивашка Одоленьев

Софронка Кожемяк

Петрушка Попов

Микитка Данилов

Сенька Тухманка

Ивашка Грамотка

Гришка Беломестнов

Юшка Лаптев

Федюшка Юдин

Ларка Бекетов

Мишка Чаплин

Юшка Обросимов

Мишка Вакрушев

Микишка Ушаков

Корнилка Катаев

Федька Чернецов

Ивашка Шемелин

Филька Лагунов

Афанасий Тюменцев

Якушка Барабанщиков

Мишка Ворошилов

*(Столбец Сибирского приказа за
N^о 1044/7089)*

ПРИОБРЕТЕНИЕ АМУРА В XIX ВЕКЕ.

С дня разрушения Албазина Амур стал запретною рекою для русских и почти в течение 150 лет никто из русских, в составе партии, туда не пробирался. Спустились иногда рыболовы половить амурских осетров, ходили «белковать» и вообще зверовать в Зейские «гривы», но далее Айгуна манджуры русских охотников не пропускали.

*Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от манджур.*

М.В. Ломоносов

Находились смельчаки, вроде некоего Васильева, которые не раз пробовали постоянно жить на Амуре, но каждый раз были китайцами изгоняемы оттуда. Китайцы зорко следили за границей: каждый год весною к Албазину обязательно приходил на лодке военный начальник справляться, не поселился там кто-либо из страшных «лочей», как называли они русских.

Взамен покинутого нами Амура стало быстро населяться и оживляться Забайкалье. Возник город Иркутск* — центр правления Восточной Сибири и в нем сидят уже не воеводы и дьяки, а губернаторы и генерал-губернаторы.

На северо-востоке, с легкой руки отважных казаков: Семена Дежнева, Михалки Стадухина, Юшки Селивестрова, Василия Бугра, Владимира Атласова, была покорена Камчатка с ее несметным богатством, захвачены были Курильские, Алеутские и Командорские острова и побережье Охотского моря. Здесь русские нашли, кроме благородного со-

боля, красных лисиц и сиводушек, новый источник обогащения казны в виде морских бобров, выдр, пушистых котиков, моржей, китов и прочих морских животных.

«С нами Бог, покоряйтесь языцы» — говорили казаки, подводя под высокую руку Царя новых подданных — камчадалов,* самоедов,* юкагиров,* чукчей,* колош,* алеутов* и прочих.

Конечно, не обходилось и здесь без жестокостей со стороны покорителей, но где и когда этого не было при завоеваниях. И не у нас одних русских было это в обычае. Почти в то же время храбрые испанские завоеватели Пизаро и Алмагро покоряли два богатые царства в Южной Америке — Перу и Чили, а знаменитый Кортес — Мексику в Северной Америке и все они крайне сурово обращались с жителями: вымогали имущество, расстреливали, жгли, убивали и насильничали. А, между тем, они были куда

Петр I, царь и государь Всея Руси (1682-1721), император всероссийский (1721-1725 гг.)

образованнее наших казаков. Да и лучше ли поступают люди в подобных случаях сейчас, в наш «гуманный век»? И у всех одно оправдание — цель оправдывает средства.

С возрастанием жизни в Камчатке, с возникновением там портов Петропавловска* и Охотска* и с учреждением торговой Северо-Американской компании, явилась потребность в лучших путях сообщения с центром правления, то есть Иркутском. Сухопутный тракт через Якутск был труден и крайне медлен, морем же — кругосветно, дорого, далеко и опасно.

И вот в поисках лучших путей начинают взоры обращать к забытому Амуру. Еще Император Петр I, придавая особое значение Камчатке, посылал Беринга исследовать устье Амура. Наш дедушка Ломоносов в своей оде на восшествие на престол Елизаветы Петровны напоминает Императрице об Амуре.

Генерал-губернатор Мятлев* и Якобий* в 1758 году представляют проект за проектом о приобретении Амура, доказывая, что расходы по завоеванию окупятся экономией от доставки продовольствия на Камчатку. В 1783 году генерал-губернатор Лаба просит о том же, но правительство отклоняет все эти проекты, не желая нарушить спокойный сон дремлющего, но в то время сильного Китая.

Тем не менее, время от времени посылаются экспедиции для обследования устья Амура.

Ученые путешественники — Крузенштерн, Лаперуз, Браутон делают описания Сахалина* и Амура и сообщают, что Сахалин — полуостров, соединен с берегом узкою полосой и что Амур в устье не судоходен и скрывается в песках. Такое ложное представление об Амуре держалось до Императора Николая Павловича.* Заинтересовавшись чтением живописного описания Амура, сделанного профессором Миддендорфом,* Государь в 1846 г. приказал послать поручика Гаврилова* для обследования низовьев Амура. Гаврилов, сделав промеры, подтвердил мнение ученых о негодности Амура, вследствие чего на означенном донесении состоялась Высочайшая резолюция: «Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить».

Только с назначением в 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева вопрос об Амуре принял благоприятное решение и вековые надежды сибиряков исполнились.

До этого назначения Н.Н.Муравьев занимал должность тульского губернатора. Ему не было еще в то время 39 лет. Такое небывалое назначение мо-

Н. Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 гг.

лодого генерала в генерал-губернаторы вызвало в обществе много толков и у Муравьева, понятно, нашлось много врагов — завистников, с которыми он вел, в течение 13-летнего своего служения в Сибири, непрерывную борьбу и, если вышел победителем, то только благодаря высокому доверию Государя Николая Павловича, у которого он, перед отъездом в Сибирь, исходатайствовал Высочайшее соизволение писать Государю с полною откровенностью обо всем, что сочтет нужным, в собственные, Его Величества, руки. Муравьев глубоко верил, что Русский Царь, кроме добра, своему народу ничего не желает, и что Царь должен знать всю истину.

Глубоко религиозный Муравьев, по отзыву близко знавших его, не предпринимал никакого дела без благословения Божьего, ибо он верил, что нет препятствий и затруднений, как физических, так и нравственных, которых он не преодолел бы, коли Господь позволит.

Вот с такими-то упованиями на Бога и Царя прибыл Николай Николаевич в Сибирь, стонавшую под игом несправедливых правителей, чиновников и откупщиков.

Много работы было для Муравьева в Сибири. Ознакомившись с делами, с нуждами Сибири, он, в первую очередь, с присущей ему энергией, взялся за Амурское дело. Не считаясь с установившимся мнением ученых-путешественников, он никак не мог допустить, чтобы такая огромная река, как Амур, скрывалась незаметно в песках. По его представлению посылается для обследования устья Амура Геннадий Иванович Невельской* на транспорте «Байкал», причем в Высочайшей инструкции ему указано было «в устье реки отнюдь не входить».

Смелый и решительный моряк Геннадий Иванович, благополучно достигнув Петропавловска и сдав там груз, спешил возвратиться к устью Амура. Как он, так и его верные сподвижники горели страстным желанием обнаружить истину об Амуре, глубоко похороненную от света в недрах разных канцелярий Петербурга.

И ему удалось это. В короткое время Невельской нашел свободный, глубокий проход в Амур и 1-го августа 1849 года на мысе Куегда поднял русский флаг, учредил тут пост и назвал его Николаевским.*

Приказав гилякам объявлять каждому пристающему к побережью Амура иностранному судну, что земля эта отныне принадлежит Российской державе, и оставив пост в Петровском зимовье,* Геннадий Иванович торопился плыть в порт Аян,* куда в это время приближался Н.Н. Муравьев, предпринявший такой длинный и трудный путь для личного ознакомления с краем и, особенно, с Камчаткой.

В этом пути Муравьеву сопутствовала его

Г.И. Невельской.

*Великий князь Константин Николаевич,
управляющий Морским ведомством в
1853-1881 гг.*

супруга Екатерина Николаевна.* Родом француженка, молодая, не привыкшая к суровому северному климату, Екатерина Николаевна не один раз пролиwała горькие слезы, следуя верхом за своим неумолимым супругом, не делавшим для нее никаких исключений в заранее составленном им же самим маршруте.

В Аяне недолго пришлось ждать возвращения Невельского. 2 сентября 1849 г., с рассветом, показался транспорт «Байкал». Муравьев со свитой, на 12-ти весельном катере, выехал навстречу «Байкалу», с палубы которого донеслись до него слова нетерпеливого Невельского, говорившего в рупор: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможен для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно рассеяно, истина обнаружилась».

По случаю такого радостного события, по словам очевидца Струве,* Муравьев и Невельской, со свитой и сотрудниками, торжествовали, ликовали и пировали весь вечер 3-го сентября до поздней ночи, после чего Муравьев возвратился тем же путем в Якутск, откуда послал подробное донесение в Петербург, закончив его словами: «...множество предшествовавших экспедиций (к Сахалину) достигали европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, с которым действовал Невельской».

Но не так посмотрели в Петербурге на славный поступок Невельского: его обвинили в превышении Высочайшей инструкции не входить в Амур и самовольном учреждении военного поста в Николаевске — и он подлежал разжалованию в солдаты, о чем ему и было объявлено в Комитете Министров. Невельской, не ожидавший этого, обратился за заступничеством к Генерал-Адмиралу Константину Николаевичу.* Его Высочество, Великий Князь, подробно доложил Государю о том, что Невельской в своих действиях руководствовался глубоким патриотизмом и единственною пользою Отечеству.

Невельской был позван в кабинет Государя. Государь, встав, подошел к нему и, взглянув на маленькую и худенькую фигуру Невельского, сказал: «Так это ты сочиняешь экспедиции и изменяешь Высочайше утвержденные инструкции? А, что, матрос? Матрос!... Мичман! Лейтенант! Капитан-лейтенант! Капитан 2-го ранга! Капитан 1-го ранга!» Затем, надев на шею Невельскому Владимирский крест и поцеловав, Государь его отпустил, а на докладе о действиях Невельского наложил резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

Таким образом, положено начало к приобретению Амура.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРНОЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН. ОБРАЗОВАНИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ВОЙСКА.

Н.Н. Муравьев был такого мнения, что кто владеет всею рекою Амуром, тот владеет Сибирью. Заняв выход этой великой реки, нужно было добиваться завладения остальной частью ее, но для этого, в случае осложнений с Китаем, необходимо иметь надежное войско, а его-то в Восточной Сибири в то время было недостаточно. О передвижении войск из России и рассчитывать было нельзя.

Не задумываясь вообще долго ни над чем, он и тут нашел выход, решив образовать отдельное казачье войско из местного населения.

Известно, что пешие албазинские казаки и крестьяне пашенных слобод были, в виде награды за долгое Албазинское сидение, поверстаны: первые — в конные, а вторые — в пешие казаки, и те и другие были приписаны для службы и работы к Нерчинским горным заводам.

Гулящие же люди и албазинские крестьяне, не принимавшие участия в защите Албазина, были попросту обращены в горнозаводских рабочих.

С течением времени состав этого крепостного населения увеличился: каждый год в Нерчинск ссылались разные преступники, бунтари-уралыцы и даже уголовные арестанты, осужденные в каторжные работы.

Положение горнозаводских крестьян было очень тяжелое: они платили подать по три рубля с души и, кроме сего, были обязаны доставлять на сереброплавильные заводы дрова и уголь за ничтожную плату, назначались на хозяйственные работы и пр.

Но самое тяжелое положение крестьян состояло в том, что дети их, достигшие рекрутского возраста, зачислялись в заводские рабочие и несли обязанность наравне с каторжными с тем различием, что каторжник, проработав 25 лет, получал некоторую свободу, а сын крестьянина — рекрут — работал бессрочно.

В таком-то печальном состоянии пребывали наши предки, в жилах которых билась кровь албазинских защитников, когда застала их радостная весть о зачислении в казаки.

Н.Н. Муравьев объезжал горнозаводские селения, лично убедился в их тягостном состоянии и, получая отовсюду жалобы и слезные просьбы об облегчении их участи, испросил у Государя Николая Павловича освобождение крестьян из крепостного состояния, с зачислением их в казаки.

Крестьяне плакали от радости, служили молебны, при встрече на улицах целовались, как на Пасхе. Да, 17 марта 1851 года, день образования Забайкальского казачьего войска, был для них Светлым Воскресением: с 27 тысяч душ разом свалились рабские цепи,

*Увижуль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию Царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря...*

А.С. Пушкин

Николай I, император всероссийский
(1825-1855).

и «прекрасная заря» зарделась на востоке ранее, нежели в самой России.

Из крестьян были образованы три пеших бригады в 12 батальонов; городской же казачий полк, два инородческих — тунгусский и бурятский полки, пограничные казаки переименованы были в конницу и все составили славное Забайкальское казачье войско.

Придав к этому войску артиллерию и переведя в Забайкалье линейные батальоны, Муравьев получил внушительную силу для угрозы китайцам на случай упорства их при занятии Амура.

ПЕРВЫЙ СПЛАВ ПО АМУРУ.

В 1853 г. Н.Н. Муравьев был в Петербурге. В то время начиналась Крымская кампания.* Опасаясь, что англичане могут блокировать и Петропавловск в Камчатке и, что всего хуже, занять Амур и все морское побережье, Муравьев горячо просил Государя о защите наших восточных владений и, когда Государь выразил ему невозможность посылки подкреплений из Кронштадта, Муравьев сказал Его Величеству: «Кажется, нет надобности, Государь, так издалека» — и, проводя рукой по лежащей на столе карте, по течению Амура из Забайкальского края, прибавил: «Можно и ближе подкрепить».

Государь, при этих словах, положил ему руку на голову и сказал: «Эх, Муравьев, ты, право, когда-нибудь сойдешь с ума от Амура!»

Муравьев отвечал: «Государь! Сами обстоятельства указывают путь!» Николай Павлович, ударив его по плечу, сказал: «Ну, так пусть же обстоятельства к этому и приведут» — и разрешил плыть по Амуру, но так, чтобы и порохом не пахло.

Узнав о разрешении плыть по Амуру, все спешили выразить Муравьеву свои симпатии к нему и задуманному им предприятию.

Великий патриот, московский митрополит Филарет,* благословляя Муравьева в путь, писал: «Бог да благословляет попечения ваши о прочном благе вверенного вам края. Да просвещает Он взор ваш к усмотрению правого и полезного и к изысканию средств для общепользовательных целей, и необильные средства давая вам сильными чрез поспешествование Своего провидения. Да увенчает ваши труды и подвиги вождельными успехами».

Струве, сподвижник Муравьева, так описывает в своих воспоминаниях настроение сибирского общества, живое и теплое участие, которое оно принимало в современных событиях: «Столица Восточной Сибири и представитель ее умственной и промышленной жизни — Иркутск ликовал и пировал, торжествуя

*Жданный всеми генерал,
Громкий по державе,
Ободряя всех сказал
О походной славе:
«Не жалеть своих трудов!
Подвигом гордиться!
С нами Бог и рой штыков -
Нечего страшиться!»
«Кто со мною?» - он сказал,
Обратясь к народу.
«Все готовы, генерал,
Хоть в огонь и в воду!»
Вдруг раздался песен хор,
Пушки загремели -
И по Шилке между гор
Лодки полетели!...»*

Е.А. Кузнецов (1783-1850), иркутский 1-й гильдии купец, внес более 3 млн. рублей на финансирование Амурского дела.

победу Муравьева над вековыми заблуждениями, оковавшими представителей высшей власти в Петербурге тесным кругозором, из которого высвободиться не хватало у них сил. Только орлиный взор и полет Муравьева могли внести свет в тьму дальней окраины и разоблачить истину. Я не умею передать, какое это было всеобъемлющее состояние радости; всякий силился и спешил принести свою лепту». Словом, со всех сторон посыпались приношения. Купечество дало в честь Муравьева роскошный обед. Известный благотворитель, купец Александр Григорьевич Кузнецов,* пожертвовал свыше двух миллионов рублей на Амурское дело.

На 20 апреля 1854 г. был назначен отъезд Муравьева из Иркутска. Бесчисленное множество народа провожало своего любимца. За Ангарой был дан прощальный обед, в конце которого «старый солдат», полковник Облеухов,* прочитал Муравьеву прощальные свои стихи:

Порадовал ты нас приездом,
Но дал лишь на себя взглянуть
И уж сулишь нам грусть отъездом,
Собравшись в дальний, дивный путь.
Хоть нам и жаль с тобой расстаться,
Но ведь Амур тебя зовет,
И мы должны тем утешаться,
Что там тебя бессмертье ждет.

Молитва наша к вышним Богу
Тебе стихи покорит,
Благословит тебя в дорогу
И к нам со славой возвратит.
Гряди ж, герой, среди молений,
Теплящихся во всех сердцах;
Русь от тебя ждет приношений,
Каких не сделал и Ермак.

Молниеносным соображеньям
Твоим ни в чем препятствий нет:
Ты назначен провиденьем,
Чтоб старый с новым сблизить свет.

В то время, как Муравьев собирался и ехал к заветному Амуру, там в с. Шилкинском* шла горячая работа по снаряжению флотилии для сплава экспедиции. Постройкой судов и парохода «Аргунь»* заведовал капитан 2-го ранга Казакевич,* а формированием войск, сплавом их и припасов — подполковник Михаил Семенович Корсаков.*

«14 мая 1854 г. экспедиция, — так описывает Шумахер,* — после напутственного молебна пред древней иконой Албазинской Божьей Матери* и при салютации из древней албазинской пушки, отвалила от берега и пустилась в дальний путь. Впереди плыла лодка Муравьева. За ним флотилией командовал Казакевич, а сухопутными войсками — Корсаков. С Муравьевым были: батальон пехоты, сотня конных казаков и два горных орудия, всего до тысячи человек.

В свите был горный инженер Аносов,* чиновники Свербеев,* Пермыкин,* Бибилов,* инженер Рейн,* купец Кузнецов* и др.

17-го числа экспедиция подошла к Усть-Стрелке и 18-го вошла в Амур. Трубаچی заиграли «Боже, Царя храни!», все встали на лодках, сняли шапки и крестились. Генерал зачерпнул в стакан амурской воды и поздравил всех с началом плавания по Амуру. В ответ раздалось громкое «Ура!».

*М.С. Корсаков, генерал-губернатор
Восточной Сибири (1861-1871).*

20-го мая экспедиция подошла к бывшему Албазину, причалила к пустынному месту, священному по преданиям, музыка заиграла «Коль славен наш Господь в Сионе», по всем судам скомандовали на молитву, после которой следовал народный гимн; первым вошел на албазинский вал генерал-губернатор. 28-го мая экспедиция подошла к Айгуну. Муравьев остановился на ночлег на устье реки Зеи, послав вперед на лодке чиновников в Айгун передать амбаню, что, по случаю открывшихся у нас военных действий с другими державами, генерал-губернатор отправляется с приличным числом войск на судах по Амуру на подкрепление наших приморских владений. Комендант города, не получивший от своего правительства никаких известий, затруднялся было пропустить русских, но, видя «огненную лодку» и множество су-

довых людей, выразил желание, чтоб «русский отряд, как можно скорее, миновал их город».

Продолжая путь, экспедиция проплыла устье реки Сунгари; встречаемые деревни были пусты, потому что жители бежали от страха, и только ниже р. Уссури* жители встречали русских и были одаряемы монетами, серебряными слитками и пр. Не доходя до озера Кизи,* 9-го июня, внезапно налетевшей бурей в несколько минут были затоплены суда. Экспедиция едва не потеряла весь груз. Два дня сушили провиант у острова. 10-го числа экспедиция была встречена мичманом Разградским* и 14-го все суда вошли в протоку у Мариинского поста.* Невельской рапортовал Муравьеву о благополучном состоянии постов на Амуре и Сахалине. В этот день за обедом у Муравьева все его спутники поздравляли друг друга с успешным окончанием первой русской экспедиции.

Отправив на транспортах 350 человек подкрепления в Петропавловский порт, остальных людей, сотню казаков и 2 орудия оставив для защиты Декастри,* Муравьев на шкуне «Восток» проследовал в Аян, а оттуда сухопутьем в Иркутск. Подполковник Корсаков был послан курьером в Петербург. Там с нетерпением ждали известий от Муравьева и прибывшему курьеру приказано было, не переодеваясь, тотчас же явиться к Наследнику Цесаревичу В.К. Александру Николаевичу.*

Корсаков так и сделал: в солдатской шинели в рукава, сверх изодранного дотла сюртука, небритый, с длинными волосами, явился к Великому Князю и подал рапорт Муравьева.

Цесаревич, читая конец рапорта Муравьева: «Мы стали твердою ногою на Амуре; я надеюсь, что никто его у нас больше не отымет» — поднял глаза на Корсакова и твердо сказал: «Да уж, надеюсь» — а потом, читая далее: «Вся честь этого дела принадлежит Невельскому, Казакевичу, Корсакову!!... «А себя Муравьев забыл!» — воскликнул Цесаревич, — «Ему, ему вся честь! Завтра же утром представлю вас Государю».

На другой день, утром, Корсаков имел счастье представиться Государю. Царь обнял и поцеловал Корсакова, несколько раз выразил

благодарность за беспримерно успешный сплав по Амуру и повелел всех спутников представить к наградам.

Оставшийся же на Амуре отряд наших войск, с наступлением холодов, не рассчитывая на появление неприятеля, принялся за постройки жилищ. В Мариинском посту начальник отряда Невельской торопил с работами, приказывал казачьей сотне вывозить на лошадях лес; фураж же выдавался, по его приказанию, в половинной даче, вследствие чего лошади скоро изнурились. Командир сотни Имберг* протестовал и доказывал, что казачьи лошади составляют собственность казаков и не должны употребляться на казенные работы. Невельской не слушал его доводов, а, наоборот, приказывал казакам в зимнее время поддерживать конное сообщение на санях между Николаевским и Мариинскими постами, где возможно было сообщение только на собаках.

Недоразумения росли и дошли до того, что Имберг был арестован и вынужден был подать рапорт Невельскому с просьбой довести обвинения его до генерал-губернатора. Но этим не кончились недоразумения.

Еще зимою развилась цинга; с наступлением оттепели появился тиф, начались смертные случаи. Имберг слег в постель, передав командование сотней зауряд*-сотнику Беломестнову.* В это время, в половине мая 1855 г., подошел к Декастри неприятельский фрегат и, не видя никакой охраны, беспрепятственно высадился, сжег амбары с припасами и имуществом камчадалов и удалился за розыском наших судов, скрывшихся незадолго до его прихода. Этот случай окончательно поссорил Имберга с Невельским.

Невельской заподозрил Имберга в том, что он нарочно притворился больным и умышленно оставил Декастри без защиты, за что Имберг, как мы увидим далее, чуть не поплатился жизнью.

ВТОРОЙ СПЛАВ 1855 ГОДА.

Англо-французский флот, потерпевший большую неудачу в Петропавловске, продолжал деятельно разыскивать наши суда по гаваням

Макет «Аргуни», первого парохода на Амуре. Амурский областной краеведческий музей.

Сахалина и Охотского моря, вовсе не заглядывая в Татарский пролив,* считая по своим картам, что там мели и что Сахалин — полуостров. Такое незнание местности противником и спасло нашу эскадру, спокойно стоявшую в лимане Амура. Тем не менее, Н.Н. Муравьев спешил увеличить наши силы там и раннею весною 1855 г. по Амуру поплыл огромный транспорт барж с войсками, разделенный на три отделения: первый, в составе 35 барж, вел полковник Корсаков, второй, в составе 64 барж, — полковник Назимов,* командир 15-го линейного батальона, и последний, 26 барж, шел под начальством подполковника Муравьева. В экспедиции этой, кроме супруги Муравьева, участвовали: натуралист Маак,* астроном Межевой, ученый Герсфельд и другие, производившие исследование Амура. На исследование это участник сплава, купец Соловьев, пожертвовал полпуда золота.

С этим сплавом были приведены на защиту края 15-й и 14-й линейные полубатальоны, 6-я сотня (Буреинская) Амурского конного полка, под командой зауряд-сотника Скобелыцына,* сводный пеший казачий полубатальон, под начальством полковника Сеславина* и ротных командиров — есаулов Пузино* и Забелло.*

Люди в полубатальон выбирались самые здоровые и сильные, преимущественно зверопромышленники, умевшие хорошо стрелять, и им объявлялось, что они впоследствии все пойдут на переселение на Амур. Бодрый, молодеватый вид казаков всех тогда удивлял и никто не верил, что три-четыре года тому назад они были мужиками-крепостными.

С этим же сплавом следовали переселенцы-крестьяне, в числе 481 души обоего пола, поселенные в низовьях Амура.

Сплав этот не обошелся без приключений и несчастий. Еще экспедиция не тронулась с места, как печальная весть облетела все баржи: отправленная, накануне выступления, вперед лодка с 4 офицерами-топографами набежавшей льдиной была разбита, три офицера погибли, четвертый же спасся тем, что вскарабкался на льдину и, полузамерзший, был снят казаками.

Самое выступление экспедиции омрачено было неприятным происшествием: Муравьев строго приказывал, чтобы весь его рейс одновременно отплывал по сигналу с его баржи и следовал в порядке, держа дистанцию в 20 сажен баржа от баржи.

«Вечерело — как рассказывается об этом случае в записках И.В. Любарского,* — весь видимый горизонт покрылся облаками, ветер крепчал. Вот совсем уж спустились сумерки, ветер сильнее загудел по взволнованной реке, большие волны с шумом крошили носившиеся льдины и выбрасывали их на берег, холод больно давал себя чувствовать. Жутко и неудобно... Все были убеждены, что ночью Муравьев не решится начать плавание, ввиду явной опасности плыть по неисследованному пути, так как Шилка изобилует подводными камнями. Поэтому наши казаки стали варить на очагах, устроенных на баржах, незатейливый ужин. Офицеры же, в том числе и Запольский,* назначенный бессменным дежурным по рейсу, порешили провести эту последнюю ночь на своих зимних квартирах, в кругу товарищей.

Между тем, в 12 часов ночи последовал сигнальный выстрел и генеральская баржа отплыла. Хотя, за темнотою ночи, Муравьев не мог видеть, двинулась наша флотилия или нет, но был убежден, что все баржи, согласно данному приказанию, следуют за ним. Вышло, однако ж, не так. Среди завываний ветра, который дул в противоположную от нас сторону, выстрел не был услышан. А так как распорядителя Запольского не было налицо, то флотилия наша со спящими казаками преспо-

койно осталась на месте. Каково же было всеобщее изумление и даже испуг, когда с рассветом оказалось, что Муравьев уплыл! Нельзя было терять ни минуты, потому что необходимо было догнать генеральскую баржу. Люди впопыхах бежали с берега на суда, поднялась суматоха, начали спешно спускать с причалов баржи, причем произошли неизбежные замешательства; однако рейс быстро собрался и пошел по течению. Когда проплыли верст около 20-ти, вдруг одна баржа, нагруженная порохом, напоролась на камень и стала, на нее толкнулись следующие три баржи и проломили ей бок, запрудив вместе с тем фарватер. Смятение было так велико, что на первых порах не знали, за что прежде всего приняться. Наконец, собрались с духом и приступили к разгрузке проломленной баржи. Все эти неприятные работы задержали рейс на 5 суток. Оправившись, тронулись в путь; все примолкли и насупились, потому что все одинаково были проникнуты чувством страха пред грозным начальником. Особенно чувствовали себя виноватыми офицеры и всех больше Запольский».

Между тем, Муравьев, проплыв 70 верст и не видя за собой барж, остановился в Горбице* у зауряд-сотника Скобельцына, которого взял с собой проводником и назначил командиром Амурской сотни.

«Не успели баржи приблизиться к берегу, — продолжает рассказывать Демидов,* — как Муравьев уже был тут. В волнении и гнев, бегая взад и вперед, он кричал: «Где Запольский? Запольского сюда!»

Когда на берег вышел смущенный Запольский, Муравьев, схватив его за пуговицу, громко и взволнованным голосом сказал: «Что ты сделал, несчастный? И это мой адъютант! ... моя правая рука ... вот как исполнил мое приказание! Ты не можешь служить со мной, отправляйся в полк». В тот же день Запольский, распростившись с товарищами, уехал верхом назад.

Но этим приключения не закончились, дня через два села баржа есаула Медведева, генерал сделал ему строгий выговор. Этим бы дело и кончилось, но Медведев стал оправдываться и сказал: «Моя баржа в два раза глубже сидит Вашей и не может следовать за ней». Генерал моментально вспылил, приказав ему остаться на острове. Медведев, собрав свои пожитки, переехал на необитаемый остров, разложил огонек, дым которого был хорошо виден с генеральской

баржи. Экспедиция стояла около этого места суток двое. По отходе генеральша увидела дымок злосчастного Робинзона и, узнав причину, пришла в сильнейшее негодование и на свою ответственность упросила дежурного по рейсу принять Медведева на свою лодку.

Спешность сплава и строгость, введенная Муравьевым, губительно отразились на самом отряде: у переселенцев пало, не доплывая до Албазина, более 280 голов разного скота с го-

Каюта плавучей резиденции Н.Н. Муравьева.

лоду. Произошло это оттого, что шли днем и ночью безостановочно, баржи с сеном не всегда были близко при баржах со скотом, посадка на мель тех и других разобщала их и скот оставался без пищи. И он весь бы пропал, если бы после Албазина не стали останавливаться для кормежки.

Кроме этого бедствия у переселенцев развился тиф и, несмотря на принятые меры, быстро распространился по всем баржам, унося жертву за жертвой ...

Бедра следовала за бедой: ниже Сунгари бурей разбило две баржи и хотя не было человеческих жертв, но большая часть припасов была утоплена безвозвратно.

Испытав это несчастье, отряд, несмотря на строгость марша, разбился на мелкие части и мало-помалу стянулся к Мариинскому посту.

«Едва только баржи успели причалить к берегу, — повествует Любарский, — как последовала команда: «полубатальону выходить на берег с ружьями и строиться в три шеренги». Здесь представилась глазам необычайная картина: в лесу, саженьях в 10 от берега, конные казаки копали яму и ставили подле нее столб. Выстроенный полубатальон в медвежьих папах и все офицеры штаба Муравьева с пасмурными лицами составляли декорацию зловещей сцены. Очевидно, должна была произойти страшная драма, но кто падет жертвой, мы, новоприбывшие, не знали. Вскоре два казака провели офицера. Он держался на костылях, вследствие поражения ног цингой, и вообще имел вид болезненный и до крайности изнуренный. Все замерли в невыносимом ожидании развязки, на душу навалился давящий кошмар, спирало дыхание; прошла мучительная четверть часа ... Пришла отмена ... Все вздохнули полной грудью, а бедный есаул заплакал как ребенок».

Речь идет о приготовлениях к казни командира сотни Имберга. Невельской, еще до прибытия Муравьева к Мариинскому посту, послал донесение к нему о беспрепятственной высадке неприятеля в Декастри, сожжении складов и пр. и во всем обвинил Имберга. Муравьев приказал расстрелять Имберга. Нарисованную выше картину подтверждают живущие доныне очевидцы, старики-казаки. Так, казак Гончаров, 85 лет, из Корсаковой, рассказывает: «Мы все плакали, когда стало известно о казни, плакали те, которые копали ему яму-могилу, плакали те, которым назначено было стрелять. Ночью вся сотня прощалась со своим любимым отцом-командиром. Имберг с каждым перестрелялся. Помню хорошо его слова к нам: «Чего плачете, жили мы дружно, служили мы честно, а что случилось — Бог рассудит».

Но Бог не допустил совершиться этому. Екатерина Николаевна, супруга Муравьева, добрый гений, не раз спасавший людей от горячности мужа, и на этот раз, узнав от приближенных офицеров о невинности Имберга, вымолила ему прощение.

Да не будет этим рассказом умалено уважение к памяти Невельского! Ошибаться свойственно и великим людям, а придирки всегда существовали и будут существовать, раз затрагивался шкурный вопрос.

У Муравьева же в этом деле сказался его характер, который хорошо был известен современникам: «Строгий, крутой и настойчивый, он не признавал никаких препятствий своей непреклонной воле. Раз, что он задумал или предпринял, то и сама природа должна покоряться ему. В минуту гневной вспышки он был страшен и готов был, казалось, живым закопать человека в землю, но проходил час, и он уж являлся добрым и участливым отцом-командиром, мирно относившимся даже к тому, кто вызвал в нем только что бурю гнева. Поэтому все перед ним трепетали и все поспешно и без рассуждений исполняли распоря-

жения грозного начальника. В то же время все, до последнего солдата, любили его и верили, что если уж Муравьев предпримет что-либо, то непременно доведет до конца» (воспоминания И.В.Любарского).

Ту же характеристику дает о Муравьеве наш писатель Гончаров,* путешествовавший на фрегате «Паллада» и встретившийся с Муравьевым на устье Амура: «Да, это отважный, предприимчивый янки. Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях... Пылкий, предприимчивый дух этого борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами и из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и любезного, он превращался на мгновение в рыкающего льва».

ДЕКАСТРИНСКИЙ БОЙ.

Англо-французская эскадра, в составе 56 разных судов, тщетно разыскивала нашу эскадру. 21-го июля часть этой эскадры подошла к Аяну, из которого гарнизон давно был выведен, а пушки зарыты в землю. Жители в страхе убежали в горы; оставался один Преосвященный Иннокентий,* который в момент высадки неприятеля служил молебен. Не обращая никакого внимания на вошедших с шумом англичан, Иннокентий продолжал служить и, едва только окончил богослужение, был окружен неприятелем и объявлен военнопленным. Преосвященный засмеялся и со своим обычным юмором ответил им, что, дескать, он им ни на что не нужен, что он человек не военный, следовательно, пользы от него никакой не будет, а, напротив, они причинят себе только убыток: «Ведь меня кормить надо», — добавил он. Англичане освободили его, но пригласили к себе, распили за его здоровье шампанское и сняли фотографию с него. После этого флот их ушел в море.

*Что ни буря зашумела
Во сыром бору зимой,
В людях вести пронеслися -
Во поход идти весной.
Под начальством Муравьева
Лестно будет умирать.
Он нам скажет два-три слова
И мы на смерть к врагу пойдем,
Шашки острые имея,
Ружья добрые — с кремнем.*

Казачья песня.

Тем временем Муравьев энергично заботился о приведении в оборонительное состояние Николаевска, Декастри и пр. В Николаевске возведены были четыре батареи, устроены казармы. Для защиты Декастри отправлены были казаки, в составе полубатальона и конной сотни с артиллерией, под командой Кузьменко. Тропа к Декастри шла хребтом; двигаться с артиллерией было невозможно — густой лес с чащей и кустарником представлял сплошную преграду. Есаул Пряжевский с полуротою шел впереди и расчищал путь. В конце пути отряд догнал Муравьев, приказал остановиться и варить обед. Прибытие его, по словам Демидова, произвело на отряд оживляющее действие. Запылали костры, закипели котелки, раздалась веселая песня казаков, которые, видимо, были ободрены присутствием начальника. Отдохнув, казаки приступили к очистке местности. Дружно застучали топоры, деревья стали валиться направо и налево и быстро образовалась площадь. Ободравши деревья, казаки строили жилье и вскоре разместились лагерем.

Но жить казакам на первых порах приходилось тяжело: август весь был дождливый, площадь, на которой разбит был лагерь, превратилась в болото, место менять пришлось три раза. От сырости люди

стали заболеть дезинтерией и злокачественной лихорадкой. Вдобавок стала обнаруживаться нехватка в продовольствии, припасы находились в Мариинске и ежедневно полурота таскала на себе мешки. Все это изнуряло людей и на них напало уныние. Чтобы ободрить людей и поднять дух, Муравьев пробовал устраивать разные гимнастические упражнения и игры, даже сам принимал в них участие, но ничто не помогало: люди ходили как тени, болезни не ослабевали и смертность усиливалась.

Только с устройством лазаретного помещения и казарм, а в особенности с прибытием американского судна со свежими припасами, люди оживились, повеселели. Муравьев не жалел средств и приказывал войскам выдавать все в изобилии: больные и здоровые пили отличный ямайский ром, джин, виски и пр.

Вскоре после этого Муравьев уехал в Мариинск, а оттуда морем в Аян; часть казаков с Сеславиным ушла в Мариинск, а в Декастри осталась рота с Пузино и артиллерия с Кузьменко. Пришел снег и никто не думал о войне. «Как вдруг, с рассветом 3-го октября», — рассказывает очевидец, участник Декастринского боя, тот же Демидов, — все были ошеломлены: впереди американского судна, словно по какому-то волшебству, появились, без флагов, два военных парохода и фрегат, с бортов которых грозно выглядывали жерла пушек ... На палубах не видно было ни одной души и морская тишина нарушалась только плеском прибоя. Наши моряки, Федорович и Линден,* пристально всматриваясь в конструкцию судов, затруднялись определить, какой нации они принадлежат; чувствовалось определенно лишь то, что новопришельцы — наши неприятели и появились они, конечно, не с добрыми намерениями.

Тотчас, по распоряжению есаула Пузино, выкатили два наших единорога и под прикрытием густой лесной заросли поставили скрытно на высоком мысу. Наличных казаков, способных стать под ружье, набралось не более 120 человек. Они залегли со штуцерами полукругом вблизи берега, разместившись в засаде по два. Остальные же казаки, еще до прихода неприятеля в бухту, ушли на озеро за провиантом. К ним побежал вестовой, чтоб отозвать назад, а другой поспешил к подполковнику Сеславину с извещением о прибытии англичан.

В выжидательном положении мы оставались до часу дня, как вдруг из-за тыльных бортов разом выплыли 16 баркасов под английским флагом с вооруженными людьми и, вытянувшись в две колонны, поплыли на веслах к берегу. Немедленно послано было приказание фейерверкеру Ченскому, находившемуся у орудия на мысу, чтобы он не прежде пустил ядро в неприятеля, как первый ряд баркасов станет причаливать к берегу, что и послужит сигналом для наших ружейных залпов. Неприятельские гребцы сильно работали веслами в упор морскому отливу, благодаря которому плавание шло довольно медленно. Вот первый ряд совсем уже приблизился, два баркаса коснулись обнаженного отливом берега. В этот момент грянула пушка и грохнули наши залпы ... Моментально англичане в баркасах вскочили на ноги и открыли огонь на мыс ружейными залпами. К сожалению, при первых же выстрелах неприятеля, пуля раздробила Ченскому кость правой руки выше кисти, но он сгоряча не обратил внимания на серьезную рану, выпалил из другого орудия и на этот раз столь удачно, что ядро попало в один из баркасов. Произошло смятение, началась пересадка людей, а на фрегате заиграли отступление. Когда баркасы повернули назад, наши казаки,

воодушевленные удачей, выбежали из разных углов с криком «ура» и провожали отступавших непрерывной пальбой...».

Англичане продолжали с лодок отстреливаться, а с пароходов и фрегата разом загрохотали все пушки. Град бомб, ядер и шрапнели сыпался у нас по лесу, иногда вырывая деревья с корнями. Залп за залпом следовал непрерывно; только в 6 часов вечера стрельба окончилась.

Этот первый день канонады сопровождался для нас печальными результатами: у нас оказалось 4 убитых и 8 раненых. На другой день бомбардировка не умолкала с 8 часов утра до 6 вечера. Все выстрелы направлялись на наши здания, но снаряды или не долетали до цели, или перелетали.

5-го октября прибыл в Декастри Сеславин с ротой есаула Забелло, а на другой день подошел Скобелыцын с 6-й сотней Амурского конного полка и 160 рядовыми линейного батальона. С прибытием подкреплений казаки оживились, в лагерях раздавалась веселая их песня, звуки которой доносились до англичан:

Вспомним братцы, как стояли
Да мы в Декастри на постах,
Янки нас атаквали,
Но остались в дураках.
Сряду три дня он палил,
Порох, пушек не жалел,
Сколько лесу повалил,
А на берег не посмел!

Припев: Грянем славу трубой,
Мы дрались, Янки, с тобой,
По горам твоим заморским
Разнеслась слава об нас.

Есаул наш Пузино
Ахнул, когда увидал,
Сколько вас пошло на дно!
«Молодцы!» — нам закричал; и пр.

Неприятель, как бы в ответ на эти дерзкие слова, усилил стрельбу перекрестным огнем — ядрами по берегу, бомбами и гранатами — по казармам. Одна казарма загорелась, но казаки быстро потушили пожар.

8-го октября, казаки, заметив приближавшуюся лодку англичан к бухте «Арбат», для наливки воды, вброд пересекли им дорогу и меткими выстрелами заставили повернуть лодки назад.

До 17-го октября англичане производили почти непрерывное обстреливание с судов берега и, не причинив нам вреда, 17-го ушли в море и более не показывались.

К этому же времени и Муравьев, с большим трудом и опасностью попасть в плен, едва добрался до Аяна. На небольшом американском парусном барке «Пальметто», со свитой из 30 человек, он несколько раз натыкался на неприятельские суда, но всегда уходил под прикрытием туманов. Погоня за ним продолжалась десять дней. Волны бросали маленький барк, как скорлупу, перекатываясь через него; обледеняли палубу и снасти, так что ходить по обмерзшей палубе было невозможно и свита, в числе которой была и Екатерина Николаевна, сидела в трюме, лишенном дневного света. Не будь энергических распоряжений Муравьева на барке «Пальметто», неприятель захватил бы всех живьем.

Так благополучно закончились наши военные действия по за-

щите восточного побережья от попытки неприятеля завладеть нашими восточными местами, прорваться чрез устья Амура и проникнуть в самую реку. Наши войска и, в особенности, казаки оправдали слова Муравьева в его последнем приказе: «... войска на устьях Амура нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются, а побеждают на своих местах или умирают, памятуя слова великого князя нашего Святослава: «Тут ляжем костями: мертвии бо срама не имут».

1856 ГОД. БЕДСТВЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЙСК.

«Наступила ненастная и мрачная осень, свойственная здешнему приморскому климату, с ураганами и выюгами. Выпавший снег был до того глубок, что без лыж нельзя было шагу сделать... Жизнь пошла однообразная и тоскливая; время тянулось бесконечно. Больных в Декастринском отряде прибавлялось, раненым требовалось сделать операции. Цинга стала развиваться с декабря 1855 года. Прекрасный и симпатичный человек, доктор Барт, прибывший для подания помощи, сам заболел цингой и умер. В феврале 1856 г. люди стали валиться от тифа, который почти во всех случаях осложнялся заушницей и потому больные быстро умирали от задушения. Сменивший Барта врач Ренчицкий, заразившись тифом, также скончался.

Уныние овладело всеми. Особенно удручало всех то обстоятельство, что, за неимением священника, покойников хоронили без христианского обряда. Провизия была на исходе. Всем страстно хотелось бежать с этого места. Наконец, в мае прибыл курьер и сообщил о заключении мира и о возвращении войск.

«Трудно выразить — говорится в записках И.В. Любарского, — человеческим языком охватившее нас чувство радости при известии о возврате нас в Забайкалье. На лицах засияло такое счастливое и светлое выражение, какое присуще православному люду только в день Св. Пасхи, среди родной обстановки. Подъем духа был так высок, что большая часть больных почувствовала в себе сразу физическую бодрость и энергию. Каждый рвался поскорее оставить этот гнилой угол. Когда Сеславин зашел в лазарет проститься с безнадежно больными, то один из них, урядник Сверкунов, подозвав знаками к себе полковника, умолял не давать ему умереть здесь, говоря, что быть похороненным во всяком другом месте будет для него отраднее. Желание его было исполнено; 12 казаков на носилках понесли его через горный хребет, но по дороге он скончался и тут же был погребен».

Своевременная развозка провизии для обеспечения продовольствием возвращавшихся войск была возложена на полковника Буссе.* Буссе учредил на пространстве от Мариинска до Усть-Стрелки всего пять пунктов с провизией: в Сунгари, Хингане, Зее, Кумаре* и Кутоманде — выше Албазина. Такие большие промежутки между постами послужили причиной гибели значительной части отряда.

Первыми двинулись казаки сводного полубатальона — с Языковым.* Захватив, по расписанию Буссе, провизии на 10 суток до Сунгари, казаки пришли туда на 14-й день, проголодав 4 суток. Такая медленность марша объяснялась тем, что сильным половодьем берега были затоплены — приходилось все время идти на гребях против быстрого течения реки. Люди выбивались из сил, к тому же много было больных тифом, среди которых был, между прочим, и командир роты есаул Забелло, умерший неожиданно для всех на устье Сунгари. Смерть любимого командира поразила казаков, они три дня справляли поминки

по нем, торжественно похоронив его на высоком острове против Сунгари; этот остров, сохраняя память о старом воине, так и называется Забелловским. То же название носят хутор Забелловский* и лежащие вблизи от него сопки.

Обессиленные голодом и отягощенные больными казаки едва двигались вперед; особенно трудно было в Хинганских щехах, у входа в которые их обогнали лодки 14-го батальона. Но и у линейцев было не лучше: у них тоже развился тиф, жертвою которого сделался поручик Туловский,* похороненный солдатами в месте, называемом ныне «падью Туловской».

Но, должно быть, «тише едешь — дальше будешь» — казаки в свою очередь стали нагонять линейцев, следовавших в беспорядке и терпевших огромную нужду в продовольствии. Однажды глазам казаков представилась такая картина: старший двух лодок Брылев копал могилу для умерших солдат; из 24 осталось в живых 18 и из них только двое на ногах, а остальные лежали в лодках в бреду и без сознания. Один солдат лежал у убитой Брылевым ороченской лошади, вцепившись зубами в труп ее...

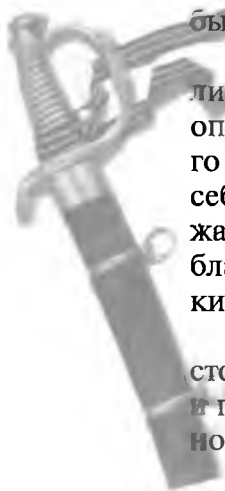
Взяв солдат к себе в лодки, казаки последовали далее. В Айгун их не пустили; власти манджурские провожали идущих русских, не позволяя своим продавать им что-либо из съестных припасов. Должно быть вид русских не внушал манджурам того страха и уважения, которым русские пользовались в передний путь. От Кумары движение войск еще более было затруднительно. На этой линии всем пришлось испытать муки голода. Спасительницей для всех была баржа с мукой, оставленная на мели из транспорта офицера Прищепенко.*

Здесь казаки настигли штабс-капитана Поротова* с ротой. Но в каком несчастном положении оказалась эта рота. Более половины людей валялось на земле с жестокими болями в животе: у одних происходила рвота, у других колики и судороги, несколько десятков людей, хотя и были на ногах, бродили, пошатываясь от слабости, как отравленные мухи. Причиной этого повального заболевания в острой форме послужило то, что изголодавшиеся солдаты, обрадовавшись находке, жадно и неудержимо набросились на муку и стали пожирать ее с животным остервенением. Некоторые, так сказать с налета, припадали к груде муки и ели полным ртом и, не будучи в силах проглотить набранную в рот сухую массу, задыхались насмерть.

Набравши муки, казаки двинулись далее вместе с линейцами, но на другой же день встретили шугу и принуждены были бросить лодки и, обовьюченные котелками и разным имуществом, таща больных на жердях-волокушах, пустились в путь пешком. Оставив лодки, люди пошли быстро и 11-го ноября уже показалась казачья станица Усть-Стрелка.

«Все мы — говорится в записках Любарского, — бегом бросились в эту обетованную землю, как бы боясь опоздать или словно опасаясь, чтобы ангел смерти не затворил пред нами ворот желанного рая. Как дети мы перегоняли друг друга, падали на бегу, разбивали себе носы до крови и колени и были невыразимо счастливы. Прибыв в станицу, целовали землю и обливали ее радостными слезами, благодаря Господа Милосердного, что вышли живыми из своих тяжких испытаний».

Но более всех натерпелся отряд подполковника Облеухова, состоявший из двух рот 13-го линейного батальона, вышедший 30-го июля и потерявший почти половину своих людей. Облеухов, в этом злосчастном году, только что приплыл со сплавом груза в Кизи и, несмотря на

предостережение Казакевича остаться на зимовку в устье Амура, решил на свою ответственность возвратиться тем же летом назад.

Спешность возврата объяснялась, как известно, тем обстоятельством, что у Облеухова в Иркутске была красивая и богатая невеста и он торопился со свадьбой и, кроме этого, он хотел отличиться и побить рекорд 68 конных казаков бывшей сотни Имберга, которые в 1855 году, уволенные Муравьевым домой, вышли под командой сотника Беломестнова из Мариинска 10-го сентября и прибыли в Усть-Стрелку 20-го декабря, потеряв одного казака Петра Пешкова, автора песни, начинающейся:

Со Стрелки отправлялись
С полными возами,
В Кизи приплывали
С горькими слезами...

Но что возможно для казаков, то не всегда по силам линейцам. Размер этой книги не позволяет распространяться об этом печальном событии. Скажем словами М.И. Венюкова,* сподвижника Муравьева и писателя его эпохи: «... люди (Облеухова) начали умирать с голоду, они ели подошвы, ранцевые ремни и т.п. Сам начальник команды подполковник Облеухов съел собственную собаку. Усталые солдаты отказывались идти и ложились умирать. Явилась мысль питаться человеческим мясом... воспользовавшись сном одного молодого юнкера, они пристрелили юношу и съели его...»

Довольно и этих мрачных картин, чтобы иметь понятие о бедственном возвращении с Амура наших пионеров-воинов, которые под бременем голода и усталости бросали свои собственные вещи, но, памятуя долг присяги Царю, не расставались с тяжелой кремневкой. Воскликнем же вместе с Венюковым: «Вечная память этим безвестным страдальцам, жертвам не великого дела, а неумелости тех, кто брался ими распоряжаться!...»

ПЕРВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА АМУР.

Неудачное возвращение войск с устьев Амура много повредило Амурскому делу, но Муравьев не унывал и, находясь в Петербурге на коронации Императора Александра II, писал оттуда Корсакову об организации переселения казаков весной 1857 года для занятия ими левого берега Амура. На протесты Китая он мало обращал внимания, зная, что Китай, будучи внутри охвачен возмущением Тайпингов,* (а извне ему грозили флоты английский и французский) не в состоянии силой противодействовать натиску русских на Амуре. Муравьева несколько не смущало негодование китайцев, писавших ему: «Из этого мы предвидим, что вы завладеваете насильственно местами Срединного государства* и, как кажется, вовсе не для отражения англичан. Генерал-губернатор, ты, нарушивши дружественные отношения, сряди четыре года ез-

Александр II, император всероссийский (1855-1881).

дил вверх и вниз и построил много домов. Какая этому причина? Это объяснить надо для донесения высшему правительству». Но Муравьев даже не отвечал на эти письма «болванов амбаней», как он называл их всех в письмах к Корсакову, и деятельно торопил последнего со сплавом войск.

Еще весною 1856 года все селения 2-й конной Забайкальской бригады облетело известие о вызове охотников идти переселенцами на Амур. Но таковых не нашлось и пришло распоряжение о наборе переселенцев посредством жеребья и назначения по усмотрению начальства. Формирование и сплав первых переселенцев возложены были на командира бригады Хилковского.*

В объявлении о наборе значилось: переселяющимся будут отведены места самые удобные для заведения хлебопашества, имеющие хорошие пастбища для лошадей и домашнего скота, воду и лес в достаточном количестве; переселяющиеся пользуются двухлетней льготой от службы; они получают 15 рублей пособия и в течение двух лет провиантское довольствие, а бедные, кроме того, бесплатное обмундирование и пр.

Но все эти «обещания», позолоченные пояснением хитрого Хилковского, что на Амуре — рай, нисколько не прельщали казаков, живших сравнительно в довольстве и не нуждавшихся в перемене места, и всякий из них, вынудивший билетик с роковой надписью «в Амур», носил вид приговоренного точно к смерти; родные его встречали ревом и плачем. Но что было тогда, когда тронулись в путь, — трудно передать словами: и провожавшие, и провожаемые, вцепившись друг в друга, ревом ревели; их силою растаскивали, связывали веревками и насильно клали на телеги; подростков стаскивали с крыш; старухи причитали, как над покойниками...

Концерт этот всякий раз повторялся при въезде во встречные селения и только с посадкой на баржи прекратился. «Должно быть, слезы-то все повыплакали», — подтрунивал Хилковский над бабами, обгоняя баржи с переселенцами и предупреждая их о встрече Муравьева.

При проследовании Муравьева, все на баржах выстраивались, не исключая женщин и детей. Муравьев весело здоровался с ними и

наказывал бабам беречь детей. Все с любопытством смотрели на виновника своих приключений, точно хотели надолго на память сохранить черты этого «юркового, кудреватого генерала», ловко правившего веслом в лодке.

Довольный осмотром переселенцев, бодрым их видом, генерал благодарил казаков, а на дежурном баркасе, сопровождавшем его, взвился бело-сине-красный флаг, обозначивший выдачу винных порций.

Дети и жены казаков на Амуре.

Обогнав весь сплав, по словам Р. Богданова,* Муравьев поплыл в той же легкой лодке впереди каравана судов. Его тревожила мысль о жертвах несчастного возвращения войск в 1856 году. Увидав на одном острове кости солдат, обглоданные зверями, Муравьев причалил и собственноручно зарыл их в землю, приказав Богданову стать на колени и молиться за безвинно умерших; сам он также стоял на коленях, крестился и что-то шептал про себя; на глазах у него были слезы... Следуя далее, уже на катере, Муравьев повсюду встречал либо кости, либо могилы с крестами. Все снимали шапки, безмолвно крестились, а отец Аввакум* тихо шептал молитву.

Выше Зеи, где стоит монумент Муравьеву, начальник поста — сотник Травин,* рапортуя, что на постах «все обстоит благополучно», пояснил между прочим, что из 60 казаков поста умерло зимою 29. Доклад флегматичного сотника взволновал Муравьева и он приказал показать место погребения казаков. Архимандрит Аввакум был приглашен на этот раз отслужить уже панихиду.

«И вот мы собрались», — вспоминает Венюков, — «с непокрытыми головами в одной небольшой пади или лощинке, где стояло несколько крестов, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здесь, на дальнем востоке Азии, все мы, живые и мертвые, правые и левые, красные и зеленые, — члены одной великой русской семьи, что когда-нибудь история вспомнит и о скромном кладбище над увалом левого берега Амура и о тех, которые в виду его готовились, кто знает? может быть, тоже лечь в могилу в том же далеком от родины крае».

По прибытии на Зейский пост Муравьев энергично принялся за устройство помещений для колонистов. Работа закипела, пишет Венюков: немедленно, верст на десять по Амуру и Зее от места их слияния, был вырублен весь прибрежный тальник и началось сооружение из него плетней.

Строился дом для начальника отряда и всего края, но это был дом из дерева. Основано было 20 домов по проекту капитана Дьяченко,* который прежде служил в южнорусских военных поселениях и был знаком с возведением скороспелых зданий, воздвигавшихся для вида инспектирующему начальству. Мазанки эти, удобные в сухом климате южной России, оказались однако же слишком прохладными в суровой стране... После зимовки в них населения наружный слой глины местами обвалился совсем. Смертность в мазанках была едва ли не сильнее, чем в солдатских бараках.

Отец Александр Сизой,* первый священник на Амуре, деятельно заботился об устройстве первого храма; он, чтя память умерших казаков,

*Приезд Н.Н. Муравьева в Усть-Зейский пост в 1857 г.
Художник Е. Санаев. 1958 г.*

испросил разрешение Муравьева перевезти с поста готовый новый сруб, в котором сотник Травин хранил всю зиму трупы умерших людей за невозможностью копать для них могилы в мерзлой земле, так как все были больны и еле могли двигаться. Здоровый и сильный отец Александр, по сказанию казаков, на себе таскал бревна, а Муравьев с офицерами плотничал внутри при устройстве престола. В неделю часовня была готова. Итак, усыпальница «положивших живот свой за страну сию» обратилась в алтарь нынешней деревянной Никольской церкви* в г. Благовещенске. Раздался первый благовест с колокольни и «страна сия» послужила рассадницей христианского учения в соседней языческой земле.

Таким-то образом воздвиглась Усть-Зейская станица, колыбель нынешнего Благовещенска. По берегу растянулся лагерь и в нем по вечерам ежедневно игралась заря, пелись песни, гремел выстрел пушки, наводивший панический ужас на китайцев.

Кроме Усть-Зейской станицы воздвигались постройки вверх и вниз от нее, работали солдаты 13-го и 14-го линейных батальонов.

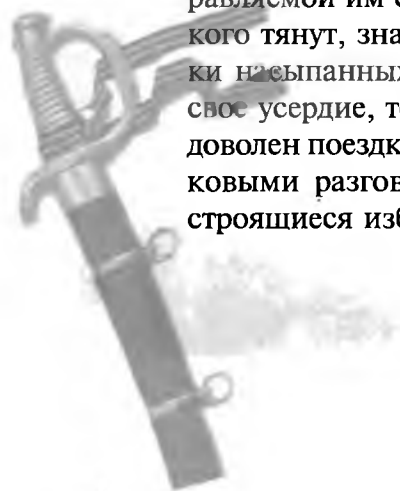
Сплав колонистов, между тем, шел медленно. Был уже июль. Муравьев горячился. Прибывший начальник сплава, полковник Ушаков,* был осыпан упреками и выговорами, но гнев Муравьева особенно обрушился на инженера Бурачка, главного виновника медленности сплава, устроившего громоздкие, неуклюжие баржи, ежечасно садившиеся на мель.

Досталось много интенданту Журавицкому за проволочку при нагрузке провианта, а топографа Жилейщикова, опоздавшего прибыть, Муравьев велел разжаловать из унтер-офицеров и... высечь.

Но, наконец, показались Буреинская сотня, затем и Усть-Зейская. Последней Муравьев сделал смотр и, нашедши ее бедно одетой и плохо снабженной хозяйственным инвентарем, обвинил во всем этом упущении Хилковского, а когда узнал от казаков о не совсем благовидных действиях его по оставлению на месте богатых переселенцев, произнес пред ними речь, по словам Венюкова, «не очень лестную для Хилковского». «Как быть!» — добавляет он, — «не все находили на Амуре обетованную землю, в которой осуществлялись надежды на быструю карьеру».

Оставив в Усть-Зейской станице главным начальником Амурской линии подполковника Языкова, Муравьев отбыл вверх по Амуру, бечевой на лодке, для осмотра прибывших переселенцев. Вдвоем со своим адъютантом, сотником Венцелем, на небольшой лодке, ловко управляемой им самим, Муравьев быстро двигался вперед. Казаки знали, кого тянут, знали как щедро генерал платит на водку (менее полушапки насыпанных серебряных рублей никто не получал), — и удваивали свое усердие, тетива лямки гудела, как натянутая струна... Генерал был доволен поездкой. Он выходил на берег к переселенцам, ободрял их ласковыми разговорами, советами, одарял деньгами и охотно посещал строящиеся избы, где бабы били печки, напевая по-забайкальски:

Глина бела плотно бейся,
Гори ясно, ты, аргал;
Высоко дым белый взвейся,
Чтобы милый увидал.

По пути Муравьев давал названия возникшим в 1857 году станциям: урочище Нарасун он приказал наименовать Бибиковой,* в честь своего сотрудника — чиновника, сопровождавшего его в сплаве 1854 г. На улусе Самадон два небольших поселка названы — Казакевичевым* и Корсаковым,* в честь известных деятелей и усердных помощников Муравьева в Амурском деле. Кумарская* — по р. Кумаре, где не раз рубились с манджурами наши казаки в XVII веке. На Унми — Аносова,* в честь горного инженера, составившего первое описание Амура. На Ангане — Кузнецова,* в честь купца Кузнецова, много жертвовавшего на осуществление идеи взятия Амура, он был одним из горячих поклонников Муравьева.

Расположенную у речки Бусули станицу, Муравьев официально приказал именовать Ольгинской, в память Святой Ольги. Здесь, между прочим, он сильно разнес сотника Перфильева,* прозванного звероловом, за то, что он, как охотник, устроил станицу вдали от Амура, на болоте, со временем пришлось ее переносить. На устье Буринды — Толбузина,* в честь известного воеводы. Станица Панга переименована в Бейтоновскую* — в честь героя фон-Бейтона. Пермыкина* сперва называлась Кайкукан, переименована в Пермыкину в честь чиновника Пермыкина, сопровождавшего Муравьева в экспедициях.

В означенных станицах поселились конные казаки Усть-Стрелочной и Горбиченской сотен. Буреинская же сотня заняла станицы ниже Усть-Зейской сотни, а именно: Скобельцынскую,* названную в честь зауряд-сотника Скобельцына; Иннокентьевскую, названную в честь первого преосвященного на Амуре Иннокентия; Халтан, переименованную в Касаткину — в честь доктора Касаткина,* бывшего в экспедициях с Муравьевым; Хинган, переименованную в Пашкову* — в память известного воеводы нерчинского.

Четыре последних станицы построены солдатами 2-го батальона. Во всех этих селениях было не свыше 1800 человек обоего пола. Несмотря на такую малочисленность, Муравьев, уезжая с Амура, приказал начальнику линии Языкову установить безостановочное движение почты и курьеров за счет образовавшихся новых селений. «По-моему, учреждать

Казачье поселение на Амуре.

почту на Амуре нельзя, — писал он Корсакову, — это бы стоило 80 тысяч рублей в год, а надобно придумать другие средства». Сказано — сделано. Казаков, не дав им никакого пособия на заведение лошадей, сбруи и пр. имущества заставили возить почту, курьеров, эстафеты и проезжающих...

Трудно представить себе сколько силы, здоровья и средств унесла эта повинность. Например: от станицы Бибиковой вниз казаки везли почту прямо до Усть-Зейской станицы, а вверх — до Корсаковой. В непрерывной работе находились все лошади и все наличное население, от мала до велика. В один раз туда и обратно нужно пробежать 150 верст и, не отдыхая, делать тоже самое. Разгон был большой, особенно донимали курьеры. Уезжая с почтой, казаки должны были брать с собой харчи для себя и фураж для лошадей и делать частые остановки для кормежки выбившихся из сил животных. Случалось часто, что в станице, имевшей тогда 8 домов, кроме баб и малых детей, никого не оставалось — все находилось в пути. Отец с сыном иногда не видались по месяцам, встречаясь только по дороге. Было ли время при таких обстоятельствах казакам подумать о своем хозяйстве?

Как перенесли этот год казаки, сошлемся на описание Венюкова: «Горе было в том, — говорит он, — что хозяйственные-то запасы колонистов были до крайности скудны. Казаки, прибывшие на Амур из Забайкалья, вообще были снабжены продовольствием на 14 месяцев и, если бы случилась в течение зимы какая-нибудь убыль припасов, то пополнить ее не имели возможности. Ни казна, ни частная русская торговля не могли им подать помощи раньше конца мая следующего 1858 года. Весь домашний скот и птица должны были кормиться из того же четырнадцатимесячного запаса. Переселенцы прибыли поздно, сена заготовили мало. Вот почему часть привезенной из Забайкалья живности была съедена зимой, другая подохла и рабочие силы к началу рабочей поры 1858 года были в состоянии неудовлетворительном.

Этого факта не следует забывать, когда разбирают причины малой зажиточности приамурских жителей (казаков); они, так сказать, были надорваны в силах и средствах для борьбы с природою в самый день их водворения в новом крае».

АЙГУНСКИЙ ТРАКТАТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ АМУРСКОГО ВОЙСКА В 1859 ГОДУ.

1858 год в жизни Амурского края был замечателен своими событиями, имеющими историческое значение. Еще с зимы 1857 года начали в Забайкалье готовиться к экспедиции 1858 года, цель и размеры

Будущие казаки.

которой огромны. Прежде всего предполагено Муравьевым усилить образовавшиеся в 1857 году станицы новым приселением к ним казаков, потом заселить местность от Хингана до Уссури и, наконец, положить начало заселения самой Уссури.

Но, главным образом, Муравьев стремился в этом году оформить свои захватные владения на Амуре подписанием с китайцами трактата, который и явился бы венцом его многолетней и энергической деятельности на Амуре, что ему и удалось сделать скоро и легко, чего не ожидал он сам.

Выехав на катере, вместе с преосвященным Иннокентием, тотчас за льдом, Муравьев прибыл в Усть-Зейскую станицу 6-го мая. Здесь он узнал, что китайский уполномоченный, князь И-Шань,* тесть Императора, прибыл в Айгун и ожидает Муравьева для переговоров. Послав чиновника сказать И-Шаню, что он вскоре выезжает, Муравьев занялся осмотром гарнизона и станицы, показав тем самым китайцам, что он не особенно торопится с переговорами. В этот промежуток времени Муравьев, по случаю заложения храма во имя Благовещения, переименовал 9-го мая Усть-Зейскую станицу в Благовещенскую. 10-го мая Муравьев, на вооруженном катере, конвоируемом двумя канонерками, с оркестром музыки иркутских казаков, явился под Айгуном и 16-го мая заключил договор. Обстоятельства, сопровождавшие заключение Айгунского договора, будут приведены в своем месте, здесь же скажем, что китайцы упорно не соглашались с условиями русских, старались всякими уловками оттянуть переговоры, но Муравьев был непреклонен и, напомнив китайцам, что они в таком же положении находятся сейчас, как русские в 1689 году при заключении Нерчинского договора, то есть бессильны, приказал прервать переговоры и выехал из города. Это так подействовало на И-Шаня, что он тотчас же подписал договор. Итак, Амур, с миллионами квадратных верст,* сделался достоянием России.

В ночь с 17 на 18 мая Муравьев возвратился в Благовещенскую станицу; на другой день, в воскресенье, состоялось торжественное празднование по случаю заключения договора, которое, по словам протоиерея Сизого, продолжалось целую неделю при громе пушек и звоне одного пятифунтового колокола. «Преосвященный Иннокентий», — говорит Сизой, — «открыл крестный ход к походной Никольской церкви при участии всего тогдашнего населения, с духовой музыкой, привезенной Муравьевым из Иркутска, и здесь Муравьев и владыка Иннокентий, преклонив колени, воздали Господу Богу благодарение за возвращение в

Благовещенск-на-Амуре. 1870 г.

достояние Российской Державы приамурского края и в знак сего, в двух саженьях* от церкви, на южной стороне, было на высоте воздвигнуто государственное знамя, показывающее, что эта страна отныне навсегда принадлежит Русскому Царю и Русской православной Державе».

После молебна владыка Иннокентий обратился к Н.Н. Муравьеву с следующей речью: «Наконец Господь Бог помог вам совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог твой, устроивший это дело вождельно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия! Нет надобности говорить здесь о том, какие выгоды и блага могут произойти от этого края для России. Скажем только, что это есть вместе благо и счастье для самих соседей наших, ибо рано или поздно они через нас просветятся светом Христовым... Не время и не место исчислять твои заботы, усилия, труды и пр. — их оценит будущее поколение. Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда не забудет тебя наша православная церковь!» (Барсуков).*

По окончании молебна состоялся парад местным войскам, в котором принимали участие впервые наши казаки. «Товарищи — обратился к ним с речью Муравьев, — поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Святая православная церковь молится за вас! Россия благодарит! Да здравствует Император Александр II и да процветает под кровом его вновь приобретенная страна! Ура!»

Через несколько дней после того состоялось опять празднование по случаю переименования станицы Усть-Зейской в город, названный, как свидетельствует отец Сизой, по настоянию владыки Иннокентия — Благовещенском — «в выражение той глубокой мысли и

истины, что если бы не было праздника Благовещения, то не было бы и других спасительных событий для человечества». Муравьев же хотел назвать город — Россияслав.

Усть-Зейская станица, переименованная в Верхне-Благовещенск, потянулась со своими пожитками в тот же день на свое новое место выше города, в семи верстах. Этим и закончилось торжество в Благовещенске, после чего Муравьев с Преосвященным выехали для обозрения станиц и для устройства прибывших переселенцев.

Судьба неодинаково благосклонно отнеслась к подписавшим Айгунский договор. Н.Н. Муравьев был возведен в графское достоинство; перо, которым он подписал договор, любовно хранится и передается из потомства в потомство; князь же И-Шань был разжалован и лишен прав и ему, по преданию, существующему среди манджур, отрублена была рука, подписавшая такой постыдный для Небесной империи договор. Губернатор Айгуна Жира Мин-го* также

Монумент графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, вблизи Благовещенска. С фотографии начала XX в.*

Знак в память 50-летия заключения Айгунского договора.

был разжалован и сослан в Сан-Син.* В 1859 году он, узнав о прибытии Муравьева и подкупив стражу, приехал на Амур. Об этом свидании Б. Кукель* так повествует в своих воспоминаниях: «Жалкое зрелище представлял при этом 70-летний дряхлый старик, с тяжелой, в квадратный аршин, колодкой на шее, которого я раньше видел окруженным почетом и роскошью. Несчастный старик не принял предложения бежать в Россию и со слезами объяснил, что в Пекине находятся в качестве заложников его сын и дочь, которых казнили бы, если бы он бежал; при этом он просил передать письмо Муравьеву, сам же он не мог долее ждать приезда графа, так как средства для уплаты стражни-

кам истощились. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что письмо бывшего губернатора содержало в себе ругательства по адресу Муравьева, будто бы погубившего его. Граф, несмотря на это, оказал ему денежную помощь».

Движение переселенцев тем временем, в 1858 году, шло своим порядком. Конные казаки Горбиченской и Усть-Стрелочной сотен, в числе 125 семейств, ведомые зауряд-войсковым старшиной Скобелыцыным и зауряд-хорунжим Гавриилом Самсоновым,* усилили верхние станицы и основали: Покровскую,* названную в честь Покрова Пресвятой Богородицы; Амазарскую* — по речке Амазар; Игнашино* — по речке, по которой она расположена (По преданию здесь была расположена крестьянская слобода Игнашино, а ниже, против Монастырского острова — слобода Монастырщина.); Свербеевскую, названную в честь чиновника по дипломатической части при Муравьеве; Невер, переименованную в Рейнову* в честь инженера — капитана Рейна; Сгибневу,* около устья Ольдоя — в честь чиновника А.С. Сгибнева,* сопровождавшего Муравьева во всех его экспедициях и как первого командира на первом пароходе «Аргунь».

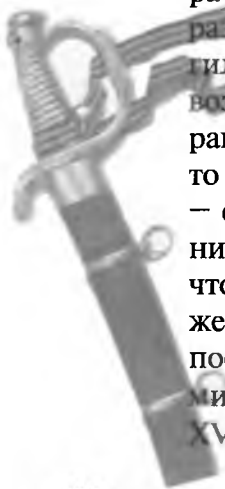
Албазинская удержала свое историческое имя древнего Албазина. Станица расположилась ниже крепости, на низменной местности, и впоследствии была водой снесена. На высоком же увале, в центре самой крепости, Муравьев приказал строить церковь и отдал письменное распоряжение не селиться ближе ста сажен от крепостного вала, не трогать местных предметов, напоминающих о славном прошлом этого исторического места. Он любил гулять здесь и подолгу засиживался на одной огромной каменной плите, по преданию, лежащей на могиле князя Албазы,* с непонятной надписью. Корсаков также обращал внимание на сохранение в первобытном состоянии этого места, обильно упитанного казацкой кровью. Он, между прочим, приказал в своем присутствии разбить бульвар по набережной улице. Р.К. Богданов, или как его Муравьев называл, Богдашка, рассказывал, что первый архиерей Иннокентий, потерпев аварию на своем походном баркасе возле Албазина, служил молебен здесь и посадил сам три сосны во имя Отца, Сына и Св. Духа. Богданов сильно осуждает современников с пренебрежением относившихся к этому месту: сосны кто-то порубил на дрова; ог-

ромную плиту, длиною в сажень, шириной в полсажени и толщиной в аршин, с могилы Албазы, командир бригады Черняев* зачем-то приказал сплавить на пароме в Благовещенск и она долгое время, до 70-х годов, валялась во дворе бригадного правления, где ныне стоит военная гауптвахта и куда девалась — неизвестно. Старики-казаки рассказывают про эту плиту: «как не помнить ее, славная плита, частенько кололи на ней дрова в бригаде».

Вторым эшелonom переселенцев, в составе двух сотен — Константиновской и Поярковской, набранных также из конных полков Забайкальской бригады, основаны станицы ниже Благовещенска: Низменная,* получившая название от низменности, на которой она расположена (впоследствии всю ее снесло водой, а казаки раскочевались по другим местам); Константиновская, названная в честь Великого Князя генерал-адмирала Константина Николаевича, покровителя Амурского дела; Сычевская* — в честь переводчика* манджурского языка, бывшего при заключении Айгунского договора; Поярковская — в память известного казака Пояркова, действовавшего в XVII веке; Куприянова* — в честь мичмана Куприянова,* бывшего на первом пароходе «Аргунь» и участвовавшего в экспедиции 1855 года.

Во всех этих станицах было к 1 января 1859 года 4408 душ обо-его пола, которые и образовали Амурский конный казачий полк в шесть сотен.

Самой крупной партией по численности в 1858 году было занято под поселение все пространство от Хингана вплоть до Уссури. Партию эту вел Пузино и она состояла из 360 семейств пеших казаков, набранных от всех 12 батальонов, и ей образованы следующие станицы Амурского пешего казачьего батальона: Раддевская,* названная в честь натуралиста Радде,* жившего около этой станицы в 1857 году и занимавшегося зоологическим и ботаническим исследованием Хингана по поручению Русского географического общества (На высоком пригорке построена в 1866 г. часовня в память избавления Императора Александра II от злодейского на него покушения 4 апреля 1866 года.); Помпеевка,* названная по имени Помпея Поликарповича Пузино, первого командира Амурского пешего батальона; Поликарповская,* названная по отчеству того же Пузино; Екатерино-Никольская,* эта красавица-стан-ица получила имя в память супруги графа Муравьева — Екатерины Ни-колаевны, сопровождавшей его неоднократно на Амур; Пузино* — в честь вышепоименованного командира батальона; Нагибова* — в па-мять известного казака Ивана Нагибы, бывшего при завоеваниях Аму-ра в XVII веке (Он с 30 казаками был послан для розысков Хабарова, разохался с ним, неоднократно бился с инородцами, особенно же с гиляками, и вынужден был с устья Амура морем плыть на кочах* для возвращения в Якутск.); Добрая* (При первом посещении графом Му-равьевым этого селения, он спросил казаков: «Каково место?» — «Мес-то доброе», — отвечали казаки. «Ну, так и зовите эту станицу Доброй», — сказал им граф. Полковник Будогосский, выбирая место под заселе-ние батальона, назвал это место также добрым, предполагая на взгляд, что оно представляет огромные выгоды для хлебопашества. Сказалось же, что это место затопляется водой, жители раскочевались и до самого последнего времени на этом «добром» месте торчал уныло один до-мишко; Квашнина* — в честь казака Квашнина,* действовавшего в XVII веке; Дежнева — в честь славного Дежнева, действовавшего на

севере Сибири и раньше Беринга открывшего пролив между Азией и Америкой; Михайло-Корсаковская — в честь Михаила Семеновича Корсакова, деятельного сотрудника и помощника Муравьева при занятии и заселении Амура (Он начал службу при Муравьеве с обер-офицерского чина, а кончил — свиты его Величества генерал-адъютантом и генерал-губернатором Восточной Сибири. Таким быстрым продвижением по службе Корсаков обязан всецело Муравьеву, бесконечно любившему его и ценившему в нем высокочестную и усердную службу. Он умер в 1871 году от тифа в Петербурге.); Воскресенская* — названа самими казаками во имя Воскресения Господня; Степанова — в честь известного казака Онуфрия Степанова, действовавшего на Амуре после Хабарова и погибшего в речном бою с китайцами у устья Сунгари; Головина — в память якутского воеводы Головина,* посылавшего на Амур казаков для поиска земли; Вознесенская* — названа самими казаками во имя вознесения Господня; Петровская — во имя апостола Петра, названа самими казаками; Луговая* — названа так по большим луговым местам, окружавшим эту станицу и соседние с ней селения (Роскошный вид этой равнины, с высокой волнующейся травой, не раз давал повод путешественникам, описывающим страну из окон уютного парохода, прокатиться насчет лени казаков, якобы неспособных использовать эти природные богатства, своего рода «Амурские прерии», где единственная царица сих лугов, цапля, не может найти сухого места для выводки своих детей).

В том же 1858 году Муравьев поспешил занять Уссури, не ожидая разграничения с Китаем согласно Айгунского договора. По его распоряжению из сплава есаула Пузино двинуты были туда, в составе роты, 45 семейств пеших казаков, положивших основание Уссурийского пешего батальона. Под непосредственным руководством своего первого командира батальона, войскового старшины Киселева,* казаки заняли три селения: Корсакову,* названную в честь уже известного Михаила Семеновича, трудившегося над воссозданием Амурского края; Казакевичеву, названную в честь первого военного губернатора Приморской области контр-адмирала Казакевича, деятельного сотрудника Муравьева; Невельскую* — в честь контр-адмирала Геннадия Ивановича Невельского, как уже известно, открывшего устье Амура и впервые положившего основание нашего владычества на Амуре.

С прибытием 236 человек штрафованных нижних чинов переселение в 1858 году закончилось. Торопясь заселить Амур, Муравьев не разбирал качества переселяемых и узнав, что богатые казаки под разными предлогами уклоняются идти на Амур, он, не задумавшись, испросил у военного министра Сухожанета разрешение зачислить в казаки около 2 тысяч солдат, отбывающих наказание в разных тюрьмах бывшего корпуса внутренней стражи, равных теперешним дисциплинарным ротам и батальонам. Военное начальство радо было отделаться от этих солдат, переполнивших все гарнизонные тюрьмы и мало исправлявшихся, несмотря на жестокие побои и шпицрутены. Шли эти «новые» казаки, как их называл Муравьев, партиями в 500 человек этапным порядком из Иркутска, в Чите* распределялись по сплавам на

баржи в качестве рабочих и уже на Амуре расчислялись по станицам в семьи казаков. Муравьев был доволен ими и так писал о них Корсакову: «Я не думаю трогать дрянных твоих казачков, которые все только пишат, а хлеба не сеют; они тогда только пригодятся в люди, когда мы их наполовину разбавим русскими людьми; везде, и здесь на Амуре, эти штрафные — молодцы; спасибо за них Сухозанету! Это просто учителя для казаков: даже лодки строить, рыбу ловить и баржи с мели снимать».

Зато войско, поближе узнав этих молодцов, говорит о них совершенно иное. Они, действительно, явились «учителями» казаков по части воровства, пьянства, лени, ослушания и пр. преступлений. Прошедши «огонь, воду и медные трубы», «сынки», как их называли казаки, выпущенные на свободу, дав своим порочным страстям полный разгул, не только не явились в семьях казаков полезными членами, но внесли туда разврат и заразили их нравственно и телесно. По части воровства они были настоящими художниками и пословица: «на ходу подметки подрезали» — осталась, как памятник, об их пребывании в войске. Воровство они считали «заработком» и, пропивши быка, коня, зуб для бороны и прочее, выданные от казны на устройство хозяйства, гурьбой устремлялись в город Благовещенск «на заработки». Но здесь их принимали не особенно гостеприимно, что и видно, например, из приказа губернатора Буссе: «казаки из нижних чинов бывшей внутренней стражи, увольняемые в Благовещенск на заработки, по прибытии в город, как люди совершенно отвыкшие от работы, предаются пьянству, а затем воровству, через что жители города опасаются даже пускать казаков этих к себе на квартиры, а потому, в видах спокойствия города, предписываю из забирать и отправлять по месту жительства».

Их забирали, отправляли под конвоем в станицы, где сотенные командиры драли их, как «сидоровых коз», но, должно быть, горбатого могила исправит, — они снова удирали... Что же касается того, какими «русскими людьми» были разбавлены казаки — свидетельствуют о том их фамилии, расположенные в стихотворной форме, составленной Гавриилом Павловичем Гантимуровым,* вечно смеявшимся над «сынками»:

Шалыпко, Юзеф Макровский,
Ян Пузатый, Веселовский,
Шнелль, Фитула Гайнуллин,
Катлукаин Файзуллин,
Миринид Кацап, Заря,
Асан, Ахмад, Казюра,
Пан Хилецкий, Жидейкус,
Громус, Савчук, Матеус,
Гоий Салев — Свинодзеев,
Сараша, Вицент Фадеев, и т.д.

Покойный князь Гантимуров, хронический зауряд-сотник, командовавший Иннокентьевской сотней, много знал наизусть разных амурских стихотворений и любил «пускать критику» на переселение, а в особенности на Чеснока, командира батальона, за что неоднократно сиживал на гауптвахте. Он был большой чудака и однажды, представляясь генерал-губернатору, явился босиком, но в*

парадной форме. Озадаченный, но всегда спокойный Корсаков спросил: «Что это значит?» Гантимуров ответил: «Это значит, что я, как офицер честный, живу на одном жалованьи и соболями на казенные деньги не торгую». Впрочем, хождение босиком не считалось в то время предосудительным и часто можно было видеть, как зауряд-сотник плетется в баню босиком, с веником под мышкой, но непременно в офицерских погонах; а в сильную грязь зауряд всегда снимал сапоги, перебрасывал их через плечо, подсучивал штаны и важно шлепался по улице, и Боже упаси встречного казака, если он зазевается и не отдаст чести Его Благородию, приняв за своего брата-станичника — запорет!...

Чеснок не церемонился с «заурядами», постоянно сажал на гауптвахту «этих фгантов» (он картавил) и бил на самолюбие их, говоря им: «Ну, и действительно, куица — не птица, баба — не человек, заугяд — не офицер и жена его — не багыня».

ОБРАЗОВАНИЕ АМУРСКОГО ВОЙСКА.

«1859 год», — пишет отец Александр Сизой, — «был встречен торжественно по случаю открытия Амурской области и прибытия губернатора Н.В. Буссе, человека деятельного, гостеприимного и вообще — человека с симпатичным характером. По получении Высочайшего Манифеста об открытии области, в мае месяце отправлен был торжественный молебен. С открытием области население Благовещенска стало быстро увеличиваться... Открылись самостоятельные причты с вновь построенными церквями в Албазине, Кумаре, Иннокентьевке и Екатерино-Никольске».

Одновременно с открытием области объявлялось Высочайшее повеление об образовании 8-го декабря 1858 г. Амурского казачьего войска в составе Амурской бригады, Амурского и Уссурийского батальонов.

Вместе с Буссе прибыл и вновь назначенный командиром Амурской казачьей бригады майор Г.Ф. Черняев, который привел с собой 70 семей переселенцев, набранных из 4-го, 9-го, 11-го и 12-го батальонов пешего Забайкальского казачьего войска. Под его руководством этими казаками, а также казаками, приведенными сотником Чесноком, были образованы станицы: Орловка, названная в честь топографа Орлова,* производившего первоначальную съемку Амура в 1857 году и лично наблюдавшего за расселением верховых станиц; Бекетова,* названная в честь сотника Бекетова, действовавшего в XVII веке при завоевании Амура; Ваганова* — в память топографа Ваганова,* секретно посланного Муравьевым для снятия маршрута от караула Олочинского* Забайкальского казачьего войска на вершину реки Кумары и изменнически убитого китайцами, вместе с нижними чинами, в 100 верстах от караула; Черняева* — в честь Георгия Федоровича Черняева, первого командира Амурской бригады; Ермакова* — в память завоевателя Сибири Ермака Тимофеевича; Кольцова* — в память атамана Ивана Кольцо,* верного слуги Ермака; Ушакова* — в честь состоявшего по особым поручениям при графе Муравьеве полковника Ушакова, бывшего неоднократно в амурских экспедициях и сплавах; Симонова — сперва названа была Шелашниковой, но в 1861 году, с переселением туда казаков 8-го батальона, она была переименована в Симонову, в честь полковника Генерального штаба Симонова,* руководившего

съемками на Амуре и Уссури (О переименовании ее известил сам полковник, проплывавший на катере и бросивший казакам на палке 10 рублей со словами: «Поздравляю вас, станица названа моим именем, выпейте за мое здравие!»); Буссева* — в честь первого губернатора области Н.В. Буссе; Сухотина* — сперва носила имя «Степанова 1-я», но потом переименована в честь есаула Сухотина,* поднявшегося первым вверх по Амуру в 1855 г. (Он был знаменитым полицеймейстером города Иркутска; затем командовал Иркутским казачьим полком и убится, бросившись со скалы около Читы. Любимец Муравьева, он слыл между современниками за высоко честного и благородного человека.); Екатерининская* — по имени супруги Буссе Екатерины Михайловны; рядом лежащая крестьянская деревня Михайловка* названа по отчеству ее; Никольская — по имени первого губернатора Николая Васильевича Буссе; Михайловская* — по имени командира 2-го конного Амурского полка Михаила Акимовича Чеснока; Сагибова* — так названа губернатором Буссе (Кто был Сагибов, не удалось установить: офицеров с такой фамилией в войске не было, а также и в числе сподвижников Муравьева не встречается такой фамилии; казаки-старожилы также ничего не могли разъяснить.); Спасская — во имя Преображения Господня 6-го августа, когда казаки вышли на берег и поселились; Новгородская* — так названа самими казаками; Забелова — в память есаула Забелло, командовавшего 2-й ротой сводного казачьего полубатальона в сражении при Декастри и умершего на возвратном пути около Сунгари (По имени его называются Забелловские сопки и остров против Сунгари, где он схоронен казаками.).

Самое расселение по означенным местам не зависело от казаков.

Их, как и в 1857 году, не спрашивали: нравится ли место, годно ли оно к землепашеству, а когда очередной барже с переселенцами подходит время высаживаться, старший на барже зорко смотрит на берег и, увидев столб с дощечкой, командует: «Прибываться к берегу!» После остановки начинается выгрузка людей, имущества, провианта. Нагнавший начальник «реза» (рейса) выдает винные порции, поздравляет колонистов с новым местом жительства и, сказав: «Живите, ребята, с Богом!» — едет дальше для такой же надобности.

Берега Уссури также стали принимать оживленный вид. В 1859 г. туда переселено было 284 семейства пеших казаков. Особенность этого переселения заключалась в том, что Муравьев поручил сотнику Кукелю 2-му, заведывающему сплавам, совершить сплав на срок, то есть привести переселенцев не позднее 1 июня к устью Уссу-

Посмертный портрет первого губернатора Амурской области генерал-майора Н.В. Буссе. Неизвестный художник. 1870-е гг.

М.И. Венюков.

ри. Молодой, энергичный, горевший желанием послужить на Амуре Кукель исполнил поручение с успехом и 31 мая уже сдавал переселенцев командиру Уссурийского батальона Киселеву. Переселенцы шли на больших лодках-баркасах и хотя «прибыли скоро и благополучно», но жаловались на то, что мало захватили с собой имущества, много пришлось бросать на берегу Шилки. На этих же баркасах, тяжелых и неуклюжих, казаки потянулись против течения занимать предназначенные им селения. Насколько легко было плыть по течению, настолько же трудно было тащить эти баркасы лямкой. Только глубокой осенью казаки добрались до своих мест.

В тот год ими были образованы следующие станицы: Киселева,* названная в честь первого командира Уссурийского батальона войскового старшины Киселева; Будогосская* — в честь обер-квартирмейстера войск Восточной Сибири подполковника Будогосского, под наблюдением коего производились съемки рек Амура и Уссури и разбивались станицы Амурского батальона; Венюкова* — в честь капитана Генерального штаба Венюкова, который первый произвел глазомерную съемку Уссури в 1858 г.; Кедровская* — от Кедрового бора, находившегося в пяти верстах от станицы; Видная* — по красивому, видному месту, на котором она расположилась; Лончакова* — по фамилии прежде других поселившегося казака Лончакова; Козловская* — в честь поручика № 3 батальона Козловского, заведывавшего стройкой домов по Уссури трудом линейных солдат; Княжеская* — в честь второго командира Уссурийского батальона князя Дадешкелиани*; Красноярская* — название дано самими жителями; Ильинская* — во имя пророка Ильи, в самый день празднования которого казаки заняли станицу; Верхне-Никольская* — по имени графа Николая Николаевича Муравьева; Верхне-Михайловская* — по имени генерал-майора Михаила Семеновича Корсакова; Буссе* — в честь военного губернатора Амурской области генерал-майора Буссе.

В период времени 1860-1863 годов на Уссури пришло еще 400 семейств пеших же казаков и более 800 человек штрафованных нижних чинов. Этими переселенцами были усилены и образованы вновь: Дьяченкова* — в честь капитана линейного №13 батальона Дьяченко, больше года командовавшего Уссурийским батальоном в то время, когда, по выражению самого Дьяченко: «батальон дожил до тюки, что ни хлеба, ни муки»; Трехсвятительская* — основана в 1860 году во имя Трех Святителей; Кукелева* — основана в 1862 году и названа

в честь сотника Кукеля, отлично приведшего переселенцев в 1859 году, заботившегося об их нуждах и по-человечески с ними обращавшегося; Шереметьева* — по фамилии казака Шереметьева, первоначально поселившегося на месте названной станицы; Васильева — в честь сотника Васильева, производившего съемку в Уссурийском крае; Покровская — основана в 1862 году во имя Покрова Пресвятой Богородицы; Зарубина* — по фамилии казака Зарубина, первого переселившегося на место станицы в том же в 1862 году; Пешкова — по фамилии казака Пешкова, выбравшего место для этой станицы; Графская* — в честь командовавшего два года батальоном адъютанта генерал-губернатора графа Стенбока; Нижне-Никольская* — основана в 1862 г. и названа по имени графа Муравьева-Амурского; Нижне-Михайловская* — основана в том же году и названа по имени М.С. Корсакова.

В разгар самого движения переселенцев граф Муравьев проплыл на пароходе «Лена»* к устью Амура, а оттуда в Японию для переговоров по поводу острова Сахалин; по пути он останавливался в станицах и объявлял казакам, что они, согласно воле Государя Императора, отныне составляют самостоятельное войско; он призывал казаков защищать Амур, в случае надобности, до последней капли крови по примеру предков-албазинцев.

В свите его находился писатель, англичанин, Руссель-Килуга, любовавшийся заселением русскими Амура и восторженно отзывавшийся обо всем, им встреченном там. «Что сказать об Амуре», — говорит Руссель в своей книге, — «если смотреть на него с точки зрения артиста или поэта? Я нахожу, что это одна из прелестных рек во всем мире. Она не страдает однообразием больших рек Америки, в водах ее нет отвратительных чудовищ; река всегда чиста, прозрачна; берега ее представляют всевозможные виды: то они покрыты лесом, то совершенно обнажены, то расстилаются как океан, то возвышаются как остроконечные скалы».

Про Албазин он пишет:

«Высадившись, мы поднялись с генералом Муравьевым на холм, служивший убежищем стольких героев, в память которых воздвигнут только деревянный крест. Все зеленело вокруг нас, в особенности китайские луга, облитые заходящими лучами солнца, но поле битвы отличалось особенно яркой зеленью и поднималось легкими бугорками на могилах... Теперь улицы этого восточного Севастополя совершенно спокойны и по ним разгуливают казаки, постоянно

Церковь в Албазине.

прибывающие сюда, на Амур, в огромных барках со своими семьями, собаками, лошадьми, саними, телегами и даже маленькими медвежатами...»

«Далее», — продолжает Руссель, — «берега становились все населеннее и населеннее и 31-го мая утром мы услышали залп артиллерии, сквозь дым которого виднелся длинный ряд домов Благовещенска... Мы начинали чувствовать на востоке присутствие Америки... Генерал Муравьев, вышедший на берег при громе пушечной пальбы, был встречен офицерами в парадной форме и, осмотрев казаков, прямо отправился в дом губернатора этой, так называемой, Амурской области. Кто бы подумал, что в таком отдалении от наших цивилизованных стран, существовали прелестные домики, роскошно меблированные, окруженные, несмотря на суровость климата, цветущими садами и снабженными всем, что может доставить пищу уму и дать развлечение: фортепианами, музыкой и романами...

4 июня вечером мы пристали к русской деревеньке, где офицер угостил нас портвейном, привезенным из Америки. Это ничтожное обстоятельство так обрадовало меня, как будто на меня повеяло близостью милой родины...

Ночью была сильная гроза и я слышал рев диких зверей. Говорят, что в соседних лесах водятся тигры; они нисколько не боятся людей и не щадят их скотины. Мы провели ночь на судне, а на берегу собрались вечно беспечные казаки, распевая веселые песни до 11 часов, при блеске зажженных факелов».

Проезжая Уссури, Руссель восклицает: «Уссури, имя которой связано с убиением миссионера-героя Лабрюньера и должно заставить биться сердце каждого католика, принадлежит теперь русским и они устроили на ней сносное плавание!»

Завидуя в душе, что такая прелестная страна занята русскими, а не англичанами, Руссель, подъезжая к Николаевску, уже не скрывает этого чувства и высказывает скорбь: «В то самое мгновение, когда на вершине нашей мачты появился флаг Муравьева, встреченный с острова оглушительным залпом находящихся на нем пушек, манджурские горы дрогнули в основании, приветствуя знаменитого гостя... что до меня касается, то я не отводил глаз от Николаевска, его лесов, гор, рек и спрашивал самого себя: «Не первый ли я путешественник, который вступает в море, не видя на нем британского флага?»

В общем, англичанин Руссель, проехав Забайкалье, Шилку и Амур, вынес самое приятное впечатление о казаках и их семействах, которые, повествует он, — «...обрабатывают землю и отличаются энергией и умом, просвечивающими в их умных и честных физиономиях». Говоря о лошадях, он замечает: «Хотя казацкие лошади малорослы, но могут служить для легкой кавалерии и держать китайцев в почтительном расстоянии».

Просматривая много книг различных писателей того времени, не говоря про сухие отчеты чиновников и пр., постоянно приходится выслушивать нелестные отзывы о наших казаках, словно все сговорились показывать одни только отрицательные качества их. Поэтому, как

отрадно читать сердечные слова иностранца, истинного патриота, готового простить недостатки людям, лишь бы они действовали во имя любви к родине. Руссель пишет про казаков: «Они знамениты, потому что род их идет от тех казаков, которые, почти по кускам, вырвали из рук китайцев половину Азии. Это очень красивое племя, среди которого можно встретить такие типы, которые, казалось, могли создаться только в воображении Рафаэля».

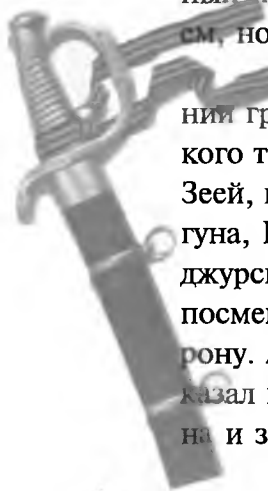
А наши соотечественники, например Пржевальский,* говоря об уссурийцах, рисуют совершенно иначе портрет казака: «...бледный цвет лица, впалые щеки, выдавшиеся скулы, иногда вывороченные губы, по большей части невысокий рост и общий болезненный вид — вот характерные черты физиономии этих казаков». Оба почтенных писателя, при определении типа нашего казака, несомненно, впали в крайность.

Пребывание Муравьева в Японии омрачилось печальным событием: в Иокогаме были убиты вооруженными японцами мичман Мафет и матрос Соколов, возвращавшиеся с базара к своему судну. Муравьев, узнав о таком злодеянии, сперва хотел бомбардировать город, но затем, раздумавши, потребовал смены губернатора и казни убийц. Японцы принесли извинение и тотчас же сменили губернатора, а взамен найденных преступников предложили казнить полицейских чиновников, допустивших такое преступление.

Несмотря на такое печальное событие, Муравьев, видимо, остался доволен японцами и в письме к Корсакову пророчески писал о них: «С этим народом гораздо приятнее иметь сношение, чем с китайцами... они нас любят больше, чем американцев... но и здесь не понимают страсти Путятина — учить! Выучатся всему они и без нас, особенно морскому делу, а нам бы лучше самим учиться, чем учить людей, которые скоро нас перещеголяют».

Поездкой же в Китай Муравьев остался недоволен, китайцы упорно не соглашались на наши требования по разграничению земли по Уссури, а потому, он, возвратившись уже по льду в Благовещенск, решил подействовать на китайцев силой оружия. «Мне надо», — пишет он Корсакову, — «выждать здесь еще недели две, чтобы манджуры убедились в том, что я приготавлиюсь к войне и тогда уже пуститься в обратный путь; мы, здесь и по всей линии, учимся, маневрируем и стреляем, но пороха очень мало».

Амбаню он послал сказать, что ни на какие уступки в отношении границы он не пойдет и неуклонно будет придерживаться Айгунского трактата. Узнав, что манджуры, живущие на нашей территории за Зеей, враждебно относятся к русским, стесняют их в проезде мимо Айгуна, Муравьев послал сотню казаков с грозным объявлением по манджурским деревням, что они живут на русской территории, и если они посмеют теснить русских, то силой оружия будут изгнаны на свою сторону. А чтобы показать амбаню, что эта сторона наша, Муравьев приказал в одну ночь перевезти дом, поставить его на берегу против Айгуна и занять казаками. Казаки исполнили в точности приказ графа и в

ночь построили дом, а утром уже варили в нем чай. Китайцы были удивлены. Таким-то образом выросла станица, получившая название Неожиданной.

Мало того, когда Муравьеву доложили, что манджурский пикет, оставленный на нашей стороне на Улус-Модоне (Корсаковский кривун), стесняет казаков станиц Казакевичевой и Корсаковой пользоваться местом в кривуне и сенокосом, Муравьев приказал снести этот пикет, да так, чтобы духом китайским там не пахло. Казаки окружили пикет, выгнали солдат на их сторону, а постройки сожгли дотла...

И, наконец, в довершение своей демонстрации, Муравьев приказал окончательно выгнать остатки манджур, живших около Благовещенска по Зее, в селении Чигири-Ула,* где теперь находится архиерейская дача. Казаки живо очистили селение, по пути разнесли и кумирню манджур, выстроенную на пригорке, где теперь уныло стоит недостроенный, треснувший в своем основании, православный каменный собор. Кумирня эта была глубоко почитаема всеми манджурами на Амуре. В ней, по рассказам стариков-манджур, был грозный бог, председатель всех богов, и всякий манджур, плывший с верховьев Зеи и Амура, обязан был зайти в эту кумирню и принести в жертву благодарение за удачный сплав. Звон в колокол, трескотня от ракет стояли ужасные и жители были довольны что, наконец-то, «председателя богов» не стало... Но зато манджуры, оскорбленные поруганием их святыни, увидев, что наш собор, построенный на месте той кумирни, дал трещину и разрушается, теперь с чувством особого удовлетворения говорят: «Наш бог сильнее вашего, дух его остался здесь и разломал вашу церковь». И теперь манджуры продолжают поклоняться своему духу и нередко можно видеть возле собора развешенные красные бумажки, тлеющие свечи и истукана в наскоро сбитой деревянной кумирне-ящике. Демонстрация Муравьева возымела свое действие: в Пекин скакал курьер за курьером, донося о военных действиях русских; китайцы стали уступчивы и вскоре подписали с графом Игнатьевым* (2-го ноября 1860 года) договор, окончательно закрепивший за русскими Амурский край.

В конце декабря 1859 года Муравьев отправился из Благовещенска на казачьих лошадях в Иркутск. Особых встреч для него не делалось; быстрой езды он не любил и, за разгоном лошадей, иногда ехал на быках. Приезжая в станицы, он запросто бывал у казаков. Еще в передний путь до Благовещенска, в станице Константиновской, он лично выбирал казачат для посылки их в Иркутск в военную школу для подготовки в станичные учителя. В станице Низменной граф принял угощение казаков — земляков по Кавказу. Оказалось, что в этой станице проживали с семьями казаки Сунженского казачьего № 1 полка: Мотылев, Степановы, Якушев, Куруленко и Петров, которые за убийство «мирных» чеченцев сосланы были в 1853 году в каторжные работы. Муравьев, служа на Кавказе, знал, что много казаков, на основании существовавшего приказа начальства об истреблении чечни, путало мирных с разбойниками и, убивая первых, обвинялось в разбое. Так случилось с Мотылевым и его товарищами. Муравьев освободил их от катор-

жных работ и, послав на Амур, где они участвовали во всех экспедициях и в сражении при Декастри, возбудил ходатайство о помиловании их. В первый раз ему было отказано. Являясь Государю Императору после заключения Айгунского трактата, он лично поверг на всемилостивейшее воззрение просьбу о помиловании этих казаков в память совершившегося великого события – возвращения Амурского края. Государь уступил и карандашом на докладе по этому делу начертал: «Согласен не в пример другим, с зачислением в Амурское казачье войско».

Вот эти-то казаки, не зная чем отблагодарить проезжавшего графа, от простоты своего сердца пригласили его откусать у них хлеба-соли. Радости не было конца, когда они увидали, что граф зашел в избу. Живо появился хоровод девушек, раздался хор песенников и Екатерина Мотылева, в то время отличавшаяся красотой и слывшая за веселую песенницу, пропела с хором:

Весна, ребята, настает,
Трепещет враг лукавый,
Муравьев нас поведет
Искать победы, славы!
 Ура! Ура! Амурский полк -
 Искать победы — славы!
Что нам стоит разметнуть
В Айгуне завалы.
Через лес проложим путь,
Возьмем мы Чизгары!
 Ура! Ура! Амурский полк -
 Возьмем мы Чизгары!
Пообедав там, махнем
Мы в Пекин без страха.
А теперь мы разопьем
За здоровье графа!
 Ура! Ура! Амурский полк -
 За здоровье графа!

После этого Мотылева графу поднесла стакан вина, приготовленного ею из местного амурского винограда. Генерал пришел в восторг, вино ему понравилось; выпив до дна стакан «за здоровье амурских казаков», а второй за казачек, он приказал повторить песню и сам, подпевая, громко кричал «ура». Раздав целую шапку серебра и взяв несколько бутылок вина на память, Муравьев выехал в Благовещенск. Память об этом вечере до сих пор хранится среди казаков. Екатерина Мотылева проживает в станице Константиновке; теперь она уже старушка, ей 100 лет, но она еще бодрая и со слезами на глазах, вспоминая благодеяния графа, слабым голосом силится пропеть понравившуюся ему песню...

В станице Степановой граф с курьером получил подробности самоубийства любимого им Сухотина. Ему была поручена постройка ста барж и сплав их с грузом на Амур. Подсчитывая себя в израсходованных деньгах за эту командировку, Сухотин не досчитал более трех тысяч и, не имея возможности пополнить их, верхом заехал на утес возле станицы Титовой и выстрелом из револьвера покончил с собой, свалив-

Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Благовещенске. Скульптор Н.Л. Карнабеда. 1993 г.

шись в пропасть. На прибежавшем коне была найдена заткнутая в седло перчатка с запиской, что он не может пережить того стыда, когда товарищи, а особенно Муравьев, узнают о растрате им казенных денег. Назначенная же ревизия и следствие обнаружили, что все суммы целы... Пожалев, граф приказал переименовать станицу Степанову 2-ю в Сухотину в память этого честного служаки.

В Буссеву граф приехал на быках и жил здесь двое суток, ожидая каких-то известий. Накануне отъезда его пришла почта с обыкновенным почтальоном. Граф при себе приказал вскрыть чемодан и, отобрав на свое имя пакеты и письма, вложил записку в чемодан и, назначив урядника в конвой, приказал почте следовать далее. Чтение писем и газет его сильно взволновало и он, указывая на одну газету, сказал казакам: «Везде меня ругают за Амур и вы, в душе, наверно клянете меня; помните — пройдет лет двадцать-тридцать и вы будете меня благодарить».

В Бейтоновой, рассказывает Р.К. Богданов, Муравьев сильно «распекал» командира бригады Черняева: при разбивке станицы капитан Орлов поставил избы в два ряда, а Черняев, усмотрев, что это противно инструкции, приказал перетаскать дома и поставить в одну линию. Вот за этим-то перетаскиванием с места на место изб и застал граф казаков. Прекратив бесполезную работу, Муравьев только рукой показал Черняеву на Благовещенск. Догадливый майор немедленно отбыл туда. По словам Богданова, граф был уже не тот «рыкающий лев», каким часто он его видел в минуты гнева, — видно, что он был болен...

Да, казаки больше уже не видели графа, это было последнее его путешествие по Амуру. Немного спустя он писал Корсакову: «Не спорю, что в письмах моих много желчи, да и мудрено ль, когда под ложечкой гора делается, грудь постоянно болит: как камень на ней лежит».

1860 ГОД. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ.

По случаю неурожая в Забайкалье в 1859 году и вследствие крайне неудачного сплава в том году продовольствия, переселение в 1860 году коснулось только Амурской конной бригады и Амурского пешего батальона. Уссурийский батальон остался без укомплектования. Там казаки, благодаря недоставке казенного провианта, терпели огромную нужду в продовольствии; открылись цинга, тиф... Если бы энергичный

и заботливый начальник сплава, сотник Кукель 2-й, не распорядился, именем Муравьева, поздно осенью взять и доставить по станицам муку из Хабаровского казенного склада, то голод был бы повсеместный.

Летом 1860 года в Амурскую конную бригаду было прислано 232 семейства пеших казаков из десяти пеших батальонов (NN 1, 3-6, 8-12). В Амурский пеший батальон прибыло переселенцев 317 семей из тех же батальонов. Переселенцы эти частью расселились по существовавшим уже станицам и частью образовали следующие новые станицы: Игнатьеву,* названную в честь генерал-майора Игнатьева, заключившего Пекинский договор* в 1860 г.; Сторожевую,* названную Буссе так потому, что она, как первая станица Амурского батальона, при входе в щели Хингана, обязана была сторожить этот вход; Союзную,* названную Буссе так по расположению на местности, связывающей Хинганский хребет с низменной частью Амура; Венцелеву,* названную в честь адъютанта Муравьева — сотника Венцеля, бывшего неоднократно на Амуре со сплавами войск и груза; Кукелеву — в честь начальника штаба войск Восточной Сибири полковника Кукеля 1-го, в ведении которого были все дела по переселению казаков на Амур; Новую,* названную так губернатором Буссе (В деле есть пометка графа Муравьева, что названия этой станицы, а также Союзной и Сторожевой не соответствуют принятой им системе наименования станиц и он хотел им дать другие названия, но не успел или просто забыл.).

С прибытием этих переселенцев колонизация Амура почти была закончена. Из Петербурга торопили Муравьева с представлением отчета о том, что сделано на Амуре, в каком положении находятся первые переселенцы и пр. Независимо от этого на Амур был послан писатель Максимов* для составления правдивого очерка о колонизации Амура.

Сам Муравьев не мог выехать на Амур. «При всем моем желании», — писал он Корсакову, — «побывать последний раз на Амуре — я не мог и не могу: здоровье мое становится день ото дня все хуже и чувствую себя совершенно неспособным к отдаленным путешествиям и к перенесению физических трудностей». Вместо этого он поручил губернатору Буссе сделать инспекторский смотр Амурскому войску, результат которого со своими замечаниями и послал в Петербург.

В отчете этом Буссе, между прочим, доносил:

1) Хозяйство казаков конной бригады лучше ведется, нежели у казаков пешего батальона, хотя обработка земли очень тяжела. В 1859 году снято: в бригаде — озимых 6931 пуд, яровых 24938 пудов; в Амурском батальоне — озимых 471 пуд, яровых 1850 пудов. В бригаде: лошадей — 2278, рогатого скота — 3777, овец — 193 и свиней — 700 штук; в батальоне: лошадей — 971, рогатого скота — 1163 и овец — 440 штук.

2) Глиняные постройки-мазанки, устроенные солдатами, пришли в негодный вид и все сразу разрушаются.

3) Дворы и самые дома большей частью содержатся грязно: в домах сушатся кирпичи и выделывают кожи, что, по мнению Буссе, объясняется одной ленью хозяев. Из этого он исключает 2-ю и 3-ю сотни 2-го полка, где дворы и дома содержатся весьма чисто.

4) Дома построены без полатей; приказал строить не ниже 3,5 аршин.

5) В селениях, где имеются две и более улиц, дома поставлены не в шахматном порядке. Велел придерживаться инструкции.

6) Не везде есть поскотины.

7) Замечено им, что казаки вырубают растущие в станицах деревья, якобы в них заводятся «зверьки», истребляющие овощи. Предписано уничтожать зверьков, не трогая деревьев.

8) Во всех сотенных школах обучается всего 300 мальчиков и 50 девочек. Обучение девочек, по мнению Буссе, важнее, чем обучение мальчиков, так как первые, будучи впоследствии матерями, легко и удобно сами могут обучать детей грамоте, а потому он предписал командирам частей наблюсти, чтобы девочки обязательно посещали школы. Бригадная школа еще не открыта.

9) На замечание Буссе, что прогоны у казаков задерживаются и на них строят экипажи, лодки и пр., Муравьев сделал пометку: «Подтверждаю особым предписанием, чтобы экипажи, лодки и пр. заводились за счет денег, следующих казакам за провоз почты, а прогоны за проезд выдавать полностью казакам».

10) Все казаки сидят на длинных стременах, что, по мнению Буссе, неправильно, так как при коротких стременах казак поворотливее на седле. Муравьев не согласился с ним и приписал: «Пусть ездят, как кому удобно».

11) В отношении здоровья: казаки много страдали скорбутом и лихорадкой по непривычке к новому климату. В 1859 году в бригаде: заболело 475, выздоровело 405, умерло 70; в батальоне: заболело 570, выздоровело 499, умерло 71. В Черняевой строится лазарет на 18 кроватей, в Благовещенске постройка бригадного лазарета оканчивается.

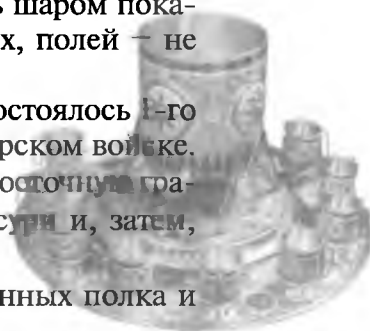
12) В отношении нравственности: Буссе нашел, что кроткий и миролюбивый характер забайкальских казаков с переселением на Амур не изменился. Преступлений не было. Нарушения тишины и порядка незаметно.

13) Претензий и жалоб на начальников население не заявило, что доказывает добросовестную заботливость и попечение начальников о вверенных им людях. Из 8 сотенных и 5 ротных командиров Буссе особенно хвалит сотника Чеснока за отличное управление им сотней. Муравьев приписал: «Представить этого отличного офицера в есаулы и назначить командиром полка».

В заключение Буссе говорит, что казаки при таком управлении в скором времени освоятся со своим новым положением и поймут истинное назначение КАЗАКА — ВОИНА, подчиняющегося всем требованиям дисциплины и своего начальства, и КАЗАКА — ЗЕМЛЕПАШЦА, полного хозяина в своих домашних делах и своем хозяйстве, в котором начальство предоставляет ему совершенную свободу, не стесняя никаким вмешательством. Так говорил Буссе. Муравьев официально не спорил с ним; в интимном же письме к Корсакову он писал несколько иначе, а именно: «Раннею весною казаки нуждались в хлебе и в разных предметах и унывали очень, что всегда хуже, и в этом-то неблагоприятном виде смотрел их Максимов: «У казаков настоящая бедность. В домах пусто, сиротливо, в амбарушках — хоть шаром покати... на ребятах рваная одежда, да и взрослые в лохмотьях, полей — не видать и т.д.»

С занятием кордонной линии по Амуру и Уссури состоялось 1-го июня 1860 г. и Высочайше утверждено положение об Амурском войске. Согласно этого положения войско обязано охранять юго-восточную границу Империи от станицы Покровской по Амуру до Уссури и, затем, вверх по Уссури до морского побережья.

Войско обязывалось выставять на службу два конных полка и

четыре пеших батальона (два действующих и два резервных). В административном и военном отношении войско подчинялось губернатору Амурской области, а Уссурийский батальон еще подчинялся, за дальностью расстояния, губернатору Приморской области. Срок службы определен был для офицеров 25 лет, а для нижних чинов 30 лет, из коих 22 года полевой и 8 лет внутренней службы.

Первая казачья форма состояла из короткого однобортного чекменя с белыми погонами, серых штанов навывпуск с красным кантом, огромной медвежьей папахи, серой шинели и пр. Первоначально носили нагрудные патронники: у офицеров они были серебряными. Кроме сего, Муравьев усиленно просил дать конным казакам кинжалы, а пешим — ножи. Но просьба его не была уважена, а красивые патронники были сняты, якобы «за дороговизной и невозможностью приобрести таковые на месте». Такая грошовая экономия покажется странной, если вспомнить, что на заведение ненужного аляповатого седельного вальтрапа требовались две кожи, которые действительно в то время были дороги и негде было достать.

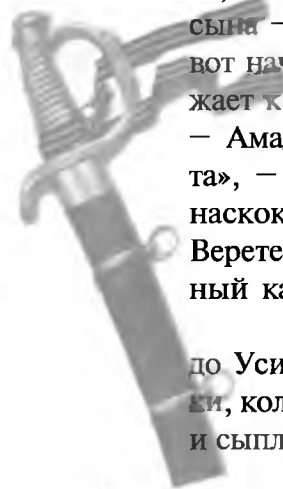
В общем, наш казак, в то время одетый во все воинские доспехи, с огромной медвежьей папахой, на маленькой пузатой лошади, замученной в беспрестанной почтовой гоньбе, окутанной во всю спину вальтрапом, сзади и спереди торчащими чемоданчиками, саквами, коновязными кольями, арканами — имел вид, нельзя сказать, чтобы «непреклонный и непобедимый», но внушительный для беспечных манджуров.

«Собирали нас на учения», — рассказывают старики, — «смех и горе тогда было. На подушке, набитой бельем, еле сидишь; того и гляди свалишься. Смешно смотреть, как старик с бородой, на жеребой кобыле, сидит рядом с молодым. Ему бы пора телят пасти, а он заменил сына — некому дома работать. В то время допускались заменщики. Но вот началось ученье... Тут-то начиналось наше горе с выюком. Подъезжает командир с немецкой фамилией, которую мы едва выговаривали — Амадий-Карл Пезе-де-Корваль,* суровый такой. «Смотрите, ребята», — скажет он, — «аллюр быстрее лани, шенкель в бок, чтоб был наскок, начнем с атаки. Слушать команду: Шашки вон, пики в руки! Веретенников, подыми морду! Смирно! Равнение на Усиху (излюбленный кабак), с гиком и криком, марш-марш!»

«Боже мой, что за каша тогда получалась: прежде чем домчаться до Усихи, половина всадников свалится на землю; папахи, чемоданчики, колья по дороге растеряют... Пезе-де-Корваль вне себя бегает по полю и сыплет нагайки направо и налево. Наконец сыгран «сбор», все собира-

П.А. Кропоткин, сотник Амурского казачьего войска.

ются кое-как». «Спасибо за ученье! Песенники вперед! Закуривайте трубки!» — скомандует и, лихо подбоченясь, гарцует впереди на обозной лошади. Как ничего не бывало, едем домой, а запевало заливается:

Молодец Амадий Карл -
Он же Пезе-де-Корваль,
Он не спал, не дремал,
Свою сотню обучал...

Запевало переходит к наиболее любимой в то время казаками песне:

Я не видывал сподобной красоты!
Красна-девица, скажи, откуда ты?
 Роза, роза, роза алая моя,
 Красна девица и т.д.
Я родилась в деревне и выросла;
Горькой участи коров дома пасла.

Красна-девица, поедem-ка со мной
И ты будешь мне названною женой!

Аль не видишь, на мне в золоте кафтан:
Я по всем местам Амура атаман!
 Роза, роза, роза алая моя,
Я по всем местам Амура атаман...

А проезжая мимо Чуринской* лавки, в дверях которой стоят выскочившие поглядеть приказчики, запевало непременно зычным голосом поет :

Это братцы закутил
Чуринский прикащик,
Видно ручку запустил
Во хозяйский ящик!...

Не спускал запевало и немецкому купцу и для него был куплет:

А вот здесь, напротив лужи,
Притаился немец вчуже.
Кривдой правду разуверит -
На аршин тебя обмерит.

«Унты проклятые!»- скажут казакам обиженные приказчики, скрываясь со стыда в лавку. «Еще бывало», — заканчивает рассказчик, — «и унты нашивали, а иной раз кобыла во время ученья ожеребится... поругается командир, а ничего не поделаешь: в строй допускались и кобылицы, а мастей и совсем не разбирали.»

Если свою форму казаки недолюбливали, называя ее «в золоте кафтан», то не лучше была форма и офицерская. Князя Кропоткина,* фельдфебеля Пажеского корпуса, по окончании курса выбравшего, к удивлению всех, наше Амурское казачье войско, засмеяли товарищи:

«Ты только подумай», — говорили они, — «что за мундир там: черного сукна, с простым красным воротником, без петличек! Папаха из собачьего или какого-то меха... шаровары — серого сукна!... Ты только подумай: серые... как у фурштадтов!» (Воспоминания П. Кропоткина).

1860 ГОД. ПРИБЫТИЕ НА АМУР ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИННОКЕНТИЯ. ЕГО БИОГРАФИЯ

В 1860 году на Амур прибыл на постоянное жительство первый архиерей Иннокентий. До этого он был епископом в наших бывших владениях в Америке и просветителем инородцев, населяющих острова Курильские,* Алеутские* и др. Всеми этими владениями управляла тогда, на правах откупщика, знаменитая Российско-Американская компания, составленная из богатых промышленников и купцов. Эти алчные и кровожадные люди, действуя под видом правительства, не только разорили, но окончательно истребили большую часть трудолюбивых и довольно смелых алеутов; они били их с таким же равнодушием, как бобров. Рассказы об их истязаниях и убийствах — сказочные, они обратили колош и алеутов в рабов и довели их до крайней нищеты и нравственного отупения. Кроме промысла бобров, алеутов употребляли на разные работы: постройку, рубку леса, обжигание кирпичей и впрягали вместо скота в тяжелые плуги при распашке полей. Правление было деспотическое, главный правитель имел неограниченную власть распоряжаться всеми, чинить суд и расправу. Вот в таком-то царстве произвола и насилия пришлось Иннокентию просвещать инородцев светом христианства и проповедовать любовь к ближнему. Нет времени рассказывать, как боролся с угнетателями преосвященный, защищая бедный народ. Властители были сильны, не любили Иннокентия и, в конце концов, он, будучи не в силах бороться с злоупотреблениями их, перенес свою святительскую деятельность на Амур, явившись главным сотрудником Муравьева.

За время своего управления епархией на островах, в Америке и Якутской области, Иннокентий построил 72 церкви и 101 молитвенный дом и часовню, обслуживавших 255 тысяч населения. Даже иностранцы преклонялись перед его величавой личностью и воспевали иногда в стихах. Вот как священник Кельш характеризует его:

Архиерей Иннокентий (Веннаминов).

В стране пустынной и суровой,
Бродя по тундрам и лесам,
Ты говорил слова Христовы
Непросвещенным дикарям.
Ты твердо шел путем из терний
В своих апостольских трудах,
И засиял свет не вечерний
На Алеутских островах...

Английский писатель Генрих Эллиот так отзывался об Иннокентии: «Он был священником и миссионером в течение 19 лет на Уналашке, Тюленьих островах и сделался епископом Аляски.*

Пробыв на Амуре около 8 лет, он потребован был в Россию, где возведен был в сан первосвященника Русской церкви и стал первой особой после Царя. Он дожил до глубокой старости и умер в Москве, имея 80 лет от роду. Он был человек представительный. С первого взгляда внушал уважение, а при дальнейшем знакомстве с ним любезность проявлялась в каждом слове и почтение к нему переходило в любовь. Его способности и дарования соответствовали его высокому положению. При всем этом епископ прост в обращении и чужд всякого жеманства. Речь его приятна и поучительна и беседу с ним ценят те, кто имел честь быть с ним знакомым».

Англичанин, сэр Эдвард Бельчер,* видевший Иннокентия в Кадьяке в 1837 году, говорил про него: «Взгляд у него страшный, росту он с сапогами 6 футов и 3 дюйма, сложения атлетического, производит сильное впечатление».

Вот такой-то святитель, по выражению современников, «простер сапог свой и жезл свой» на только что возрождавшуюся Амурскую страну и явился первым утешителем и добрым, ласковым наставником наших казаков в первые годы их тяжелого житья на Амуре. До сих пор в населении хранится память об этом славном архипастыре и его посещениях. Владыка сам любил разъезды: ни сорокаградусные морозы, ни свирепствующая пурга не сдерживали его, он пренебрегал опасностями пути в такое время. «Одна вера и молитва животворили владыку при разъездах. А разъезды были необходимы: без посещения архиерея лучшие люди ослабевали и менялись нравственно. Недаром он везде стремился быть ангелом-хранителем местности. Обезжая Амур, владыка всегда сам правил катером и, не пропуская ни одного селения, всюду совершал богослужение, учил народ под открытым небом и молитве, и труду, давал советы по земледелию, садоводству, пчеловодству, скоторазведению и прочему» (Сугорский. «Русский вестник»*, 1888).

По словам казаков, прибытие владыки походило на праздник: все готовились, улицы чистили, целовальники скрывались, все свободные от работ выходили под благословение владыки. Но в особенности прибытия Иннокентия ждали дети. Для них посещение владыки было праздником. Он не баловал детей, но никогда не был с ними суров, напротив, постоянно выказывал к ним отеческую нежность. Наказывал казакам никогда не говорить при них лишнего, паче же ругаться. Он всегда рад был провести свободное время среди детей, играл с ними, ходил в поле собирать «кобылок», в особенности любил удить рыбу. Радостно было видеть, как маститый иерарх сидит на камне с удочкой в руке, окруженный ребятами, объясняет молитвы, породы рыб: аудитория внимательно слушает его, как вдруг иногда закричит какой-нибудь малыш: «Батюшка, у тебя клюет!» Владыка дернет леску и к выброшенной рыбе толпою бегут ребята и, перебивая друг друга, кричат: «Касатка, батюшка! Скрипач!»

Во время службы его в церкви стояла гробовая тишина, бабы затыкали запонами рты кричавших детей, кашлять громко — сдерживались; он был строг к несоблюдавшим церковных обрядов, терпеть не мог заядлых пьяниц и «загубников», то есть лиц, имевших дурную привычку класть в рот табак, «бакин» (никотин) из трубки, и держать за щекой такую жвачку по целым дням. Таковым любителям он не давал причастия. Знал их поименно и никогда не ошибался, а потому они сами избегали подходить к нему.

Образ жизни владыка вел самый простой во всех отношениях и любил бывать запросто у казаков. Почтенная старушка, вдова сотника Юрасова или «деда», как называли его Муравьев и Иннокентий, рассказывает: «Народ встречал преосвященного, вы не поверите, как Бога земного, становился на колени, на что владыка сердился сильно. Ныне так не встречают архиереев. Преосвященный был строго воздержан от скоромной пищи; как приедет, бывало, в Нагибову, сейчас же к нам в дом и так радостно встречается, попросту, что и не подумаешь, что это преосвященный. «Редисочки давайте», — скажет он, — «лучку, соли и хлеба». Говорят, своей кухни он не изменял и во время пребывания у него своего «приятеля», генерал-губернатора Корсакова, иной раз гостившего у него суток по двое и говорившего потом: «Славно я отговел у владыки».

Время не позволяет много рассказывать про этого архипастыря. Скажем, что в нравственном отношении казачье население во время пребывания на Амуре Иннокентия находилось на самой высокой степени. Будущий митрополит Московский до тонкости изучил быт казаков, чутко понимал их нужды и слушая рассказы кого-либо о своем скудном, бедственном житье-бытье, помогал не только словом, но и делом, сунувши незаметно ему деньги. Дом его на берегу Зеи (окна, двери и переборки, в котором были собственноручно сделаны им самим) постоянно был полон народа, осаждавшего преосвященного разными просьбами. Он никогда никого не гнал, а тут же за работой, за станком и верстаком, отдавал распоряжения.

Уезжая 9 февраля 1868 года из города Благовещенска, он до Игнатьевской горы был сопровождаем чуть ли не всем наличным населением города. В числе провожавших были и молокане.* Факт знаменательный! А объясняется это просто. Преосвященный не преследовал их, только просил их не совращать православных, ибо он строго держался своего принципа: «склонных к старине и не разуверившихся в лживости своих учений не присоединять к православию». На горе, обратившись к Благовещенску, преосвященный в последний раз взглянул на него и, перекрестившись на сияющий крест построенного им кафедрального собора, сказал: «Это моя третья жизненная станция; да почует на сем граде благодать Божия». Сказав это, он заплакал и,

сев в возок, отбыл в четвертую и последнюю станцию своей поистине святительской жизни.

Между Корсаковой и Буссе на половине пути, во время обычного отдыха, лошади дернули, возок захлопнулся и ямщик, подумавши, что преосвященный в нем, быстро, не оглядываясь, подкатил к станции, у которой собрались все казаки с сотенным командиром во главе. Про-

Богослужение, совершенное преосвященным Иннокентием, архиепископом Камчатским и Якутским в августе 1858 г. на Амуре.

шло минуты две томительного ожидания выхода владыки. В возке тишина... подумали, что он заснул, но келейник сказал, что преосвященный никогда в дороге не спит. Отворили дверцу... там никого! Все обомлели.... Рассвирепевший Грамкау, обещав запороть до смерти ямщика, бросился разыскивать владыку. Не доходя верст трех до станицы, увидели преосвященного, идущего тихо с посохом в руке. Грамкау и виновный ямщик ждали разноса; но вместо того владыка, смеясь, сказал: «А я прошелся и славно промялся!...»

В Вагановой не было лошадей; преосвященный приказал запрягать быков, — «Тише едешь — дальше будешь», — сказал он, — «ваши кони сперва понесут, а потом еле-еле тащутся, а быки ровно идут все время».

Случай оставления владыки в дороге повторился с ним возле Баргузина* по Забайкалью, но в обоих случаях с уст владыки не сорвалось ни одного не только бранного, но и досадного слова. («Сибирский архив», N 1 за 1911 год.)

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ, ПЕРВЫЙ ЕПИСКОП ИРКУТСКИЙ, ЧУДОТВОРЕЦ.

Святитель Иннокентий* среди местного населения пользуется наибольшим почитанием: нет ни одного дома по Амуру, где не было бы образа Святителя и где не возносилась бы горячая молитва к нему. Несмотря на такую популярность его, местное население иногда, по неведению своему, смешивает Святителя Иннокентия с Иннокентием, первым амурским епископом. Смешивать этого не надо. Святитель Иннокентий — это совершенно другая личность. Он жил в конце XVII и начале XVIII века и никогда на Амуре не бывал; но, тем не менее, появление его в Сибири тесно связано с минувшими событиями на Амуре; короче сказать, он вызван был ради наших албазинских казаков, томившихся в плену в Китае. Случилось это так. Как известно уже нам, после первой осады китайцами Албазина часть казаков во главе со священником Леонтием была уведена в Пекин. Добрый император Китая Кан-си весьма благосклонно отнесся к пленникам. Он поселил их в отдельный квартал, в сотенном дворе. Не стеснял их исповедовать свою православную веру, а для отправления служб разрешил и помог устроить церковь Св. Софии. Зная же их отличные военные качества, он зачислил албазинцев в дворцовую роту, в которой они и доныне пребывают, получая казенное довольствие. Со временем, с разрешения того же императора, в Пекине образовалась духовная миссия,* на обязанности которой лежало поддерживать в албазинцах дух православной веры и попутно просвещать светом христианства язычников. И, наконец, уступая просьбам албазинцев, тот же Кан-си просил Императора Петра прислать в Пекин начальника миссии. Выбор пал на иеромонаха Александро-Невской лавры Иннокентия, который после посвящения его в епископы, отбыл к месту служения 19 апреля 1721 года.

Епископ Иннокентий целый год ехал до пограничного города Селенгинска* в своей походной колымаге. В это время умер император Кан-си, покровитель албазинцев; коварные католики-иезуиты воспользовались этим и, боясь лишиться преобладающего влияния в Китае, наговорили новому богдыхану много нелестного о русских миссионерах. Епископу Иннокентию отказано было въезжать в пределы Китая, а Россия была уведомлена, что появление в Пекине начальника миссии

в чине епископа считается неудобным. Император Петр I настаивал на своем и приказал послать епископа Иннокентия, назвав его «великим господином». Но китайское правительство, по проискам тех же иезуитов, не пропускало Иннокентия и под этим названием. Переписка с Китаем продолжалась целых три года и все это время Иннокентий жил в Селенгинске, но жил не без дела, а просвещал светом Христовой веры бурят, терпеливо перенося все лишения в той еще дикой стране. В 1729 году была открыта Иркутская епархия и Иннокентий был назначен первым епископом. С этих то пор и начинается его святительская деятельность. Не получая жалованья, епископ бедствовал, жил подающим, питался как нищий и, приезжая в Иркутск из Вознесенского монастыря,* не имел собственной квартиры, а останавливался в домах бедняков. Но все это святитель кротко переносил и продолжал пробуждать в нерадивых чувства христианской любви к ближнему, осуждал разврат сильных мира сего, боролся с пьянством, строил церкви, школы, посещал бедных, униженных и оскорбленных...

Кроткий, строгий к себе и снисходительный к ближним, святитель Иннокентий в короткое время управления епархией своими молитвами, постами, добрыми делами и отеческими заботами о всех стяжал себе не только славу земную, но и небесную... 27 ноября 1731 года святитель тихо скончался и погребен был под алтарем выстроенной им церкви.

И после смерти своей он невидимо продолжал иметь попечение о

пастве своей. Около гроба его стали стекаться массы верующих, начались исцеления и в 1800 году сенаторы Ржевский и Левашев, осматривавшие Иркутскую губернию, донесли Императору Павлу I,* что в Вознесенском монастыре объявилось нетленное тело первого Иркутского епископа Иннокентия. Император Павел приказал «обстоятельно разведать о происшедших от него исцелениях». Епископ Вениамин* и викарий Иустин со множеством духовных лиц и в присутствии губернатора и других гражданских властей, приступили 29 января 1801 года к осмотру тела святителя. По осмотру оказалось: голова, грудь, ребра, спина и ноги — в целости, с присохшим как бы телом, от коих происходит благовонный запах; одежда в целости и довольно крепка; гроб соснового дерева, обитый черным бархатом, в совершенной целости и твердости. Все признали нетленность тела. Проверенных показаний об исцелениях объявилось шестьдесят одно.

У мощей Иннокентия Иркутского.

В силу указанного епископы признали необходимым причесть епископа Иннокентия к лику святых и тело его объявить мощами «и к такому рассуждению тем паче они приступили, что в сим святителя откровении и прославлении, яко особенном даре от промысла тамошним отдаленным странам ниспосылаемым, не могут не ощущать благоволения божеского к диким их обитателям, могущего поспешествовать обращению их в святую православную нашу веру». (В.К. Андриевич* «Сибирь в XIX столетии».)

Но и после этого Синод не признал Иннокентия святым и предписал: спустя немного времени, проверить нетленность мощей и есть ли новые чудотворения. И только после вторичного донесения епископа Вениамина и рапорта генерал-губернатора Селифонтова,* писавшего, что он лично удостоверился в полной нетленности тела Иннокентия и, что народ верит в его святость, Иннокентий признан был святым и установлено было празднование ему 26 ноября. Это было в 1804 году при Императоре Александре I.*

В настоящее время мощи святителя хранятся в великолепной раке в соборе Вознесенского монастыря. На поклонение мощам стекается масса молящихся со всех концов необъятной Сибири; служат тут молебны, говеют. Осматривают богомольцы достопримечательности, спускаясь в подземелье, где была могила святителя; с благоговением осматривают одежду, колымагу-карьеру и гроб, изгрызенный болящими зубами. Монах с чувством особой гордости показывает то место гроба, где выпилена дощечка, поднесенная ныне благополучно царствующему Государю Императору в проезде Его по Сибири.

Вместо епископа Иннокентия плененным албазинским казакам был послан архимандрит. Во время осады англо-французами Пекина в 1858 г. албазинцы геройски дрались с неприятелем и не уступили ему участка стены, охраняемого ими. После боксерского восстания наш военный агент сообщил, что потомков албазинских казаков числится ныне 75 человек и мысль губернатора Грибского о переселении их на Амур отклонил под тем предлогом, что нынеш-*

Вознесенский монастырь. г. Иркутск.

ние потомки албазинцев ни к чему непригодны, ничего русского в них не осталось, ни даже малейшей искры любви к своей бывшей нации. Осталась одна общность веры, но это при низком положении религии в Китае особенного значения не имеет. «Они получают», — пишет Вогак, * — «от китайского правительства жалованья до 4 лан серебром, рис натурою и вряд ли сами пожелают уехать от столь легкого хлеба».

АЛЕКСАНДР СИЗОЙ, ПЕРВЫЙ СВЯЩЕННИК НА АМУРЕ

Одновременно с Иннокентием, архиепископом Благовещенским, жил и действовал Александр Сизой, первый священник на Амуре. По его словам, он в 1857 году, получив в Якутске от преосвященного Иннокентия святой антиминс* с походной церковью во имя Святого Николая, прибыл на Амур и высадился на месте, где ныне стоит Благовещенск и долгое время жил на берегу в лодке, покрытой драньем. Неприветливую жизнь в лодке отца Александра разделяла его супруга, единственная русская женщина на Амуре до прибытия переселенцев. С каким восторгом встретила она первых казачек, прибывших на пароме. Бросилась целовать их, плакала от радости...

*Безыскусственны речи простые твои,
Но видны в них: наглядность примера,
Неподдельное чувство горячей любви
И в Творца беспредельная вера.
Молодой, полный сил, ты приехал сюда
Проповедовать вечное слово,
И положено много тобою труда
В этом крае во имя Христово.
Из амурских героев, что вел Муравьев
Проводил ты уж многих в могилы,
И телесный недуг, и десятки годов,
Расшатали железные силы.
На покое теперь, доживая свой век,
Вспоминаешь ты прежние драмы,
Как боролся с природой дикарь-человек,
Воздвигались первые храмы.
И глядишь, умиляясь открытой душой,
Орошаясь невольно слезами,
Как над городом блещут вечерней зарей
Купола золотыми крестами.*

Л. Волков

В тот год на Амур прибыл генерал Муравьев, при содействии которого Сизой, как мы видели ранее, построил первый Божий храм, о благолепии которого он до конца дней своих заботился и даже сложил свои кости возле него. С занятием Амура Сизой сделался первым и единственным священником на всем огромном протяжении Амура от Покровки до Усури. Во время странствования на этом пути, для исполнения треб, Сизому приходилось испытывать немало огорчений. В своем сказании он пишет: «Пробыв в пути 42 суток (он со спутниками) подвергались страшным лишениям и опасностям от голода, противных ветров, хищных зверей, болезней; лишившись двух рядовых и схоронив их, кое-как дотащились до своих жилых избушек в новорожденном граде Благовещенске».

Посещая вверенные ему военные поселения, Сизой проездом бывал в Айгуне, где посещал идольские капища, жрецов-бонз, находясь в тоже время в постоянном страхе от возможных насилий со стороны манджурской толпы, всегда сопровождавшей его весьма недружелюбно. Бывать же в Айгуне вынуждал голод и холод, так как русские военные посты отстояли один от другого на 200 верст.

С устройством причтов в больших станицах деятельность его хотя и сократилась, но все же он продолжал объезжать станицы за неприбытием священников и был постоянным духовным отцом-наставником в сотнях и законоучителем в казачьей бригадной школе, коновальной и

Александр Сизой, первый священник на Амуре.

в учебных командах до конца восьмидесятых годов. Крестя и напутствуя на тот свет почти все казачье население, Сизой до тонкости изучил нравы и быт казаков и не проходило ни одного явления в их жизни, о котором Сизой не был бы осведомлен. Мнениями его руководствовались не только первые командиры бригады, но и губернаторы иногда спрашивали его совета. Муравьев уважал Сизого и, уезжая, подарил в собственность его дом, за его высокополезную деятельность при первом заселении Амура. Да и последующие высшие начальники долгом своим считали, в бытность в городе, посещать маститого священника.

Население казачье и горожане любили отца Александра за его прямой характер и привычку говорить правду в лицо, не разбирая ранга, но в то же время и боялись все. Дело в том, что он говорил резко, не обиняками, а во всеуслышание. С амвона он открыто обличал пороки и можно было догадаться, по адресу кого говорил батюшка. Во время службы он любил строгий порядок и нарушителей тут же останавливал: школьников попросту ставил на колени до конца службы; одному чиновному лицу, прислонившемуся к клиросу, он сказал: «Дайте ему другую упорину!». Забывшейся казачке, продолжавшей жевать «серку», он кричал: «Сватья, выбрось жвачку!» и т.д. Лгать в глаза Сизому также опасались. Однажды один казак на исповеди на вопрос отца Александра: воровал ли он, попробовал сказать: «не грешен». «Врешь», — громко закричал на него Сизой, — «а кто у меня плаху со двора стащил? Вставай на колени, по триста поклонов ежедневно до следующий пятницы».

Посещая станицы, отец Александр, не стесняясь, открыто выговаривал и сотенному командиру, и простому казаку, заметив уклонение от исполнения обрядов или нелады в семейной жизни. Все выведет «на воду» и иные уходили со слезами от него, а иные — с успокоенной душой, нравственно обновленными. За требы брал снисходительно: «Что с тебя с голого взять-то?» — скажет он бывало казаку и махнет рукой. А жить ему, да и вообще всему духовенству, на первое время было очень тяжело: население было бедное и обложение его по 24 фунта хлеба «с относящей души» в пользу священника было непосильно, а казенное жалованье такое мизерное, что волей-неволей приходилось им жить «первобытным способом», то есть поборами с миру яйцами, поросятами и прочим добром.

Много потрудился отец Александр в первые годы жизни наших казаков на Амуре, оберегая их от тлетворного влияния молокан, баптистов,* прыгунов,* хлыстов,* субботников* и прочих. В составе самих казаков, с зачислением штрафованных, находились раскольники, староверы, католики, протестанты, магометане, даже евреи и язычники.

Только неусыпная бдительность преосвященного Иннокентия и отца Александра сохранила казаков стойкими в православной вере своих отцов и ни один казак, благодаря такой твердой религиозной закваске, до сих пор не отпал от нее. Язычников-ламаитов Сизой собственноручно окрестил, несмотря на их протесты, что они с переменою веры отцов не сделаются лучшими подданными, а одинаково будут верно служить Царю и Отечеству. Евреев, магометан и прочих сектантов исключили вместе с прочими «сынками-гольтепаками» и, наконец, строго следя за своей паствой, Сизой исхлопотал у губернатора Педашенко распоряжение, в силу которого казаки православные ни в каком случае не могут наниматься работниками к духоборам* или молоканам.

Насколько пользовался отец Александр Поликарпович любовью и уважением среди жителей и окрестных станиц, и деревень — свидетельствует об этом следующий факт. В 1882 г. протоиерей Сизой, по предложению якутского архиерея занять место кафедрального протоиерея в Якутске, задумал оставить Амур. Узнав об этом, благовещенское общество, чтобы не лишиться всеми любимого пастыря, избрало депутацию во главе с самим губернатором П.С. Лазаревым,* которой и поручено было упросить батюшку отложить свое намерение. Сизой, приняв депутацию, категорически заявил, что он останется под тем условием, если прихожане выстроят обширный храм, вместо тесной и неуютной старой Никольской церкви. Все сразу откликнулись на его предложение, тут же в его доме собрали 1000 рублей, а затем, путем добровольной подписки собраны были и остальные средства, на которые удалось построить новый каменный храм.

Под конец своей жизни отец Александр стал болеть и жаловаться на частые головные боли, как следствие пролома, полученного еще в Якутске при падении в дороге на льду. Но, несмотря на это, он в 1891 году еще был в состоянии прибыть на торжественное открытие в Хабаровске памятника Муравьеву в присутствии Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича и сказал там настолько прочувствованную и правдивую речь, что обратил этим внимание на себя Его Высочества, собственноручно вручившего ему золотой наперсный крест, усыпанный брильянтами. На возвратном пути Августейший Наследник Цесаревич неоднократно беседовал с ним о прошлом Амурского края и его деятелях и настолько заинтересовался его рассказами, что будучи в Благовещенске, посетил старую Никольскую церковь, осмотрел ее обстоятельно и, выслушав еще раз от старейшего священника — свидетеля судеб Амурского края, краткую историю храма, о жизни и деяниях графа Муравьева и архиепископа Иннокентия, сделал щедрое пожертвование на возобновление храма и сказал вечно знаменательные слова в святом алтаре: «Отныне я буду покровителем и почитателем храма сего!»

Здоровье Сизого с каждым годом становилось все хуже и хуже и, наконец, 18-го мая 1897 года он скончался на 71 году от роду. Не стало славного сподвижника графа Муравьева, деятельного сотрудника преосвященного Иннокентия. Все они вместе работали на пользу здешней церкви и над водворением Русской государственности в приобретенной новой стране.

Провожать покойного к последнему его пристанищу, выбранному им лично, возле любимого им построенного храма, собрался почти весь город: тут были казаки, купцы, мещане, высшие и низшие воинские чины, все учащие и учащиеся, многочисленные бывшие ученики

его, сделавшиеся уже офицерами, чиновниками, гражданами; видели тут молокан и манджур. Все пришли отдать последнее «прости» и бросить горсть земли в могилу того, кто любил уважать ближнего, был истинным христианином и верным слугой Царя, который спустя 20 лет, на представлении депутации от войска в 1911 году, вспомнил добрым царским словом Сизого и его заслуги на Амуре.

1861 ГОД. ОТЪЕЗД МУРАВЬЕВА.

В начале 1861 года граф Муравьев, сдав должность генерал-майору Корсакову, отбыл из Сибири навсегда. Проводы его были трогательные и вот как описывает их Б.А. Милютин*: «Назначенный для отъезда день начался в соборе, в котором, при архиерейском служении, граф Муравьев, окруженный обществом, отстоял напутственный молебен. Площадь, или лучше сказать, ряд площадей, окаймлявших собор, кишели народом; после молебна все, имевшие на то право, бросились в близстоявшее собрание. Граф Муравьев дошел до него пешком, народ теснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальные напутствия. Наконец, он в собрании. Громадный зал последнего и прилегающие комнаты кишели публикой: тут были и мундиры, и ремесленники, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из соседних деревень, и инородцы, и казаки... Не было, кажется, человека, которому бы он не сказал слова. Кончилось прощание... В городских экипажах, кто только мог, поехали в Иннокентьевский монастырь. Казалось, что туда придут только избранные, но, пока шел молебен над мощами святителя, пока продолжался завтрак у настоятеля, площадка перед монастырем наполнилась народом.

Мы вынесли, по сибирскому обычаю, на руках графа Муравьева, но только показались в толпе, как моментально были отброшены в сторону, а граф очутился на руках крестьян, а потом инородцев, также поспешно выхвативших его у первых. Им выпало на долю сказать и последнее «прости»... инородцы кричали: «Мы, тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас!...» «Не забудь нас!» — подхватил народ. Тронулись повозки, все стояли без шапок, кто бежал сзади, кто обратился к монастырю и крестился, кто набожно благословлял отъезжавшего. Шибче и шибче двинулись повозки. Народ долго еще стоял без шапок. Следя за ними, стоял и я. Невольно пришло в голову: закатывается зорька Восточной Сибири! И, действительно, она закатилась... Надолго ли?»

НАВОДНЕНИЯ В 1861 И 1863 ГОДАХ.

Не успели казаки освоиться с новыми местами, как их постигло несчастье: разливом реки затоплены были пашни, покосы и самые селения. Из станиц, расположенных по верховью Амура, наиболее пострадали: Ваганова, Свербеева и Ушакова, из них последние две пришлось переносить на новые места: Ушакову за 15 верст вверх от бывшего места, Свербееву — на две версты выше. Сильно же пострадали и селения Амурского пешего батальона: Нагибова, Добрая, Венцелева, Квашнина, Дежнева, Михайло-Семеновская, Степанова, Головина, Спасская и Новгородская. В этих селениях, как расположенных вблизи

от берега, на низинах, был потоплен весь засеянный хлеб и сено. У Михайло-Семеновской станицы водой оторвало берега на семьдесят сажен. Убытки были огромные, своего хлеба у казаков не осталось ни одного зерна. Разрешено было переселиться пострадавшим на новые места, а для прокормления семей отпущен был казенный провиант на один год и оказано небольшое денежное вспомоществование по 15 рублей на семью. В Уссурийском батальоне разливом Уссури были уничтожены все зачатки домоустройства и казаки остались совершенно без хлеба...

1862 год прошел благополучно. Пострадавшие селения перетаскивались на высокие места, а в тех селениях, которые вода не трогала, усилили запашки, предположив, что они уже застрахованы от потопления.

Весна 1863 года стояла благоприятная, всходы хлебов были хороши, урожай, казалось, был обеспечен. Но в начале июля пошли дожди и к 30 июля Амур вышел из берегов и селения большей частью стояли в воде. Губернатор Буссе выехал на пароходе для осмотра пострадавших селений и так доносил генерал-губернатору:

«Покровка окружена водой, часть огородов в воде, из 112 десятин засеянного хлеба затоплено 60, сена унесло более двух тысяч копен. В станице Амазарской дома до окон в воде, огороды затоплены, хлеб, засеянный на китайской стороне, уничтожен... В Игнашиной из посеянных 90 десятин половина в воде, огороды все затоплены. В Сгибневой два дома затоплено, огороды почти все уничтожены, 16 десятин хлеба уничтожено. В Свербеевой водой оторвало берег на 40 сажен. У 23 семейств было посеяно 61 десятина, половина коих в воде. Снесло два дома. В Орловой* всего десять семейств. Огороды и дома уцелели, из посеянных 49 десятин — затоплено 15. В Рейновой нечего было топить: 13 семейств, при 29 лошадях, засеяли 13 десятин! Начальник станицы сменин, а командир сотни Красильников арестован за плохой досмотр за казаками. В Албазине уничтожено 85 десятин и т.д.»

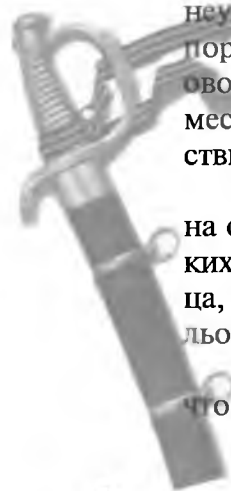
В общем, наводнению подверглись все верховые станицы до Благовещенска. В станицах, лежащих от Благовещенска вниз, наводнения не было, здесь урожай был хороший. Некоторые станицы имели свободные запасы хлеба, например, Константиновская имела к продаже 5 тысяч пудов, а Пояркова — 3 тысячи.

Но в более плачевном состоянии оказались станицы Уссурийского батальона, командир которого Дьяченко, доносил 16 августа адмиралу: «Со 2-го августа и по сие время идет дождь; все хлеба, посеянные не на горах, и все луга затоплены. Все же незатопленные и сжатые, но неубранные, совершенно уничтожены двухнедельным дождем, зерно поросло, а у поваленных — разбухло. Убрать хлеба нельзя. Огородные овощи все погибли. Дома с усадьбами в воде. Скот выгнан на высокие места. Эта вода выше воды 1861 года». Просит о высылке продовольствия...

Через несколько времени он же доносил: «Надежды нет никакой на сбор урожая; с низких мест вся мышь собралась к пашням на высоких местах и опустошила их, пшеницу и ячмень пожрала голодная птица, греча же от сырости истекла... На обсеменение и прокормление батальона требуется до осени будущего года 82 тысячи пудов хлеба...»

Вот как росли казачьи долги! А Пржевальский упрекает казаков, что «они рады лезть в долг по горло, лишь бы только не работать дома».

А было ли время казаку работать дома? И мог ли он сказать, что

у него есть «свой дом»? Дело в том, что в первые годы заселения начальство ввело общие домохозяйства наподобие коммуны. Земля была общая; распашка полей, сенокос и прочее велись всеми сообща и результаты делились не по числу работников, а по числу ртов. Существовал, так называемый экономический скот: лошади, употреблявшиеся на общую пользу. Сама работа не зависела от казаков, а шла по указанию сотенных командиров; от работ никто не избавлялся — женщины делали кирпичи, гребли сено; ребяташки пасли телят, свиней. Даже случавшийся остаток свободного времени казак не мог использовать по своему желанию, на все было расписание, все делалось по барабану и трубе: на охоту за зверем люди назначались по приказу, указывалось место охоты и время возвращения с нее и, что забавнее всего, результаты охоты шли на общую пользу. Даже свои собственные вещи, привезенные из Забайкалья, казак не мог назвать своими, они были общие: понадобится солдату лошадь с седлом, он заходит в первый двор и без всякого рассуждения берет, что ему надо.

При такой системе хозяйствования (системе, принятой в бывших аракчеевских военных поселениях), где воля хозяина была порабощена, нельзя было рассчитывать на то, чтобы казак обзавелся своим домком и не залезал в долги. На это его толкали непривычные, новые условия борьбы с природой и введенные небывалые, разорительные повинности: одна возка почты, курьеров и эстафет была положительно невыносима для молодого и бессильного колониста. Надо видеть было, какие муки испытывали казак и его бедное животное при перетаскивании тяжелого возка через какой-нибудь хребет по первобытным, неочищенным дорогам. Одно горе было: нетерпеливый пассажир торопит казака, казак коней, а возок ни с места — в результате 25 розог за медленность езды. Обязательная доставка дров на пристани для казенных пароходов отнимала самое дорогое время для подготовительных полевых работ — нужно было к 15 апреля выставить на берег в районе одной бригады 4600 сажень дров, а к 15 июня 500 сажень для штабных помещений; за первые казаки получали по 1 рублю с сажени, а вторые — бесплатно. Предписывалось делать все в точности, скоро, так, чтобы 20 июня все выходили на покос, 15 июля на лагерные сборы и даже установлен был, по приказу, 15-ти часовой рабочий день. Справляясь кое-как со своим хозяйством и отбывая возложенные на него повинности, казак наш в то время не избавлен был и от несения военной службы. Начиная с 1863 года, вследствие волнения в Польше, в одной бригаде содержались с полной боевой амуницией две конные сотни и рота пеших казаков из причисленных штрафованных солдат, готовых по первому слову перейти границу.

Помимо этого, во всех сотнях были ежегодно лагерные сборы, на которые казаки собирались со своими харчами. Знание службы от казаков требовали наравне с линейными солдатами, без снисхождения. Так, стоило только приехавшему в 1863 г. ревизору генералу Лутковскому заметить, что вообще все войска на Амуре, «оторванные работой», плохо стреляют, как начались чуть ли не еженедельно занятия с казаками пальбой, литьем пуль, деланьем патронов и пр. Тот же генерал Лутковский* нашел, что в обучении войск много есть своеобразного, отжившего, несогласного с уставами — долго он смеялся над начальником станицы, рапортовавшим: «Все обстоит благополучно, нового ничего нет».

А «нового» в то время, действительно, было много и недаром же в

почетных рапортах, может быть только на Амуре, писалась эта добавка. С каждым днем казаки ожидали для себя что-нибудь новенькое. После последнего наводнения стал валиться скот: «нажрется корова травы с илом и тут жедохнет». Появилась в первый раз «сибирка», лошади стали пропадать в каждом дворе, гонять почту было не на ком... разрешили казакам сходить в Забайкалье на родину для привода лошадей. Многие с радостью навестили «благословенные места Унды»* и привели хороших лошадок, коров и пр. Князь Кропоткин, с константиновскими казаками, из Цурухайтуя,* напрямик в Благовещенск, привел более 200 лошадей. Хорунжий Михайлов, также удачно, этим же путем, пригнал лошадок и даже устроил вроде конского завода у себя на заимке возле Константиновки. Но развести лошадей не так-то было легко: кроме «сибирки» врагом животных оказались звери. Волки ходили большими стаями и задирали телят, жеребят. От них не спасались свиньи: схватит ее за ухо и тихо ведет в лес, и свинья не издаст ни одного звука и покорно следует за разбойником. Но более всего казаки терпели от нашествия тигров. Сколько загублено ими лошадей, сколько изувечено и насмерть заедено людей — трудно исчислить. Нахальство этого кровожадного зверя не имело границ: он свободно разгуливал по дворам и искал пищи... Схвативши коня за шею и взвалив его на свою спину, он легким прыжком перепрыгивал забор с такой ношей. Немало страдало от него казаков. Однажды ночью он напал внезапно на часового, стоявшего у казенного склада в Михайло-Семеновске. «Федореев, часовой, был сильный; борьба шла не на живот, а на смерть; но в результате штык оказался сломанным, ложа ружья вдребезги разбита, череп Федореева лежал в стороне, труп его растерзан в клочки, кровью обрызгана была вся стена. Огромные следы ушедшего зверя были покрыты кровью. Замки и печати целы». Так говорилось в произведенном дознании об этом чрезвычайном происшествии, доведенном до сведения Государя Императора.

Генерал Буссе ввел премию за убитого тигра в 25 рублей, но Михаил Семенович Корсаков отменил этот расход, сказав: «На что же у них ружья, пусть сами справляются с тигром».

Ветеринарный врач Сандерс разъезжал по станицам и лично учил казаков травить стрихнином волков.

На Усури тигры также наносили огромный вред. Пржевальский очень обстоятельно описывает проделки этого хищного зверя: «В Раздольном* селе он забрался через крышу в конюшню и задавил двух лошадей. В станице Козловской тигр перетаскал 25 собак и нагнал такой страх на жителей, что ночью все боялись выходить из домов»; или: «У казака было два быка, одного съел тигр; чтобы спасти второго казак повел его в другую станицу, к куму во двор. На дороге неожиданно встретил его тигр. «На, ешь и другую мою скотину», — закричал казак и, бросив быка, пустился бежать обратно».

Понятно, что все эти неудачи, по словам изучавших быт казаков, ослабляли энергию самых сильных, слабые же падали духом; поражавшие путешественников «бедность, безжизненность, пустота и бездомность» наших станиц объяснялись беспристрастными людьми не ленью казаков, а скорее стечением неблагоприятных обстоятельств. «Хлебопашество идет здесь худо» — говорит Носков («Отечественные записки»* за 1865 год), — «и в трудах казаков видна какая-то безнадежность; сколько ни заботится о них их попечитель-

ное начальство (вроде Бабста*) и ни старается устроить их благосостояние, но все напрасно: против природы ничего не сделать».

1866 год замечателен был повсеместной переменой начальствующих лиц в войске: губернатор Николай Васильевич Буссе, находясь не в ладах с Корсаковым по поводу неудачного «посольства» в Цицикар правителя канцелярии Малевича* с казаками, взял отпуск и выехал в Иркутск, но, не доезжая до него, 26 августа умер от апоплектического удара на станции Домно-Ключевской. Вместо него губернатором был назначен полковник Иван Константинович Педашенко,* находившийся уже в Благовещенске.

Командир бригады полковник Черняев 9-го февраля 1866 г. был отозван в Иркутск и назначен впоследствии якутским губернатором. Командуя бригадой в течение восьми лет, Георгий Федорович заботился о развитии хозяйства в станицах и в этом отношении станицы бригады стояли выше таковых же в Амурском и Уссурийском батальонах. Он приказал построить в крупных станицах риги для молотбы и хранения хлеба и водяные мельницы. При нем была открыта в Благовещенске бригадная школа, первая рассельница народного образования на Амуре, куда присылались лучшие ученики из сотенных школ.

За недостатком отпускаемых средств, обучение в этих школах было крайне неудовлетворительное; учителями были простые казаки, едва умевшие сами читать и писать; учебных пособий было недостаточно; писали гусиными перьями, чернила делали из сажи... Были библиотеки, наполненные книгами, присланными для переселенцев епископом Иркутским Евсеием: беседы на воскресные и праздничные евангелия, утешение в скорби и печали, беседы к своей душе, беседы о семи спасительных таинствах, о воспитании детей в духе христианского благочестия и т.д.

Кроме этих при Черняеве в бригаде были открыты десять «детских» школ, содержавшихся на средства исключительно казаков. Эти школы были крайне бедны. Учитель, какой-нибудь солдат из штрафованных, получал три рубля в месяц и ходил обедать по очереди к жителям, как пастух. Про таких учителей сохранились стишки:

Во землянке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь пропившийся старик,
Отставной солдат:
Буки — аз, буки — аз,
Счастье в грамоте для вас!
Я согнулся, я уж стар,
А виды — видал.
Сколько всыпали мне в спину
Шпицрутенгов? Бог лишь знал.
Буки — аз, буки — аз,
Счастье в грамоте для вас!
У меня для всех вас есть
Розги про запас,
Кто соврет, тому сейчас
Всыплю! Сколько будет 6 х 6?
Пьянство — мать всех пороков
Говорил нам Сумароков.
Я ж твержу, что без вина

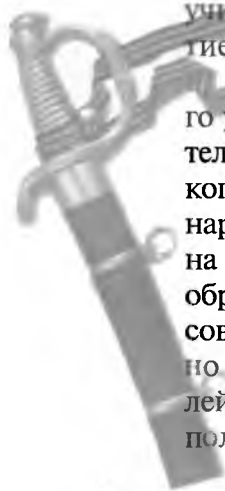
Жить на свете нам нельзя.
Дружно дети, все зараз -
Буки — аз, буки — аз,
Счастье в грамоте для вас!...

На смену Черняеву приехал 28 сентября 1866 г. войсковой старшина Рудольф Оттович фон Буксгевден. Чин и бригаду он получил за отличие при усмирении в 1866 г. взбунтовавшихся сосланных поляков и других политических преступников при работах на Кругобайкальском тракте. Он любил рассказывать об этом деле и даже приказал выслать в станичные школы прописи для чистописания следующего содержания: «Казак Рябов, находясь на полевых работах с двумя своими сыновьями, был окружен шайкой поляков-мятежников, принудивших Рябова, под страхом смерти, указать дорогу для бегства их. Казак Рябов, памятуя долг присяги Царю, вывел их на казачий отряд, но за то поплатился жизнью своею, будучи изрублен в куски мятежниками на глазах скакавшего отряда. Слава казаку Рябову! Слава второму Сусанину! Амурцы, казак Рябов — ваш брат, гордитесь его подвигом!» Впрочем, Буксгевден был в войске недолго, в 1868 г. его сменил полковник Сумароков.*

В Амурском батальоне, на место ушедшего войскового старшины Бабста, командиром назначен был войсковой старшина Чеснок. За заботливое отношение Бабста к казакам и за человеческое с ними обращение губернатор Буссе приказал переименовать в честь него образовавшуюся при нем Ключевую станицу — в Бабстовскую.*

В конце своего губернаторства Николай Васильевич Буссе обратил внимание на народное образование вообще в области. С увеличением Благовещенска открылась настоятельная потребность в учреждении народного училища для всех сословий города. Бригадная школа, предназначенная для приготовления состава учителей для станичных школ, только обслуживала казачьи интересы и прием частных лиц был закрыт. И вот по инициативе офицеров и чиновников в 1864 году открывается частная школа для детей всех состояний. На покупку разных учебных предметов составляется подписка среди местных купцов и других горожан. Преподавание предметов распределяется между учредителями и к концу 1864 года это первое народное училище открыло двери 25 мальчикам. Но так как офицеры и чиновники люди все должностные, а потому, при всем их добром усердии, они, часто отвлекаясь по службе, не могли вести успешно дело обучения. Вследствие этого губернатор Буссе, относясь сочувственно к возникшему первому училищу, вошел с ходатайством об учреждении народного училища ведомства Министерства народного просвещения с открытием отделения для девочек.

В 8 день сентября 1865 г. состоялось Высочайшее утверждение этого училища, но без отделения для девочек. За неимением в области учителя губернатор обратился к преосвященному Иннокентию, архиепископу Камчатскому, — последний, призывая благословение Божье на первое народное училище, назначил смотрителем и учителем священника Иоанна Гомзякова, впредь до подыскания другого лица с соответствующим образованием. Но подыскать такого учителя оказалось нелегко: в области совершенно не было подходящих лиц, а из Иркутска, куда неоднократно обращался губернатор, охотников за небольшое жалованье (600 рублей) не находилось. Чтобы выйти из такого положения губернатор Буссе, пользуясь пребыванием в городе генерал-губернатора Корсакова, делает

ему доклад о слиянии казачьей бригадной школы с народным училищем таким образом, чтобы оба учебных заведения помещались в одном здании, имели бы общих учителей и один общий надзор. Доклад этот полностью утвержден генерал-лейтенантом Корсаковым и приведен в исполнение уже вновь назначенным губернатором Иваном Константиновичем Педашенко.

ГУБЕРНАТОР ПЕДАШЕНКО. 1866-1874 гг.

Ежегодно Педашенко объезжал все станицы войска и подробно вникал во все мелочи жизни казаков. Он окончательно отменил общие работы. Смотры его не походили на смотры других высших начальников: с разносками, выговорами, арестом и пр. Обыкновенно народ при проезде таких ревизоров прятался по избам, а дети, вместе со стариками, сидели за печкой на «ленивках».

При посещении Педашенко народ высыпал на улицы, принарядившись в лучшую одежду, с детьми и женами; и делалось это добровольно, а не по выгону сотенных командиров, потому что казаки любили Педашенко за его простоту и ласку в обхождении и умелые расспросы об их жизни. Такой же популярностью Иван Константинович пользовался среди горожан и крестьянского населения.

Если в ответе крестьян губернатору, что «они лучше живут казаков потому, что у них нет начальников» и была некоторая доля правды и сам Педашенко сознавал, что только при свободном труде возможно развитие казаков в экономическом отношении, то тем не менее он всю беду отсталости казаков видел в невежестве их, а потому он, на первых порах своего губернаторства, положил в основу своей деятельности народное образование.

Принимаясь за разработку проекта Буссе, Иван Константинович, что называется, душу влил в дело народного образования области. Он с жаром принялся за устройство помещения, сам лично с утра до вечера находился на постройках и через каких-нибудь два месяца там, где красуется сейчас великолепный магазин Чурина, был оборудован дом, по тогдашнему времени красивый и громадный, в котором поместились: народное училище, отделение женской школы и бригадная школа, а рядом, отделяясь тенистым большим садом, пансион бригады; тут же квартира для учителя и во дворе — коновальная школа.

Учителем наук и смотрителем в народном училище был назначен, по рекомендации известного Маака, главного инспектора училищ Восточной Сибири, Домбковский Семен Казимирович. Надо сказать и упомянуть добрым словом первого преподавателя в бригадной школе — офицера Кожуховского и учительницу школы для девочек, открытой при той же школе, госпожу Родионову*, жену чиновника. Лица эти, из любви к

И. К. Педашенко, военный губернатор Амурской области.

науке, за небольшое вознаграждение посвящали все свободное время любимой им бригадной школе. Как тот, так и другая отличались весьма ласковым обращением с учениками, добросовестно исполняли добровольно взятое на себя бремя и к жестоким мерам наказания совсем не обращались. Не один десяток они воспитали и образовали станичных учителей; некоторые из учителей и до сих пор живы, продолжают учительствовать и притом нисколько не хуже новых учителей с их «идейным» направлением.

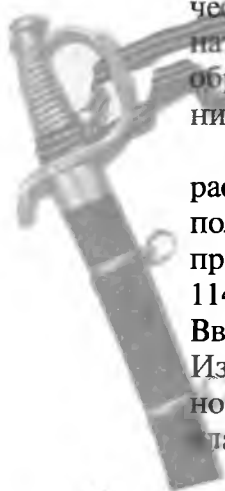
С назначением Домбковского учителем наук губернатор Педашенко просил Кожуховского и Родионову продолжать свои преподавательские обязанности в соединенных школах, а для обеспечения их жалованьем приказал общественному правлению — весь доход с гостинного двора присылать на уплату содержания учителям.

С прибытием учителя Домбковского начались более правильные занятия в соединенных школах. Самое здание было удовлетворительное во всех отношениях: просторное, светлое, теплое; парты, полы и окна крашеные. Двор был такой обширный, что посередине его были устроены гимнастические приспособления, на которых, в особо назначенные часы, под наблюдением офицера, происходили упражнения и игры детей.

Огромный тенистый сад, находящийся посередине между училищем и квартирой учителя, с правильными дорожками, усыпанными песком, служил местом забавы и развлечения детей. В праздничные дни этот сад всегда был наполнен веселой учащейся детворой и гуляющей публикой, слышалось иногда стройное пение старших учеников бригадной школы, а из растворенных окон квартиры учителя неслись приятные звуки фортепианной игры добрейшей Марьи Ивановны, жены учителя Домбковского. Только иногда эта идиллия нарушалась резким криком мальчугана-бригадира, попавшего в руки пьяного Домбковского, этого деспота и любителя порки. Если б не Марья Ивановна, всегда вовремя прибегавшая и вырывавшая из когтей деспота казачат, последним жилось бы не особенно приятно. Но на счастье последних о пьянстве Домбковского и его порках узнал Корсаков и в грозном письме 24 февраля 1870 г. обратил внимание губернатора на поведение Домбковского и приказал предложить ему выйти в отставку, если он будет продолжать такой образ жизни.

В учебных пособиях на первое время не было недостатка, всеми учебными пособиями — книгами, перьями, бумагой, карандашами и прочим ученики пользовались бесплатно. Стены классов были украшены художественно исполненными картинами религиозного, исторического, этнографического и нравственного содержания. В особой комнате была устроена библиотека, перенесенная из бригадной школы и образованная на средства, собранные по подписке офицеров и чиновников. Книг разных названий было 1137.

Из отчета учителя науки за 1870 год видно, что число учащихся растет с каждым годом более и более: в 1869 году было учащихся обоего пола 69, а в 1870 году уже 154, из коих мальчиков 115 и девочек 39; причем значительный процент дала молоканская секта, а именно: из 114 мальчиков 73 были молокане, из 39 девочек 18 были молоканки. Ввиду такого наплыва учащихся требовалось учреждение второго класса. Из этого же отчета видно, что воспитанники старшего класса бригадной школы весьма исправно занимались практической педагогикой в классах народного училища, а окончивший курс бригадной школы уряд-

ник П. Бородин состоял учителем чистописания в соединенных школах.

На представление губернатора Педашенко о наплыве учащихся и основании второго класса последовало 5 апреля 1872 г. Высочайшее соизволение на учреждение должности второго учителя с окладом жалованья 600 рублей в год. Начались опять поиски второго учителя, но трудно было такового получить из России; на такой слишком скромный оклад никто не льстился, несмотря на привилегии края. Вопрос этот был разрешен очень просто. Педашенко, по сношению с епископом Вениамином,* назначил на должность второго учителя двух учителей семинарии — Флорентия Осиповича Васильева* и Алферова, распределив присвоенное этой должности содержание по равной части обоим, предоставив им право быть учителями в той же семинарии.

Неограниченная власть Домбковского была ограничена, вся хозяйственная часть передана была Флорентию Осиповичу Васильеву. Семен Казимирович стушевался. В жизни бригадной школы и народного училища с этого момента наступили тихие времена. Мария Ивановна Домбковская всецело отдалась делу обучения в женском отделении.

В коновальной школе обучались 22 ученика, при ней был устроен лазарет для больных лошадей, лаборатория. Ученики обучались 3,5 года. Школой заведовал и преподавал ветеринарный врач Вестман. По отзыву еще живущих ныне учеников его, это был добрейшей души человек, с любовью и знанием дела относившийся к своим обязанностям и искренно желавший научить своих питомцев искусству лечить лошадей. Он день и ночь находился в устроенных им школе и лазарете и выпущенные ученики основательно знали зоологию, хирургию, фармакологию и другие вспомогательные науки. Разосланные по всем частям войска и области — эти коновалы-пионеры оказывали долгое время существенную помощь казачьему и крестьянскому населению и ныне еще к услугам их прибегают казаки предпочтительно, обходя ротных фельдшеров. Что школа славилась и обучение в ней было поставлено серьезно, указывает тот факт, что генерал-губернатор Корсаков приказал послать из Читы казаков для обучения в ней ветеринарному искусству, рекомендовал последовать его примеру и артиллерийским частям округа.

В своих заботах о населении Педашенко не забывал и народного здравия. В станице Черняевой был устроен полковой лазарет на 18 кроватей, в Благовещенске — бригадный на 72 кровати; в Амурском и Уссурийском батальонах — батальонные по 18 кроватей. Кроме того, в промежуточных станицах были фельдшера с аптеками. Для комплектования этих лазаретов необходимыми фельдшерами при бригадной же школе было открыто отделение для приготовления медицинских фельдшеров. Казачата до обеда занимались в этой школе, а после обеда уходили на практику в бригадный лазарет. Лазареты были обставлены хорошо и в особенности бригадный. Педашенко не жалел экономических бригадных денег и с готовностью разрешал расходы на улучшение лазаретов всеми нужными припасами. Гольтерман, главный доктор Восточной Сибири, инспектируя лазареты, нашел бригадный лазарет образцовым во всех отношениях. А «Вестманскую школу», как называл он коновальную, обещал расширить, снабдить ее всеми необходимыми инструментами с тем, чтобы она была рассадником ветеринарной науки по всему краю.

Надо сказать, что постройка всех лазаретов была произведена казаками, лес доставлен ими же по раскладке. При постройке бригад-

ного лазарета мастеровые были вызваны также из станиц. Работали бесплатно и «...слава Богу, — говорили казаки, — что давали пищу, а по субботам, кроме сего, выдавали винные порции и по 15 копеек на баню». На постройку бригадных помещений в два года казаками было доставлено бесплатно 6 тысяч бревен, причем по наряду на работах находилось 829 человек.

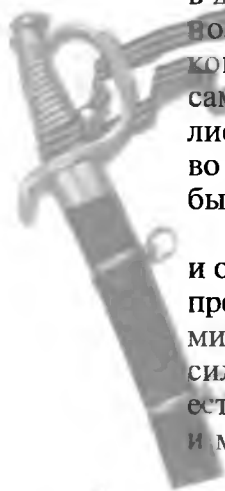
Несмотря на это, хозяйство казаков в это время значительно улучшилось по сравнению с прочими годами, благодаря отличным урожаям хлебов в 1866 и 1867 годах. Воспользовавшись этим генерал Педашенко приказал во всех станицах открыть хлебо-запасные магазины, а для поощрения наиболее отличившихся казаков в развитии своего хозяйства приказал выдавать премию в 300 рублей на бригаду и батальон. Кроме сего, благотворное влияние на улучшение хозяйства казаков оказала милость Царя 26 октября 1866 года по случаю бракосочетания Атамана всех казачьих войск, а именно — сокращение срока службы: полевая — 15 лет, внутренняя — 7 лет.

Но только казаки успели внести первый окладной хлеб, как вновь испытывают бедствие от наводнения в 1868 году, когда особенно пострадали станицы: Игнашина, Амазар, Сгибнева, Свербеева, Орлова, Рейнова, Албазин, Черняева, Ольгина, Ваганова, Толбузина, Бекетова, Пермыкина, Бейтонова и Игнатьева. Утоплено сена 34 тысячи копен, ярицы 97 десятин, ячменя — 28, овса — 34, гречи — 54. В Поярковой, Чесноковой, Куприяновой и Никольской погублено от проливных дождей, длившихся в течение лета, 288 десятин хлеба. Бедствие это было частное и не приняло опустошительных размеров, но, тем не менее, сильно подорвало благосостояние начинавших оправляться казаков.

1868 ГОД. ПРИБЫТИЕ ИКОНЫ АЛБАЗИНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ.

В феврале месяце, как сказано выше, отбыл в Москву владыка Иннокентий. На место его прибыл 20 мая преосвященный Вениамин и привез с собою древнюю святую икону Албазинской Божьей Матери — ту икону, которая была в Албазинском монастыре и пред которой усердно молились наши предки-казаки, прося ее заступничества в дни тяжелых испытаний. Вера в Ее силу и искренняя молитва вдохновляла казаков и они одерживали победу над неприятелем тогда, когда казалось, на то никакой не было надежды. Как известно уже, самые крупные сражения казаков под Ачанском и Кумарой приходились на Благовещение Пресвятой Богородицы; в обоих случаях казаки во время боя служили Ей молебны и в обоих случаях сильнейший враг был побеждаем.

Древние казаки вообще были благочестивы и весьма религиозны и отступление от простых даже правил обрядности в то время считалось преступным, например, после последней осады Албазина, во время перемирия, казаки стали волноваться, проситься в Нерчинск, и Бейтон доносил воеводе: «Дошло до того, что в Филиппов пост двое казаков стали есть мясо, а Мишка Сапожников со товарищи опозорили судебную избу и мой домишко».

Албазинская икона.

Нет нужды рассказывать, как в короткое время слухи о прибытии древней иконы разнеслись по всему Амуру и народ толпами стал стекаться в Благовещенск для поклонения. Преосвященный, видя такую духовную народную нужду, установил ежегодное путешествие этой иконы по всем поселкам войска и народ всегда встречает ее с особым почетом, как свою дорогую собственность. «Это наша икона, — с чувством гордости говорят казаки, — с нею наши албазинцы дрались с неприятелем».

В дни народных бедствий она всегда вспоминается казаками и к ней прибегают как к последнему, но могучему средству. Прекращение до небывалых размеров развившейся в поселке Бабстовском в

1888 году сибирской язвы с момента появления там образа Пречистой матери, и спасение города Благовещенска, беспомощного и осажденного многочисленным врагом в 1900 году, говорят сами за себя.

1869 ГОД.

В этом году в Иркутске устраивалась публичная сельскохозяйственная выставка. Генерал-губернатор приказал войску принять участие для наглядного ознакомления с местной производительностью во всем ее объеме. Начальство поставлено было в затруднение — похвастать нечем было, среди казаков ни ремесленников, ни кустарей не оказалось. На сделанный запрос сотенные командиры доносили разно: одни сообщали, что ничего своего казаки не производят, все покупают; другие — из своедельного можно послать кусок серы, которую бабы постоянно жуют; третьи советовали послать унты, моршни или чирки, туяза берестяные; иные рекомендовали послать, как произведение амурских казаков, бутылку любимого ими чая — «сливанчика с жеребчиком», шаньги из черемухи и бутылку местного виноградного вина; из одежды — «ергач», а из рукоделья женского — варежки и чулки. Но все это было забраковано и послано от населения бригады:

1) Шкура желтого зверька, называемого «барсом», редко встречаемого в горных хребтах; шкурки соболя, рыси и сиводушки.

2) Один пуд каменного угля с вечно дымящихся Цагайских гор.

3) Пуд зеленой глины, найденной против Корсаковой.

4) Пуд красной глины, найденной против Казакевичевой.

5) Образцы семян: кукурузы, желтых бобов и фасоли.

6) Фунт каменного масла, находимого на утесе возле станицы Кузнецовой и добываемого выстрелом из ружья.

От Амурского батальона:

1) Образцы деревьев: дуба, ясеня, ильмы, клена, пробкового дерева, акации, яблони, черешни, ели, тополя, талины, липы и др.

2) Шесть образцов муки с водяной, ручной и конной мельниц, образцы камней и выделанная изюбриная кожа.

3) Образцы охры, известки и железной руды.

4) Шкуры медведя, барса, хорька, белки, соболя, барсука и енота.

Крестьяне послали образцы точильного камня, жернова, мрамор и три сорта холста, приготовленного ими самими.

В этом же году ревизовал войско генерал-адъютант Сколков.* Ревизовал долго, писал много, но нам интересно его заключение: по его мнению «как Амурское войско, так и, в особенности, Уссурийский батальон составляют непроизводительное бремя для государства и по многим причинам, преимущественно же экономическим, еще долго не будут удовлетворять назначению».

1870 ГОД.

В 1870 году, в мае месяце, в Петербурге было совещание под председательством Его Императорского Высочества генерал-адмирала Константина Николаевича по поводу донесения генерала Сколкова об Амурском войске, коим, между прочим, постановлено было, что «ни Амурские, ни Уссурийские казаки не приносят для охраны никакой пользы, наилучшею мерою было бы изъять их из военного сословия и обратить их в поселян с тем, чтобы из этих последних образовать для полицейских и административных целей стражу, которой выдать на руки казенное оружие».

Мрачно писал генерал Сколков про войско, не привел никаких доводов в пользу казаков, как защитников границы, и даже словом не обмолвился о подвиге подполковника Маркова, когда он в 1868 г. с горстью уссурийцев храбро разбил шайку манзов и тем спас пост Камень-Рыболов, где сосредоточены были провиант, порох, свинец, оружие и куда сбежались от страха крестьяне трех деревень и особенно сожженной манзами Никольской.

Сам Корсаков, донося об этом деле, свидетельствовал, что это первая наша победа неприятеля вдвое сильнее и хорошо владеющего оружием.

1871 ГОД.

Отстреливающийся казак.

Проект Сколкова разделил сам генерал-губернатор Корсаков, выехавший в Петербург для поддержания его. Мысль свою об обращении казаков в крестьян генерал Корсаков высказывал еще в 1863 году. Но как тогда, так и теперь сильным защитником казаков выступил сам военный министр генерал-адъютант Миллю-

тин.* Он писал в Сибирский комитет: «Во всем неизмеримом крае Восточной Сибири вся военная сила наша почти исключительно заключается в казачестве и уничтожить его значит — оставить огромный этот край без всякой вооруженной силы». Далее он говорит, что проект генерала Корсакова он не осмелился представить на Высочайшее усмотрение, так как «трудно было дать себе отчет в целях и намерениях генерал-губернатора, предлагающего обратить казаков в крестьян и дать им гражданское управление и в то же время оставить им звание казаков, применив к ним ландверную (ополченцы) систему отбывания военной службы». Но Михаилу Сергеевичу не суждено было дожидаться, чем окончится этот вопрос: он 16 марта 1871 года скончался в Петербурге от тифа.

ПОТОП В 1872 ГОДУ.

Весна в тот год стояла теплая, погода держалась все время хорошая и лишь изредка перепадали дожди и притом своевременно. Всходы хлебов и трав были великолепны. «С поля» — говорили казаки, — «не хотелось уходить, настолько там было хорошо и радостно, ленивый и тот напал и посеял что-нибудь. Амур разошелся тихо, был уже конец июня и мы смеялись над предсказанием манегров, слышавших зимою гром и говоривших, что это всегда бывает к большой воде».

Среди лета проехал генерал Тимофеев, командированный по Высочайшему повелению, надо полагать, вследствие проекта Сколко-ва* для инспекции амурских казаков. Смотр прошел удачно, генерал остался доволен войском. «Наружный вид казаков, — писал он в своем отчете Государю Императору, — здоровый, бодрый и молодцеватый. Обмундирование Амурского пешего батальона и пригонка амуниции очень хорошие. Выправка, знание ружейных приемов и вообще все строевое образование стоят в пешем батальоне значительно выше строевого образования пеших батальонов Забайкальского войска. Стреляли отлично: при одиночной 83%. Учебная команда весьма в удовлетворительном состоянии. Нравственность батальона весьма хорошая. В батальоне 5 школ, в них обучается 178 мальчиков и 23 девочки. Лошади, обмундирование и снаряжение казаков в бригаде найдены в удовлетворительном состоянии. Карьер «справа по одному» во 2-й и 3-й сотнях 2-го полка, со стрельбой из пистолетов и рубкой, был неудовлетворительный — многие попадали с коней. Атака произведена быстро. Стрельба слабая. Нравственность в бригаде очень хорошая. В бригадной школе было 7 учеников, а в 19 станичных — 330 мальчиков и 47 девочек». Заметил генерал, что командиры 1-го и 2-го полков только числятся на бумаге, никогда налицо не бывают, а находятся в разных командировках. Войско вооружено пиками, шашками и нарезными ружьями образца стрелков батальона Императорской фамилии.

Про уссурийцев генерал писал, что строевых сборов там не делал, дабы не отрывать их от полевых работ и тем облегчить казакам тяжелое их положение в хозяйственном отношении. Из осмотра станиц и расспросов казаков он убедился, что экономическое положение Уссурийского батальона по сравнению с прежним, в особенности

после урожая 1871 года, заметно улучшилось, хотя ручаться вполне за будущее их было бы преждевременно. Нравственность, по заявлению командира, в последнее время весьма удовлетворительна. В шести школах обучалось 115 мальчиков. Для определения грамотности уссурийцев, генерал взял список 1027 человек, от 19 до 43 лет и нашел: умеющих читать, писать и знающих 4 правила арифметики — 6 урядников и 16 казаков; умеющих читать и писать — 11 урядников и 199 казаков; умеющих читать — 7 урядников и 55 казаков; неграмотных — 12 урядников и 721 казак.

Бригадой командовал подполковник Петров,* Амурским батальоном — войсковой старшина Чеснок и Уссурийским — войсковой старшина Глен.*

Отчет генерала Тимофеева и личный его доклад Государю Императору, надо полагать, оказали свое влияние и слухи об обращении наших казаков в крестьян замерли...

После отъезда генерала Тимофеева все собранные для смотра казаки были распущены по домам. Сенокос был в разгаре, как вдруг начались дожди, вода в Амуре стала, сперва постепенно, прибывать, а затем по телеграфу из Покровки сообщено было, что «вода идет валом». Губернатор Педашенко, находившийся на приисках Верхне-Амурской компании, извещенный нарочным, по прибытии в Албазин застал бушевавшую реку выходящей уже из берегов... По ней с шумом мчались дома, сено, лодки, бревна и прочий скарб. Горе людское было налицо. Отправив хорунжего Тонких на пароходе с запасом продовольствия, Педашенко сам на другом пароходе «Дитмар», тоже нагруженном хлебом, чаем и солью, бесплатно отпущенными управляющим компании И.В. Басниным,* спешил на помощь пострадавшим казакам. Быстро сменявшиеся картины разрушения водой были одна другой печальнее: попадавшиеся селения были все в воде, а некоторых уже не существовало; домашние животные на релках, окруженных водой, сбившись в кучки, ожидали своей гибели; народ бежал в горы...

Спасая застигнутых врасплох людей и оделяя припасами оставшихся без куска хлеба, Педашенко следовал далее. Аносовой, Ушаковой, Симоновой, Буссовой, Сухотиной уже не было. В последней парход там, где стояли дома, прошел полным ходом и причалил к горе. Столпившиеся казаки окружили вышедшего на берег губернатора. «Ребята» — сказал им Педашенко, — «какое горе переживаете, вы только начали жить, сердце радовалось, как вы стали оправляться. и вдруг такое несчастье!...» И, не окончив речи, заплакал, сев на камень. Но только он прикоснулся к камню, как из-под него выползла змея и бросилась на генерала. Казаки успели отбросить гада в сторону. «Эти гады» — сказал испуганный Педашенко, — «перекусывают всех ваших детей!» и тотчас же, приказав прибывшему на встречу его полковнику Петрову переселить немедленно сухотинцев в Бибикову, отправился в Благовещенск.

Благовещенск тоже был в воде: по площади, где стояла бригадная школа, разгуливал пароход... Учитель Домбковский рапортовал губернатору: «Во время разлития реки Амура с 4 на 5 июля наводнение в училищных помещениях было так неожиданно, быстро и велико, что с величайшим затруднением успели спасти некоторые книги и учебные пособия, библиотека же вся погибла...»

По прибытии в город Педашенко доносил Государю Императору

ру, что Амурскую область постигло бедствие небывалого наводнения.* Причиной наводнения было совпадение проливных дождей с ускоренным, вследствие особенных жаров, периодом таянья снежных забоев, оставшихся в горах Забайкальской и Амурской областей, от необыкновенно обильной снегом прошлой зимы. Наводнение произвело следующие опустошения: из 28 станиц конной бригады, расположенных выше Благовещенска, девять совершенно уничтожено, в восьми снесло до двух третей домов, восемь значительно пострадали и только три остались невредимыми и т.д.

Это было в июле и наводнение охватило только селения, стоявшие выше Благовещенска; в августе же Педашенко доносил Государю Императору, что вторичным наводнением затопило селения, расположенные ниже Благовещенска, и особенно станицы Амурского пешего батальона.

Разлив реки в августе был сильнее, чем в июле: выше Благовещенска вода почти сравнялась с июльской, а ниже, благодаря одновременному разливу Зеи, Буреи и Сунгари, Амур представлял из себя огромный, могучий поток воды, смывший до основания станицы, расположенные на низинах: от Неожиданной, Низменной, Сычевской, Нагибовой, Доброй, Поликарповки и Новгородской не осталось и следов.

Бедствие было огромное и убытки тяжким бременем легли на население, отозвавшись на всю последующую жизнь войска. Это несчастье, перевернув, так сказать, весь строй жизни казаков и уничтожив все их благосостояние, поставило их в то безотрадное положение, в котором они находились при заселении Амура.

Сердечный человек — Педашенко недаром плакал, смотря на разорившихся казаков, и в своем докладе генерал-губернатору с грустью свидетельствовал, что амурские казаки в своем нынешнем экономическом состоянии сравнялись с уссурийцами и что эти безответные труженики, работавшие всю жизнь на казну, доставляя почти бесплатно дрова на пароходы и возя почти даром почту, — достойны сожаления и участия.

В одной конной бригаде, сообщал Педашенко, унесено водой 352 дома, три часовни, 345 мельниц и амбаров, до 16 тысяч пудов запасного хлеба, 100 лошадей, 26 голов рогатого скота, 482 свиньи, 24 верблюда, имущества разного на сумму до 33 тысяч рублей, хлеба засеянного 3700 десятин, огородных овощей на сумму до 15 тысяч рублей и все заготовленное сено. Не менее потерпел Амурский пеший батальон: там погибло свыше 1000 десятин хлеба, более полумиллиона пудов сена и много прочего имущества.

Ввиду повсеместного уничтожения хлеба населению угрожал голод. Но благодаря энергии и распорядительности Педашенко и отзывчивости Ивана Васильевича Баснина, управляющего Верхне-Амурской золотопромышленной компании, население было обеспечено продовольствием своевременно. Баснин тотчас же распорядился о бесплатной выдаче десяти тысяч пудов муки казакам и семи тысяч пудов с возвратом, не считая чая, сахара, соли и хлеба, развезенных по станицам на двух пароходах при первом известии о несчастье. Мелкие служащие и рабочие той же компании подпиской собрали 600 рублей и отправили губернатору для выдачи самым наибеднейшим казакам.

Ста семействам казаков девяти уничтоженных водой станиц: Су-

хотиной, Симоновой, Толбузиной, Пермыкиной, Бейтоновой, Свербеевой, Сгибневой, Амазарской, Вагановой — Высочайше разрешено выдать в безвозвратное пособие по 50 рублей на семью, а остальным пострадавшим — по 15 рублей на семью. Кроме сего, на обсеменение полей был отпущен в долг хлеб, а нуждающиеся помещены были на казенный паек — тоже с возвратом.

Залезши таким образом в долг «по уши», казаки, как мы увидим далее, никак не могли выбиться из него и долг этот долгое время тяготел над ними, служа тормозом их экономического развития.

Жители станиц, унесенных наводнением, раскочевались по соседним деревням и с трудом прожили зиму в наскоро вырытых землянках. Разоренные симоновцы укочевали за 13 верст от берега и поселились по речке Белой. Сухотинцы расселились в Бибиковой и Буссе, а на старом месте устроена была почтовая станция. Буссевцы переселились на новое, по счету третье место. Игнатьева, Екатериновка и крестьянские селения — Маркова,* Сергеевка, Покровка и Михайловка — все были затоплены до окон и выше, но, благодаря тихому течению, дома остались на месте. Жители Екатериновки, Михайловки и Игнатьевой во время наводнения разбирали дома и сплавляли их на нынешние места. Часть Кумары переселилась вглубь, по речке Берее, и основала Ново-Кумарский поселок.* Пузиновцы перетащились дальше от берега, часть их ушла к горам и образовала по р. Самаре Самарский поселок и т.д. Словом география наших станиц после потопа 1872 года совершенно изменилась. Началась новая жизнь и, как бы кстати, с этого года ввелось в войске общественное управление*: станицы разбиты были на округа и вместо «станичных начальников» появились станичные атаманы. Сотенные правления упразднились, а вместе с ним отошли в область предания командиры сотен с их самодурством, произволом и озорством над бедным населением. Само население, убитое горем, не отдавало себе отчет в дарованном ему самоуправлении и поняло его гораздо позднее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПОТОПА.

В 1872 году были введены сапоги с голенищами 12 вершков длины. Командир 4-й сотни есаул Дункель, ради экономии казаков, заказал в городе одни голенища, чтобы на осенних сборах казаки пришили их к головкам старых сапог. 1 сентября он привез на подводах голенища, казаки же заявили, что «головки» унесло водой, голенища не к чему пришивать. Дункель рассердился и назначил учение... в одних голенищах». На счастье казаков накануне этого оригинального учения пришел приказ Педашенко: немедленно распустить казаков и никаких сборов в течение двух лет не производить. (Архив Екатерининского правления.)

1873 ГОД. ПРОЕЗД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.*

Невеселая картина представлялась глазам Великого Князя при проезде его по станицам войска. Следы бывшего наводнения встречались на каждом шагу: оторванные берега, похилившиеся избы, развороченные дворы; по островам огромные кучи наноса, среди которого

выглядывают окна, двери, купола часовен, телеграфные столбы с проволокой и пр. и пр.

Почти в каждой станице Великий Князь останавливался, выходил на берег, расспрашивал лично казаков о подробностях постигшего их бедствия и вообще об их житье-бытье и лично раздавал денежное пособие бедным. Крупные станицы получили по 500-300 рублей, мелкие 100-200 рублей. Везде народ встречал Его восторженно, с хлебом-солью, каждому хотелось взглянуть на Царского сына.

В станицу Иннокентьевскую для встречи Его Высочества выехал командир бригады полковник Петров. Сам же губернатор Иван Константинович Педашенко для встречи прибыл 20 мая на лодке в станицу Константиновскую. С ним приплыли два манджурских нойона* и переводчик манджурского языка урядник Перебоев, в виде депутации, с приглашением от амбана Айгуна посетить их город.

«В 4 часа дня» — как передают константиновские казаки, — «пароход «Джалинда» подошел к берегу. Вся станица от мала до велика высыпала на берег. Выслушав рапорты губернатора и станичного атамана, Его Высочество принял хлеб-соль от стариков, а затем, обратившись к казакам, громко поздоровался с ними. Могучее «ура» и колокольный звон были дружным ответом на приветствие Его Высочества. Нойоны пали на колени, переводчик передал просьбу. Его Высочество, переговорив со своим дядькой Посъетом,* ласково обещал исполнить желание амбана. Манджурские чиновники долго лежали ничком на земле и встали только тогда, когда князь удалился от них. Они объяснили, что по их закону нельзя смотреть в глаза богдыхана или сына его. Оправившись, они верхами поскакали в Айгун с радостной вестью.

В станице, прежде всего, Великий Князь зашел в церковь, отслушал краткий молебен, а потом уже, сопровождаемый народом, прошелся по улице. Вернувшись на берег обратно — дело было уже вечером — Его Высочество вошел в казачий круг, долго любовался танцами казачек и казаков, приказал вынести несколько ящиков пива и конфект. Простое сердечное отношение Великого Князя вскружило нам головы, мы кинулись к нему и долго-долго качали на руках.

Очень князю понравился наш местный танец «голубец». Все время улыбался, когда мы Ему пели песню:

Молодцам-казакам
Нечего тужить.
С командиром — хватом
Любо, братцы, жить:
Он нас не печалит,
Когда к нам придет;
Он за дело хвалит,
А за худо — бьет!
Мы без огорченья
Выстроим ряды,
Выйдем на ученье,
Повторим зады.
Во всей жизни нашей
Веселья хоть и нет,
Есть щи, да каша —

Вот наш и обед!
Выпьем чару веселую
За Царя и Русь святую,
Сколько капель в этой чаре,
Столько лет ему чтоб жить,
А мы — клялись-клянемся
Верой-правдою служить.

В 12 часов ночи Его высочество, сопровождаемый несмолкаемыми «ура», отбыл из станицы. Долго народ не расходился, никому не хотелось идти по домам».

В Айгун Его Высочество прибыл на другой день очень рано утром, но, несмотря на это, берег весь был полон народом. Ракеты трещали непрерывно; дорожка, ведущая наверх от берега, была по обе стороны установлена солдатами со знаменами. При проходе князя солдаты приседали на одно колено и смотрели в землю.

Великий Князь, сопровождаемый амбанем и огромной толпой чиновников, посетил школу, ихний храм и пробыл несколько времени у амбана.

21 мая Великий Князь прибыл в Благовещенск. На пристани для встречи собрались начальствующие лица, офицеры, чиновники, граждане и купцы. Приняв хлеб-соль от городского старосты и пропустив церемониальным маршем почетный караул от 2-го линейного батальона, Великий Князь отбыл в собор, где преосвященный Вениамин, отслужив краткий молебен и благословив Великого Князя иконой Спасителя, сказал речь: «Посещение Сыном Царевым отдаленного Сибирского края составляет столь необыкновенное событие, что невозможность его была доселе поверием Сибири. Ты первый из Сынов Царских, после долгого кругосветного путешествия, проходишь Россию от края и до края, от одного океана и до другого, на пространстве 10 тысяч верст. Ты первый доставил и нам, обитателям отдаленной Сибири, счастье, доселе считавшееся невозможным, видеть в лице Твоем представителя Царского Дома. Ты же, первый из Царственных особ и, может быть, единственный будешь свидетель-очевидец о здешнем крае перед Твоим родителем благочестивейшим Государем Императором.

С радостью и любовью сретает Тебя, но и с благоговейным трепетом ждем Твоего приговора.

Бедствие, постигшее наш край почти накануне Твоего посещения, не может не отозваться скорбью в Твоем сердце, ввиду будущей судьбы его...» и закончил словами: «Амурский край никогда не забудет Твоего посещения; да будет сия икона напоминать Тебе о здешнем крае».

После молебна Великий Князь посетил преосвященного, губернатора, бригадную народную школу и школьное отделение для девочек. В бригадной школе Его Высочество лично обращался с вопросами к питомцам-казачатам. Оставшись всем доволен, Великий Князь выразил сожаление, что не преподаются ремесла. После парадного обеда у Педашенко, вечером, Великий Князь ездил по улицам города. Несметная толпа жителей всюду бежала за экипажем Его. Молодой город утопал в флагах, повсюду мелькали плошки, а кто не имел таковых, держал в руках зажженную свечу. За неимением или неумением делать фейерверки — палили китайские ракеты. Словом, всякий хотел чем-

Великий князь Алексей Александрович в молодости.

нибудь выразить свое участие в чествовании дорогого гостя; выходило просто, сердечно и не так замысловато, как в сопернице Благовещенска — Хабаровке: там один купец залепил огромный транспарант, поместив на нем саженные буквы «А.Х.П.», и когда удивленные жители спрашивали, что обозначают эти буквы, купец с важностью отвечал «Алексей Хабаровку посетил».

На другой день была охота в окрестностях города. Не обошлось без курьеза. Казакам приказано было заведующим охотой есаулом Эвертсом, во что бы то ни стало выгнать козу. Казаки всю ночь рыскали по лесу и с большим трудом... «отыскали» злополучную козу. Началась охота... Эвертс был рад, увидев неуверенно скакавшую козу. Князь выстрелил и только ранил ее. Ф.О. Васильев, стоявший вторым номером, добил ее. Все были рады удачной охоте. Начался завтрак. Жители собрались к сему времени почти с полгорода. Великий Князь несколько раз пил за здоровье горожан. Впечатление, произведенное

ласковым обращением Великого Князя на окружающих его горожан было так велико, что они тут же порешили поставить памятник на месте завтрака Великого Князя; а когда Его Высочество поехал, то жители выпрягли лошадей и поочередно везли экипаж до города, где казаки отстранили их и довели экипаж до пристани, с которой Его Высочество, провожаемый кликами «ура», отбыл вверх по Амуру.

Следуя далее, Великий Князь повсюду встречал картины бывшего бедствия, одна другой безотраднее. Всюду он выходил на берег, беседовал с казаками, одарял детей конфетами, а наиболее пострадавших казаков — деньгами.

Огромный пароход «Джалинда» шел медленно, по ночам грузился дровами. На каждой остановке собранные казаки должны были натаскать сто сажень дров, то есть ежедневную порцию этого прожорливого тихохода.

13 июня Великий Князь прибыл в Джалинду и в тот же день, сопровождаемый конными казаками, отбыл на лошадях на прииски Верхне-Амурской компании. На Васильевском* прииске во время работы найден был самородок в 20 золотников, который тут же был вручен управляющим Басниным Его Высочеству. Кроме того, в ознаменование радостного посещения Великим Князем приисков, от имени

компании Баснин передал Его Высочеству 10 тысяч рублей на благотворительные нужды края. Великий Князь, передавая деньги Педашенко, приказал часть (3 тысячи); раздать наиболее пострадавшим от наводнения казакам, а остальные — на устройство женского училища в области.

На другой день Его Высочество возвратился в Джалинду и продолжал дальнейшее путешествие по Амуру. Отпуская Педашенко из Покровки, Великий Князь, по словам самого Ивана Константиновича, долго беседовал с ним о положении казаков, приказав обратить особенное внимание на поднятие образования в войске, а в особенности, пожелал развития ремесел среди населения, обещав помогать из Петербурга по мере возможности.

Посещение Великим Князем Алексеем Александровичем Амурского войска не осталось безрезультатным, оно ускорило осуществление благотельных реформ в войске, вызвав предварительное и основательное изучение быта казаков во всех отношениях не наезжими лицами, а местными сведущими людьми, близко стоявшими к казаку. По словам старожилов посещение Царским сыном отдаленного Амурского края внесло в общественную жизнь какое-то оживление, бодрящее сознание, что край не забывается правительством и дабы увековечить пребывание дорогого гостя в области, выборные от всех сословий города, в воспоминание этого радостного события, движимые полным усердием к пользам общественным и считая за счастье споспешествовать благим намерениям Его Высочества к просвещению юношества, постановили собрать капитал для учреждения стипендии имени Его Высочества при Иркутской учительской семинарии. К ним присоединились офицеры Амурской бригады.

Сам Великий Князь очень остался доволен проездом по области,

Великий князь Алексей Александрович. Главный начальник флота и морского ведомства (1881 1905).

что видно из письма адмирала Посьета к Педашенко от 11 августа 1873 года: «Проезжая через вверенную Вашему Превосходительству Амурскую область» — писал Посьет, — «Великий Князь всюду встречал самое живое радушие, заботливость об Его спокойствии и предупредительность к доставлению Ему возможных удобств. С удовольствием вспоминая об этом и желая выразить Вам свою душевную признательность за труды и беспокойство при сопровождении Его Императорского Высочества по Амурской области, Великий Князь, с Всемилодивейшего соизволения Государя Императора, жалует Вам фотографический портрет свой с собственноручной надписью в ореховой раме».

1874 ГОД. ЗАБОТА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И ОТЪЕЗД И.К. ПЕДАШЕНКО.

Амурские
казаки

глава II

При самом отъезде Великого Князя из области Педашенко получил от Его Высочества лично пожертвованные им тысячу рублей на просветительные нужды области, при следующих письмах адмирала Посьета: «Состояние всякого общества в значительной степени зависит от уровня умственного и нравственного образования женщин. Основания, положенные при первоначальном воспитании и остающиеся на всю жизнь, составляют преимущественно плод забот и влияния матери. Поэтому воспитание детей женского пола, будучи предметом первой важности во всякой стране, имеет особенное значение в крае столь новом, как Амурская область.

Желая со своей стороны, по возможности, содействовать усилению средств воспитания девочек в Амурской области, Великий Князь Алексей Александрович поручил мне препроводить к Вашему Превосходительству от его имени, прилагаемые при сем 500 рублей для Благовещенской девичьей школы».

Во втором письме Посьет сообщает: «Одно из первых условий процветания края составляет надлежащее развитие в нем различных ремесел. Развитие это обыкновенно происходит или посредством случайных в крае пришельцев и самоучек, или посредством правильного обучения каждому ремеслу, как особенному искусству.

Считая весьма важным начать последнее, сколько можно ранее, в крае столь молодом, какова Амурская область, Великий Князь Алексей Александрович поручает мне препроводить к Вашему Превосходительству от его имени, прилагаемые 500 рублей, на предмет основания капитала для учреждения в Благовещенске ремесленной школы».

По прибытии в Благовещенск Педашенко учреждает комиссию, вроде попечительного совета, для наилучшего распределения пожертвованных денег для организации училищ, установления программ и сбора денег. В состав этой комиссии вошли: командир бригады Иннокентий Федорович Петров, правитель канцелярии Иванов,* городской староста Городков* и учителя — Ф.О.Васильев и Домбковский. Определено было: из десяти тысяч, пожертвованных Верхне-Амурской компанией, выделить семь тысяч и, прибавив к ним 500 рублей, лично пожертвованных Великим Князем и 1334 рубля, собранных по подписке, основать капитал для учреждения ремесленного училища. На учреждение женской школы было выделено 3250 рублей. Обе школы постановили наименовать именем Великого Князя Алексея Александровича и первыми почетными попечителями избрали: для ремесленной — адмирала Посьета и Баснина, а в женскую — Аполлинарию Христофоровну, жену Баснина. Но так как собранный капитал, по незначительности суммы, не позволял иметь здание и мастерские, то Педашенко устроил практические занятия в существовавшей тогда мастерской телеграфного ведомства, куда и были временно помещены казачата и дети горожан.

С легкой руки Великого Князя на доброе дело народного образования стали откликаться и частные лица: Преосвященный Вениамин,

освящая на приисках Верхне-Амурской компании церковь и памятник в честь Великого Князя и получив от Баснина 2000 рублей «на доброе дело в полное распоряжение Его Преосвященства», выделил из них 1500 рублей на надобности открываемых школ. Сам Баснин шлет 500 рублей на основание библиотеки в ремесленной школе, а жена его — 300 рублей для той же цели в женской школе; купец Мелкумов, избранный попечителем «соединенных школ», жертвует 500 рублей единовременно и по 400 рублей ежегодно до 1880 года; сам Посыет делает бесплатный заказ на пермских казенных заводах инструментов по слесарному мастерству, высылает массу книг, ценных атласов с чертежами, а исполняя поручение губернатора о покупке инструментов для ремесленного училища, уведомляет, что перерасходованные 400 рублей Великий Князь с удовольствием принял на свой счет».

Вот таким-то образом с приездом Великого Князя Алексея Александровича и дан был толчок к развитию народного образования в молодой Амурской области, в частности у нас в войске, а энергичный и деятельный Педашенко сумел вдохновить население и увлечь его вместе работать на этой ниве народного образования. В октябре 1873 года он донес генерал-губернатору, сенатору Синельникову,* что женская школа открыта 1 октября и в ней учащихся: в 1-м классе — 48 и во 2-м — 12.

Население, как казачье, так и гражданское, приветствовало основание этой школы, колыбели будущей гимназии, где дочери казаков могли получать образование, за неимением собственной войсковой.

В конце своего губернаторства Педашенко, будучи нравственно удовлетворен результатами своей деятельности по благоустройству города Благовещенска и положенного им основания народного образования, не мог того же чувствовать по отношению к устройству быта казаков. По словам его жены: «...он прямо скорбел, видя разорившихся казаков. Бедствие потопа отразилось на его здоровье, он до болезненности стал нервным. Случившиеся с ним удары, отбившие память о прошлом, отчасти объясняются этим событием, так как он, будучи мягким по натуре, все принимал близко к сердцу и беспрестанно волновался».

Действительно, заботливость его о казаках и скорбь его по поводу

экономического их краха видны из последних строк всеподданнейшего отчета, где он, проектируя об облегчении казаков от массы лежащих на них разных повинностей, свидетельствует, что, доколе почтовая повинность не будет снята с казаков, не видать их исправными хозяевами.

14 августа 1874 года Иван Константинович Педашенко выехал в город Иркутск, где был

Казачата на занятиях гимнастикой. Станица Покровская.

назначен председательствующим в Главном совете Управления Восточной Сибири. Нет надобности рассказывать, как восторженно и вместе с тем с каким сожалением провожало его население. Лучше всего свидетельствует о том преподнесенный Ивану Константиновичу адрес, покрытый многочисленными подписями офицеров бригады, купцов, мещан и прочих горожан. В адресе этом говорится: «Восьмилетнее управление Ваше Амурскою областью было тем временем, которое навсегда останется памятным для амурских жителей как время пробуждения и воспитания в общественном сознании чувства долга и уважения к человеческому достоинству... Вы изучали край и его нужды и, стоя во главе общества, вели его к совершенствованию. Свобода мысли ваших подчиненных, направленная на общественное благо, приветствовалась Вами, как верный залог того свободного общественно-гласного ведения дела, которое, рано или поздно, должно заменить собою устаревшие формы жизни...» Адрес заключен словами: «...прежде Всего Ваше внимание остановилось на народном образовании и, благодаря Вашим заботам, открылось в области несколько школ, которые навсегда останутся памятником Ваших забот о крае...»

Иван Константинович еще доньше здравствует. Ему более 80 лет, но на вид он еще бодрый. Проживает в Петербурге. Связь с Благовещенском поддерживается годовыми отчетами, ежегодно высылаемыми ему учрежденным им городским банком. Кажется, в этом и заключается память о нем; о стипендии что-то не слышно, а в войске и у крестьян, как-то странно, нет ни одного поселка его имени; да и в городе нет даже улицы, которая напоминала бы об этом усердном администраторе. Впрочем, Иван Константинович, уезжая, не заботился о вещественном увековечивании своей памяти. Горячий любовный адрес жителей, хранимый Иваном Константиновичем на первом месте — вот тот памятник, к которому «не зарастет народная тропа».

1875 ГОД.

На смену Педашенко прибыл осенью 1874 года флигель-адъютант полковник Альберт Генрихович фон Оффенберг,* ближайший родственник генерал-губернатора барона Фридерикса.* Плохо говоривший по-русски, Оффенберг был большой любитель охоты, парадов и насаждения деревьев. Отрядная команда казаков постоянно находилась в работе — либо в облаве коз и зайцев гоняла, либо деревья садила. Губернаторский и общественный сады и бульвар насажены трудами казаков под личным наблюдением Оффенберга. Наряд для привозки деревьев был распределен по ближайшим к городу станицам: одна станица возила тополь, другая — лиственницу и т.д.

В 1875 году повсеместно выпала холодная роса; хлеб родился везде редкий, едва собрали на семена и кое-что оставили на прокорм. Оффенберг, между тем, сделал распоряжение о взносе хлеба, выданного в долг в 1872 году, и только благодаря Педашенко взнос хлеба оттянулся.

«Вестманская школа» закрылась за неимением средств и сам Вестман весною по болезни перевелся в Россию, а тут, как на грех, вспыхнула сибирская язва и разом охватила район местности от Екатеринов-

ки до Константиновки включительно. Врачей не было. Узнали, что в Благовещенской телеграфной конторе есть чиновник Энгельсен, именовавший себя датским ветеринарным врачом. Немедленно, по приказанию Оффенберга, он был снят с аппарата и послан в станицы. Этот бедный труженик с радостью выехал на благое дело помощи страждущему населению, энергично принялся за установление строжайшего карантина, лично следил за исполнением предписанных им мер; нерадивых атаманов разносил, а рачительных хвалил и доносил о них губернатору на немецком языке. При лечении употреблял карболовую кислоту, которая, как он доносил губернатору, дала весьма хорошие результаты во Франции, в первый год появления язвы. Благодаря кипучей и энергичной деятельности Энгельсена эпидемия прекратилась, выхватив в бригаде 273 лошади.

Неизвестно, был ли чем вознагражден этот иностранец? А известно было, что телеграфное ведомство удержало с него жалованье за время командировки.

1876 ГОД.

Приехал генерал-губернатор барон Фридерикс. В Черняевой как раз были летние сборы казаков, на которых участвовало более двух сотен. Поздравив казаков с пожалованием новой формы — короткий чекмень и шаровары с желтыми лампасами, Фридерикс заставил начальника сборов есаула Мейера проделать перестроения в составе дивизиона. Мейер сбился, да и плохо знал казачий устав, так как ранее был горным исправником. Барон отстранил его и приказал перевести в пеший батальон, а сам стал производить учение. Казаки-старики доселе вспоминают звонкую, ясную и спокойную команду Фридерикса, гордятся, что ими лично командовал сам генерал-губернатор, похваливший их и распустивший по домам. Конский состав барон Фридерикс нашел в крайне неудовлетворительном состоянии, о чем и доносил во всеподданнейшем отчете. Из дела видно, что на это Государь Император обратил свое Высочайшее внимание и было повелено принять меры к улучшению конского состава. Был поднят вопрос об открытии в войске земских случных конюшен. Пошла переписка по сбору разных статистических сведений: цена лошади, почем пасут табунщики, какое получают жалованье кучера, какого они сословия и т.п., окончившаяся составлением проекта от бригады, в котором просили выслать двух жеребцов и 4 маток, а на содержание их 2 тысячи рублей при непременно условии улучшить ветеринарную часть в войске. Но проекту этому так и не суждено было осуществиться.

В этом же году войско испытало пятое наводнение: водой были залиты станицы конной бригады и весь пеший батальон. Вода, по донесению некоторых атаманов, например Иннокентьевского, была выше воды 1872 года. Чиновник Гизетти телеграфирует губернатору: «Возвращаясь с Амазарских приисков, был свидетелем разорения большей части амурских казаков, просят меня передать покорнейшую просьбу о присылке помощи». В Амурском батальоне наводнением нанесено убытков на 73 тысячи рублей, в станицах бригады было утоплено 1245 десятин

Барон П.А. Фредерикс, генерал-губернатор Восточной Сибири (1874-1880).

разного хлеба и 144449 копен сена. Кроме этого, в поселках Константиновском и Сычевском погибло от дождей и засухи 593 десятины разного хлеба.

«Поживи тут без хлопот: не сибирка, так потоп!» — говорили казаки, глядя на мчавшееся по Амуру их сено и прочее добро.

Кстати, надо сказать, что в это же время губернатор Оффенберг, найдя постройки бригадной школы, где помещались Алексеевская женская школа и народное училище, ветхими, разрешил их продать и деньги обратить в школьный капитал. Огромное и самое красивое в городе имение было продано и вместо него бригадное правление купило место, на котором ныне квартирует Амурский полк. В одно небольшое здание перешла

бригадная школа с оставшимися питомцами, другое заняла отрядная команда, в третьем поместился командир бригады, правление и др.

Ремесленное училище, основанное и во всех частях оборудованное и содержимое на деньги, пожертвованные Великим Князем Алексеем Александровичем, было открыто 1 сентября 1876 года. Непосредственно училищем заведывал архитектор, свободный художник Сапожников, а преподавателем был механик Кредлер. В училище было 4 отделения: кузнечное, слесарное, токарное и столярное. Обучались 7 казачьих малолетков и столько же городских приходящих мальчиков. Польза от такого заведения была очевидная, ученики прилежно занимались, но, к сожалению, оно долго не просуществовало — при Оффенберге же бригадный командир Петров столкнул с рук это училище и оно перешло в ведение города, успев сделать только один выпуск.

1877 ГОД. ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ ПРОГИМНАЗИИ.

Еще Педашенко, чуть ли не в каждом отчете, ежегодно рапортовал об открытии в области среднего учебного заведения и вот только 30 мая 1876 года последовало разрешение на открытие прогимназии в Благовещенске. Двери же она открыла только 21 августа 1877 года. Все население области приветствовало рождение этого крайне нужного как для казаков, так для крестьян и горожан просветительного учреждения. Без такого учебного заведения население, за дальностью расстояния и невозможностью путей сообщения, буквально лишено было возможности дать своим детям среднее образование.

Значительную часть первых пионеров-учеников составляли казачьи малолетки, воспитанники бывшей бригадной школы, закрывшейся с возникновением прогимназии и обратившейся в пан-

сион. Приемные экзамены были снисходительны и на возраст не обращалось внимания.

О значении прогимназии для войска нет надобности рассказывать. За небольшой промежуток времени, со дня существования, в войске появились свои офицеры, учителя, то есть своя интеллигенция. Но этим далеко не ограничилась благотворная деятельность прогимназии, с превращением ее в гимназию в рядах войска появились лица с высшим образованием и если многие из них не отдали своих сил и познаний на служение непосредственно родному войску, то об этом приходится только пожалеть.

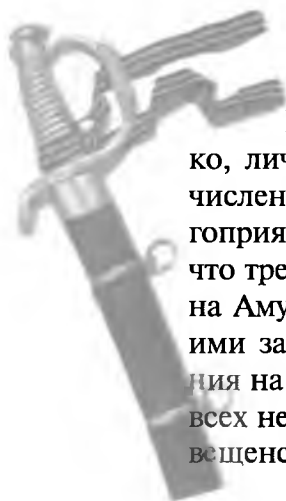
1878 ГОД. ПЕРВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. СИБИРСКАЯ ЯЗВА.

Россия второй год вела войну с Турцией. Правительство, опасаясь, что в случае вмешательства посторонних держав, восточное побережье на Дальнем Востоке может быть занято неприятелем, сделало распоряжение о защите этих мест. Амурское войско впервые было мобилизовано: от Амурской конной бригады в походное состояние были приведены две сводные сотни. Из Амурского пешего батальона был сформирован действующий 4-ротный батальон, а из Уссурийского — таковой же трехротный. С начала навигации сотни и батальон были сплавлены в Уссури, откуда походным порядком разошлись и заняли селение Камень-Рыболов,* Посъет и г.Владивосток.*

Военных действий не было и казаки, простояв целое лето, осенью были возвращены по домам. Дома же они встретили одно горе да слезы: вечный их неприятель — сибирская язва, не дремал и развил свою опустошительную силу до небывалых размеров, вычистив во многих дворах до одной головы. Этот злосчастный год вечно будет памятен казакам. В тот год пало 2251 лошадь и 134 коровы. Пострадали наиболее всего константиновцы, иннокентьевцы и соседние с ними казаки и крестьяне. Единственный в области ветеринарный врач Иванов, донося о ходе болезни губернатору, сообщал, что эпидемия началась с людей, сперва заболела старуха-казачка, у которой не было даже лошадей, потом заболели и умерли три возвратившихся с охоты казака и, наконец, заболели 19 проезжавших через Константиновку якутов, поевших конины, — из них умерло 10 человек. После этого начался жестокий падеж уже лошадей; люди буквально выбились из сил от беспрестанного закапывания и сжигания павших животных.

1879 ГОД. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ВОЙСКЕ.

Генерал-губернатор барон Фридерикс, объезжая Амурское войско, лично убедился, что оно, благодаря частым наводнениям, многочисленным повинностям, эпизоотии сибирской язвы и прочим неблагоприятным условиям, настолько упало в экономическом отношении, что требует улучшения. С этой целью он командировал еще в 1875 году на Амур войскового старшину Нестерова, вполне знакомого с казачьими законоположениями для подробного и всестороннего исследования на месте настоящего положения казачьего населения. По собрании всех необходимых статистических сведений, Нестеров прибыл в Благовещенск, где и был учрежден местный комитет из начальников каза-

чьих частей под председательством опытного, до тонкости изучившего быт казака, полковника Чеснока и членов: полковника Петрова и войскового старшины Глена. Секретарем или душой этого комитета был Нестеров. Барон Фридерикс, представляя военному министру заключение этого комитета об улучшениях в Амурском войске, доносил: «Население это, обязательно водворенное по Амуру для осуществления государственной задачи первостепенной важности, как присоединение к русским владениям обширнейшего края, придвинувшего нас к побережью Тихого океана, при неимоверном напряжении всех своих материальных и физических сил, с полной самоотверженностью выполнило роль пионера русской народности при заселении совершенно дикой и пустынной страны. Будучи военной силой по охране государственной границы, оно было вместе с тем и единственной рабочей силой по упрочению благоустройства и поддержанию сообщений на таком громадном протяжении. Призванное правительством к выполнению такой государственной задачи, казачье население, обремененное многосложными повинностями, не в силах уже было бороться с теми неудачами и бедствиями, отчасти продолжающимися и до сего времени, которые выпали на его долю при заселении первобытного, никем в то время незаселенного края. Такие неблагоприятные условия глубоко потрясли экономическое его благосостояние и после 20-летней своей деятельности и борьбы с природою в новом крае, казачье население Амурского войска заслуживает полного внимания и сочувствия.

Только безотлагательное и настойчивое приведение к исполнению предлагаемых мер может, по мнению моему, подвинуть население на путь нравственного и экономического развития и сделать его достойным представителем русской народности во вновь приобретенном крае». Постановление местного комитета, продиктованное самой жизнью и опытом и поддержанное такими правдивыми словами барона Фридерикса, почти целиком было утверждено высшим правительством:

1) С войска сняты отяготительные и разорительные повинности: возка почты, доставка дров на приписанные к войску казенные пароходы, а также на отопление бригадных, лазаретных и офицерских помещений; вместе с этим уничтожена обязательная доставка лесных материалов на постройку войсковых помещений.

2) Исключены из войскового сословия приселенные солдаты из бывшего корпуса внутренней стражи, как негодный элемент, внесший в войско один только разврат, пьянство и воровство.

3) Сложены с казаков долги за пособия по случаю неоднократных наводнений рек Амура и Уссури. Таковых долгов за войском накопилось 276 тысяч рублей.

4) Разрешено уссурийцам переселиться в Южно-Уссурийский край и занять там места по их личному выбору с выдачей по 50 рублей на семью пособия и с отпуском провиантского довольствия в течение 3 лет, и с освобождением их от воинской повинности на два года и т.д.

Во внутреннем управлении войско было подчинено наказному атаману и войсковому правлению. Уссурийские казаки были изъяты из ведения приморского губернатора. По мнению барона Фридерикса приморские губернаторы, по большей части морские адмиралы, никогда не обращали внимания на нужды и интересы подчиненных им казаков, а амурские губернаторы, которым уссурийцы также были подчинены, как составная часть войска, никогда их не посещали за дальностью расстояния.

Бригадное управление, батальоны Амурский и Уссурийский, долж-

ности командующих конными полками и сотенные управления — упразднены; округ Амурской бригады переименован в полковой, а округа Амурского и Уссурийского батальонов — в полубатальонные. Амурское войско в мирное время обязано было выставять 2 конных и 2 пеших сотни, развертывавшихся в военное время в один конный полк шестисотенного состава и в два пеших полубатальона, по 3 сотни в каждом.

Составленное на основании сих соображений новое положение о войске было Высочайше утверждено 3 ноября 1879 года.

Для населения сделанная реформа была благодетельна во всех отношениях. Очищенное от «сынков», долгов и несправедливых повинностей, оно вздохнуло свободнее и, предоставленное самому себе постепенно стало поправляться в своем хозяйстве. Почтовая повинность из обременительной обратилась в весьма прибыльную статью; за дрова вместо одного рубля за сажень, стали получать с тех же пароходов по 4 и 5 рублей; вместо даровой поставки дров и леса в бригаду, за что казаки не только спасибо не получили, а, наоборот, за несвоевременность или маломерность — их пороли и назначали по полугоду не в очередь на службу, — казаки на тех же дровах стали извлекать значительные доходы.

Жаль, что медицинская и особенно ветеринарная части остались без всякого улучшения и сибирская язва по-прежнему продолжает обильно косить свои жертвы.

Жаль, что народного образования не коснулась эта реформа и оно осталось по-прежнему влачить свое жалкое существование. Местная комиссия проектировала учреждение инспектора школ, передачу школ в ведение Министерства народного просвещения, открытие двухклассных училищ и пр., но все это осталось «за неимением средств в государственном казначействе», не уваженным.

И лишь для комплектования войск своими офицерами было предоставлено для местного населения 6 вакансий в Омской военной гимназии, да и те с течением времени, перешедши в Хабаровский кадетский корпус, утратили свое первоначальное предназначение и обратились для детей привилегированного сословия, а дети казаков, при всем желании, попасть на казенный счет в корпус лишены возможности.

Но как бы то ни было, а обновленное войско было признательно за Высочайше дарованные реформы и 6 августа 1880 года, празднуя впервые свой полковой праздник, командир полка повергнул Наследнику Цесаревичу следующую телеграмму: «Конный полк Амурского казачьего войска, празднуя свой полковой праздник, подымлет при восторженных кликах «ура» заздравную чашу в честь Атамана всех казачьих войск и шлет верноподданнические уверения поголовно лечь за Царя и своего Августейшего Атамана. Да сохранит Бог на долгие и долгие годы нашего Атамана, на славу нам и всей России». Наследник отвечал: «От души благодарю вас и весь полк за добрые пожелания, которые меня очень обрадовали».

Не успели казаки вздохнуть от снятых с них долгов, как снова, в том же 1879 году, вынуждены были волей-неволей попасть в неоплатные должники казне. Амур снова подрезал их благосостояние и, разлившись, затопил с невероятной скоростью селения бригады и полубатальона. Губернатор барон Оффенберг так доносил 18 мая генерал-губернатору: «Вода Амура и притоков вышла из берегов, затопила луга, пашни, прервала сообщение селений, испортила телеграфную линию; жители первого полка покидают дома. Благовещенску угрожает серьез-

ная опасность. Между жителями бригады начинается голод, принимаю все зависящие меры к предотвращению бедствия».

Погибло одного только хлеба в первом полку 1091 десятина, во 2-м — 360 десятин, в пешем батальоне — 487 десятин, не считая прочего добра. На обсеменение и продовольствие пострадавшим было отпущено хлеба на сумму 125 тысяч рублей с возвратом. Когда возник вопрос об этих долгах, то все инстанции начальств вместе с Государственным советом были склонны за взыскание, но военный министр граф Милютин* опять заступился за казаков и так выражал свое мнение: «... С войска только что сложили 276 тысяч, как вполне безнадежного взыскания, возможность которого постоянно тяготела на казаках и задерживала экономическое развитие края. Очевидно, что обращение в долг назначенного жителям Амурского войска пособия, после постигшего казаков нового бедствия, сразу поставило бы их в то самое положение, из которого они только что вышли, и уничтожило бы все благодетельные последствия принятых в 1879 году мер». Поэтому просил о сложении долга. Государь Император согласился с мнением графа Милютина. Долг был прощен, но часть была взыскана на образование продовольственного капитала в войске.

*В то время как писались эти строки, 25 января 1912 года в Ялте скончался наш фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин, имея от роду 96 лет. Некто Павел Россиев («Биржевые ведомости», * N21 за 1912 г.) пишет: «И вот фельдмаршала не стало. Четыре поколения русского общества чтили в нем талант, просвещенный ум и честное, благородное сердце. Спи с миром, старый орел! Эти слова нежно и скорбно говорит у твоего гроба русская женщина, русский солдат, весь русский народ, вся великая Россия!»..., а мы добавляем: «... и амурский казак, дважды тобою облагодетельствованный!...»*

1880-1881 ГОДЫ.

Первым наказным атаманом был генерал-майор Иосиф Гаврилович Баранов, но он пробыл недолго, успев поставить на ноги только что организованное им войсковое правление в составе: председателя полковника Петрова, советников — Караулова и Рубинова и округа Амурского казачьего полка, первым командиром которого был полковник Чеснок и Амурского пешего полубатальона, командиром которого был полковник Кузмицкий, а с 1883 года — Химуля.

За свое кратковременное правление Иосиф Гаврилович был свидетелем и, может быть, невольным сотрудником упразднения войсковых лазаретов и передачи прекрасно оборудованного бригадного лазарета в ведение командира пехотного батальона. Это единственное и полезное учреждение, построенное трудами и потом первых пионеров — казаков, лечившихся в нем даром, отошло

И.Г. Баранов.

в чужие руки и до 1909 года казак с трудом попадал в него, внося за месяц вперед установленную плату. Почему молодое войсковое правление не удержало в своих руках этих полезных лазаретов — неизвестно.

«Да процветает Амурское войско» — писал уходящий генерал-майор Баранов, — «буду считать себя счастливым, если выполнил задачу при содействии и дружном усилии достойных сотрудников».

1881-1886 ГОДЫ.

Среди лета 1881 года прибыл с Кавказа второй наказный атаман — Петр Степанович Лазарев. Энергичный, но отличавшийся упрямством, генерал Лазарев большую часть времени посвящал на обозрение войска во всех отношениях: осматривая станицы, инспектируя строевую сотню в Михайло-Семеновске; он входил во все тонкости административного управления. Смотры делал врасплох, не терпел встреч и проводов, совершал объезды верхом, не пропускал осмотреть засеянный хлеб, скошенный луг, заимку и пр. Заходя в избу казака, он везде заглянет — и за печку и в печку, что варится на обед; обойдет все стайки, амбары и если заметит упадок в хозяйстве и узнает, что работник-кормилец — в сотне, а хозяйство остается на подростке и дряхлом старике — сейчас же распорядится отпуском кормильца по семейному положению. Рассказывают казаки, что раз подвыпивший купец-старожил Устьянцев встретил Лазарева и сняв шапку, пропел: «О Лазарь, Лазарь, все облазал, посети домишко мой, угощу икрой!» Ничего не сказал ему Лазарев, а обратился к казакам: «Вот он пьян да умен, паюсит икру не хуже уральской, научитесь от него, пока не умер, а ваша икра как дробь в мешке, только портится».

При Лазареве было столкновение с манджурами в 1884 году. Это было в даурской деревне Дончифа* за Зеей. Манджуры, считая Зазей-ский район* своим, зорко оберегали его и стесняли русских даже в проезде. В сентябре телеграфный чиновник Полько проводил телеграфную линию и, понятно, столбы ставил иногда на пашнях манджуров. Это не понравилось им; собравшись толпою и вооружившись дубинами, кольями, они напали на Полько с рабочими, поколотили их, выгнали из деревни, а столбы выкопали. Избитый

Полько дал знать о случившемся в Благовещенск. Лазарев послал подхорунжего Кычакова с казаками, но разъяренная толпа, руководимая айгунским нойоном, напала на спешившегося казака, изорвала на нем шинель, сорвала погоны, а бросившегося защищать Кычакова один манджур стягом ударил в грудь. Скрывшись от толпы за деревню, Кычаков по-

Казачата-школьники станицы Албазинской.

*Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому.
Скульптор А.М. Опекушин. Хабаровск.
1891 г.*

слал казака с донесением. На помощь прискакала 2-я сотня со своим лихим командиром войсковым старшиной Белопольским. Окружив деревню, Белопольский кинулся к большой фанзе, во дворе которой собрались мятежники, вооруженные косами, серпами, дубьем, вилами и большими топорами. Ворота были заперты, а из ограды сыпались градом камни и отборная «русская» ругань... Приказав сорвать с крючьев ворота, Белопольский с нагайкой в руках первый ворвался в толпу, но был чуть не убит стягом, если бы казак Ярцев не защитил его, приняв удар на себя и тем спасши от смерти своего командира. Началась свалка; топоры, литовки и пр. были выбиты из рук рассвирепевших манджур; они взялись за ножи и трех казаков серьезно ранили, но, благодаря подоспевшим на выручку казакам, бунтари были обезоружены, связаны, изрядно поколочены нагайками и отведены, на глазах издалека наблюдавших айгунских нойонов, главных виновников смуты, в Благовещенскую тюрьму...

К сожалению, Кычаков от полученного удара заболел, а затем, в тот же год, переплывая на маневрах протоку на устье Зеи вплавь с полу-

сотней, простудился, окончательно слег в постель и умер осенью.

Вскоре после этого случая, по ходатайству генерала Лазарева, учреждены были на манджурской территории два поста, названные в честь Лазарева — Петровским и Степановским. Обслуживались они казаками нашими и просуществовали вплоть до китайской войны, показывая, с одной стороны, что Зазейский район не совсем-то принадлежит китайцам, а с другой зорко следя за всем, что делается в Айгуне и его окрестностях.

Петр Степанович любил посещать школы и производить, не торопясь, настоящее испытание и ученикам и учителям, последние его боялись, а учитель Бейтоновской школы, бывший почтовый писарь, накануне его приезда просто от страха сбежал. Он имел обыкновение задавать задачи на быстрое соображение, уничтожил зубрежку положения об общественном управлении и массы начальствующих лиц и обращал внимание на арифметику. Арифметика для него — все, решают ученики хорошо задачи — все хорошо, не решают — все дурно. Он возил с собой большой запас разных книг и учебных пособий, дарил особенно успешным ученикам или оставлял для библиотечек. Есть приговора жителей с изъявлением благодарности Лазареву за снабжение книгами и вообще за внимание к школьному

делу. При нем началась регулярная посылка казачат в Иркутскую учительскую семинарию.

В ноябре 1881 года войско было опечалено грустным известием, что граф Муравьев-Амурский скончался в Париже 18 ноября и похоронен на Монмартрском кладбище. Ему было 72 года. Он был бодр и тяготился бездействием. Филиппсон в своих воспоминаниях о последних годах графа говорит: «В 1877 году, в год войны с Турцией, граф явился в Петербург, чтобы предложить себя правительству, но уехал ни с чем. Говорят, его считают красным. Плохо же, — восклицает Филиппсон, — различают у нас цвета!»

В Благовещенске и по станицам войска отслужены были панихиды, а по инициативе Лазарева возникла подписка на памятник графу, с условием постановки его в Благовещенске, где граф подолгу жил и где совершились исторические события. Население с радостью отозвалось на подписку, бедняки-казаки подписывали по 25 коп. Но увы! Амурской области, наиболее пожертвовавшей на памятник, не суждено было видеть его в Благовещенске, барон Корф* перетянул его в свой Хабаровск. На смерть Муравьева наш поэт, сотник Волков* составил следующее прекрасное стихотворение:

Под небом Франции далекой,
Средь католических крестов,
На старом кладбище Ла-Шеза*
Зарыт в могиле Муравьев.
Вдали любимой им отчизны
Скончался он, судьбой гоним;
В Париже шумном русской тризны
Друзья не справили над ним.
Несутся годы, мчится время,
Стирая прошлого следы,
Но в землю брошенное семя
Дало обильные плоды.
Мы твердо стали на Амуре,
Вошли в открытый океан,
Флаг русский поднят в Порт-Артуре*
И отдан нам Талиенван.*
Здесь помнят графа Муравьева!...
Еще недавно жил Сизой,
Носитель истинного слова
И первый пастырь городской.
Еще не все сошли в могилы,
Еще живут в глухих углах
Борцы, растратившие силы
На бесприютных берегах;
И здесь я вижу между нами,
Когда-то мощной силы цвет,
Давно покрыты сединой,
Стоят свидетели тех лет.
Да! труден был их путь тернистый!
Прошла тяжелая пора,
Теперь разросся сад тенистый
На месте графского шатра;
Шумят деревья, зеленея,

Желанный мир царит крутом
И монумент стоит, белея,
Напоминая о былом.
Что в вечность канули те годы,
Сбылися смелые мечты —
Амур волнуют пароходы,
Горят над городом кресты,
Везде раскинулись селенья,
Могучей жизнью дышит край
И смотрит полный уваженья,
На нас с надеждою Китай.

Командиром Амурского полка при Лазареве был Чеснок. Михаил Акимович в это время был уже почтенный старик, часто болел, сидел по большей части дома и почти в последнее время не выезжал по станицам. Старому муравьевскому служаке не нравились требования пылкого Лазарева, неприятно ему было, когда атаман выгонит неряшливо одетого ординарца, либо безграмотного казака, «на вести присланного». Не по летам старику ездить верхом на маневрах за юрким генералом, к тому же вышли недоразумения из-за начинавшей шуметь «Желтугинской республики». И вот, чтобы не переслужить окончательно, Чеснок уехал в отпуск и затем вовсе ушел от службы, получив при отставке чин генерал-майора. Вместо Чеснока, командиром Амурского полка прибыл в 1885 году лихой полковник Григорий Васильевич Винников.* Полковник Химуля в своих воспоминаниях говорит: «...полковник Чеснок хороший хозяин, администратор, но плохой служака; ведя торговлю пушниной, покупал на месте соболей и посылал транспорты их почтою в Москву и на Нижегородскую ярмарку и, выручая барыши, составил себе состояние». Быть может все это правда, но сказать про Чеснока, что он плохой служака, нельзя. На смотре генерала Тимофеева, от которого зависело быть крестьянами или казаками, выручил войско Амурский батальон, блестяще представившийся во всех отношениях, а им командовал Чеснок.

Правда, он, ведя простой и, можно сказать, скупой образ жизни, был в то же время слишком строгий, много порол неисправных казаков и особенно пьяниц, но службу знал прекрасно, требовал знания ее от подчиненных и был всегда трезвым. Прослужив в войске 26 лет, отдав на это самые лучшие годы, вплоть до потери здоровья, Михаил Акимович всеми силами души старался о развитии войска со дня его рождения и бесспорно занимает самое видное место в нашей истории. Не терпя возражений и противоречий, он в то же время был доступен и справедлив, а население эти качества ценило и относилось к Чесноку, по их выражению, «крутому», с редкой доверчивостью. Дай Бог побольше таких служак! «Прощайте» — говорил Чесноку в прощальном приказе генерал Лазарев, — «честный труженик, глубокоуважаемый сотрудник, Ваша светлая личность будет одним из лучших и дорогих воспоминаний не только моих, но глубоко уверен и тех, на пользу которых Вы положили всю свою душу и энергию и к делу устройства которых Вы отнеслись со свойственными Вам любовью и сердечным участием».

В 1884 году, ввиду усилившегося политического и военного значения владений России на Дальнем Востоке, образовано было Приамурское генерал-губернаторство; первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант барон Корф. Ему же присвоено было звание войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск. В 1885 году барон Корф, следуя в свою резиденцию — город Хабаровск, подробно по пути осматривал станицы войска, восторженно встречаемый населением, подносявшим ему в крупных станицах хлеб-соль. В Благовещенске, при представлении офицеров, барон в речи своей, призывавшей всех честно служить войску, между прочим сказал: «...все течение Амура должно быть казачье». Об этом он неоднократно потом повторял и ходатайствовал в Петербурге.

Энергичный, горевший желанием проявить свою деятельность, полковник Винников по приезде барона Корфа тотчас же выехал для обозрения своего полкового района. Вникая во все подробности быта казаков и изучая их экономический упадок хозяйства, он первый натолкнулся на мысль об уничтожении в станицах питейной торговли вином частными лицами и о передаче этого доходного дела в руки самих обществ. Генерал Лазарев, сочувствовавший вообще нуждам казаков, одобрил проект Винникова и утвердил своим постановлением это нововведение. Частные лица, которым, главным образом, нанесен был ущерб, поддержанные акцизным ведомством, обжаловали постановление губернатора. Барон Корф, находя, что нравственность населения, находившаяся на откупе частных лиц, перейдет в станичные правления и что положение в отношении пьянства не изменится, отменил постановление губернатора. Петр Степанович протестовал и стоял на своем, но в конце концов должен был уступить. По словам полковника Химули, современника и сослуживца Лазарева, «торжество кабатчиков са-

молюбивый Лазарев считал личным оскорблением для себя и он вынужден был оставить должность». Обстоятельству этому способствовало самовольное занятие русской вольницей китайской территории в нескольких верстах от границы и образование там республики с законами Линча, что, по мнению барона Корфа, объясняется недостаточно энергичными мерами, принятыми со стороны Лазарева, хотя для порядка и воспрепятствования наплыва в Желтугу русских была командирована 2-я сотня Амурского полка, во главе с самим командиром Винниковым. Покидая войско, генерал Лазарев писал: «... я гордился и горжусь тем, что удостоен был честью носить мундир амурских казаков, этих безответных тружеников и первых русских пионеров на нашей далекой окраине. Глубоко верю, что в тяжелую годину борь-

Генерал-адъютант барон А.Н. Корф, первый приамурский генерал-губернатор.

бы с врагом Амурский казак докажет на деле, что достоин носить славное русское имя — казак». В честь его наименован образованный при нем в 1885 году поселок Лазаревский.*

1886-1892 гг. НАКАЗНЫЙ АТАМАН ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БЕНЕВСКИЙ.* МЕРЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ХОЗЯЙСТВА КАЗАКОВ. ПРОЕЗД НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Благодаря энергичным ходатайствам Винникова и спокойному, основательному докладу генерала Беневского, удалось применить новый закон о питейной торговле. Открылась общественная торговля, уничтожены были даже частные оптовые склады. Несимпатичная на взгляд эта торговля коренным образом повлияла на весь материальный обиход станиц. Казаки избавились от общественной раскладки на содержание станичного правления и школ. Не имея гроша, большинство станичных округов скопило в короткий срок до 30–40 тысяч, а более деятельные до 70 тысяч рублей. Имея такие капиталы, общества без затруднения помогают нуждающимся бедным казакам при выходе их на службу, дают ссуды на поправку хозяйства, борются с местными кулаками, не давая им повышать цены на предметы первой необходимости, открытием собственных лавочек. Наконец, на эти же деньги повсюду в войске построены прекрасные и обширные школьные помещения. Ведя обширную торговлю вином и товарами, станичники приобретают некоторый опыт к земской самостоятельности — качество необходимое при самоуправлении.

Пробуждая в казаках лихость и молодечество, Винников требовал от них доброго коня и щегольского снаряжения и обмундирования. В своем рапорте об осмотре полка, он, говоря о коневодстве, докладывал войсковому наказному атаману, что «на службу казаки выходили на таких конях, которые не все могут годиться к вывозке на кладбище из мертвецкого покоя». А о конском снаряжении так еще хуже выразился: «... оно имеет вид той сбруи, которая вынута из могилы павшего коня после трех лет со дня его погребения в старой сбруе». Эти резкие выражения, обвинявшие предшественников его, вызвали пометку барона Корфа: «Посмотрим, что сделает Винников». Ломая собственноручно старые седла с высокими луками, привезенные с благодатных берегов Аргуни, сжигая их во дворе станичного правления, уничтожая тебеньки из старых сапожных голенищ, Винников разослал по станицам образцы ленчиков, а снаряжение, с разрешения Беневского, выписал из Москвы. С его приезда по станицам и в строевых частях заведены были скачки с выдачей призов. Бывая каждый раз на сотенных учениях, он требовал от казаков вольной, молодецкой посадки, ловкости владеть шаш-

**Г.В. Винников, полковник, командир
Амурского конного казачьего полка в
1885 1892 гг.**

кой и лихости в джигитовке. Кавалерист в душе, любитель бешеной джигитовки, он сам первым номером скакал, увлекая за собой офицеров и вдохновляя казаков. Нередко можно было видеть, как сам атаман Аркадий Семенович, вообще страстный любитель верховой езды, скакал с офицерами. Пробеги его до Белогорья и обратно, с получасовым отдыхом, известны всем, кто принимал в них участие; а зимой 1887 года неутомимый атаман, по приказанию барона Корфа, делает пробег с учебной командой Амурского полка от Пашковой напрямик до Головиной хинганской тайгой, в сопровождении полковника Винникова и сотника Бахтиарова.

Наводя новые порядки, Винников сознавал, что они отзовутся тяжело на карман казаков и в мыслях об облегчении их, помимо надежды на общественные кабаки, просил и даже молил барона Корфа отдать всю береговую полосу земли казакам, сселить или обратить в казаки всех крестьян, незаконно занявших лучшие земли и только раздражавших казаков своим барским житьем. Мысль эта хорошо выражена в стихотворении Карпова*:

Скучная по льду змеится дорога,
Раннее утро ... светло...
Еду я мимо селенья большого,
Что это, брат, за село?
 Это живут духоборы-крестьяне,
 Лучшие земли у них...
 Вольные люди, — ну точно дворяне...
 Податей нет никаких.
Сами пришли и селились охотой,
В рекруты их не берут...
Пень же у нас, не утес, так болото,
Где и распашешься тут...
 Нас, на Амур-то, ведь силой селили,
 Сунут в болото и скажут — село!
 Не до работы! На службах мы гнили!
 Как мы не сдохли давно!
Скажет он слово и слышно проклятье,
Участь клянет он свою...
Эх, незавидная доля казачья
В этом далеком краю!

В сентябре месяце 1887 года посетил войско Великий Князь Александр Михайлович.* 6 сентября Его Высочество присутствовал на соревновательной стрельбе Амурского полка и лично надел на казаков Стукова и Евсюкова пожалованные им серебряные часы, как наилучшим стрелкам. Войско восторженно принимало и провожало дорогого гостя. Великий Князь Михаил Николаевич в телеграмме на имя барона Корфа высказал, что он очень тронут приемом сына его и от души благодарит за это внимание войско.

ОТДЕЛЕНИЕ УССУРИЙСКОГО ПОЛУБАТАЛЬОНА В 1889 ГОДУ.

Барон Корф еще в 1886 году сообщал военному министру, что расположение Амурского войска в двух областях и подчинение двум раз-

Великий князь Александр Михайлович, начальник Главного управления торгового мореплавания и портов.

личным областным начальникам, причем приморский не несет никакой ответственности, составляет всегда одну из причин, препятствующих всем мероприятиям к улучшению положения уссурийских казаков и, что население Уссурийского полубатальона владеет весьма обширной территорией в наиболее опасной и наиболее угрожаемой части нашей границы с Китаем, просил о выделении полубатальона из состава Амурского войска и о придаче ему самостоятельной организации, а так как полубатальон малочислен, всего пять с половиной тысяч душ обоего пола, то просил об искусственном увеличении его посредством переселения казаков из Европейской России.

Находясь в 1887 году в Петербурге, барон Корф, накануне реформы, запросил командира полубатальона Глена, не обременительно ли для населения будет предполагаемое отделение в отношении конского состава. Глен отвечал, что переформирование нисколько не обременительно, у населения 5 тысяч коней и оно горячо желает быть конными казаками.

26 июня 1889 года последовало Высочайшее повеление об образовании отдельного Уссурийского войска. Амурское войско дало своему собрату, как бы на новоселье, 14500 рублей, из коих наличными всего 5 тысяч, а остальные долгами за населением полубатальона.

ПРОЕЗД ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА В 1891 ГОДУ.

Лишь только было получено известие, что Государь Наследник Цесаревич проследует по Амуру, как все всколыхнулось в приготовлениях к радостной встрече дорогого гостя. Войско готовило блюдо для поднесения войсковых хлеба-соли, станицы засыпали Винникова справами, разъяснениями о наилучшем способе украшения станиц, форме, размере блюд, солонок и пр. Винников отвечал им,

что хлеб-соль мы удостоимся поднести от чистого сердца во всех станицах, где будет остановка парохода. «Тот — писал он, — кому благословит нас Господь поднести нашу хлеб-соль, не нуждается в дорогих подношениях, а сердечность наша ему дорога из века в век!»

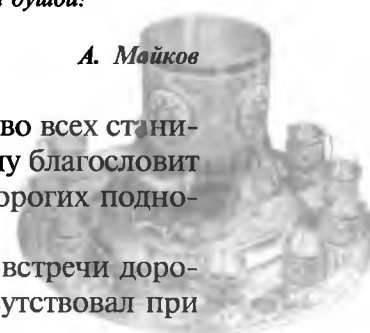
Но расскажем по порядку о главнейших эпизодах встречи дорогого посетителя. В Хабаровске Государь Наследник присутствовал при

*Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукратно Руси умиленной
Божия промысла щит над Тобой!*

*Вихрем промчалась весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой!*

*С этой молитвой всей Русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
Шестеуй же в путь Свой и бодр, и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой!*

А. Майков

торжестве открытия памятника графу Муравьеву-Амурскому. На торжество от войска были вызваны старейшие представители войска, сподвижники графа, как то: Скобельцын, Щеголев, Богданов и казаки: Беломестнов, Чипизубов и Карепов, а также протоиерей Сизой. Со всеми этими соратниками Муравьева Государь Наследник милостиво беседовал и одарил их подарками, а казаков серебряными медалями. Памятник вышел великолепный, поставлен на высокой природной скале; фундамент, на котором стоит фигура, сделан из камня, доставленного из поселка Бабстовского казаками этого поселка и станицы Михайло-Семеновской. Приятно сознавать, что подножие творцу Амурского войска устроено амурцами. Граф изображен во весь рост, в одной руке держит свиток Айгунского договора, а в другой — морской бинокль. Фигура величественная, сходство поразительное. Старушка Пакулова, которая неоднократно принимала у себя в Буссовой графа, случайно увидевшая памятник, рассказывает: «... я обомлела, когда увидела графа, он — точно живой, и у меня полились слезы...»

В Михайло-Семеновске... но тут я передаю перо полковнику Химуле, очевидцу встречи. «В 8 часов утра 31 мая — пишет Химуля, — мы в полной парадной форме со станичным атаманом и всем наличным населением Михайло-Семеновска, а также китайскими нойонами, получившими разрешение Беневского присутствовать на берегу, уже осматривали украшенную флагами, зеленью и кумачем арку, сходни, пристани, нарядную толпу казаков и казачек. Блюдо серебряное, солонка, полотенце, хлеб-соль стояли у пристани на столе для осмотра их населением. Поднесение блюда с хлебом взял на себя Беневский;

солонку на блюде должен был поднести председатель правления полковник Кузмицкий; старейший депутат от станицы с двумя ассистентами должен был поднести хлеб-соль от станицы Михайло-Семеновской.

В одиннадцать с половиной часов дня показался дымок парохода у гор китайского берега, внизу по течению реки Амура, верстах в 7 от пристани. Два парохода, из коих один передний — под флагом Цесаревича, несмотря на быстрый ход колес, подавался вперед медленно против течения, за ним следовал другой пароход под флагом командующего войсками Приамурского военного округа. На верхней площадке палубы переднего парохода, за пюпитрами, играл военный оркестр Хабаровского гарнизона; Наследник и свита, стоя на рубке, лорнировали биноклями пристань станицы. Какою крошечною, вероятно, казалась им группа людей, стоящих у пристани в ожидании причала и остановки па-

Наследник, великий князь Николай Александрович.

роходов. Торжественные звуки марша, плавный причал и поворот пароходов, торжественное ожидание толпы — не поддаются моему описанию. Волнение Беневого было очень заметно. Кузмицкий и я стояли по бокам его. Когда спустили сходни и Наследник, спустившись по ним, начал подниматься на пристань по лестнице, устланной красным кумачем, раздалось могучее «ура» населения и полетели вверх папахи. Бенево, поднося хлеб, дрожавшим от волнения голосом просил принять хлеб-соль от населения Амурской области; Кузмицкий с поклоном передал солонку; казак-депутат от станицы, также волнуясь, произнес: «Осчастливьте, Ваше Императорское Высочество, принятием хлеба-соли от михайло-семеновских станичников». Я рапортовал о благополучии вверенного мне полубатальона и подал почетный рапорт. Барон Корф называл наши чины и фамилии. Затем Наследник поздоровался с населением словами: «Здорово, казаки!» — «Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество, и ура, ура!» было ответом на приветствие. Все направились до набережной пешком к церкви, где на паперти ожидал священник, и колокольный трезвон оглашал станицу. После краткого молебствия и многолетия, Наследник и свита, окруженные конвойными казаками и населением двинулись к пристани. Здесь, хотя китайские нойоны в своих шелковых курмах, выстроенные в одну шеренгу, человек до 20, и стали на колени по их обычаю и было доложено о них, Наследник прошел мимо них, слегка только кивнув головой, поравнявшись и проходя мимо них. Школьники пели гимн: «Боже, Царя храни!» Все перешли на пароход, который медленно отчалил от пристани при звуках оркестра на пароходе, при криках «ура», несмолкаемо раздававшихся на пристани, и бросании папах вверх.

Все мы трое получили отведенные нам каюты на пароходе «Муравьев-Амурский». В 5 часов вечера мы были приглашены к общему обеденному столу. Наследник сидел у начала стола, барон Корф — первым с правой стороны стола, против него сидел Бенево, рядом с Бенево — я, рядом с Корфом — князь Барятинский,* затем вся свита Наследника и барона Корфа. Барятинский пил красное вино местного амурского винограда, изделия хабаровского купца Хлебникова, получившего от наследника медаль «За трудолюбие и искусство», и он хвалил его достоинство; по его словам, не уступающее заграничному лафиту. Наследник скромно и мало ел, и все больше слушал рассказы Корфа.

После обеда, по предварительному докладу Корфа Барятинско-

Парадный строй пешего казачьего батальона.

му и последнего Наследнику, я получил разрешение преподнести альбом с фотографическими видами моей работы — только на другой день после ночлега в станице Екатерино-Никольской и тогда, когда князь Барятинский найдет по времени удобным. Я уже был рад и счастлив разрешением. Приближались к станице Екатерино-Никольской уже в сумерках,

при горевшей иллюминации костров. Пристань вся усеяна народом. Почетный караул, с офицерами в строю и на левом фланге со всеми офицерами и чиновниками, был выстроен в парадной форме. Выслушав рапорт станичного атамана, принявши хлеб-соль от станицы, Наследник поздоровался с сотней словами: «Здорово, казаки-амурцы!» «Здравия желаем, Ваше Императорское высочество», — и переливающееся «ура» строевых казаков и станичников покрыли это приветствие. Пропустив сотню церемониальным маршем, с идущими в строю нашими атаманами бароном Корфом и Бневским во второй шеренге, Его Высочество приказал остановить сотню. Подходя со свитой к сотне, Наследник сказал: «Спасибо, молодцы-амурцы!», повторив свою благодарность еще раз во время прохождения мимо него сотни. После того были поданы экипажи с наезженными лошадьми обывателей и купцов. Проехав по станице, Его Высочество посетил церковь, где и прослушал молебен. Затем, осмотрев расположение сотни, Государь Наследник прибыл к пристани, у арки которой казаки и казачки вели хороводы и танцы. Осмотрев и поблагодарив их, Его Высочество в 11 часов вечера отбыл в Радде».

В Радде, на границе конного полка, командир Винников рапортовал о благополучии полка, население преподнесло хлеб-соль, девица Линдквист букет цветов. В церкви, вопреки распоряжению епископа Гурия, строжайше запретившего священникам говорить речи, священник сказал Его Высочеству прочувствованное слово, одобренное всей свитой. На запрос строгого владыки, почему священник сказал слово, он отвечал: «От избытка чувств — сами уста заговорили»... Несмотря на это, священник, по словам Химули, переведен в другой приход.

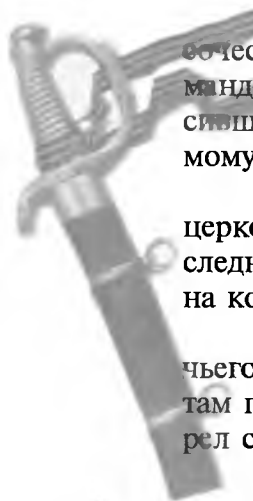
При самом отъезде князь Барятинский вручил от имени Его Высочества подарки: трое часов для станичных атаманов, перстень — командиру сотни Ресину, два портсигара офицерам, два кольца подносившим букеты, фотографический портрет с надписью Цесаревича самому Химуле и сто рублей на церковь.

«По отбытии Цесаревича все пошли — заключает Химуля, — в церковь, священник отслужил молебен о благополучном пути Наследника; девица Линдквист, получившая кольцо, усердно молилась на коленях, сияя счастьем...»

«По прибытии в станицу Иннокентьевскую Амурского казачьего войска, Его Высочество изволили зайти в церковь, встреченный там причтом в облачении, и посетил станичную школу, а затем смотрел сотню 2-й очереди в конном строю и взвод детей школьного воз-

Должностной знак почетного судьи Амурского казачьего войска.

рел сотню 2-й очереди в конном строю и взвод детей школьного возраста, бывших также в конном строю; одновременно с сотней те и другие были пропущены справа по одному шагом, а потом, тем же порядком — в карьер с джигитовкой. Здесь, при следовании Его Высочества обратно на пароход, молодая девушка-казачка, желая иметь счастье поднести букет цветов Его Высочеству растерялась и протянула руку с букетом дежурному в этот день офицеру свиты, но Цесаревич сам изволил протянуть руку за цветами и, приняв букет из рук окончательно растерявшейся девушки, милостиво улыбаясь сказал: «Это, верно, мне, — а не ему». После этого, взойдя на пароход, Его Высочество пожаловал станичному атаману уряднику Катанаеву часы с вензелевым изображением и цепочкой, а войсковой наказный атаман Приамурских казачьих войск генерал-адъютант барон Корф, сопровождавший Его Высочество, тут же надел Катанаеву эти часы и собственноручно пристегнул цепочку.

С отходом парохода из Иннокентьевской станицы, все казаки и дети, бывшие в конном строю, сопровождали пароход берегом на значительное расстояние, с джигитовкой. Разлив реки в очень топких местах часто вынуждал их к объездам и Его Высочество каждый раз приказывал замедлять ход парохода; но встреченный на пути их, в 12-ти верстах от станицы, громадный разлив, разлучил окончательно всадников с пароходом. Взойдя на верхнюю палубу, Его Высочество долго еще высоко приподнимал свою фуражку, отвечая казакам бросавшим вверх папахи, стоя на седлах, чтобы дольше видеть пароход с дорогим путешественником. Наконец пароход в изгибе Амура скрыл их из глаз Цесаревича и Его Высочество изволил сойти в каюту.

Весь берег у станицы Поярковой, от триумфальной арки по направлению к пристани и далее, был переполнен народом, с джигитующими бывшими в строю и осмотренными уже Его Высочеством детьми и взрослыми, когда Наследник Цесаревич изволил взойти на пароход, разрешив водить на пристани хороводы и джигитовать. Внимание Его Высочества обратил на себя десятилетний казачонок — Влас Тюменцев, проскакавший несколько раз, стоя головой в седле, с вытянутыми кверху ногами. Получив повеление Его Высочества: «Дайте мне его сюда», — командир Амурского полка полковник Винников выскочил на берег и, сняв мальчугана с седла, принес его на пароход. Его Высочество спросил: «Как твоя фамилия?» Получив смелый и ясный ответ: «Тюменцев, Ваше Императорское Высочество», — Цесаревич взял мальчика за руку и увел к себе в каюту, а затем изволил привести обратно с ручонками, наполненными серебряными рублями, сколько тот мог взять. Отвечая на вопросы Его высочеству

Казачата.

рон Корф, довольный бойкостью мальчика, спросил его: «А можешь ты стать на голову вот тут, сейчас? — Могу, Ваше Высочество» — было ответом шустрого мальчика. «Ну, становись...» и смысленный казачонок, моментально сложил на пол бывшие в обеих руках монеты, стал на голову между Его Высочеством и войсковым наказным атаманом. Затем мальчик встал, был спущен на плавучую пристань и там пошел плясать в хороводе девушек, держа свои монеты обеими ручками в подоле своей форменной с погонами рубашонки».

Там же, в станице Поярковой Амурского казачьего войска, удостоился милостивого внимания Августейшего Атамана, между прочим, льготный старший вахмистр Тимофей Корнев, видный молодой человек, а его серый конь в особенности понравился войсковому наказному атаману барону Корфу, который, видимо шутя и не рассчитывая на удовлетворительный ответ (в виду дальности расстояния), громко спросил Корнева, может ли он поспеть на своем коне к завтрашнему дню в Благовещенск (118 верст), чтобы иметь счастье состоять там в конвое Его Высочества. На утвердительный ответ вахмистра Корнева барон Корф выразил сомнение. Но Корнев прибыл в Благовещенск на этом же коне и удостоился счастья вновь слышать похвалу себе от Августейшего Атамана; числясь в конвое, он на том же коне прибыл в Марково, выше Благовещенска 44 версты, к выходу Его Высочества с парохода на берег, одновременно с офицерами своего полка и получил в подарок от Августейшего Атамана часы с цепочкою, надетые на Корнева войсковым наказным атаманом». (Казачья памятка Г.С. Николаева.)

В Благовещенск, утопающий в зелени, цветах и флагах, Его Императорское Высочество прибыл 4 июня. Ненастная погода, стоявшая до

того, с момента появления парохода, прояснилась, выглянуло солнышко и Государь Наследник Цесаревич при оглушительных кликах войск и народа вышел к нарочно построенной городом каменной триумфальной арке.* Пропустив почетный караул церемониальным маршем, Его Высочество отбыл в экипаже с бароном Корфом в кафедральный собор,* посреди расставленных шпалерами войск. Прослушав краткое молебствие, Цесаревич, сопровождаемый конвоем офицеров Амурского полка, посетил обе гимназии, семинарию. Вечером Его Высочество осчастливил своим присутствием концерт, устроенный воспитанниками и воспитанницами обеих гимназий.

5 июня Его Высочество смотрел парад войск Благовещенского гарнизона. В параде принимали участие льготные казаки и около сотни казачат, на левом фланге которых шел барон Корф. После этого был смотр скачек обеих первооче-

Перед джигитовкой.

редных сотен, закончившийся лихой джигитовкой. Недаром Винников учил казаков, развивал в них молодечество и шегольство, казаки несколько раз все вместе и порознь удостоивались похвалы своего Августейшего Атамана, а барон Корф, по окончании парада, благодаря Винникова в присутствии всех офицеров, сказал: «Ну, молодец, Винников, ты сумел отлично представить казаков, теперь я вижу, что ты сделал».

После скачек Его Высочество отбыл в лагери и удостоил посещением офицерский барак Амурского полка, где изволил раздавать собственноручно подарки и призы за скачки. Шум шагов, крики радости получивших подарки из рук наследника престола, вызвали замечание Его Высочества: «Нельзя ли потише?» Разом воцарилась гробовая тишина, все замерли. Действительно, ласковость, скромность в обращении Его Высочества со всеми были до того просты, что невольно способствовали забывчивости, взрыву накопившегося чувства радости и энтузиазма, быть может неуместных, но вылившихся от простоты всего сердца.

После раздачи подарков Его Высочество, сядясь в экипаж и окруженный всеми офицерами и казаками, снимался, но, к сожалению, погода была ненастная, забрызгал дождь, подул ветер и фотографический снимок вышел неудачный; и таким образом, войску не удалось запечатлеть время пребывания своего Августейшего Атамана в рядах Амурского казачества, но зато присутствие его запечатлено в сердцах всех видевших, и долго-долго не изгладится в памяти это редкое событие.

Приняв завтрак у наказного атамана генерал-майора Беневского, Его Высочество в тот же день отбыл вверх по Амуру, сопровождаемый целой флотилией частных пароходов, переполненных публикой; по горе мчались офицеры и казаки Амурского полка, спеша встретить Его Высочество в Марковой и еще раз взглянуть на него. Заключительный момент проводов Цесаревича из Марковой не поддается описанию моего пера; тот, кто видел, поймет, какое всеобъемлющее чувство любви овладело всеми... Наследника схватили на руки, несли до схода, благословляли его, кричали: «Счастливого пути!»... Дамы плакали... слышался гимн... неся гул народной толпы... звон колоколов... И так далее, следуя до Покровки, Наследник повсюду встречал знаки неподдельной искренней любви казаков. Везде его встречали с хлебом-солью, ночью горели костры, народ стекался из соседних деревень. Да, это поистине был праздник на Амуре!

Из Покровки генерал Беневский телеграфировал в войско: «Августейший Атаман, оставляя область, милостиво повелел мне передать благодарность амурским казакам за то приятное впечатление, которое Его Высочество вынес из личного ознакомления с Амурским казачеством».

Не прошло года. Его Высочество в ответной телеграмме по случаю войскового праздника, милостиво выразился: «Никогда не забуду своего пребывания в войске» и в знак своего благоволения прислал войску свой портрет с собственноручной надписью.

1892-1897 ГОДЫ.

Наказным атаманом с 1892 по 1898 год был генерал-майор Арсеньев,* а на место умершего в 1893 году в Хабаровске барона Корфа назначен был войсковым атаманом генерал-лейтенант Духовской.* В лице ба-

рона Корфа войско потеряло горячего защитника казачества. Насколько хорошо он относился к войску, можно заключить хотя бы из последней его поздравительной телеграммы: «С праздником, молодцы-амурцы! Спасибо за вашу службу! Бог в помощь вам и на службе и в хозяйстве! Крепко вас полюбивший, ваш старик, войсковой атаман барон Корф».

В каком положении находилось в это время войско, можно судить по донесению полковника Кацурика, производившего обследование войска в земельном отношении. Вот какие картинки рисует он: «Тут вечная, непрестанная борьба с реками, которые обладают той ужасной особенностью, что вдруг начинают прибывать иногда по 6 и 7 сажен в сутки, Амур разливается по 25 верст вглубь страны... Все береговые станицы снимаются и уходят на более высокие места. Головинский поселок измучился в борьбе с Амуром, переселяется в Надеждинский.* То же самое делает Степановский. Борется еще Михайло-Семеновская станица, но тоже уже изнемогает. Квашинский ведет борьбу с р. Биджаном и т.д. Выходит, следовательно, что если нет дождей, то все погибает от засухи, а есть дожди — все погибает от наводнения... Полное бездорожье в крае... Излишку зерна нет сбыта, нет вывоза... Суровый климат не позволяет развести ни яблонь, ни вишен, ни арбузов. Медицинская помощь совершенно отсутствует, на пространстве 1600 верст находятся два врача. Прежде чем добраться до них, население предпочитает лучше умирать без хлопот. Акушеров и фельдшериц нет... Ни конских заводов, ни стад рогатого скота или овец нет ни у амурцев, ни у уссурийцев. Население говорит: «Неразумно разводить много скота, только болезни тешить. Сколько ни разводи скота, все одно: придет год и весь он пропадет».

Кацурик соглашается с ним и продолжает: «Мириады огромных паутов, слепней, комаров, мух, мошек, под общим названием «гнус» — истинный бич для людей и животных. Скотоводству, действительно, при этих условиях трудно развиваться; тем более, что сибирская язва и чума царствуют в войске безнаказанно, а для борьбы с этим злом имеется один только ветеринарный врач».

Да что мог сделать такой врач, каким был в то время Петр Шведов, деятельность которого хорошо обрисована в казачьей песне:

Проявился один Петр -
Пьянство двинулось вперед.
Чаще стали собираться
И на досуге напиваться.
Хороша наша деревня -
Только улица грязна...

Д.Г. Арсеньев.

Несколько отраднее обстояло дело со школьным образованием. В «Сибирском вестнике» за 1888 год читаем: «Приехало 7 человек, окончивших учительскую семинарию. Молодые люди принялись горячо за дело и завопили о самых необходимых потребностях школ. Полковое начальство (Винников) вняло их просьбам и в главных станицах, наконец, стали вырастать на общественный

Казаки в мундирах образца 1891 г.

счет хотя не богатые в смысле обстановки, но обширные и подходящие школы.

Внутренняя сторона заметно улучшилась, не говоря уже о самом методе преподавания и обращения с учениками, появились подходящие учебники, библиотеки. Надзор за школами на атамане, об экзаменах и помину нет. Пока школа будет носить частный характер, домашний, пока она не будет находиться в подчинении лица, специально изучившего школьное дело, в роде инспектора — до тех пор она не принесет желанных результатов».

Добавив к этому, что со времен Винникова установился иной взгляд на строевого казака, расходы на справу казака при выходе на службу увеличились: требовали доброго коня, щегольское обмун-

дирование, а последнее с 1891 года переменялось на новое; ввели длинные мундиры (татарки), которые вдвое удорожили стоимость по сравнению с коротким мундиром и, приняв во внимание, что достатки-то казака те же, — выходит, что положение его в рассматриваемый период времени было не из важных и вполне отвечает картине, нарисованной нашим поэтом, сотником Ахиллом Карповым в его стихотворении «По Амуру»:

Скучна дорога. Пустыня немая.
Блещет замерзший Амур.
Всюду лишь горы, тайга вековая...
Кой-где пикеты манджур...
Снег словно саваном все покрывает:
Торс, ухабы и лед...
В грудь безотчетно тоска заползает,
Давит и душу гнетет.
Вот и селенье - станица большая -
Строгий и сумрачный вид,
Всюду, глядит в ней нужда роковая,
Бедность повсюду сквозит.
Стой, брат, ямщик! Уже ночь настала,
Вьюга завывала, шумит.
Видишь ты хату, в селе у начала,
Ту, что там с краю стоит?
Трогай туда, постучи-ка в окошко,
Старая дома - поди.
Надо заехать... закусим немножко
И отдохнем до зари...

Вышла старуха и смотрит уныло
В сумраке, холод ночной;
Видно начальник... давно их не было -
Надо принять на постой.
«Здравствуйте, барин! Эх, вьюга какая!
И не узнала б никак...
Ну заходите... хоть хата малая -
Все ж разместим кое-как».
Холодно в хате, чуть лампа мелькает,
Пусто кругом по стенам...
Села старуха... и стонет, вздыхает,
Все-то печалится нам.
«Старая я, уж из сил выбиваюсь,
Некому дров нарубить...
День-то деньской все работаю, маюсь...
Да уж недолго мне жить...
Третьего сына на службу угнали...
Всех отобрали, осталась ни с чем,
Сроду беды мы такой не знавали -
Осиротели совсем...
Хлеб продала я последний и сбрую...
Справили форму ему...
Лошадь взяла я у кума гнедую -
За долю работать пойду.
Продала все я, что было в амбаре -
Справила кой-как седло...
Всех-то овец извела на базаре...
И разоренье пошло...
Старшего сына я все дожидаюсь,
Отпуск вишь дали ему.
Кой-как с нуждою-то я управляюсь...
Да уж надену суму...»

ОТВОД ВОЙСКОВОЙ ПОЛОСЫ. ВОЙСКОВОЙ АТАМАН ДУХОВСКОЙ.

Войсковой наказный атаман генерал-лейтенант Духовской, обревизовав войско, нашел его в экономическом отношении бедным. «Есть войско, — говорил он, — нет хозяев». И вот, чтобы дать широкую возможность поправить финансовое положение войска, в частности, увеличить войсковой капитал, генерал Духовской делает распоряжение об установлении границ казачьей территории в обоих войсках — Амурском и Уссурийском, предоставив им эксплуатацию леса и земель, вошедших в эту полосу. Вместе с тем генерал Духовской писал наказному атаману: «... мы жалуемся на бедность нашего казачьего войска, между тем, по внимательном пересмотре законов и положений оказывается, что сами в том виноваты. Если бы с 1860 года Амурское войско было обеспечено, как требуется, землями и другими угодьями, то вероятно, Амурское казачество было бы теперь в ином, более обеспеченном положении».

«Будем надеяться, — писал он во втором письме, — через некоторое

Наказной атаман приамурских казачьих войск генерал-лейтенант С.М. Духовской.

время доставить Амурскому войску серьезный войсковой капитал и установить эксплуатацию хозяйским порядком статей доходов остающихся доселе без хозяина».

Уссурийское войско сразу по отводе земель принялось «хозяйским порядком» извлекать пользу из лесов и земель, организовало надзор и в короткое время перещегооляло наше войско, составив полумиллионный капитал. Наше же войско дремало... писарь войскового правления бегал по берегу и спрашивал паромщиков: «Откуда лес?» — и получив ответ: «... с китайской стороны» или «... со станичных дач» — успокаивался.

Не вина генерала Духовского, что войско упустило момент использования отведенной ему земли и принялось за это спустя лишь четырнадцать лет — со дня атаманства генерала Сычевского,* то есть тогда, когда на «полосу Духовского» ополчились со

всех сторон, находя ее незаконной.

Сливши Амурский пеший полубатальон с полком в одну боевую конную часть в 1895 году и исхлопотав Амурскому конному полку Высочайше пожалованное в 1897 году полковое знамя, Духовской поставил наше войско в ряды старых казачеств и тем поднял дух войска, уверившегося, что «за Богом молитва, а за Царем служба не пропадает».

Население глубоко ценит заботы Духовского о войске и чем бы ни кончился, на тонком волоске висящий, вопрос о войсковой полосе, оно никогда его не забудет. Как отголосок благодарного мнения населения о Духовском, приведем выдержку из стихотворения нашего поэта — самоучки учителя Ивана Измайлова, читанного им в проезде Духовского по случаю дарования знамени и войсковой территории:

И в общем теченьи казак не забыт
За службу свою трудовую:
Залогом для будущих благ он уж зрит
И земли полосу войсковую;
Да здравствует наш Атаман войсковой,
Ему благодарно, открыто
От сердца приносим привет дорогой,
За то, что и мы не забыты.
Средь общих трудов и забот
Его дорожим мы вниманьем.
И делом покажем, коль будет поход,
Свое назначенье и званье.
Сплотимся мы тесно, как придет пора,
Вокруг своего Атамана.

И преданность нашу и наше “ура”
Узнают враждебные страны.
Мы ринемся смело во вражеский стан,
Хоть будь в нем войска всего света.
Да здравствует наш Войсковой атаман
На многие, многие лета!

*Генерал Духовской при жизни был избран почетным стариком
Албазинской станицы и в память его наименован хутор Ду-
ховской. **

18 апреля 1895 года объявлена была телеграмма о мобилизации войска с целью занятия Манджурии и оставления там русских войск до тех пор, пока японцы, разбившие Китай, не очистят Корею. Первым днем мобилизации было назначено 20 апреля. Затрещали телеграммы, поскакали гонцы во все закоулки казачьи с известием о походе. Быстро собрались казаченьки в Благовещенск. 11 мая назначен был смотр собравшемуся в первый раз в полном составе Амурскому полку. Весело было смотреть на казаков, горевших искренно испытать сладость похода. Подъехал генерал Арсеньев и приказал делать перестроения. А затем, через полчаса времени, велел построить фронт. Похвалив казаков за службу, за быстрый исправный сбор и что они ничего не забыли по строю, поздравил их с роспуском по домам... Ура! — вырвалось единодушно из всех сотен и долго не смолкало...

1897-1900 гг. ВРЕМЯ ДО РУССКО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ.

12 августа 1897 года прибыл в войско вновь назначенный наказный атаман, Генерального штаба генерал-майор Грибский. Служа долго в Приамурском крае, лично занимаясь переселением уссурийцев в Южно-Уссурийский край, Константин Николаевич близко ознакомился с бытом казаков. Его управление войском замечательно мерами улучшения, направленными как на боевую подготовку войска, так и на развитие его хозяйства.

В отношении последнего он первый стал основательно бороться с сибирской язвой, но не паллиативными мерами, как-то: дымокурами, снятием с подножного корма и прочими карантинными средствами, а введением прививки сибиреязвенной вакцины. Результаты вышли блестящие. Если бы население не пряталось, а охотно каждый год делало бы прививки, то эта губительная для края сибирская язва мало-помалу исчезла бы.

При Грибском была открыта в войске шорно-седельная мастерская, о пользе которой нечего и рассказывать. При нем же впервые в войске появился агроном, способствовавший не столько развитию в населении сельскохозяйственных познаний, к которым казаки вообще относятся с недоверием, сколько снабжением их земледельческими орудиями и машинами. Заведен небольшой оборотный капитал, на который войско стало непосредственно выписывать орудия из Америки и снабжать ими в долг, в рассрочку, население.

Казакам понравились эти новшества; они убедились в негодности допотопных сох, сабанов, в которые впрягали до 8 пар волов; они узнали сколько хлеба и времени тратится зря на рассеивание руками, на молотьбу копытами лошадей, на веяние по ветру и пр. Теперь почти нет

двора, где не были бы: усовершенствованные плуги, бороны, жнеи, сенокосилки, грабли, сортировки, молотилки и пр.

Первый агроном С.И. Мацевич, а после него В.Т. Ковалев, не остановились на этом: они, разъезжая по войску, пробуждали в казаках любовь к земледелию, твердили об удобрении полей, напоминая казакам, что скоро, с утверждением земельных наделов, не придется им пользоваться обширной, втуне лежащей, целиной. Труды их не остаются бесследными: земледелие в войске пошло быстрыми шагами, запашки везде усилились; сбыт, до некоторой степени, гарантирован и что ни говорят про казаков, они не отстают от крестьян и, будучи заняты военным делом, идут ухом в ухо с ними, несмотря на то, что правительство более лелеет крестьянина, обставляя его даровыми средствами и способами в развитии хозяйства; на казака же эти благодеяния не распространяются.

Не оставил К.Н. Грибский без внимания школьного образования: при нем был построен пансион (общежитие) в Благовещенске, где помещались до 40 казачьих малолетков, обучавшихся в гимназии и других учебных заведениях города Благовещенска. За небольшую плату казаки со средним достатком, а бедные — бесплатно имели полную возможность приютить своих детей в городе, не боясь за судьбу их. Жаль, что это полезное учреждение долго не просуществовало: в населении, преимущественно богатом, появилось недоверие к администрации войскового правления, чисто личного свойства, поэтому оно отказалось от денежной поддержки и ремонта здания. Пансион был закрыт в 1906 году. Теперь население (беднейшее) спохватилось, но было уже поздно: обширное здание куплено в собственность войска и перестроено под квартиры...

К.Н. Грибский установил обязательные экзамены в станичных школах особыми комиссиями, при участии офицеров; приказал отвести при школах участки земли для устройства питомников, которые служили бы практическим средством для распространения полезных сельскохозяйственных сведений в населении под руководством учителя и ввел праздник древонасаждения, как лучшее средство к развитию среди народа любви к лесу, особенно в безлесных районах, например в Поярковском и Николаевском округах.

При генерале Грибском применено было к войску Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года положение об общественном управлении станиц, взамен действовавшего издания 1870 года. Он же в приказах, циркулярах и словесно старался объяснить станичникам пользу нового положения, расширявшего деятельность общественного самоуправления. При старом дела решались скопом, крикуны брали верх, а умные оставались в стороне; при новом же — дело решается особыми выборными от каждых 10 дворов. «Расширяется, — писал генерал Грибский, — власть и значение станичных атаманов и общественных сборов и судов, что необходимо ввиду замеченного упадка населения в нравственном отношении — в молодежи проявились несвойственные казачьему сословию наклонности и воззрения, как например, — неуважение своей семьи, неопределение старшим себя почтения, пьянство, нарушение дисциплины — явления, ранее почти неизвестные войску». Разбор дел в станичных судах и деятельность их упорядочена, явились почетные судьи. «Теперь — заключал генерал Грибский, — не может иметь места в войске такое проявление самовластия, как было в поселке Союзовском, где сход местных «Соломонов» молодую, беременную казачку, за какие-то нелады со свекром и подозрение ее в краже ситцевой юбки, присудил к позорному

наказанию, состоящему в том, что ее публично водили с метлой по всему поселку и заставляли мести улицу, от чего она пришла в такое отчаяние, что на другой же день лишила себя жизни».

Ведя войско по пути хозяйственного развития, К.Н. Грибский не забывал о боевой его подготовке. Приказы его пестрят замечаниями об упадке дисциплины в полку, отсталости его в строевом отношении и все это он относит к бездеятельности командира полка; требует, напоминает, назначает сроки к исправлению замеченных недостатков, но все это не приводит к лучшему и кончается только с переводом командира в Забайкалье.

С назначением командиром полка полковника Печенкина, энергичного, заботливого, казака душой, дело воспитания полка изменилось. В короткий срок, благодаря вложенной ранее Винниковым закваске, полк нельзя было узнать. На последнем смотре перед русско-китайской войной генерал Грибский, найдя все в блестящем состоянии, сказал офицерам: «...признаться я стыдился носить до сего времени мундир полка, теперь, видя таких молодцов-казаков, я беру слово назад, с удовольствием одеваю ваш мундир и буду с гордостью его носить».

1900-1901 гг. РУССКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА.

После несчастной для китайцев войны с японцами в 1895 году иностранные державы, пользуясь слабостью Китая, стали хозяйничать в нем как у себя дома. Русские, завладев Порт-Артуром, стали вести железную дорогу не по своей стороне, как сперва было задумано, а по Манджурии. Такое хозяйничанье иностранцев возбудило в народе неприязнь, перешедшую во вражду и ненависть. Нашлись патриоты, которые воспользовались этим настроением, подняли знамя восстания с целью изгнания «заморских чертей» из своей страны. Наибольшей популярностью у мятежников пользовалась партия «Большого кулака»,

Оборона Благовещенска. Художник А.А. Сахаров. 1902 г.

открывшая свои враждебные действия под названием «боксерского восстания». Волнение началось в Тяньцзине, Пекине, а затем перешло на нашу строящуюся железную дорогу. Работавшие до того спокойно «ходи» в одно прекрасное время, прекратив работу и подстрекаемые прибывшими боксерами, стали разрушать полотно дороги, жечь, грабить склады и убивать русских. Последние, покинув имущество на произвол судьбы, бежали в Харбин, который оказался в осадном положении. Но этим не закончилось — волна восстания докатилась до Амура...

12-го июня 1900 года была объявлена мобилизация войскам Приамурского военного округа. Две первоочередные сотни полка развернулись в шестисотенный Амурский полк, 3-я сотня полка развернулась в трехсотенный Амурский дивизион.

29 июня 1-я 2-я сотни полка вошли в состав Харбинского отряда и двинуты были на пароходах вместе с 4-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 1-й батареей на выручку Харбина.

При проходе мимо Айгуна отряд не встретил никаких враждебных действий со стороны китайцев, прошел спокойно за ним и пароход «Селенга», на котором был пограничный комиссар полковник Кольдшмидт,* провожавший войска; но шедший в Благовещенск пароход «Михаил» с пятью баржами, на одной из которых были артиллерийские запасы, китайцы 1-го июля в Айгуне задержали, открыв по нему огонь. Не зная ничего командир парохода и сопровождавший груз штабс-капитан Кривцов были удивлены. На знаки китайцев остановиться пароходу, с последнего был брошен якорь. Кривцов на китайской лодке переехал на берег и приведен был к амбаню для переговоров. В это время подошел пароход «Селенга» с комиссаром. Узнав в чем дело, после бесполезных переговоров с китайцами, Кольдшмидт приказал «Михайлу» сниматься с якоря и следовать за ним. Лишь только наш пароход двинулся, как по нему открылся огонь и не прекращался за все время следования до 1-го нашего поста. Полковник Кольдшмидт, получив серьезную рану, не переставал распоряжаться; казаки наши, бывшие в конвое на пароходе, деятельно отстреливались. Подойдя к посту N 1-й, раненый Кольдшмидт передал командование «Селенгой» начальнику поста хорунжему Вертопрахову.* Отбиваясь от стрелявших повсюду китайцев, «Селенга» и «Михаил» прибыли в Благовещенск, буквально изрешеченные неприятельскими пулями и гранатами. Кроме комиссара были ранены два казака, боцман и лоцман. При встрече была масса публики: вид избитых пароходов, печальный вынос раненых свидетельствовали о бывшем бое и начале военных действий; известие об этом с быстротой молнии разнеслось по городу...

2-го июля по приказанию генерала Грибского был двинут отряд для наказания Айгуна, вероломно открывшего враждебные действия; с ним ушел и сам генерал Грибский, оставив городе два орудия, три взвода линейцев, две роты запасных солдат и сотню нерчинских казаков, случайно застрявших в городе. Наши три сотни ушли туда же. Лишь только отряд открыл стрельбу по Айгуну, это было в 6 часов вечера, как со стороны беззащитного города послышался грохот пушечных выстрелов... Генерал Грибский немедленно прекратил стрельбу, велел отряду возвратиться в город и, оставив заслоном полусотню казаков, сам спешно поскакал с остальными казаками в Благовещенск.

Здесь он застал бомбардировку города китайцами в самом разгаре; жители, объятые паникой, метались по городу; трусливые, среди которых, к сожалению, много было лиц интеллигентных, мчались в Астрахановку,* другие разбивали магазины, ища оружие... и пр. Восста-

новив порядок и успокоив немного жителей города, генерал Грибский принялся за устройство обороны: были организованы и вооружены старыми ружьями отряды дружин добровольцев, на берегу установлено наблюдение, копали ложементы... артиллеристы наши удачно поджигали Сахалин.* На другой день бомбардировка не утихала; пули, бомбы осыпали береговые здания, появились раненые и убитые. Волнение и беспокойство жителей беззащитного города росло, присутствие же в городе нескольких тысяч мирных китайцев усиливало опасное положение: в случае высадки китайских войск эта многотысячная толпа китайских рабочих, понятно, набросилась бы на горожан и приняла бы участие в истреблении их, тем более, что у них находили потом патроны, ружья и петли... Надо было их удалить из города. Генерал Грибский распорядился о переправе их у поселка Верхне-Благовещенского. С 4 числа началась переправа под охраной запасных солдат, вооруженных топорами и под наблюдением местной полиции.

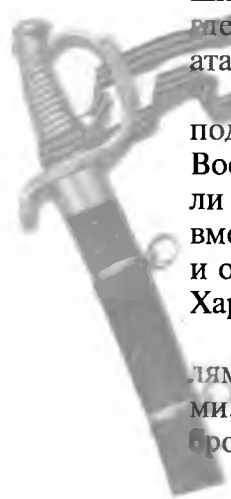
С очищением города от опасного элемента, положение его, беспрестанно осыпаемого гранатами и шрапнелями, не улучшилось, снаряды и патроны у нас были на исходе, китайцы же делались смелее: их высадка с одним орудием у первого поста, обратившая в бегство дружину крестьян, чуть было не смявших нашу роту, сожжение самого поста произвели в городе удручающее впечатление. Даже у смелых начинало в душе зарождаться сомнение в спасении.

Такое осадное положение города продолжалось до 20 июля, то есть до прибытия шедших на помощь войск: из Сретенска шел генерал Александров, за ним Ренненкампф,* из Хабаровска — полковник Сервианов.

Вне города, то есть в войске, дела с обороной обстояли несколько иначе. Атаман Грибский, призывая в своем приказе молодцов-амурцев взяться за оружие и по-казацки решительно и быстро расправиться с дерзкими нарушителями покоя, говорил им: «Помните казаки, что предки ваши, геройские защитники Албазина и доблестные атаманы Поярков, Хабаров и др. не боялись врага и храбро его сокрушали» и советовал им так расправиться с китайцами, чтобы «имя амурского казака прогремело по всей Манджурии и стало грозой в китайском населении». Оно так и случилось: казачье население сразу радостно откликнулось на призыв своего атамана: стар и млад, вооружась, бдительно охраняли телеграфную линию, девушки в казачьем одеянии с шашками ходили патрулями в станицах, запасные же и малолетки принимались за очищение пикетов китайских. Храбрые екатерино-никольцы, несмотря на отказ в содействии командира дивизиона, сами переправляются на своих лодках к пикету, сжигают его и уничтожают оторопевших китайских солдат. За разбитие 11-го июня знаменитой 4-й пади, где участвовала 2-я сотня дивизиона и льготные казаки, войсковой атаман генерал Гродеков называет казаков «орлами».

В Радде было лучше, там 12-го июля 72 наших льготных казака, под командой сотника Кузмицкого, поддержанные солдатами 10-го Восточно-Сибирского батальона из отряда Сервианова, лихо атаковали значительный оборонявшийся китайский пикет, уничтожили его вместе с оборонявшимися солдатами, взорвали три пороховых погреба и отобрали 116 ружей. К сожалению в этом деле у нас был убит казак Харин, первый вскочивший в укрепление, и несколько солдат.

Отчаянные пашковцы, в числе 16 человек, подкараулили идущую лямкой с Раддевского пикета военную лодку с 20 китайцами-солдатами, при трех офицерах, метким залпом повалили тянувших лодку, набросились на лодку и перерубили всех без остатка. Наскок был неожидан-

Н.И. Гродеков, приамурский генерал-губернатор.

ный, китайцы не успели даже взяться за оружие. После уже войны, возвратившиеся на Амур китайцы рассказывали, что в Пашковой в числе офицеров был убит Юань-жень, «душа боксеров», выехавший в Радде для установления дня взаимного нападения на русских и что открытие стрельбы по «Михаилу» было преждевременно и сделано его солдатами вопреки намерения айгунского амбана, вообще не разделявшего воинственных замыслов генерал-губернатора Шэу.* Этого Юань-жэня видели раддевцы за два дня до разбития пикета разгуливавшим вместе с начальником пикета по станице и дарившим конфеты мальчуганам нашим и говорившим казакам о вековой дружбе. Вообще ласковостью своей он хотел усыпить бдительность казаков.

Точно таким же образом действовали казаки и прочих станиц и к 20 июля по всему побережью Амура были уничтожены все стоявшие китайские пикеты.

К 17 июля были стянуты к Благовещенску подкрепления. В ночь с 17 на 18 была рекогносцировка дорог на Сахалян и Айгун отрядом наших казаков под командой Генерального штаба капитана Запольского. Поиск этого храброго капитана был удачен, взято с боя два орудия и сбита была стоявшая застава. К несчастью, тут мы лишились смелого сотника Резунова, убитого китайцами при атаке фанзы. Запольский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В ночь с 19 на 20 июля была совершена переправа наших войск на китайскую сторону против поселка Верхне-Благовещенского, первыми переправились наши три сотни под начальством полковника Печенкина. Китайцы, усилив непрерывную пальбу по городу, при виде наступающих казаков и переправлявшихся войск, пришли в полное смятение и в беспорядке кинулись бежать к Айгуну. Сахалян, державший наш город в страхе 20 дней и осыпавший его ядрами и бомбами, горел...

Под деревней Колушанами китайцы, занимая сильную позицию, скрытые ложементами, оказали сильное сопротивление, но меткий огонь артиллерии и стрелков и лихая атака наших 4-й и 5-й сотен Амурского полка и 1-й сотни Амурского дивизиона опрокинули и сбили китайцев и с этой позиции. Тут был убит сотник Волков, наш молодой поэт, командовавший 4-й сотней, и ранено более 10-ти человек.

Не устоял и главный опорный пункт китайцев — город Айгун; 22 июля, под дружным напором наших войск, действовавших с двух сторон, он был взят, а жители и войска в беспорядке бежали по дороге в Цицикар.*

Войсковой атаман, благодаря генерала Грибского и войско за взятие Айгуна, восклицает: «Амурские казаки, впервые бывшие в бою, показали себя достойными преемниками своих предков, завоевателей Амура, Амурскому войску слава! Ура! Ура!»

Для преследования отступивших китайцев «до изнеможения», ге-

нерал Гродеков назначает генерала Ренненкампфа, бывшего лихого командира Ахтырского полка, приказывает дать в его распоряжение, по возможности, всех казаков, причем «предела движения отряда не указывает — «все будет зависеть от лихости казаков». «Помните — наставлял Гродеков, — кто ушел из под Айгуна от нашей пехоты и артиллерии, не должен уйти из-под шашек казаков; действуйте так, чтобы весть об Айгунской победе дошла до Мергеня* вместе с казаками».

В состав летучего отряда вошли: полусотня 3-й сотни (хорунжий Белинский), 4-я сотня (сотник Вондаловский*), 5-я сотня (хорунжий Вертопрахов), 1-я и 2-я сотни Нерчинского полка, всего же 491 конь при двух конных орудиях.

Ураганом понеслись казаки под начальством своего смелого генерала; под Эйюром 25 июля они нагнали китайцев; разыгрался бой; в то время как артиллерия противника, по словам Ренненкампфа, стала сниматься, бывшая впереди наших сотен 5-я амурская сотня, несмотря на крайне неблагоприятную для конного действия местность, в конном строю вылетела вперед, атаковала артиллерию противника в левый фланг, причем захватила два орудия, изрубив их прислугу. За этот подвиг хорунжий Вертопрахов награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Отстреливаясь, неприятель отступил. К сожалению, первая победа не обошлась без потерь в наших сотнях: были убиты два казака и тяжело ранен сотник Вондаловский. 28 июля был бой под Малым Хинганом; здесь, как передает сам Ренненкампф, чины отряда, воздавая должное самоотверженности молодцов-амурцев, упорно защищавших одну гору, назвали эту гору «Амурской горой».

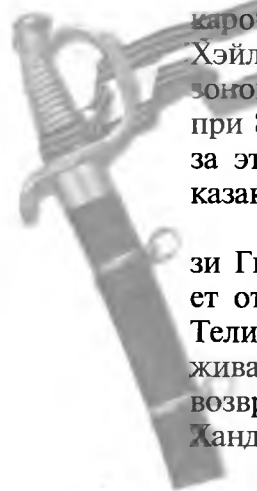
Генерал Гродеков,* извещенный об успехах отряда Ренненкампфа, выражая ему свою благодарность, прибавляет: «Горжусь приамурскими казаками, таких молодцов еще не было».

Далее отряд, подкрепленный 6-й сотней нашего полка, гонит противника, не дает ему отдохнуть под Мергеном и нагнав под Цицикаром 15 августа, дает решительный бой, в результате которого столица Хэйлунцзянской провинции* с населением в 50 тысяч, занятая гарнизоном в 6700 человек при 43 орудиях, была взята отрядом в 460 казаков при 8 орудиях и первым комендантом был назначен есаул Пешков.* А за эту победу генерал Гродеков, не зная, как благодарить, называет казаков «чудо-богатырями».

Не довольствуясь этим, Ренненкампф берет Гирина.* Здесь, вблизи Гирина, при занятии усадьбы Сун-джа-туна, Ренненкампфа спасает от смерти казак 6-й сотни Антипьев. Далее мелькают: Дагушан,* Телин,* Шуаян, но тут дальнейший порыв вырвавшихся казаков сдерживает уже генерал Гродеков и приказывает возвратиться в Гирина. На возвратном пути отряд Ренненкампфа участвует в покорении князя Хандегю,* несет серьезные потери под Монпашаном и 20 октября бла-

Сотник Л.П. Волков.

гополучно прибывает в Гирин, где расформировывается. Здесь участвовавшие в отряде Ренненкампа сотни соединяются с остальными сотнями полка. Началась более или менее мирная жизнь полка, тревожимая многочисленными экспедициями по горам Манджурии с целью окончательного умиротворения взволнованной страны, но и в них наши казаки показали себя молодцами.

За эту войну 4-я, 5-я и 6-я сотни заработали серебряные трубы, а 1-я сотня дивизиона знаки на шапки.

Генерал Ренненкампф за блистательные действия со своим личным отрядом получил два Георгия, 4-й и 3-й степени, зачислен почетным стариком Димского хутора. Сам генерал Гродеков награжден брильянтами украшенной шашкой. Гордясь такой высокой наградой, войсковой атаман в своем заключительном приказе, очерчивая общую деятельность казаков за всю кампанию, свидетельствует: «Вы, приамурские казаки, вполне оправдали те надежды, которые на вас возлагали. Вы действительный и крепкий оплот государства на китайской границе». Благодаря же Всевышнего за дарованные войскам победы, он лично пожертвовал десять тысяч рублей на сооружение в Хабаровске храма во имя покровителя казачьих войск Алексия, Божия человека.

Так кончилась китайская кампания. Всегда и во всех военных действиях наши казаки, руководимые своими отважными начальниками Ренненкампом, Ладыженским, Печенкиным, Запольским и другими, ознаменовывают себя целым рядом прекрасных дел, подвигами самоотвержения и вполне заслуженно приобретают славу и, таким образом, вплетают ветвь в лавровый венок всего славного казачества.

В ноябре 3-я очередь была уволена на льготу. Из казаков 2-й очереди Амурского дивизиона была составлена сотня под именем 2-й и на нее возложено наблюдение за границей по Амуру на всем протяжении Хингана. 3 декабря 147 казаков 3-й очереди полка при 220 лошадях, с гордым сознанием исполненного долга, обильно украшенные георгиевскими крестами, оборванные, в китайских курмах и шапках, весе-

Переправа войск через понтонный мост на реке Ляохэ.

ло вступали в Благовещенск под удалой напев сочиненной урядником Осиповым песни:

Заиграло солнышко на шашках, на штыках,
Сбоку офицерики гарцуют на конях.

Ой да люли, люлюшки-люли
Сбоку офицерики и т.д.

Не бурюшка колышет седые облака,
Собиралась силушка «большого кулака».

Он войска манджурские к разбою призывал,
И свое невежество солнцем называл.

Мы тебе докажем, проклятый азиат,
Полки огонь откроют и шашки засият.

Меткая винтовка поставит на дыбки,
Светленькая пулька повыщелкат зубки...

1901-1903 гг. ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Вследствие засушливости и повсеместного градобития урожай хлебов в войске в 1900 году был очень плохой; затем, вследствие наступления ранних холодов, много хлебов замерзло на корне; также остался неубранным хлеб тех казаков, которые ушли в поход. Поразорилось много хозяйств, так называемых «фальшивых одиночек» — это те казаки, которые из-за семейных раздоров самовольно выделяются из общего хозяйства, живут кое-как самостоятельно, но с объявлением войны, как утвержденные в разделах, забираются в поход. Хозяйство таких одиночек остается большей частью на одних женах с малыми детишками и конечно разрушается. Возвратившись с войны, такой одиночка застаёт свой домишко похилившимся, кругом ни кола ни двора: все ушло на дрова; о скотинке и помину нет: все продано за невозможностью одинокой женщине заготовить сено. С горя казак начинает пить и ... идет в работники, увеличивая число бездомных пролетариев. Скажут, а что же смотрит общество; ведь, например, Грибский в приказе строго приказывал ему заботиться о таковых хозяйствах. Но это только слова. Своя рубашка ближе к телу.

Тем не менее, начальство, видя, что война дурно отразилась на хозяйстве казаков, пришло им на помощь: семьям убитых казаков выданы были денежные пособия, кому 100 рублей, кому 80 и 50. Участвовавшим в охране телеграфной линии, в числе 2464 казаков, выдано провиантское и приварочное довольствие, а на лошадей фуражные деньги.

Генерал Гродеков, поздравляя войско с 350-летней годовщиной Албазинского сиденья, выразил пожелание дальнейших мирных успехов и процветания после прошлогодней страды. Но далеко было до процветания, эта страда внесла такой разлад в хозяйстве, от которого скоро оправиться невозможно...

17 ноября 1901 года последовало Высочайшее соизволение на предоставление Амурскому войску для заселения земли, находящейся в Зазейском районе и оставленной китайцами, в видах наилучшей обо-

Генерал-майор Д.В. Путята.

роны прилегающей к сей земле государственной границы и в воздаяние за доблестную службу казаков Амурского войска в войну с китайцами в 1900 году.

Обширный и плодородный район этой земли, с массою распаханных полей бывших владельцев, с 1901 года стал заселяться частью казаков, следовавших на переселение на Уссури, а в 1902 году переселены на эти земли кубанские и донские казаки, которым на домообзаводство были выданы пособия по 600 рублей на семью. В настоящее время в районе этом возникли: станица Николаевская, хутора Волковский,* Грибский, Гродековский, Куропаткинский,* Духовской и Муравьевский.* Там теперь православный крест блестит на красивой церкви в станице Нико-

лаевской, построенной на щедрое пожертвование истинно русской женщины, Лидии Алексеевны Шанявской*; там идольские капища скрыты до основания; роскошные священные рощи вырублены... «Там русский дух... там Русью пахнет!»...

Наказный атаман генерал-лейтенант Грибский был вскоре назначен начальником дивизии в Европейской России. Вместо него прибыл генерал-майор Путята,* привезший благодарность Государя Императора казакам за войну с Китаем.

В этом же 1902 году отбыл в Россию войсковой атаман генерал от инфантерии Гродеков. Полюбив войско, он не забывает на прощание сказать ему ласковое слово: «Хвала вам — говорит он в приказе, — доблестные казаки и да будут и впредь кони ваши быстры, шашки остры, пули метки, а сердца пламенеть на защиту родного края и на славу нашего Великого Государя и дорогого Отечества».

Вместо него войсковым наказным атаманом был назначен генерал-лейтенант Субботич. Он в должности не пробыл и одного года и в войске не был.

21 сентября 1903 года в войске было торжество — освящение Высочайше пожалованного знамени и чтение Высочайших грамот на пожалованное знамя и знаки отличия на папахи 1-й сотне Амурского казачьего дивизиона «за мужество, храбрость и боевые отличия, оказанные в 1900-1901 годах в боях с китайцами». За отсутствием строевых сотен полка, бывших в Манджурии, на торжество были вызваны казаки 2-й и 3-й очередей из ближайших станиц. На парадном обеде, в своем тосте, отпечатанном и разосланном по нашим станицам, генерал Путята сказал между прочим: «...теперь Амур стал уже почти внутренней рекой и надолго; впредь можно сказать с уверенностью, что опасность на границе устранена. В защите побережья постоянной организованной силой надобности уже нет. Какую в будущем роль предстоит выполнить казачьему Амурскому войску предсказать нельзя...» Но слова его не оправдались, в то время уже пахло войной, после которой наш батюшка Амур вновь стал границей; разбежавшиеся китайцы вновь

заселили его и против каждого русского поселка выдвинули не армию штыков, а, если можно сказать, армию кабаков и принесли (и продолжают приносить) столько вреда стране, сколько не принесла нам несчастная японская война.

1904-1905 гг. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

В 1895 году, когда Япония, сокрушив китайский флот, победоносно шла в Пекин, в это время Россия, будучи могущественной и сильнейшей державой во всем свете, пришла на помощь разгромленному соседу. Лишь только блаженной памяти покойному Императору Александру III, от слова которого дрожала вся Европа, стоило сказать Японии о приостановлении разгрома Китая, как она убралась восвояси на свои острова, не солоно хлебавши, не получив ни клочка земли в Китае. Россия за свою помощь получила Ляодунский полуостров* и крепость Порт-Артур.

Японцы, затаив злобу против русских, стали усиленно готовиться к войне, чтобы отомстить им за понесенный позор; шпионы работали по всей стране нашей; в школах их, казармах, селениях шло всеобщее обучение военному искусству, проповедовался патриотизм, любовь к своему императору; усиленно изучался русский язык, даже к нам в Благовещенск был послан офицер генерального штаба Кикучи с малолетками и взрослыми японцами, где они учились в гимназии, бывали на ученьях, а один из них, по фамилии Като, изучал казачий строй.

Действуя так, они в течение 10 лет подготовились окончательно и приступили к переговорам с нами относительно оккупации ими Кореи. Переговоры тянулись, они, наконец, потребовали вывода наших войск из Кореи и Манджурии, мы медлили с ответом и вот 27

января 1904 года японцы тайно, без уведомления нашего посла о перерыве переговоров, напали на наш мирно качавшийся в Порт-Артуре флот.

Началась война. 28-го января уже была объявлена мобилизация войскам Приамурского округа. Быстро собрались льготные сотни полка; 3-я уже 7 февраля выступила походным порядком через Манджурию в Ляоян* к месту стоянки штаба полка (1-й и 2-й сотен), за ней 4-я — десятого февраля, 5-я — 13-го и 6-я — 21 февраля. В Екатерино-Никольске сформировались: штаб Амурского дивизиона и 2-я и 3-я сотни, выступившие под начальством своего командира подполковника Ваксмута* 6 марта через Хабаровск на театр военных действий.

Всем казакам строевого и запасного разрядов, назначенным в состав команд для пополнения пер-

Порча телеграфной линии.

Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, Главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке.

воочередных частей, выдано было сторублевое единовременное пособие от казны. Эта Высочайшая милость много поддержала казаков, ушедших на войну.

За всю эту кампанию ни сотни полка, ни сотни дивизиона не собирались в составе полка и дивизиона, а были разбросаны мелкими частями по городам Манджурии и по отрядам. Так штаб дивизиона и полусотня 1-й сотни стояли все время в Харбине,* вторая полусотня этой сотни была в Нингуте; полусотня 3-й сотни осталась в Благовещенске, а другая в Цицикаре и лишь 2-я сотня в полном составе была в Гирине. На долю дивизиона выпало несение утомительной гарнизонной службы в тылу армии, сопровождение разных транспортов, телеграфистов

для исправления полевого телеграфа и лишь иногда 2-я сотня, делая дальние разведки на границу Кореи, натывалась на хунхузов, но японцев, к сожалению, никто из казаков дивизиона в лицо не видал.

Полк в полном составе ни разу не собирался, но, будучи разбросан посотенно по разным отрядам, принимал участие почти во всех крупных сражениях и везде казаки показали себя молодцами, несмотря на то, что ими командовали большей частью незнакомые офицеры, в первый раз

Кавалерийская атака у Вафангоу. Рисунок Н. Пирогова.

видевшие амурского казака, прибывшие из России.

Из более значительных действий наших сотен укажем на следующие: 1-я сотня все время находилась в конвое главнокомандующего генерал-адъютанта Куропаткина* и участвовала во всех важнейших операциях минувшей войны под Ляояном, Шахэ,* Мукденом.*

2-я сотня во время Ляоянской операции 17 и 18 августа 1904 года в составе полусотни, во время переправы головных отрядов Куроки* через Тайцзыхе,* задержала переправу двух рот неприятеля на восьми баркасах, из коих полусотней пять потоплено.

28 августа первая полусотня атакует у деревни Тайдаван японский полуэскадрон и, несмотря на поддержку огнем вторым полуэскадронном, обратила в бегство японцев, изрубив 11 рядовых и одного офицера.

Во время Мукденского боя с 11 по 25 февраля сотня несла разведочную и ординарческую службу. Казалось бы, во время начавшейся сумятицы, когда каждый думал о спасении собственной персоны, долг службы отходил на второй план. Нет, амурский казак свято помнил данную присягу и в самое критическое время продолжал нести службу честно. Полковник Максимовский рассказывает в своих воспоминаниях, что когда он, собрав около двух тысяч солдат разных полков, вел их, но не знал по какой дороге идти, везде, куда он не совался, были японцы, вдруг появляется амурский казак с пакетом в папаше, разыскивающий полковника Циховича.* Тот же Максимовский свидетельствует, что когда он выбрался на Мандаринскую дорогу* и попал под перекрестный огонь окруживших со всех сторон японцев, как с неба в это время выплывает фигура опять амурского казака, скачущего в темноте ночи с приказанием указывать дорогу отставшим частям войск и т.д.

Наконец, когда 2-й и 10-й стрелковые полки были окружены и вынуждены положить оружие, наши казаки, находившиеся в распоряжении начальника штаба отряда полковника Циховича, явились к нему и заявили, что они не желают сдаваться в плен, а желают прорваться к своим. Мало того, они берут с собой самого Циховича: урядник Калина Федосеев сажит его «сундалой»* на своего коня и, пробившись сквозь неприятельскую цепь, соединяются со своими войсками.

3-я сотня во время Ляоянского сражения, неся летучую почту между Ляояном и Даваном, в течение двух дней задерживала переход японских разъездов через Тайцзы-хэ.

4-я сотня в бою 28 августа под Туй-таваном, поведя наступление на занимавший деревню эскадрон японцев 2-й полусотней в пешем строю, а затем конной атакой 1-й полусотни, вытеснила противника, захватив много трофеев и отбила ранее плененного казака Цветкова.

5-я сотня 9 июля, выступив из города Цзян-чена, в который вошли

Допрос японского шпиона казаками в деревне около Кун-Чу-Линга.

Казак с пленным японцем.

оренбуржцы, и услышав выстрелы японцев, напавших в городе на оренбуржцев, самостоятельно двинулись для поддержки их и одним своим внезапным появлением способствовала благополучному отступлению оренбуржцев, в особенности выручила 1-ю сотню 10-го полка, попавшую под перекрестный огонь.

4 ноября сотня была окружена под Пиндаланом неприятелем в числе более тысячи людей и, не имея никакой поддержки, прорвалась через неприятеля в конном строю. К сожалению, сам командир сотни подьесаул Вондаловский, по болезненному состоянию, и 4 раненых казака не могли взобраться на крутую гору и попали в плен.

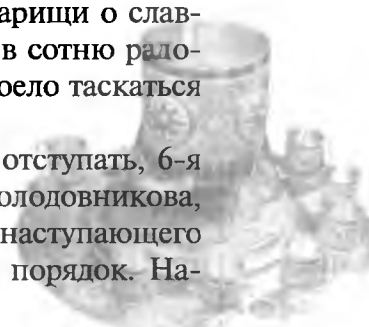
6-я сотня находилась одно время в составе отряда Мадритова. Однаж-

ды разъезд сотника Доможирова,* в числе 51 казака, натолкнулся на японо-хунхузов, в числе 120 человек; несмотря на превосходство сил неприятеля, вступил с ним в перестрелку и держался до тех пор пока были патроны, но когда был убит лихой урядник Николай Бояркин, воодушевлявший своим примером остальных казаков — разъезд наш начал отступать и на протяжении 25 верст отбивался от ярого нападения неприятеля. В этой неравной стычке все казаки вели себя превосходно. Кроме убитого Бояркина, лихо действовал урядник Кузнецов и казак Тимофей Малышев, взявшие в плен пять хунхузов. Тело Бояркина казаки привезли с собой и с большими почестями похоронили на русском кладбище у Син-цзин-тина в деревне Линкай. Товарищи любили Бояркина. В память его соорудили в хуторе Димском небольшой памятник, а на смерть его поется песня:

Буря воеет кругом,
В чистом поле буран,
То заплачет он, то захохочет;
Не уснуть казаку от полученных ран:
Боль ужасная в сердце клокочет...

На перевале Чан-гоу-лин боковой дозор был охвачен японцами и казак Елисей Соловьев попался в плен. Пожалели товарищи о славном казаке и стали уже забывать, как вдруг он является в сотню радостный и рассказывает: «Пробыл я у них десять дней, надоело таскаться с ними; ночью, увидев, что часовой заснул, я удрал».

5 июля в сражении при Таулу, когда отряд начал отступать, 6-я сотня под начальством лихого командира подьесаула Солодовникова, назначенная в прикрытие, метким огнем задерживала наступающего противника и дала возможность всему отряду прийти в порядок. На-

чальник отряда полковник Побыванец в особом приказе благодарит казаков 5-й и 6-й сотен за их «беззаветную преданность службе».

Словом, везде наши сотни, куда бы их ни посылали, действовали отлично и всегда заслуживали прекрасные отзывы.

Генерал Павлов,* бывший начальник Уссурийской конной бригады, в составе которой находился Амурский полк, запрошенный высшим начальством по поводу награждения полка знаками на папахи, в своем отзыве, свидетельствуя о боевой доблести второй, третьей, четвертой и шестой сотен этого славного полка, отличавшихся всегда своей неустрашимостью и полным самоотвержением при лихих набегах на передовые части японцев, говорит: «Почти в каждом таком набеге сотни вступали с японцами в бой, в результате которого, разумеется, бывали с обеих сторон убитые и раненые, но не было случая, чтобы молодцы-амурцы кого-либо из своих оставили в районе противника».

Генерал Коссаговский* по этому же поводу высказал мнение: «... если 1-й конный полк Заамурского округа пограничной стражи удостоен георгиевского штандарта, то не менее его достоин такой награды Амурский полк, боевые заслуги коего не ниже заслуг пограничников».

В общем, как известно всем, война была неудачна для нас; подготовленный враг пересилил нас. Одной из причин нашего неуспеха была громадная отдаленность театра военных действий от России и незаконченность укрепления Порт-Артура. Нам приходилось везти войска, боевые припасы по узкому однопутному пути на протяжении 10 тысяч верст; полки находились в пути более чем по сорок дней, прежде чем достигнуть поля брани, а японцы тут же доставляли свои войска в три дня. Но главная причина нашего поражения прекрасно очерчена в речи одного видного депутата-патриота Государственной Думы и заключалась в том, что «пришлось бороться на два фронта, приходилось бороться против честного противника — японца и против тех бесчестных людей, которые в тылу армии поднимали смуту, которые вносили разврат в ряды армии, которые вносили туда уныние, которые мешали нашим победам...»

После заключения договора в городе Портсмуте, Амурский дивизион возвратился в станицу Екатерино-Никольскую, приведя с собой 550 дарственных лошадей для населения. Первой пришла 2-я сотня. По обычаю местным священником отслужен был благодарственный молебен перед иконой Казанской Божьей Матери, которой жители города Хабаровска благословили казаков перед выступлением на театр военных действий. Пред иконой теплилась серебряная лампада, заказанная усердием казаков 2-й сотни, с которой икона была неразлучна во все время войны. После молебна, выстроенная в последний раз сотня, была командиром сотни поздравлена с роспуском. Прокричав громко «Ура!» за Государя Императора, казаки в порядке разошлись по домам. К концу декабря стянулись и остальные сотни дивизиона. В начале января 1906 года прибыл в Благовещенск Амурский полк, приведя с собой 1500 Высочайше дарованных лошадей для улучшения в населении коневодства. Льготные сотни разошлись по станицам.

1906-1909 гг. МЕРЫ УЛУЧШЕНИЯ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ВОЙСКО КРЕСТЬЯН. ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЕ ВОЙСКА.

Конец пятидесятилетия войска ознаменовался важными мероприятиями, направленными к улучшению войска по большей части в

материальном смысле. С обновлением администрации войска, во дни атаманства генерал-лейтенанта Сычевского, недаром принявшего только что пожалованную насеку, обращено было наконец внимание на эксплуатацию лесов: организована была лесоохранительная стража, введен лесничий и в короткий срок войсковой капитал почти удвоился (203296 руб). Сложено с войска содержание пароходов Амурско-Уссурийской флотилии, принесшей войску за свое десятилетнее существование убытку до 50 тысяч рублей. Взамен этого в войске устроена ветеринарная часть: учреждены должности старшего ветеринарного врача, трех участковых врачей и 14 фельдшеров.

Наконец, и врачебная часть войска, державшаяся на 14 фельдшерах, была улучшена учреждением за счет казны должностей войскового врача и 6 участковых и только народное образование осталось в том же неудовлетворительном состоянии, в каком находилось двадцать лет тому назад: та же необеспеченность учителей в материальном отношении, тот же надзор, то же холодное отношение общества, та же беспомощность войска. Масса детворы, особенно девочек, остаются без обучения и лучшие учителя-казаки бегут из войска, тотчас по отбытии обязательного срока, в школы Министерства народного просвещения. Вследствие этого грамотность населения очень незавидна. Из 16906 человек мужского полка и 15438 женского к 1 января 1909 г. числилось грамотных: мужчин — 8142, женщин — 1940. Долго же нам, по словам поэта, придется ждать той поры:

Когда придет то времечко, -
Приди, приди желанное, -
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого, -
Белинского и Гоголя
С базара понесет...

В 1909 году окончилось пятьдесят лет службы нашего войска. Особого празднования не было, а самое торжество приурочено было к торжеству празднования в городе Хабаровске пятидесятилетнего юбилея Айгунского трактата, куда послана была особая депутация из трех стариков, сослуживцев графа Муравьева-Амурского, одного войскового офицера и двух казаков. Депутацией возложен был венок от войска на памятник графу Муравьеву. В воспоминание же 50-летия войска возбуждены были ходатайства об образовании трех стипендий имени графа и о наименовании Амурского полка именем графа Муравьева. Последнее ходатайство уже уважено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После успокоения страны от смут и установления Государственной Думы настало время возрождения величия России; возникший аграрный вопрос решен был массовым переселением крестьян из России в Сибирь, волна этого переселения дошла до берегов нашего благословенного Амура. В войске стало известным распоряжение высшего правительства о скорейшем производстве съемки отвода бывшего генерал-губернатора Духовского и вместе с этим предложено войску заселять казачьи земли крестьянами с зачислением в казаки с выдачей до 150 рублей пособия на семью. Без всякого зова со стороны

войска желающих переселиться на войсковые земли, с зачислением в казаки, нашлась такая масса, что пришлось отказывать. В 1908 году были образованы новые хутора: Сычевский,* Золотоношский,* Отважный,* Есауловский,* Преображенский и Троицкий. В них осело 1173 души обоего пола.

Надо заметить, что переселение это совершилось при отсутствии в войске врачебной помощи переселенцам; при неимении в Благовещенске барачков, где бы новые казаки могли передохнуть и укрыться от дождей; при отсутствии землемеров; лиц, заведующих непосредственным водворением; агрономов, гидротехников и прочих всех благ, которыми были окружены те же переселяемые на государственную землю крестьяне. О дорогах, церквях, школах и помину не было.

На следующий год записалось в войско более двух тысяч семейств, но пока они прибывали, с трудом заселяли новые хутора: Успенский, Улятуйский, Гануканский, Чурки, Алексеевский* и другие, как в это время возникает вопрос о сравнительных преимуществах крестьянской и казачьей колонизации и решается не в пользу казаков: Комитетом по населению Дальнего Востока постановлено: с 3 апреля 1910 года прекратить переселение в войско и излишние земли из полосы Духовского предоставить под переселение крестьян.

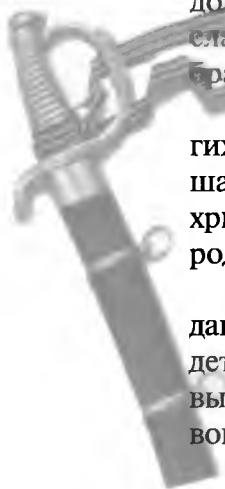
Горячим защитником интересов казаков в деле справедливого наделения их землей был и состоит ныне бывший наказной атаман генерал Унтербергер.* Благодаря его горячему участию, проекты о наделении казаков землей в размере 50 десятин на душу, принимают ныне, как видно из некоторых данных, благоприятное направление. Благодарное войско никогда не забудет его трудов и отеческой заботливости. Кости же славного нашего почетного старика, генерала Духовского, наконец, успокоятся.

На этом времени, времени неизвестного будущего войска, мы пока и остановимся. Бросим взгляд далеко-далеко назад и мы увидим, что наши предки, внуки и правнуки славных донцов, dokonчили на свой страх и риск покорение необъятной Сибири, они самостоятельно завоевывали царства и подносили их Русским царям. Можно сказать, что эти «черные» люди столько собрали земель под скипетр наших Великих Государей, сколько не присоединяли к державе их все армии и флоты, вместе взятые. И все это делалось во имя Христа, из великой любви к Отечеству и преданности престолу.

Двести пятьдесят лет тому назад, при завоевании Амура, наши предки Хабаров, Степанов, Толбузин и прочие славные албазинцы продолжают их великое дело; по словам летописцев: «...исповедуя православный святой крест, за веру да за други своя живот и душу на поле брани в жертву приносят...».

Пятьдесят лет тому назад наши деды и отцы, при занятии дорогих нам берегов Амура, обильно облитых кровью славных предков, орошают эти места уже потом и слезами и являют нам примеры редкого христианского терпения, дисциплины и самоотвержения в борьбе с природой и прочими лихими обстоятельствами.

Мы, молодые амурцы, доказавшие двумя войнами свою преданность Царю и Отечеству и удостоенные высокой чести посылать своих детей на службу непосредственно у трона Царя, должны гордиться этим высокими доверием Монарха и служить потомству не только примером воинской доблести, но и примером доблести нравственной. А все ли

*Инженер-генерал П. Ф. Унтербергер,
приамурский генерал-губернатор.*

благополучно по этой части? Сошлемся не на годовые отчеты, а на слова преосвященного нашего Евгения*: «В частности, возьмем наш край — пишет владыка, — припомним, чего ожидали от заселения его русскими людьми первые здесь деятели и, в особенности, митрополит Иннокентий. Ведь желалось обрусения Приамурья, прежде всего ради христиански-культурного воздействия на язычников-туземцев. И что же? Можно ли сказать, что жизнь здешнего русского населения является сиянием христианской жизни? О, нет! ... Наблюдают они (иностранцы) множество наших пороков и прежде всего пьянство и разгул до озверения, до потери образа человеческого, нашу грубость и леность, наше стремление полегче все получать, а если можно, захватить силой, наблюдают преступления, малоизвестные до на-

шего прибытия: кражи, убийства, насильничанье, разбой... Что наблюдается в деревне непросвещенной, то, едва ли только не в большей степени, и в городах: то же забвение Бога и совести, та же безнравственность...».

Правда глаза колет. Мы должны уберечь наших детей от этой распущенности нравов, должны дать им образование и образование. Матери! на вас вся надежда, укройте детей от дурных поступков. Помните с какими сердечными словами к вам обращался войсковой атаман Унтербергер в прощальном приказе: «...а вас, казачек, — говорил он, — призываю воспитывать своих детей на началах любви к богу, уважения к старшим и доброй нравственности, дабы из них вырабатывались впоследствии люди, достойные почетного казачьего звания». Пусть дети по окончании школы не садятся по приказанию отцов на ямщицьи козлы и пусть не жалуются: «наши отцы привыкли к одной ямшине и думают, что и мы должны этим всю жизнь заниматься». Они — цвет войска и им, по словам нашего поэта-сибиряка Омуревского,* принадлежит светлое будущее:

Спи, дитя, в стране изгнанья,
Ты ей сын родной.
Светлый ангел упованья
Дремлет над тобой.

Как цветет Сибирь родная
Вся цветами сплошь,
Пусть и ты, на радость края,
Пышно расцветешь!

Р.С. ИВАНОВ И ЕГО «КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА»

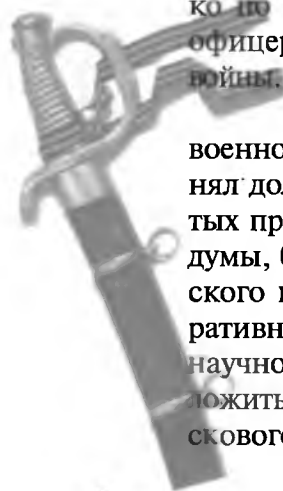
До конца 1980-х гг. «Краткая история Амурского казачьего войска» была известна немногим историкам казачества по единственному публично доступному экземпляру, хранящемуся в Дальневосточной научной библиотеке (Хабаровск). Благодаря руководству библиотеки и научному сотруднику Амурского областного краеведческого музея Т.А. Холкиной ксерокопии книги были получены областным музеем и правлением общественного объединения «Амурское казачье войско» и ее содержание стало доступно более широкому кругу исследователей. Без ссылок на нее не обходится ни одна значительная работа по истории Амурской области и казачества, в студенческих курсовых работах цитируются целые страницы, но немногие видели книгу в подлиннике, а биография автора до сих пор неизвестна.

Род Ивановых появился на Амуре в период создания Амурского казачьего войска. Братья - Егор и Семен Сидоровичи, казаки 1-го батальона пешего Забайкальского казачьего войска селения Быркинского с семьями значатся в списках на переселение в 1860 г. (ГАЧО. Ф. 30. Оп. 2.) В семье Семена (р. 1831) указаны: жена Пелагея (р. 1838), годовалая дочь Матрена и мать, Марья, 60 лет. Братья были зачислены в поселок Верхне-Благовещенский Екатеринбургского станичного округа.

Родион родился 4 апреля 1866 г. (ст. стиля) в «трудовой казачьей семье», как мы говорили недавно, так как среди казачьей старшины фамилия Ивановых не числилась. Однако, его жизненный путь можно считать типичным для амурского казачьего офицера.

Благодаря семье или войсковому начальству, которое было заинтересовано в подготовке офицерских кадров, в 1879 г. казачий сын поступил в Благовещенскую мужскую гимназию и благополучно закончил ее в 1885 г. В том же году он «вступил в службу» в Амурский казачий полк нижним чином (казаком), через три года получил (как не имеющий военного образования) чин подхорунжего (прапорщика), а еще через четыре месяца — полноценный офицерский чин — стал хорунжим. Чинопроизводство в мирное время двигалось медленно, только по истечении 20 лет службы Р.С. Иванов получил первый штаб-офицерский чин есаула, а последний, полковника — к концу мировой войны.

Служебная карьера Иванова складывалась не по строевой, а по военно-административной части. В конце XIX - начале XX вв. он исполнял должность горного исправника Хингано-Сутарской системы золотых приисков, в 1901 г. избирался гласным благовещенской городской думы, был участником нескольких «съездов сведущих людей» Приамурского генерал-губернаторства. Очевидно, его несомненный административный опыт, знание территории края и населения, склонность к научной деятельности повлияли на решение начальствующих лиц возложить на недавно произведенного войскового старшину, советника войскового правления Амурского казачьего войска обязанности войско-

го историка. Приказом по войску N 280 от 1908 г. Иванов был прикомандирован в распоряжение войскового атамана для написания истории войска. (ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.) Результатом трех лет научных изысканий, сбора воспоминаний казаков стало учебное пособие для казачьих школ «Краткая история Амурского казачьего войска», изданная в Благовещенске в 1912 г. в войсковой типографии.

После окончания этой работы Р.С. Иванов продолжал службу в войсковом правлении, а с началом Мировой войны ушел на фронт помощником командира 1-го Амурского казачьего полка по хозяйственной части. Амурцы непосредственно участвовали в боевых действиях на Северном, Юго-Западном, Румынском фронтах и закончили войну, отведенные на пополнение в район Яссы-Кишинев. Генерал П.Н. Врангель, временно командующий Уссурийской конной дивизией в период «демократизации» армии, отмечал, что командир полка Е.Г. Сычев и его помощник Иванов пошли на поводу у казаков в демонстрации «революционных» настроений. Осенью 1917 г., под Петроградом, казаки полка отстранили от службы почти всех офицеров, но Р.С. Иванов, благодаря поддержке станичников, был избран временным командиром и обеспечил возвращение полка в Благовещенск. Однако войсковой старшина не принял Октябрьский переворот и в 1918-1919 гг., при атамане И.М. Гамове, являлся членом войскового правительства. Приказом по Амурскому казачьему войску N 52 от 29 января 1919 г. полковник Р.С. Иванов за 25-летнюю беспорочную службу был награжден орденом Св. Владимира с бантом (приказ Военного министерства по казачьим войскам от 27 ноября 1917 г.). В связи с избранием атаманом полковника Кузнецова, 10 марта 1919 г. член войсковой управы с октября 1918 г. Р.С. Иванов был отчислен в резерв.

По воспоминаниям верхнеблаговещенских станичников, собранным благовещенским краеведом В.Г. Кильчанским* в 1960-е гг., Родион Иванов был одним из немногих амурских офицеров, которых казаки воспринимали как «своего», ласково называли «наш Родя» и готовы были служить под его началом в любых обстоятельствах. Весной 1920 г., при установлении власти Амурского ревкома, Иванов намеревался оставаться в Благовещенске, но (по местной легенде) жена с дочерьми, крепко подпоив отставного полковника, вывезли его в Сахалин, где он умер через несколько лет. Зять, войсковой старшина Б.П. Воробей, женатый на Елене Родионовне, числился в 1930-е гг. в составе Амурской станицы в Харбине. Жена, Ирина Федоровна, упоминалась по делу «антисоветской контрреволюционной организации» П.В. Оленина (1937 г.): «им показано, что в 1921 г. вошла в контрреволюционную организацию, в 1926-1927 гг. ездила в Харбин сдавать награбленное казаками серебро. Это серебро в виде разного рода кубков, ваз и блюд до 2-х пудов весом (все подношения полку по поводу различных его юбилейных и вообще торжественных случаев) хранилось у нее с 1918 г. Она перевезла его Игнатьеву в Сахалин, затем в Харбин. Пыталась передать генералу (Е.Г. Сычеву — А.В.), но он не принял ее условий. Об этой истории узнали, Иванову арестовали, затем освободили. В гражданскую войну японский полковник жил у Ивановой (Набережная, 97)». (Архив УФСБ по Амурской области).

Кроме Р.С. Иванова, надо отметить и куратора, а возможно и «ответственного редактора» книги - Платона Алексеевича Лечинского (1856-1923, Москва, умер в тюрьме), генерала от инфантерии, командующего

войсками Приамурского военного округа в 1910-1914 гг. В 1880 г. он окончил Варшавское пехотное училище и до 1904 г. служил командиром полка. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. заслужил репутацию выдающегося полкового командира, за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием «За храбрость», одно время командовал 6-й Восточно-Сибирской дивизией, в состав которой входил 21-й Восточно-Сибирский полк (дислокация в Благовещенске). С 1906 по 1910 гг. прошел путь от командира дивизии до командующего войсками Приамурского военного округа, одновременно наказного атамана Приамурских казачьих войск. В 1-ю мировую войну фактически бессменно командовал 9-й армией, ударной группировкой Юго-Западного фронта, в составе которой воевали забайкальские, амурские и уссурийские казаки.

По приказанию П.А. Лечицкого книга была передана во все станичные библиотеки и казачьи школы Амурского казачьего войска для воспитания юного поколения. Но значение ее вышло далеко за рамки учебного пособия. Волей случая она стала первым и на долгие годы единственным опытом описания истории не только амурского казачества, но и Амурской области как части Российской империи. В книге кратко отражена хроника колонизации и освоения Сибири в XVII веке, в том числе Албазинская эпопея, но основное содержание посвящено процессу формирования Амурского казачьего войска и развитию области во второй половине XIX века.

«История» Иванова базируется на материалах войскового архива и Благовещенского епархиального управления; документах Главного управления иррегулярных и казачьих войск Военного министерства, опубликованных воспоминаниях участников «Амурского дела» и, самое главное, на живых рассказах и воспоминаниях казаков и офицеров войска. Несомненно, огромную роль играли собственные впечатления детства, юности, войсковой службы. Описания школьного учения, строевых занятий на Чуринской площади и других эпизодов казачьей жизни, насыщенные горьким юмором, выдают близкое знакомство автора с современными ему реалиями. Будучи официальным изданием, книга проникнута православным и монархическим духом, но, в то же время, отражает природный казачий демократизм автора. Это проявляется в критике правительственных распоряжений по казачьим войскам, проявлений деспотических тенденций в действиях Н.Н.Муравьева и других начальствующих лиц, нелицеприятных характеристиках данных некоторым губернаторам и войсковым чинам. Характерно свойственное казакам пренебрежительное отношение к крестьянству, обострившееся на Амуре вследствие значительной свободы крестьянской предпринимательской деятельности в то время, как казачье население было обременено хозяйственными и военными повинностями. Значительное место в повествовании занимает деятельность православного священства, особенно епископа Иннокентия Вениаминова и отца Александра Сизого, их роль духовных пастырей населения Приамурья. На страницах истории предстают перед нами как живые люди амурские губернаторы, сотник Гавриил Гантимуров, войсковой старшина Михаил Чеснок, войсковой поэт Ахилл Карпов и другие персонажи истории Приамурья.

Естественно, труд Р.С. Иванова не претендует на звание ученого труда академического толка, описателен по характеру, недостаточно проработан по структуре содержания. Его главное достоинство и непреходящая ценность для региональной историографии в сохранении событий прошлого с точки зрения современника, не замутненной политической демагогией XX века.

Р.А. ВЕРТОПРАХОВ

ПАМЯТКА АМУРСКОГО КАЗАКА

Благовещенск, 1909 г.

*«Утверждаю»
Наказный Атаман,
Генерал-Майор СЫЧЕВСКИЙ,
26 Февраля 1909 года.*

ПАМЯТКА АМУРСКОГО КАЗАКА

I

Ермак — завоеватель Сибири.

Дед Ермака был бедным посадским человеком г. Суздаля и переехал во Владимир. Его звали

Афанасий Григорьев сын, прозванием Аленин. У него было два сына: Родион и Тимофей. После смерти отца они переехали жить на р. Чусовую в вотчины Строгановых и слыли Повольскими. У Родиона было два сына, а у Тимофея — три, последний из них был Василий.

Он был среднего роста, борода черная, волосы кудрявые, глаза светлые и быстрые, весьма силен и речист, ходил на работу на стругах по рр. Каме и Волге; наконец кинул работу, набрал себе артель и пошел с ней на разбой атаманом. Еще работая на судах, Василий от товарищей своих был назван Ермаком, служа им кашеваром, ибо они так называли дорожный очаг или таган, на котором готовили пищу.

На Волге Ермак примкнул к другим бродягам и они буйствовали по широкому раздолью, грабили и своих и чужих и не давали спуска даже судам с царскою казною.

Дерзость огромной шайки дошла до того, что для прекращения разбоев ее понадобилось послать в 1577 и 1578 гг. особые отряды с повелением от Государя предать разбойников немедленной смерти.

Ермак тогда со своей шайкой скрылся с Волги и, бродяжничая по разным направлениям, очутился на р. Каме, своей родине, пустившись далее вверх по течению ее, достиг реки Чусовой. Далее по Каме они не пошли зная, что там настоящее заселение Строгановых, а оттуда близко Чердынъ, где их могли переловить, перевязать и, пожалуй, повешать, и они своротили на Чусовую. В Тобольских летописях значится так: «Ермаковых казаков, с которыми он на Волге чинил разбой, было до 7000 человек, из которых до 6 тысяч ушли с ним на р. Каму и при начатии Сибирского походу были».

Ермак, будучи еще у Строгановых, через тамошних Зырян-охотников, слышал о Сибири и получил сведения, как туда р. Чусовую пройти можно, что ему и подало надежду, чтобы набегамии получить оттуда богатства, сколько впредь, как ему, так и его людям потребно будет, и, конечно, не мечтал о покорении Сибири.

Для обеспечения своей дружины в походе в Сибирь за продовольствием Ермак обратился к богачам Строгановым и

Ермак. Неизвестный художник, конец XVIII — начало XIX в.

глава III

те, волей или неволей, снабдили хлебом на дорогу. Направляясь по р. Чусовой вверх, Ермак попал на р. Сывлу, где и зазимовал. Отсюда были посланы казаки на разведку.

Первый поход по летописям Тобольска помечен 26 сентября 1578 году.

В эту зиму в отряде Ермака уже были заведены порядки, введены строгие наказания: так, больше 20 человек, ушедших с зимнего стана, были утоплены в р. Сывле.

Между тем, разведками казаков выяснилось, что за дальним расстоянием без продовольствия и военных припасов никакого успеха не будет и потому Ермак решил со своими казаками возвратиться назад к Строгановым. Строганов (Максим), будучи богатым человеком, затруднялся доставить на

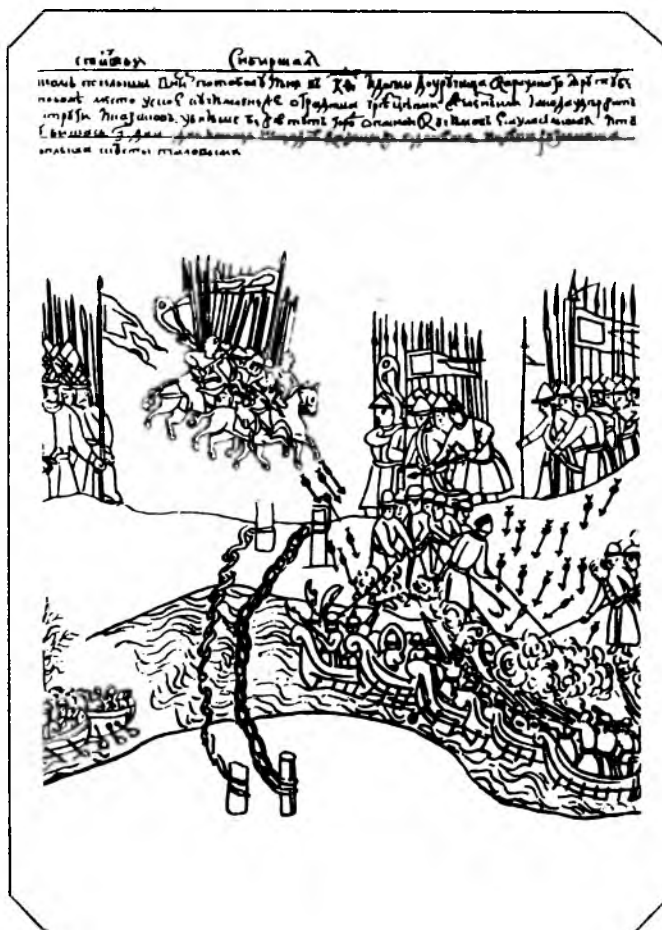

Знамя Ермака.

такое количество людей продовольствия и военных припасов, и только угрозы разорить его и его имение, принудило вступить с Ермаком в договор. Он только потребовал, что если казаки вернутся с довольною добычей заплатить ему за все.

Таким образом, с обеих сторон договорились, чтобы Строганов дал безоружным казакам ружья и каждому из 5 тысяч (по Тобольской переписи) по 3 фунта пороху и свинца, по 3 пуда муки, по два пуда крупы, по 2 пуда сухарей, масла и ветчины; на каждых 100 человек по знамени, украшенному Святыми образами. При нагрузке на суда все продовольствие поднять не могли, и Ермак часть продовольствия оставил.

Ермак при отправлении взял с собой проводников: Строгановских людей и из Зырян, чтобы опять не сбиться с дороги. Главными помощниками его в походе были его сверстники: Иван Кольцо и Иван Гроза, которые

Казаки Ермака прорываются через засаду Кучума на реке Тобол. «История Сибирская» С.У. Ремезова.

сравнивались с полковниками, и к ним причислялся пятидесятник Богдан Брягу; после них шли Есаулы, выборные из рядовых казаков, после — сотники, начальники сотен; сотня имела двух пятидесятников, одного знаменщика; у каждого десятка — свой десятник. О походе Ермака стало известно Москве и царь Иван Васильевич Грозный* отправил к Максиму Строганову грамоту, в которой грозил ему своим гневом, если, чего ради, пермские наши границы не пришли в опасность. Казаков приказано вернуть и уговорить их защищать границу.

II

Завоевание Сибирского царства.

Ермак пошел вверх по Чусовой, своротил по р. Серебрянке и зимовал в верховьях этой речки, построил острог и назвал его Кокуй-город. Бросил здесь свои суда, перешел Уральские горы и вышел на р. Тагил. Отсюда на плотах пошли вниз, на дневках делая струги и однодревки (лодки) и дошли до р. Туры, откуда и начались Сибирские земли Татарского князя Кучума.

При дальнейшем движении жители-хлебопашцы оказывали казакам сопротивление, но, будучи незнакомы с огнестрельным оружием, в страхе разбегались.

Ободренный этим, Ермак двинулся далее и вошел в р. Тобол, где при устье маленькой речки встретился с толпою татар под начальством кучума сановника Таузана, каковой вместе со многими был взят в плен.

Ермак принялся расспрашивать, и Таузан, которому были показаны опыты всемогущества русского оружия, боясь смерти, рассказал все про сибирских царей и князей и про царя Кучума; тогда Ермак, добыв себе проводников, отпустил его, чтобы он рассказал про пришествие русских Кучуму.

Кучум очень удивился приходу русских и, собрав огромное войско под начальством своего сына Махметкула, отправил его навстречу русским.

Ермак встретил Махметкула, плывя на плотах по р. Тоболу, между Тавдою и Иртышом. Они осыпали казаков тучей стрел и уже начали привыкать к грому пищалей. Ермаку пришлось на стругах и плотах плыть вниз по Тоболу. На Тоболе он встретил новую татарскую рать, которою управлял князь Карача.

Ермак тут высадился и разбил Карачу, разорил его улус, взял богатую добычу и поплыл на новые подвиги вниз по Тоболу, ближе к Иртышу.

Близ устья р. Тобола его

Ермак пошел вверх по Чусовой, своротил по р. Серебрянке и зимовал в верховьях этой речки,

построил острог и назвал его Кокуй-город. Бросил здесь свои суда, перешел Уральские горы и вышел на р. Тагил. Отсюда на плотах пошли вниз, на дневках делая струги и однодревки (лодки) и дошли до р. Туры, откуда и начались Сибирские земли Татарского князя Кучума.

При дальнейшем движении жители-хлебопашцы оказывали казакам сопротивление, но, будучи незнакомы с огнестрельным оружием, в страхе разбегались.

Ободренный этим, Ермак двинулся далее и вошел в р. Тобол, где при устье маленькой речки встретился с толпою татар под начальством кучума сановника Таузана, каковой вместе со многими был взят в плен.

Ермак принялся расспрашивать, и Таузан, которому были показаны опыты всемогущества русского оружия, боясь смерти, рассказал все про сибирских царей и князей и про царя Кучума; тогда Ермак, добыв себе проводников, отпустил его, чтобы он рассказал про пришествие русских Кучуму.

Кучум очень удивился приходу русских и, собрав огромное войско под начальством своего сына Махметкула, отправил его навстречу русским.

Ермак встретил Махметкула, плывя на плотах по р. Тоболу, между Тавдою и Иртышом. Они осыпали казаков тучей стрел и уже начали привыкать к грому пищалей. Ермаку пришлось на стругах и плотах плыть вниз по Тоболу. На Тоболе он встретил новую татарскую рать, которою управлял князь Карача.

Ермак тут высадился и разбил Карачу, разорил его улус, взял богатую добычу и поплыл на новые подвиги вниз по Тоболу, ближе к Иртышу.

Близ устья р. Тобола его

Русский воин середины XVI в. Рисунок О. Федорова.

опять настигли Татары и, следуя по берегам пешком и на конях, осыпали казаков стрелами. Махметкул же поджидал их в новом укреплении под Чувашем. Но Ермак, узнавши это, высадился близ самого устья Тобола и мужественно кинулся на наездников и пешую рать и обратил их в бегство; казаки сели на струги и стали подниматься вверх Иртышем.

Избирая путь вверх, а не вниз по Иртышу, очевидно, Ермак знал, что внизу живут Остяки — рыболовы и охотники, а вверх юрты были пашенные, народ более оседлый, и недалеко жил сам Кучум в своей столице Сибири.

Когда Кучум узнал об этом пути казаков, то сам пошел к нему навстречу, подкрепив еще полчища под Чувашем.

Казаки вечером высадились около Сибири в старом городище Аты, и утомленные думали отдохнуть, но стража заметила полчища Татар и среди казаков распространился панический страх, они решили бежать; но не таков был Ермак, он урезонил казаков тем, что им нет выхода на Русь! Они пропали дома! Их головы оценены в Чердыни!

«Ребята, — говорил Ермак: «Потрудитесь маленько! Бог милостив! Сибирь близко, поработай ребята! Возьмем Сибирь!» Тут уже Ермак не простой разбойник, решаясь на битву он является ГЕРОЕМ, и ему уже нужен не грабеж, а слава. Ретивое заговорило! Ермак остановил казаков, вдохнул в них храбрость и эти, уже не разбойники, а воины-завоеватели решились ПОГИБНУТЬ — ТАК ПОГИБНУТЬ С ЧЕСТЬЮ В ОТКРЫТОМ ПОЛЕ.

Утром 26 октября 1581 г. казаки пошли на приступ к Чувашу. Битва была жестокая; но казаки были непобедимы. Царевич Махметкул был ранен и его переправили через реку; многие князья оставили Кучума и тот, видя поражение своих полчищ, бросился в свою столицу и убежал со своими подданными. Бой этот, длившийся до сумерек, стоил казакам одной пятой их дружины и они, выставив сильную стражу, расположились на покой.

28 октября 1581 г. Ермак с дружиной вошел в Сибирь, но она была пуста; положение казаков было неважное: порох вышел, запасы истощились, сообщения с Русскими по Каме не было, настала зима. Через 4 дня вернулись в Сибирь жившие там остяки и их князь снабдил Ермака необходимыми съестными припасами. Казаки, устроившись в Сибири и увидав, что их подвиги устроили Татар, уверились, что им нечего беспокоиться.

Но 5-го декабря на отряд, занимавшийся рыбной ловлей и спавший, напал Махметкул и всех перерезал.

Ермак приучил Татар к себе, они полюбили его и один из них, более преданный казакам, сообщил, что Махметкул кочует с полчищами у р. Вагая; Ермак собрал отряд самых удалых казаков и

Иван IV Грозный, царь и великий государь Всея Руси (1547 1584).

послал их по указанию.

Казаки достигли становища Махметкула, выждали ночи, перебили всех, а Махметкула взяли в плен.

Тогда Ермак решился на небывалое, на последнюю крайность — послать посольство к царю. Послал Ивана Кольцо с 50 казаками с челобитной, прося принять под царскую руку завоеванные земли и ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ простить его и товарищей за прежние деяния, и представил ясачную казну в 2400 соболей, 20 черных лисиц и 50 бобров и просил прислать воеводу.

Кольцо выехал из Сибири 22 декабря 1581 года и прибыл в Москву 16 ноября 1582 года. Казаки были награждены при дворе особою милостью и повелено было: впредь до прибытия воеводы Сибирскими делами управлять Ермаку по-прежнему.

10 мая 1583 года прибыли два назначенные воеводы с 500 стрельцами, переименованными в казаки.

Царь прислал Ермаку два предорогие панциря, серебряный ковш, шубу, которую сам носил, и каждому казаку денег и по половинке сукна; кроме того, атаман Кольцо привез с собою переселенцев до 1500 семей.

В 1582-1583 гг. Ермак ходил на Тавду и Пелым и вниз по Оби, покорил тамошних Вогуличей, остяков и принес с собою много добычи и припасов.

В 1584 г. погиб Иван Кольцо с 40 казаками, посланный на подмогу к Татарам, которые заманили его и вероломно убили.

В августе месяце 1584 г. приверженные к Ермаку татары сообщили, что Кучум задержал торговых Бухарцев и не пропускает их к Русским. Ермак отобрал 50 удалцов и двинулся на встречу Бухарцев или Кучума, но никого не встретил; тогда Ермак, опасаясь остановиться на отдых в незнакомых местах, приказал плыть обратно по течению реки.

Темнота ночи и поднявшаяся гроза и буря заставили однако ж Ермака сделать привал; он вышел с дружиной на остров, привязав стру-

Иван Грозный принимает посольство Ермака.

ги к лесинам, и расположились на покой. Они, утомленные, не поставили стражи, надеясь, что протока глубока и им опасаться нечего. Но Кучум был близко. Он следил за казаками. Пользуясь темнотою, он с татарами перешел протоку, подкрался к казакам, бросился на сонных и всех их умертвил. Ермак погиб ночью 5 августа 1584 года.

III

Управление Сибирью после Ермака. Воевода Глухов, прибывший еще при Ермаке, узнав о гибели его, оставил Сибирь и 15-го августа 1584 года бежал на р. Печеру. Татары, узнав об этом, опять заняли свою столицу Сибирь.

И только с 1587 г. Сибирь крепко осталась за Русскою державою. С этого времен началось правильное переселение в Сибирь.

Стали строить города и крепостцы; в 1587 г. построен Тобольск, в 1592 году — Пелым, 1594 — Тара, 1595 — Нарым, 1598 — Верхотуры, 1560 г. — Обдорск, в 1604 — Томск, в 1618 г. — Енисейск.

Продвигаясь далее, казаки основали в 1628 году г. Красноярск и Канск, а сотник Петр Бекетов громил Бурят и дошел до впадения р. Оки в Ангару.

В 1629 г. уже Енисейские воеводы двигают разведки к Байкалу и, главным образом, на Лену, и, упрочив значение острогов среди Ангарских и Окинских Бурят, стали подумывать о разведках за Байкалом и в 1638 году отправлен был атаман Максим Перфильев для новых разведок о Даурской стране.* Он в 1640 г. с 36 казаками поднялся по р. Витиму, дошел до устья р. Цыпы и вернулся назад, собрав ясак с попутных Тунгусов, это движение интересно тем, что впервые были получены более подробные сведения о Даурах и р. Амуре. — Они таковы: Даурский князь Батога живет на реке Карге, притоке Витима; князь этот имеет много соболей, за которые получает серебро и шелк от князя Лавкая, живущего по реке Шилке. От князя Лавкая до Батога 3-4 дня пути сухим путем. При Шилке копают руду и от этих рудников надо ехать 5-6 дней до р. Амур, которая впадает в Великий океан.

Сведения эти дошли и до Якутских воевод и оттуда снаряжаются партии на разведки о Даурах.

В 1648 г. для отыскания р. Амуре было снаряжено 7 судов: три казачьих и четыре промысловых; с первыми начальствовал казак Дежнев.

20 июля суда вышли из р. Колыма в море и им удалось обогнуть Чукотский нос, то есть проплыть из Северного океана в Тихий — подвиг, который удался потом только в 1879 г. Подвиг Дежнева остался неизвестным в Европе и местное начальство, считая его обыкновенным, даже не донесло в Москву. Впоследствии капитан Беринг плавал к проливу, по которому проплыл Дежнев, и пролив этот назван Беринговым, а не Дежневым, хотя Беринг не проплыл его, а только дошел до 67 градуса северной широты.

Живо интересуясь ходом разведывания и покорения неизвестных стран, Якутские воеводы старались поскорее разузнать о р. Амуре, о котором упоминали смутно партии, ходившие по Витиму и к Охотскому морю.

В 1643 г. идет в экспедицию вверх по р. Алдану письменный голова

Гонец XVI века. Художник В.Г. Шварц, 1868 г.

Василий Поярков с 130 казаками; из Алдана он пошел вверх по р. Учур; отсюда отослал партию в 50 казаков к Амуру, к Даурскому городу Молдокичит на р. Зее. Но партия эта не дошла и вернулась к Пояркову.

В 1644 г. Поярков сам перешел к верховьям Зеи и пошел вниз по ней, где имел несколько схваток с даурами, потерял почти половину людей своих около г. Молдокичит, направился в Амур и дошел до устья его, где и зимовал.

В 1645 г. он поплыл морем и только в 1646 г. вернулся в Якутск.

Возвращение Пояркова с богатой и разнообразной добычей и с половиною людей произвело сильное впечатление.

Предположенный Поярковым новый поход легко мог бы состояться, но у него явился опасный соперник — солевар, Великоустюжский посадский Ерофей Павлович Хабаров, бравшийся овладеть всею Амурскою землею, не вводя казну ни в какие издержки и расходы, даже за необходимые свинец, порох и оружие Хабаров предложил собственные деньги.

В 1649 г. Хабаров с разрешения Якутского воеводы (Фронсбекова) с партией в 80 человек отправился на Амур по Лене, Олекме и дошел в том году до р. Тугир, где построив зимовье, оставался до 18-го января 1650 г., пошел далее по р. Уркой и вышел в Амур.

Спускаясь вниз по Амуру, Хабаров впервые высадился у Даурского укрепления Албазин. Жители разбежались, узнав о его приближении. Спускаясь далее, Хабаров в пятом от Албазина селении нашел старуху, назвавшуюся сестрой князя Лавкая. Ниже этого поселения явился и сам князь Лавкай, который заявил Хабарову, что если он пришел грабить и убивать, то получит сдачи, пожалуй, даже с придачей и ускорил со своей свитой.

Хабаров тогда вернулся в Албазин и, видя, что с таким малым числом людей ничего не поделаешь, взяв несколько спутников, пошел в Якутск за подмогой; там его встретили хорошо и он, набрав охочих людей 117 человек и, получив от воевод 21 казака, отправился в Албазин, куда и прибыл осенью 1650 г. Здесь перезимовал и весною, имея дружину в 200 человек, поплыл вниз по Амуру.

Хабаров, имея три пушки, взял один городок по пути, где потерял 4 убитыми и 45 ранеными и, пробыв 6 недель в занятом укреплении, снова поплыл вниз по Амуру и вблизи левого большого притока Амура, р. Зеи, встретил большой и богатый город, который и занял после незначительного сопротивления. Хабаров спустился по Амуру до земли Ачанцев, где заложил острог 26 марта 1652 г. На острог напала маньчжурская армия, имея артиллерию, но была разбита.

В апреле месяце Хабаров стал подниматься вверх по Амуру и

счастливо избежал противника, ожидавшего его у устья Уссури; далее, пройдя каменистые горы «Хинган», он встретил шедшее к нему из Якутска подкрепление в 144 человек под начальством казака Чичигина со свинцом и порохом. Тогда он отправил 20 человек под начальством Нагибы к устью Амура и далее морем. Но эти удалцы, выйдя в море, пострадали от бури и только сам Нагиба в 1653 г. 15-го сентября прибыл в Якутск.

Хабаров же, поднявшись до реки Кумары, построил Кумарский острог и отсюда послал донесения о своих делах в Якутск и в Москву.

После этого сведения о ходе дел на р. Амуре доходили до Москвы весьма обстоятельно, и оттуда в 1652 году был выслан дворянин Зиновьев для устройства дорог, по которым в следующем году предполагал выслать 3000 ратных людей под начальством князя Лобанова-Ростовского для устройства Амурских дел. Команда Зиновьева в 1653 г. присоединилась к Хабарову на устье р. Зеи. Здесь от Зиновьева Хабаров и его люди получили царские грамоты, и Зиновьев, вручив командование отрядом казаку Онуфрию Степанову, Хабарова отправил в Москву с подробным донесением. Осенью 1653 года Зиновьев выехал с Амура, оставив Степанова в трудном положении, так как было мало запасов продовольственных и военных, но казаки добывали их, делая набеги на жителей р. Сунгари. Во второй набег они были атакованы и едва спаслись. В Кумарский острог к Степанову пришли казаки с Бекетовым, ушедшие из Нерчинского острога. Степанов зимовал в Кумарском остроге, возобновив и хорошо укрепив его.

В эту зиму, то есть в 1655 году, острог осадила Китайская армия, но казаки не только отсиделись, но даже после отбитого штурма, сделав удачную вылазку, разгромили Китайцев.

В этом году ясак, по совету Зиновьева, был отправлен Степановым прямо в Москву и, благодаря этому, на требование припасов из Якутска ему было отказано. Нуждаясь в продовольствии, он отправил с ясаком 50 человек, приказав им не возвращаться на Амур; с ними ушел и Бекетов с Енисейскими казаками. Что эти люди вытерпели в пути показывает то, что из 50 человек погибли от голода 40.

Назначение на Амур князя Лобанова-Ростовского не состоялось и эти дела были возложены на бывшего Енисейского воеводу Афанасия Пашкова. Он, в 1656 г. выступил из Енисейска по рр. Тунгузке и Ангаре, чрез озеро Байкал, по Селенге, Хилку и в 1658 г. перебрался на Шилку, и при впадении р. Нерчи в том же году заложил г. Нерчинск. Отсюда послал Степанову приказ прибыть в Нерчинск со 100 казаками, а остальным ожидать его в Албазине.

В этот год Амурские казаки весной, в набеге на р. Сунгари, были разбиты: 270 человек убито и взято в плен, а остальные 180 человек, спасаясь, дорогою погибли и только 6 человек дошли до Енисейска с ясаком.

С этого времени до 1665 года жизнь и деятельность казаков по Амуру прекратилась.

Благодаря крутым мерам Пашкова, Нерчинское воеводство скоро устроилось настолько, что могло существовать собственными средствами.

В 1661 году прибыл, назначенный воеводою, вместо Пашкова, Ларион Толбузин.* Он заботился о заселении края охочими людьми и построил в 1666 г. Селенгинский острог. При Толбузине же в 1665 г.

возобновлен Албазин, бежавшими из Илимского острога преступниками под начальством Малороссийского казака Черниговского, который за свои дела был приговорен к казни, но за возобновление Албазина был прощен и получил на свою команду в награду 2000 рублей.

В 1698 году при новом уже воеводе был построен Верхнеудинский острог и начались пререкания с Китайцами по поводу невыдачи им Тунгусского князя Гантимура(ова), который тяготясь Китайскою властью, в 1667 г. снова перекочевал на р. Урульгу, приток Ингоды, и сделался данником России добровольно.

Правитель Манджурии настоятельно требовал Гантимурова и это побудило воеводу отправить посольство к Богдыхану с предложением союза.

Казаки привезли грамоту царю, которая послужила поводом к отправлению посольства из Москвы в Пекин под начальством Николая Спафария.

В 1676 г. воеводой в Нерчинск назначен опять Ларион Толбузин; при нем выделено было Иркутское воеводство, началась правильная торговля с Китайцами, произведены розыски рудных богатств Нерчинского округа.

В 1677 г. из Нерчинска отправлены казаки и промышленники для постройке на р. Зее острога.

В 1680 г. состоялось повеление о ссылке в Сибирь на вечное житье с женами и детьми тех воров, которые объявятся в первый и второй раз.

В это время население Забайкалья уже настолько разрослось, что явилась надобность в постройке монастыря, который основан в 1681 г. на берегу Байкала на месте, где был убит в 1651 г. Московский посол (Заболотский) и назван Посольским.

В 1682 г. построено на устье Амура зимовье для сбора ясака с Гиляков.

В 1684 г. Китайский Богдыхан Канси повелел разорить все русские постройки и овладеть Албазином, и в 1685 г. под Албазин подступило сильное китайское войско, которое после осады, выдержанной русскими под начальством Толбузина, взяло город, отпустив воеводу с людьми по договору в Нерчинск.

Китайцы ушли, не сняв хлеба. Это обстоятельство побудило Нерчинского воеводу Власова снова отправить Толбузина для снятия хлеба, приказав построить городок ниже Албазина. Толбузину были даны: казачий полк в 671 че-

Ратники в тегиях и шапках железных.

ловек, 5 медных и две чугунных пушки под начальством пленного подполковника Бейтона, родом шотландца. Толбузин исполнил поручение и к 1 июня 1686 г. возобновил прежний Албазин, но в июле опять подступило 5000 с 40 орудиями китайской армии и осадило город. Толбузин был убит; начальство принял Бейтон.

Многие осложнения воевод с пограничными китайскими властями побудили Боярскую думу снарядить посольство к Богдыхану; посылка гонцов об этом в Пекин вызвала распоряжение Богдыхана о снятии осады Албазина в 1687 г.

Монголы в 1688 г., видя, что Русские утвердились крепко, решились заключить договор с просьбою принять их в Русское подданство и позволить кочевать им при р. Селенге.

Московское посольство прибыло в Нерчинск в 1689 г., куда явилось и Китайское, где и заключен договор о государственных границах: на левом берегу Амура границей назначена р. Горбица, а на правом — река Аргунь; Амур оставлен во владении китайцев; границею севернее Амура назначен хребет от верховьев Горбицы* к верховьям р. Уд, впадающей в Охотское море. Нерчинский договор состоялся 27 августа 1689 г.

Более точно границы были определены по Буреинскому договору 23-го августа в 1727 году: от верховьев Аргуни, близ города Хайлара, до горы Шибана в верховьях Онона, с реки Кяхты на сопку Орогойту, около косогору близ р. Хуры.

Далее в 1695 году начинается движение на Камчатку, которое продолжалось до 1755 года и казаки там стали нести Гарнизонную службу.

В 1701 г. в царствование Петра Великого дан Забайкальскому воеводе наказ, в котором твердо указывалось правило и порядок управления краем, где впервые упоминается об опросе претензий казаков, определено жалованье и прочее.

Повелением 22-го июля 1822 года из казаков, разбросанных по Сибири, сформированы 5-ти сотенные конные полки: 1-й Енисейский, 2-й Красноярский и 3-й Якутский.

В 1837 г. последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о командировании по 2 офицера и 20 казаков из Сибири и Забайкалья в образцовый полк в Петербург, которые, вернувшись в 1841 году, явились инструкторами при начавшемся обучении строевой службе.

Положением 17 марта 1851 года определено образовать Забайкальское казачье войско: 6-ть конных полков по 6 сотен каждый: (4 русских и 2 Бурятских), и 12 пеших батальонов.

Во главе войска стал Наказный Атаман (в гор. Чите); при полках и батальонах образованы 4-х классные школы, по окончании коих казачата поступали в Войсковую Гимназию в гор. Чите (закрытую в 60-тых годах).

*Император Александр II Освободитель
(1855-1881).*

Назначение в 1847 году Генерал-Губернатором Восточной Сибири энергичного и необыкновенно деятельного Николая Николаевича Муравьева, впоследствии графа Амурского, удачная экспедиция Невельского, а в особенности Восточная война,* подвинули Амурские дела к окончанию и дали России возможность занять на востоке то положение, которое принадлежало ей по праву и вернуть те земли, которые были уже обгажены нашей казацкой кровью.

ВЫСОЧАЙШИМ повелением Царя Освободителя утверждено первое положение об Амурском казацком войске в 1859 г., где определено:

1) Амурское казацкое войско располагается на Юго-Восточной границе Российской Империи и составляет новое заселение и охранение оной. Пограничная линия эта заселяется семействами конных и пеших казаков, переселяемых из Забайкальского казацкого войска, в числе 15 до 20000 душ обоего пола впредь до необходимости усилить это население.

2) Правый фланг сей новой линии начинается от ст. Покровки, расположенной на Амуре в 4-х верстах ниже соединения р. Шилки и Аргуни; далее, пограничная линия идет вниз по р. Амуру до устья р. Уссури; отсюда вверх по сей последней до верховьев ее и затем по сухопутной границе до морского побережья.

В действительности для заселения упомянутой границы было двинуто Забайкальских казаков гораздо менее: всего 1163 семьи в Амурскую конную бригаду, расположенную от ст. Покровки до малого Хинганского хребта, на протяжении 1300 верст, и столько же семей в Амурский и Уссурийский батальоны. Такая крайняя недостаточность населения заставила ограничиться заселением только по рр. Амуру и Уссури; занять же казацким населением сухопутную границу до морского побережья не удалось, несмотря даже на то, что в 1878 году половина населения Уссурийского батальона, до 3 тысяч человек, перемещена была в Южно-Уссурийский край.

Переселение Забайкальских казаков на Амур началось еще ранее

Конные казачата.

утверждения положения об Амурском войске, именно с 1857 года, в котором и основаны станицы конной бригады: Бейтонова, Толбузина, Ольгина, Кузнецова, Аносова, Кумара, Казакевичева, Корсакова, Бибикова, Благовещенск, Касаткина и Пашкова. В следующем 1858 году, кроме заселения станиц конной бригады и пеших Амурского и Уссурийского баталионов, и были основаны станицы: в конной бригаде: Покровка, Амазар, Игнашина, Сгибнева, Свербеева, Рейнова, Албазин, Низменная, Константиновская, Сычевская, Поярковская и Куприянова; в Амурском пешем баталионе: Раде, Помпеевка, Поликарповка, Екатерино-Никольская, Пузино, Нагибова, Добрая, Квашнина, Дежнева, Михайло-Семеновская, Степанова, Головина, Воскресенская, Луговая, Спасская и Новгородская.

В том же году направлено было на заселение Амура 500 человек штрафованных нижних чинов баталионов внутренней стражи, включенных в семьи казаков и отсюда получивших от казаков прозвище «сынки».

В 1859 году были заселены остальные станицы на Амуре.

В 1860 г. вследствие образования города на устье р. Зеи, бывшая Благовещенская станица была перенесена на семь верст выше по Амуру и образовала новую станицу Верхне-Благовещенскую; казаки Благовещенской станицы, не пожелавшие переселиться в эту новую станицу, ушли в ближайшие, преимущественно, в Игнатьевскую.

Места для первоначального поселения казаков были выбраны лично Графом Муравьевым. В силу необходимости скорейшего занятия всей границы, места эти во многих случаях оказались совершенно непригодными для оседлой сельскохозяйственной жизни, отчего все поселения Амурского пешего баталиона, за исключением Пузино, Екатерино-Никольской и отчасти Радде, равно многие станицы 2-го полка конной бригады и низовые станицы 1-го полка должны были отодвигаться внутрь страны; верхние же станицы 1-го полка остались на своих местах, несмотря на полный недостаток удобных земель в их наделах только потому, что они имели хорошие заработки по доставке грузов

на прииска золотопромышленных компаний. Перемещение места доставалась казакам очень тяжело, так из рапорта Командира 3-й сотни 1-го конного полка от 26 августа за N 855 видно, что 46 семей переселенцев из Забайкалья, взяли 126 лошадей, 215 штук рогатого скота и 319 овец, прибыли же на место только с 88 лошадьми, 175 штуками рогатого скота и 281 овцой.

Прибыв на новые места и начав на них обустриваться и обрабатывать пашни, казаки могли посвящать этому только свободное, от исполнения лежащих на них

Казачий наблюдательный пункт в поле.

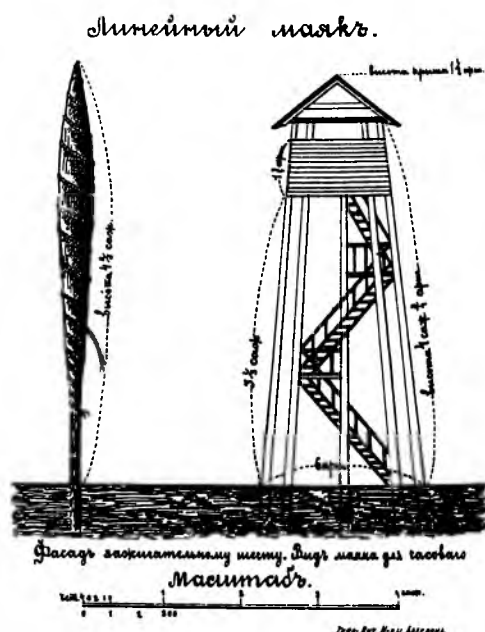

Схема линейного маяка (ставился возле форпоста для наблюдения за степью и подачи сигнала в случае опасности)

повинностей, время; а повинности были: 1) содержание почт, 2) поставка дров для казенных пароходов, 3) постройка штабных помещений, ротных дворов, школ и пр., 4) устройство мостов, гатей, почтовых станций, расчистка дорог, 5) несение полицейской службы в гор. Благовещенске, Николаевске, Софийске* и, наконец, 6) служба при штабах.

Несение таких сложных обязанностей неизбежно должно было вредно отразиться на строевой подготовке строевых частей Амурского войска; так, почти все возраста, способные нести службу, были совершенно заняты исполнением вышеупомянутых повинностей, а строевые начальники, за отсутствием наличного состава строевых частей, естественно, вместо обучения строевому делу, следили за исправным отбыванием возложенных на казаков повинностей и за развитием хлебопашества и других занятий, могущих дать средства для исполнения трудных повинностей; особенно тяжела была для казаков почтовая гоньба, она в корне надрывала нарождавшееся хозяйство переселенцев: лошадей мало, дороги крайне плохие; лошади, изнуренные еще и домашними работами, начинали падать, а чем меньше оставалось их, тем труднее становилось отбывать гоньбу. Между тем, движение почт и проезжающих с каждым годом увеличивалось, так что пришлось заводить на многих станциях лошадей от казны, возложив на казаков прокорм их.

При таковых условиях, казаки могли существовать, но перенести собственными силами какие-либо случайности: неурожай, падеж скота и лошадей, наводнения, не могли; и во всех таких несчастных случаях приходилось оказывать казакам помощь в виде заимообразных выдач хлеба, скота, лошадей, даже земледельческих орудий; необходимое при бедствиях обходилось очень дорого, вследствие чего на казаках росли долги, и всякий, начинающий поправлять хозяйство, вместо необходимого хозяйственного запаса, должен был раньше всего платить долги, из которых не мог выбиться при повторении бедствий.

При таковых условиях, казаки могли существовать, но перенести собственными силами какие-либо случайности: неурожай, падеж скота и лошадей, наводнения, не могли; и во всех таких несчастных случаях приходилось оказывать казакам помощь в виде заимообразных выдач хлеба, скота, лошадей, даже земледельческих орудий; необходимое при бедствиях обходилось очень дорого, вследствие чего на казаках росли долги, и всякий, начинающий поправлять хозяйство, вместо необходимого хозяйственного запаса, должен был раньше всего платить долги, из которых не мог выбиться при повторении бедствий.

Так тянулось время до 1872 года, когда небывалое наводнение лишило казаков всего имущества, затопив хлеб и снеся во многих местах самые селения; погибло много скота, в особенности от бескормицы после наводнения.

Проезд в 1873 году Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича, лично видевшего тяжелое положение Амурцев тотчас после наводнения, повлек за собой снятие с казаков почтовой гоньбы, которая в 1874 году, а частью с 1875 г., перешла в руки состоятельных казаков и частных лиц за вознаграждение от казны.

В 1876 году был назначен особый комитет из начальников частей

войска, который выработал следующие основания для преобразования Амурского казачьего войска: 1) применить к Амурскому казачьему войску положение о службе Донского войска; 2) исключить из войска всех казаков, зачисленных из штрафованных нижних чинов гарнизонных батальонов, за исключением тех, кои имели детей мужского пола; 3) этим же последним, а равно некоторым беднейшим казакам в числе 300 семей, выдать пособие на устройство хозяйств по 50 руб. на семью; 4) снести безнадежные долги, которые лежали непосильным бременем на казаках; 5) соединить в одно целое все три разрозненные части войска, дав им общее управление в лице Наказного Атамана и Войскового Управления, придерживаясь существующих для всех казачьих войск положений.

Последствием работ этого комитета было **ВЫСОЧАЙШЕЕ** повеление в 1879 году о преобразовании Амурского войска с утверждением нового о нем положения. Вместе с сим, наряды казаков на службу вне войска начали постепенно уменьшаться.

23 марта 1880 года образовано было Войсковое Управление из лиц, заранее предназначенных. В исправление должности первого Наказного Атамана вступил временно исправляющий должность Военного Губернатора Амурской области Полковник И.Ф. Петров, который, после приезда Генерал-Майора Баранова, занял должность Председателя Войскового Правления.

Амурская конная бригада положением 1879 года переименована в полк, который по числу казаков, подлежащих зачислению в строевой состав, должен в мирное время выставять 2 конные сотни, а в военное время 6 сотен; таким образом, хотя состав войска в военное время и уменьшился на 2 сотни (бригада выставляла 2 четырех сотенных полка), но зато Амурское войско приобрело надежный кадр в лице 2 первоочередных сотен, чрез которые проходят все казаки и получают в них воинское воспитание, согласно требованиям полевых войск.

Таким образом, 1879 год является для Амурского войска важ-

ным, так как в этот год было издано **ВЫСОЧАЙШЕЕ** повеление о переформировании Амурского войска, и его должно считать годом существования полка в его настоящем виде.

В 1889 году приказом по Военному Ведомству Уссурийский пеший полубатальон отделен от Амурского войска и образовано отдельное 11-е казачье войско – Уссурийское.

Таким образом, Амурское войско уже окрепло и выделило из себя одну четвертую для образования нового войска.

В период 1879 и 1889 гг. 1-я сотня полка два раза была в командировках: 1-й раз, в июле 1884 г. была командирована в Южно-Уссурийский край, где находилась до

Александр III, император всероссийский (1881-1894).

*Знамя Амурского казачьего войска.
Лицевая и оборотная стороны.*

октября 1885 г.; о степени ее готовности один из офицеров Генерального Штаба (Рагоза) в труде своем отзывается:

«Наглядным примером той быстроты, с которой производилось сосредоточение наших войск, может служить передвижение Амурской конной сотни из урочища Анучино в гор. Владивосток: в 8 час. вечера Командующий войсками Округа телеграфировал из Хабаровска в Анучино командиру сотни: выступить возможно поспешнее в Владивосток, где ожидается высадка Англичан; в 7 час. утра следующего дня был уже получен в штабе ответ: «выступил»; а через двое суток из Владивостока вторая телеграмма: «прибыл»; таким образом сотня в 2,5 суток успела собраться и сделать переход в 200 верст по страшной распутице, не оставив при этом в пути ни одного казака, ни одной лошади».

2-й раз, 27-го августа 1885 г., вследствие скопления Китайских и Русских хищников на приисках против ст. Игнашиной, был

командирован взвод 2-й сотни, а затем 2 января 1886 года туда же выслана 1-я сотня, сделав в 16 дней переход в 746 верст. Взвод и сотня находились в командировке по 10 мая 1886 года.

В следующие 4 года полк под командой Полковника Винникова стремился к усовершенствованию во всех отраслях строевого образования.

В 1891 г. полк имел счастье представляться своему Августейшему Атаману ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, в бытность его НАСЛЕДНИКОМ ЦЕСАРЕВИЧЕМ.

Для Амурских казаков июнь месяц 1891 г. является самым светлым моментом в жизни; им, заброшенным судьбой и волею начальства на далекую окраину нашего отечества и привыкшим к постоянной борьбе за существование с суровой природой края, выглянуло наконец ясное солнышко в лице Августейшего Атамана и своим появлением и милостивыми словами окончательно заставило забыть пережитые труды и показало старикам, прибывшим первыми на Амур, что труды их не пропали даром, а молодым указало путь, по которому следует идти, служа верно Царю и Отечеству.

В 1891 году, еще до приезда НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, сотник Пешков (ныне полковник в отставке), Амурский казак Албазинской станицы, верхом на своем строевом коне «Серко» (тоже Амурце), с разрешения Командира полка, совершил небывало длинную в летописях кавалерийского спорта поездку из гор. Благовещенска в г. Пе-

тербург и тем доказал выносливость малорослого Амурского казачьего коня и умелое обращение с ним всадника.

Весной 1895 года ввиду осложнений на дальнем Востоке, возникших вследствие войны Японии с Китаем, Амурскому полку и полубатальону, наравне с прочими регулярными и казачьими войсками Округа, **ВЫСОЧАЙШЕ** повелено было быть готовыми выступить в поход, перейдя на военное положение. К концу мая месяца полк впервые собрался в полном составе: 5 сотен прибыло в назначенный срок в г. Благовещенск, 6-я же сотня распоряжением начальства осталась в ст. Игнашиной.

Вскоре последовало повеление о приведении полка на мирное положение и казакам не пришлось испытать трудов военного времени.

В 1895 году вследствие приказа по Военному Ведомству от 8-го мая за N 155 Амурское войско вновь подверглось значительному преобразованию: пеший полубатальон этого войска был соединен с Амурским полком, первоочередная сотня полубатальона переформирована в конную и стала третьей сотней Амурского казачьего полка, штаб полубатальона упразднен, все офицеры его переведены в полк.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, император и
самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и пр., и пр., и пр.
НАШЕМУ Амурскому казачьему полку.

В ознаменование **МОНАРШЕГО** благоволения **НАШЕГО** к Амурскому казачьему полку, **ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ЖАЛУЕМ** полку сему, препровождаемое при сем знамя;

ПОВЕЛЕВАЕМ, освятив оное по постановлению, употреблять на службу **НАМ** и Отечеству с верностью и усердием, Российскому войску свойственными.

«НИКОЛАЙ»

В Царском Селе. 4 февраля 1899 г.

Военный Министр, Генерал-Адъютант **КУРОПАТКИН**

В Министерстве Иностранных дел записано под N 46.

Полк в военное время, пополняясь казаками 2-й и 3-й очереди, развертывается в 9 конных сотен, из которых шесть, комплектуемые казаками верхних и средних станичных округов, образуют Амурский казачий полк, а остальные три, комплектуясь населением бывшего полубатальона, образуют Амурский казачий дивизион, для которого в военное время полагается особый штат, кадром для дивизиона служит 3-я сотня полка, переименовываемая в 1-ю сотню дивизиона.

6 мая 1897 года Амурский казачий полк был осчастливлен пожалованием **ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ** знамени. Такая **ВЫСОЧАЙШАЯ** милость глубоко запала в душу Амурского казака и сильно подняла боевой дух полка, коему, имея перед своими глазами священную хоругвь, которую должны защищать до последней капли крови, выпало на долю в годину первого боевого испытания в 1900 году оправдать на деле **ВЫСОЧАЙШЕЕ** доверие, оказанное им их обожаемым Монархом.

В 1898 году командир полка освобожден от исполнения полицейской и административной обязанностей, возложенных на него положениями 1860 и 1879 г.г. и Командир полка полковник Печенкин, не отвлекаемый постоянными разъездами по населению, обратил всецело

IV

В 1900 году в Китае началось, так называемое, боксерское восстание и полк принял деятельное участие в умиротворении Манджурии.

Поход в Китай 1900-1901 гг.

12-го июня 1900 года была объявлена мобилизация войск Приамурского Военного Округа. Еще в мае месяце все с нетерпением ожидали ее объявления, так как газеты уже приносили известия о героических действиях наших Приамурских войск на Южном театре войны.

Во исполнение мобилизации Амурский полк через 24 часа имел уже готовыми к походу 2 первые сотни; 20 и 21-го июня укомплектованы и снаряжены 3-я и 4-я сотни, 23-го — пятая сотня; 6-я же сотня, ввиду большого мелководья и дальнего расстояния, мобилизовалась в ст. Игнашиной и была готова 7-го июля. 29 июня 1900 года 1-я и 2-я сотни вошли в состав Харбинского отряда и в тот же день при напутственном молебне тронулись на пароходах вниз по Амуру с своими товарищами по гарнизону — 4-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 1-й батареей 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады.

Завидно было смотреть на товарищей, идущих вглубь Манджурии для выручки г. Харбина и линии строящейся железной дороги, на которую напали уже почти везде боксеры с китайскими войсками.

Никто не думал, что оставшимся в г. Благовещенске войскам суждено скорее услышать неприятельские выстрелы и стать грудью на защиту родного края.

1-го июля китайцы с своих береговых земляных укреплений у г. Айгуна открыли орудийный и ружейный огонь против парохода «Селенга», на котором возвращался Пограничный Комиссар подполковник Генерального штаба Кольшмид, проводив части Благовещенского гарнизона, ушедшие в состав Харбинского отряда.

Команда парохода «Селенга» была из Амурских казаков. На пароходе был ранен подполковник Кольшмид и 2 казака: боцман и казак из конвоя Комиссара. Немедленно был двинут для наказания китайцев из г. Благовещенска отряд под командой полковника Печенкина под Айгун, переправившись через реку Зею; в городе остались: рота местной команды, батарея и полусотня 4-й сотни Амурского полка. Вечером к отряду прибыл Командующий войсками Генерал-Майор Грибский и вслед за ним прискакал из города казак с донесением, что китайцы открыли по Благовещенску артиллерийский и ружейный огонь из местечка Сахалян, расположенного против верхнего конца города. Сначала огонь произвел панику между купавшимися тогда новобранцами и обывателями города, но потом, видя бесплодность огня неприятеля, все малопомалу успокоились.

При первых же выстрелах китайцев, бывшие в лагере казаки

глава III

открыли удачный залповый огонь по неприятельским орудиям, а выехавшие 2 орудия 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады с третьего выстрела зажгли Сахалин.

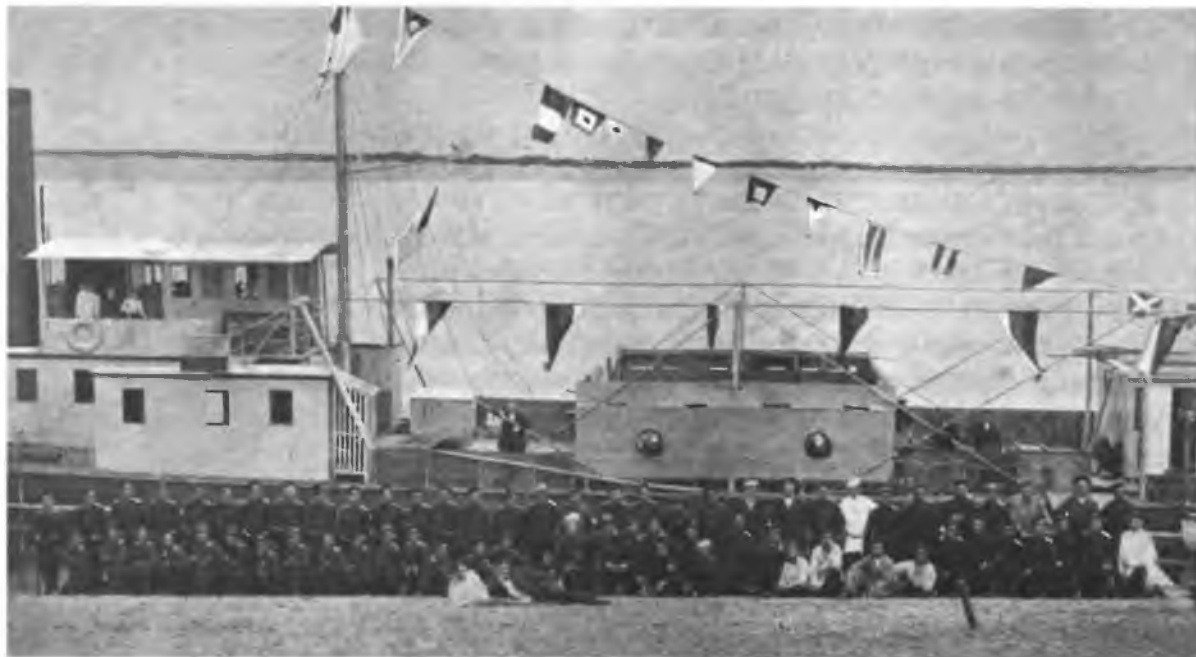
Город Благовещенск находился в опасном положении, но китайцы не рискнули переправиться, а ограничились бесцельной стрельбой, продолжавшейся 18 дней.

Генерал Грибский, узнав об обстреливании города, немедленно вернулся со всеми войсками в г. Благовещенск, оставив для наблюдения за Айгуном 25 казаков под командой начальника постов хорунжего Вертопрахова и к ним в помощь прибыла через сутки, сформированная из крестьян, дружина человек в 300, но из них только 10-12 человек умели выстрелить из ружья. 3-го июля к посту N 1-й был выслан отряд подполковника Гинейко в составе 1 роты, 2-х орудий с 1 сотней (3-я сотня полка).

Китайцы, узнав об удалении войск от поста N 1-й, ночью 4-го июля переправились под Айгуном и на рассвете напали на упомянутый отряд, который спал, утомленный походом. Первые вступили в бой с китайцами казаки и, когда рота выскочила перед ограду поста, то сотня зашла в тыл китайцам, но подполковник Гинейко* не допустил атаки и приказал отступить.

Во время этой стычки произвели страшный переполох крестьяне-дружинники, сев на свои подводы, они стремглав бросились врассыпную по дороге в город и, ломая телеги, бежали в паническом страхе, только несколько человек из них охотно пошли с ротой, так как их начальники, пристава, тоже ускакали в город. Отряд отступил от поста под прикрытием 3-й сотни полка и китайцы, дойдя до него, зажгли. Китайцы не преследовали отряда, так что отряд, отступив версты 4, остановился. Потери: ранен ротный командир, убито два нижних и ранено 4 нижних чина, один казак пропал без вести.

Подполковник Гинейко решил идти в город Благовещенск. Для поддержания этого отряда из города был выслан отряд под командой

Пароход «Селенга» и его команда у устья р.Зей.

Разведывательный дозор.

Командира полка Полковника Печенкина в составе: 1-й роты, 2 орудий и 1-й сотни казаков. Решительным наступлением, присоединив к себе отряд подполковника Гинейко, он очистил левый берег от китайцев и, догнав их отряд на переправе у Айгуна, потопил артиллерийским и ружейным огнем много лодок, на которых совершалась переправа.

Ввиду малого количества войск Благовещенский отряд действовал только оборонительно, ограничиваясь высылкой на китайский берег разъездов. Разъезды высылались крайне небольшие, в 5-10 казаков, под начальством казачьих офицеров.

18 июля 1900 г., когда к городу прибыли значительные подкрепления, капитану Генерального штаба Запольскому (убит в Японскую войну в чине полковника) было поручено провести рекогносцировку подступов к Сахалину со стороны Верхне-Благовещенской станицы.

Для этой цели было дано ему по 20 казаков от каждой сотни (3, 4, 5) при 3-х офицерах. Ночью казаки переправились на лодках, ведя лошадей вплавь, и подойдя кружным путем к Сахалину, без выстрела в конном строю атаковали укрепленную усадьбу и взяли с бою 2 скорострельных орудия, которые хранятся ныне при 1-й сотне полка.

Удар был так стремителен, что китайцы, несмотря на превосходство сил, открыв беспорядочный орудийный и ружейный огонь, бежали. Исполнив поручение, отряд с торжеством вернулся в город.

К сожалению, в этом деле убит был Командир 5 сотни сотник Резунов, отличный боевой офицер, контужен один казак и убито 2 лошади. За это лихое дело казаки были награждены 20-ю знаками отличия военного ордена 4-й степени, капитан Запольский награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

19-го июля к Благовещенску прибыл на подмогу отряд из Хабаровска и в ночь на 20 июля Благовещенский отряд перешел в наступление, переправившись через Амур выше станицы Верхне-Благовещенской. Главные силы начали наступать на Сахалин под прикрытием огня батарей. Амурский казачий полк в составе: своих трех сотен (3, 4, 5) и 2-х 1-го Нерчинского полка Забайкальского войска, послан был на правый фланг; наткнувшись на неприятеля, 5-й сотне приказано было спешиться и открыть огонь с фронта, а 4-й сотне, охватив левый фланг, атаковать в конном строю, пользуясь складками местности; 4-я сотня незаметно подошла к неприятелю на расстояние 500-600 шагов и бросилась в шашки; результат этой атаки: на поле осталось более 70 трупов китайцев, много ружей и снаряжения. С нашей стороны был легко ранен Командир 4-й сотни сотник Вондоловский, 2 казака и убито 2 лошади. После этого полк беспрепятственно занял Сахалин, встречая на пути группы китайцев, убегающих при появлении наших дозоров.

21-го июля наши войска двинулись к Айгуну, преследуя отступивших от Сахальяна китайцев. Получив подкрепление из Айгуна, неприятель занял возвышенность у д. Колушан и приготовился, по-видимому, к упорной обороне, но и здесь он на левом фланге не выдержал огня нашей артиллерии и натиска пехоты, а на правом фланге конной атаки Амурцев и в беспорядке бежал далее к Айгуну.

В этом деле особенно отличились 4-я и 5-я сотни полка и 1-я сотня дивизиона. В награду казакам досталось 3 орудия, несколько зарядных ящиков, знамя принца Цина и пр. К сожалению, в этом деле Амурцы понесли значительные потери: убиты: Командующий 4-й сотней сотник Волков, 1 старший урядник и 4 казака, ранены: Командир 5-й сотни есаул Плотников, 3 урядника и 6 казаков.

22 июля было назначено наступление на китайский гор. Айгун; Амурский полк по-прежнему двигался на правом фланге и только 3-я сотня была при главных силах; в этом сражении полк никакого деятельного участия не принимал и честь взятия Айгуна принадлежит исключительно пехоте и артиллерии.

Здесь следует отметить геройское действие Командира 3-й сотни сотника (ныне Войскового Старшины) Кузнецова*: одна из рот получила приказание идти в атаку на импань,* приспособленную к обороне; рота остановилась вследствие сильного огня противника; командир сотни получил приказание от случайно бывшего здесь Генерала Ренненкампа ударить на неприятеля в шашки; исполняя приказание сотник Кузнецов с 25-30 казаками бросился на импань, но ввиду того, что перед самой импанью было болото, кони завязли, казаки, быстро спешившись, пошли на «Ура» в пешем строю на импань и увлекли своим примером роту.

С падением Айгуна китайцы отступили по дороге Айгун-Цицикар.

24 июля на биваке под Айгуном был сформирован летучий конный отряд Генерал-Майора Ренненкампа; в него вошли: 4-я и 5-я сотни Амурцев, 1-я, 2-я и полусотня 3-й сотни Нерчинцев и 2 пеших орудия Забайкальского артиллерийского дивизиона с прислугой, посаженной верхом.

Отряд этот получил задачу взять Цицикар так, чтобы весть о взятии Айгуна дошла до Цицикара вместе с отрядом, что и было исполнено.

Выступив вечером 24 июля с бивуака под Айгуном, отряд 15-го августа был в Цицикаре; причем отряд задержался у отрогов Хингана, поджидая пехотные части, с 27 июля по 3 августа; у г. Мергена — 2 суток и у р. Немэр — 2 суток.

Не считая мелких стычек, малочисленный, но сильный духом конный отряд выдержал четыре упорных боя.

Первый бой разыгрался 25 июля под деревней Эюр; в этом деле 4 сотни разбили 3-тысячный арьергард китайцев при 8 орудиях, действуя преимущественно в конном строю шашкой.

Потери неприятеля были громадны: они оставили на поле сражения около 400-500 трупов. Наши потери были сравнительно незначительны: офицеры: убит 1-го Нерчинского полка сотник Шкляров; ранены: тяжело Командир 4-й сотни Амурского полка Сотник Вондоловский (4-мя пулями) и легко Командир 1-й сотни Нерчинского полка Подъесаул Шарапов; нижние чины: убито 2 Амурца и 6 Нерчинцев, ранено 12 казаков; пострадала более всего Забайкальская 2-я сотня; это можно объяснить тем, что Амурцы шли лавой, а Забайкальцы, идя в

Командующий Мергенским летучим отрядом генерал-майор П.К. Ренненкамф.

сомкнутом строю, попали под залпы неприятельской пехоты.

Здесь получил Орден Св. Георгия 4-й степени хорунжий (ныне Войсковой Старшина) Вертопрахов, первый кавалер Амурского войска, который еще «до главного столкновения, командуя авангардной сотней, сбил китайский тыловой отряд и захватил с боя 2 орудия, из коих одно не успело выбросить и снаряда».

Следующий бой произошел 28-го июля на отрогах Хингана. Отряд, подойдя к перевалу, начал наступление, но обходная колонна отступила и отряд под прикрытием 5-й сотни Амурцев под командой хорунжего Вертопрахова, засевшей в 300 шагов от китайцев, отошел и стал в 2-х верстах от позиции. Вечером отряд отошел на бивак к де-

ревне Санжан, где и ждал пехоту и артиллерию, высланную вслед за конным отрядом (Сретенский резервный полк и 1-я батарея Забайкальского дивизиона). Отряд этот подошел 2-го августа и с ним прибыла 6-я сотня Амурцев.

Перед приходом отряда Генерал-майор Ренненкамф со всеми офицерами отряда произвел рекогносцировку и ночью на 3-е августа отряд двинулся опять против Хинганской позиции. Вперед пошли 2 батальона и 4-я сотня Амурцев (временно командовал сотней сотник Арсеньев), назначенные в обходную колонну, и следом третий батальон, 10 орудий и пять сотен казаков. Артиллерия на рассвете выехала на позицию и открыла убийственный огонь по правофланговой позиции китайцев. Обходная же колонна, проведена была скрытно сотником Арсеньевым в тыл всей позиции китайцев, обойдя левый фланг, и неожиданно для них ударила в тыл; в то же время была начата атака с фронта пехотой на укрепления, а конницей на левый фланг китайцев, и китайцы с сильно укрепленной позиции, защищенной даже фугасами (один взорвался под дышлом зарядного ящика), бежали в паническом страхе.

К сожалению, в этом бою был убит только что прибывший в Амурский полк сотник Арсеньев, так умело ночью проведший 2 батальона в тыл позиции китайцев.

После поражения под Хинганом, китайцы уже не оказывали сопротивления и конный отряд имел столкновения только с отдельными мелкими партиями.

Не доходя 20 верст до селения Бордо (джан), к отряду явился парламентар от китайского Командующего войсками Цицикарской провинции, но Генерал Ренненкамф усиленным маршем пошел вперед, сказав парламентару, что всякий китаец с оружием в руках будет врагом России и если не желают войны, то пусть отряд сдаст оружие.

Подходя к селению Бордо (джан), отряд увидел вдали спешную переправу китайского отряда через р. Немэр. Войска успели перепра-

виться, и отряд только успел отрезать обоз с мукой и стадо до 1000 баранов.

Китайские посты стояли на противоположном берегу в окопах. К отряду прибыл китайский командующий отрядом просить Генерала Ренненкампа не идти далее, но Генерал наотрез отказал и предложил сдать оружие. В это время с музыкой и пением к конному отряду подходила пехота и китайский Командующий хотел заколоть себя ножом, но бывшие с ним сановники удержали его и он уехал к своему отряду.

Назавтра конный отряд переправился вплавь через Немэр, энергично двинулся в Цицикар, имея с собой охотничью команду. В Цицикаре занял позицию, пройдя город, и выехавшим китайским властям было сказано, что через полчаса будет открыт огонь, если не явится на позицию Дзянь-дзюнь* Шэу. После этого китайские войска начали уходить с оружием из города. Генерал Ренненкампф приказал артиллерии огнем остановить движение неприятельских войск и с этой же целью выслал, кроме 5-й Амурской, бывшей в прикрытии к артиллерии, все сотни. Завязался бой и китайцы были рассеяны. Потери под Цицикаром: убито 4 казака 6-й сотни Амурцев.

Захватив богатую казну и устроив почтовое сообщение с г. Благовещенском постами летучей почты, оставленными при следовании, генерал Ренненкампф быстро двинулся на г. Бодунэ, и в три дня отряд сделал переход в 300 верст, переправившись при слиянии р. Нонни и Сунгари при громадном разливе.

Далее отряд, переправившись вторично чрез Сунгари у Бодунэ, двинулся на г. Куанчензы.

Генерал Ренненкампф, желая проверить слух от китайцев, что в Гиринах уже Русские, взял 6-ю Амурскую сотню и 2-ю Нерчинскую, двинулся на Гирин и занял его первый; отряд же в это время горными дорогами отдельными колоннами двинулся на Императорский тракт между Гирином и Мугденом и собрался в местечке Дагушань.

Здесь был приказ остановиться и ждать сбора войск для взятия Гирина, который уже занял Генерал Ренненкампф. Отряд простоял около 10 дней, поставил летучую почту на Гирин и Телин. Потом отряд двинулся в г. Телин, где и находился до 11 октября, когда был экстренно вызван генералом Ренненкампфом в местечко Шуаян. Отдохнув сутки в Шуаяне, отряд в составе: 5 и 6-й сотен Амурцев, 1-й и 2-й Нерчинцев двинулся в вершину Сунгари, на непокорного князька Ханденгю.

Отряд, идя переменными аллюрами, не ожидал никаких препятствий, но в первый же день похода, 15 октября, китайцы неожиданно встретили отряд залпом. Передовая, 2-я Нерчинская сотня за-

Подполковник А.А. Павлов.

мялась, тогда подполковник Павлов (ныне Генерал-Майор Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА) высказывает вперед и своим примером увлекает сотню вперед. Амурцы же, посланные вправо, обошли китайцев и стремительно обрушились с тыла, так что китайцы бросились вперед и небольшому обозу, под прикрытием трубачей, пришлось отстреливаться от китайцев. В этот день отряд потерял: одного убитым и более 20-ти казаков ранеными. Похоронив убитого, отряду вновь пришлось идти в атаку на отступивших китайцев и занявших высоты: тут казаки с остервенением рубили и даже трубачи Нерчинского полка с трубами за плечами приняли участие в атаке. Отряд ночевал в полной боевой готовности, кони не расседывались. На завтра опять два раза китайцы преграждали путь, но атаки казаков опрокидывали все; потери за этот день 3 убитых казака.

17 октября утром отряд встретил занятый перевал и, решительным наступлением сбив китайцев, увидел в ложине г. Монпашань, хорошо укрепленный. На плечах китайцев две сотни: 6-я Амурская и 1-я Нерчинская, подскочили к воротам, но они оказались заваленными и, не имея пироксилина, должны были отойти к отряду, который в это время весь сосредоточился в ложине перед стенами города, шагах в 150 от них.

Китайцы делали попытки захватить отряд врасплох, но два раза с громадным уроном отгонялись назад. Отряд, таким образом, под снегом, без пищи и огня, задержался до темноты, и видя, что китайцы еще засветло обошли большим кольцом, с наступлением темноты генерал Ренненкампф приказал сотнику Вертопрахову со взводом 5-й сотни двигаться по дороге на Гирин, а 6-й сотне, как только раздастся команда «садись», открыть залповый огонь по городу. Передовому взводу приказано было, в случае встречи с китайцами, с криком «Ура!» броситься на них, а сзади будет подмога. Но отряд, пройдя верст 8, стал на ночлег, не встретив сопротивления.

За этот день было много раненых, как Амурцев, так и Нерчинцев, но большинство оставалось в строю, не заявляя о ранах, так как за неимением обоза им все равно приходилось быть верхом, только сильно раненые были помещены на имеемые 4 двуколки.

Отряд 20-го октября благополучно прибыл в Гирин и здесь, бывшие все время отдельно 4-я, 5-я и 6-я сотни, встретили штаб полка, свою святую — знамя и 1-ю и 2-ю сотни.

С занятием Гирина можно считать, что регулярные войска Китая были разбиты и только остатки их, удалившиеся в недоступные дебри Манджурии, вызывали бесполезные экспедиции.

Казаки, вернувшиеся из похода, у казарм на Релочном переулке в Благовещенске.

По соединению всего полка 7-го ноября в гор. Гирине, 9-го ноября 1900 года были уволены на льготу казаки 3-й очереди и полк переформирован в 4-х сотенный состав.

С 10-го ноября по 3-е декабря полк участвовал под начальством Генералов Фока и Ренненкамппа в Монпашанской, Куанкайской и Хайпацзянской экспедициях. Труды и лишения наших войск, нашли себе оценку в приказе Генерала барона Каульбарса* (Командира 2-го Сибирского Армейского Корпуса): «Зима, сильные морозы, неведомая страна, дурные дороги в горах, ночлеги в холодных фанзах и на дворе, переходы по 60 верст по горным тропам, в 3-4 раза сильнее-ший враг, опиравшийся на укрепленные города, не остановили доблестного наступления наших отрядов в самые недра Манджурии, доказав еще раз несокрушимую силу Русских войск».

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, император и
самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и пр., и пр., и пр.
НАШЕМУ Амурскому казачьему полку.

В ознаменование особенного МОНАРШЕГО благоволения НАШЕГО за оказанные подвиги мужества и храбрости 4-ю, 5-ю сотнями Амурского казачьего полка в военных действиях против Китайцев в 1900 году ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ жалуем сотням сим Георгиевские серебряные трубы с надписями: 4-й и 5-й сотням: «За Эюр, Хинган и Цицикар в 1900 году» и 6-й сотне: «За Хинган и Цицикар в 1900 году.»

ПОВЕЛЕВАЕМ трубы сии употреблять на службу НАМ и Отечеству с верностью и усердием, Российскому Воинству свойственными.

«НИКОЛАЙ»

В Царском Селе. 21 марта 1903 г.

Военный Министр, Генерал-Адъютант КУРОПАТКИН

В Министерстве Иностранных дел записано под N 138.

С 3 декабря 1900 года по 23 апреля 1901 года, входя в состав 2-го Сибирского Армейского Корпуса, полк пробыв в г. Гирине, откуда был двинут в г. Итуньчжоу, куда и прибыл 29 апреля. Во время пребывания в г. Гирине и Итуньчжоу полк выставлял от себя посты, поддерживая сообщения между разными пунктами и временем разъезды для выслеживания и истребления хунхузов, разбойничавших по течению р. Сунгари.

За участие 4-й сотни в мартовской экспедиции Командиру ее Есаулу (ныне полковнику в отставке) Кузнецову в приказе по 2-му Сибирскому Армейскому Корпусу от 23 апреля N 44 объявлена благодарность в следующих выражениях: «Есаулу Амурского казачьего полка Кузнецову за то, что следуя безостановочно в авангарде колонны полковника Сервианова превосходно освещал со своей лихой 4-й сотней местность, а при встречах с противником его казаки обнаруживали замечательную неустрашимость, решимость и военную сметку».

19 июня 1901 года полк из Итуньчжоу опять передвинулся в г. Гирин, где и стоял до половины сентября; в этот период были спущены на льготу казаки 2-й очереди, и в конце сентября полк уже в 3-х сотенном составе мирного времени (с обозом) прибыл в г. Нингуту, где и оставался до 1904 года, то есть до объявления войны с Японией. Полк устроился на своей новой стоянке и хотя отдельные сотни и посылались в экспедиции, тем не менее жизнь вошла в обычную колею. Санитарное со-

стояние полка, даже в холерный 1902 год, было отличное: когда китайцы города Нингуты умирали сотнями, в полку умер только один казак.

V

Русско-японская война.

27 января 1904 года была получена телеграмма о мобилизации наших войск; закипела работа.

Часть офицеров командирована в дивизион, часть в г. Благовещенск за льготными сотнями. 1-я и 2-я первоочередные сотни были немедленно мобилизованы и 15 февраля выступили к месту сосредоточения нашей армии, в г. Ляоян, куда и прибыли по железной дороге 20 февраля. 3-я же сотня, переименованная в 1-ю сотню дивизиона и выделенная из полка, осталась в г. Нингуте для охраны полкового имущества и ожидания дальнейших распоряжений.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ

12-го Августа 1904 года. г.Ляоян.

N 600.

Сего числа ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР осчастливил меня телеграммой следующего ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО содержания:

«Сегодня во время совершения Таинства Святого Крещения Наследника Цесаревича Великого Князя АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО И Я, в душевном помышлении о НАШИХ доблестных войсках и морях на Дальнем Востоке в сердце, молитвенно призывали их быть восприимчивыми Новокрещаемого ЦЕСАРЕВИЧА; да сохранится у НЕГО на всю жизнь особая духовная связь со всеми теми, дорогими для НАС и для всей России от высших Начальников до солдата и матроса, которые свою горячую любовь к родине и ГОСУДАРЮ выразили самоотверженным подвигом полным лишений, страданий и смертельных опасностей». «НИКОЛАЙ».

Счастлив объявить войскам Армии об этом новом и неизгладимом навсегда знаке ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО внимания к нам.

Приказ этот при возможно торжественной обстановке прочесть при собрании всех гг. офицеров во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах и хранить особо от всех приказов.

Подписал: Командующий Армиею, Генерал-Адъютант Куропаткин.

Льготные сотни из г. Благовещенска шли чрез город Цицикар и далее по линии железной дороги к полку, в г. Ляоян; 3-я и 4-я сотни к марту месяцу прибыли уже в Ляоян; 5-я же и 6-я пришли туда значительно позднее, так как их комплектование казаками наиболее отдаленных округов от г. Благовещенска, замедлилось и, кроме того, из г. Цицикара им было приказано двигаться походным порядком до Харбина и потому сотни эти присоединились к полку только в конце марта месяца в г. Ляояне.

В это время 4-я сотня была услана на крайний правый фланг нашего расположения в местечко Даван для наблюдения за р. Ляохэ. 3-я сотня стояла на постах летучей почты, 2-я сотня находилась в конвое Командующего армией, а полусотня 1-й сотни в конвое Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на дальнем Востоке; таким образом при знамени находилась одна полусотня. Вновь прибывшие 5-я и 6-я сотни поступили в распоряжение 2-го Сибирского Армейского Корпуса.

В начале апреля 1904 года полусотня 5-й сотни была отправлена

для розысков партизанского отряда подполковника Мадритова, о котором долгое время не имелось никаких известий. Скоро следом за этой полусотней были командированы 6-я и оставшаяся полусотня 5-й сотни, которые, соединившись вместе, вошли в состав Синзинтинского отряда, находившегося на крайнем левом фланге нашей армии.

Из вышеизложенного видно, что Амурский полк в кампанию 1904-1905 гг. был еще более разбросан по отдельным отрядам, чем в 1900 г.

Как людей вполне приносившихся к местности и условиям жизни в Маньчжурии их наперерыв разбирали в качестве проводников и конвоя начальники отрядов. Как ни лестно подобное внимание, но казакам не пришлось, к сожалению, действовать совместно и тем еще более возвеличить свою боевую славу, приобретенную в 1900 и 1901 гг. Рассеянные по полям Маньчжурии как овцы без пастыря, Амурцы рыскали как волки, добывая себе чести, а полку и войску славы в передовых стычках, несении тяжелой разведывательной и аванпостной передовой службы.

Можно с уверенностью сказать, что не было ни одного значительного столкновения во время трех главных операций (Ляоянской, на Шахэ и Мугденской), в которых не участвовали бы Амурцы. Доказательством доблести Амурцев в минувшую кампанию служит длинный ряд наград, полученных господами офицерами и длинный список кавалеров Знака отличия Военного Ордена.

В декабре 1905 г. полк был двинут в г. Благовещенск из местечка Сандядзы (близ ст. Таладжоу) походным порядком до г. Харбина, оттуда до Цицикара по железной дороге и далее до Благовещенска опять походом; при этом полк вел при небывало суровой зиме, кроме своих, 1500 **ВЫСОЧАЙШЕ** дарованных войску для улучшения коневод-

Казаки в походе.

VI

Жизнь после войны в Гродеково.

Не успел еще полк обосноваться на твердую ногу в Благовещенске, как ему волею Начальства пришлось передвинуться в Южно-Уссурийский край, в станицу Гродеково. Полк собирался спешно и 17 мая 1906 г. двумя пароходами отправился вниз по Амуру на Хабаровск. Последние дни пребывания в Благовещенске омрачились потерей одного офицера, сотника И.И. Полуэктова, убитого неизвестно кем на Большой улице. Полк прибыл в Гродеково 29 мая. Неприветливо встретила новая стоянка Амурцев: постоянные дожди, неприглядные казармы, унылая местность. Полк энергично принялся устраиваться на новом месте, привыкать к новому климату и новым условиям жизни. Одновременно с этим пришлось начать и новую службу, очень важную в послевоенное время — охрану населения от нападения хунхузов. Был выставлен от полка постоянный пост для наблюдения за хунхузами в долине Пэда-хэзы в 25-ти верстах от Гродеково. Экспедиции за хунхузами были в большинстве случаев неудачны. Один раз разъезду под начальством приказного 1-й сотни Алексея Гамова удалось поймать 4-х разбойников.

В конце мая 1906 года Полковник Бендерев сдал полк Полковнику Ваксмуту.

Полк в августе 1906 г. выступил в составе 2-х сотен на маневры под г. Никольск-Уссурийском.* После маневров началась мирная служба полка: зимние занятия, обучение молодых.

21 мая 1908 года полусотня была вызвана в г. Никольск-Уссурийский для охраны железнодорожного вокзала, а через полмесяца полусотня была усилена до сотни. Сотни в этой командировке чередовались через 4 месяца.

глава III

В вагоне.

В марте 1908 г. Полковник Ваксмут вышел в отставку и назначен командиром полка Полковник Пешков, Амурский казак Албазинской станицы, и вступил в командование полком до 20 марта.

Полк простоял в Гродеково еще одну зиму, а в мае 1908 года также экстренно, как и пришел, тронулся на родное пепелище в г. Благовещенск.

VII

В городе Благовещенске.

Полковник Пешков командовал полком недолго. Приехав в полк 20 марта 1908 г., он 15 августа того же года подал в отставку и выехал в Петербург 12 декабря 1908 года.

2-го ноября 1908 года Командующим полком был назначен Войсковой старшина Э.А. Раддац.*

29 декабря 1909 года полку **ВЫСОЧАЙШЕ** повелено именоваться Амурским казачьим Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского полком. Эта монаршая милость последовала по случаю 50-летнего юбилея учреждения войска, в ознаменование доблестной деятельности первого устроителя Приамурского края и для сохранения памяти о нем в Амурском казачьем войске.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
в присутствии своем в Царском Селе,
Декабря 29 дня 1909 года, соизволил отдать следующий
ПРИКАЗ:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в ознаменование доблестной деятельности первого устроителя Приамурского края Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского и для сохранения в Амурском казачьем войске памяти о нем **ВЫСОЧАЙШЕ** повелеть соизволил Амурскому казачьему полку именоваться впредь Амурским казачьим Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского полком.

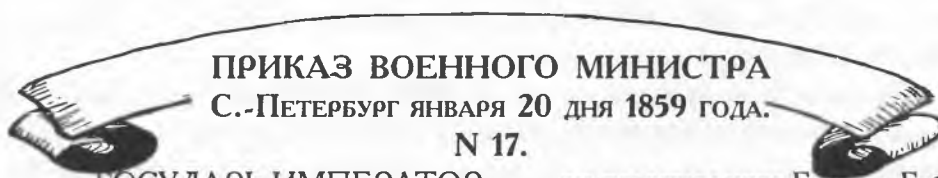
Подписал: Военный Министр Генерал-от-Кавалерин Сухомлинов.

В 1910 году в июне месяце полк, находясь в лагере, был свидетелем следующего явления: сзади полкового лагеря у подошвы возвышенностей было забытое кладбище, утратившее всякие внешние признаки своего существования, сподвижников Графа Муравьева, умерших при зимовке тут же на берегу (на месте ставки Муравьева — монумент), и благодаря сильным дождям водою вымыло гробы, кости из коих вынесло наружу и разнесло по болоту; полк благоговейно, с уважением к своим предкам собрал эти кости, положил в новый гроб и при полном наличном составе, отслужив панихиду по Графе Муравьеве и его сподвижниках, предал вновь земле, окружив эту могилу оградой и поставив крест с надписью.

Таким образом, умершие наши предки сами, с того света, напомнили полку и войску о себе и их доблестном вожде Графе Муравьеве.

*Составил
Войсковой Старшина Вертопрахов.*

ПРИЛОЖЕНИЯ К ПАМЯТКЕ

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР согласно представлению Генерал-Губернатора Восточной Сибири, признавая необходимым обеспечить возвращенный России При-Амурский край военным населением, **ВЫСОЧАЙШЕ** повелеть соизволил:

Для охраны Юго-восточной границы нашей и содержания сообщения по рр. Амуру и Уссури, образовать во вновь учрежденных Именным Указом Правительствующему Сенату 8-го Декабря 1858-го года Амурской и Приморской областях казачье войско, под названием **АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА**, на следующих главных началах:

1) Основание народонаселения Амурского казачьего войска должны составить (на первое время) переселяемые из Забайкальского войска в Амурский край казаки и частию нижние чины, переводимые в Восточную Сибирь из Внутренних Гарнизонных баталионов, всего от 15-ти до 20-ти тысяч душ обоего пола.

2) Народонаселение это разделить на четыре округа: два полковых от соединения рек Шилки и Аргуни, вниз по левому берегу Амура до селения Гинканского, и два баталионных: один под именем «Амурского» от селения Гинканского по левому берегу Амура до устьев Уссури, а другой под названием «Уссурийского» по правому берегу Уссури до ее верховьев и оттуда по сухопутной границе до морского побережья.

3) Округа сии будут формировать (по штатам у сего прилагаемым) полковые **ДВА КОННЫХ** четырехсотенного состава **ПОЛКА**: (1-й и 2-й Амурские), а баталионные два **ПЕШИХ** (5-ти ротных, из коих одна **СТРЕЛКОВАЯ**) **ДЕЙСТВУЮЩИХ БАТАЛИОНА** (Амурский и Уссурийский), и два **РЕЗЕРВНЫХ**, формируемых только в военное время.

4) Конные полки, составляя конную бригаду (под названием «Амурской»), поручаются Бригадному Командиру из регулярных Штаб-офицеров, заведывающему обоими полками, как в строевом, так и в хозяйственном отношениях; по сему особых полковых Командиров, не полагается, а назначаются в помощь — Бригадному Командиру, и для командования полками в строю — Командующие полками из Штаб-офицеров или Есаулов, и в каждую сотню Сотенный Командир с Субалтерн-офицером (те и другие из регулярных войск или из лиц войскового сословия).

5) Пешие баталионы вверяются Баталионным Командирам из регулярных Штаб-офицеров, в случае же формирования в баталионном округе резервного баталиона, назначается Командующий сим баталионом из старших Есаулов и тогда Баталионный Командир, командуя лично действующим или резервным баталионом, принимает вместе с тем начальство над обоими баталионами, с правами Бригадного Командира.

6) Образованные таким образом части Амурского казачьего войска подчиняются Военным Губернаторам Амурской и Приморской областей, которые управляют ими на правах: по части Гражданской — Гражданских Губернаторов, а по части военной — Начальников Дивизий, под главным ведением Генерал-губернатора Восточной Сибири, которому предоставляется власть Командира Отдельного Корпуса в мирное время.

Военные Управления, учреждаемые при Военных Губернаторах Амурской и Приморской областей, будут заведывать, как казачьими войсками, так и регулярными частями, в областях расположенными, почему вместе с учреждением сих Управлений существующие ныне Управления: Амурской линии и 3-й бригады 24-й Пехотной дивизии — должны упраздниться.

7) для заведывания медицинскою частию в Амурской области, полагается при Военном Губернаторе Войсковой Дивизионный доктор, а в Области Приморской — часть эта подчиняется местному Инспектору Медицины.

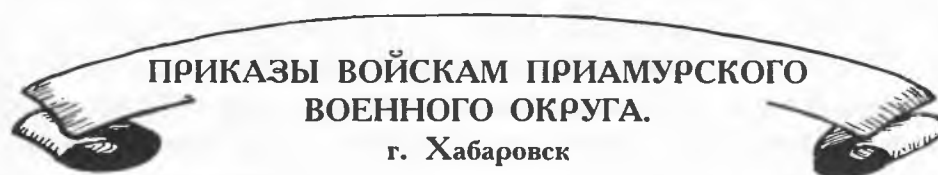
8) Для помещения заболевших устаиваются 4 лазарета, а для пользования их назначаются в конную бригаду, а так же в каждый полк и батальон, особые врачи с надлежащим числом фельдшеров.

9) Обмундирование и вооружение войсковые чины должны иметь собственное, но дабы облегчить их в приобретении оружия на первый раз, отпускаются войску на штатное число чинов 2-х конных полков и 2-х действующих батальонов, безденежно ружья (драгунские, нарезные по образцу Лейб-Гвардии стрелкового батальона ИМПЕРАТОРСКОЙ фамилии) от Артиллерийского ведомства.

10) Генерал-Губернатору Восточной Сибири поручается ныне же приступить к устройству Амурского войска на сих главных началах, а между тем, предоставляется Военному Министерству внести на ВЫСОЧАЙШЕЕ утверждение подробный проект положения об этом войске.

Объявляется о сем по Военному Ведомству для сведения и должного, до кого касается, исполнения, прилагая ВЫСОЧАЙШЕ утвержденные штаты: а) Управления Амурского казачьего войска; б) 1-го и 2-го Амурских конных казачьих полков 4-х сотенного состава и в) Амурского и Уссурийского пеших казачьих батальонов.

*Подписал: Генерал-Адъютант Сухозанет 2-й.
По Управлению Иррегулярных войск.*

**ПРИКАЗЫ ВОЙСКАМ ПРИАМУРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА.**

г. Хабаровск

26 июля 1900 года.

N 326

За отличия, оказанные 21 сего июля, при взятии с боя на высотах у дер. Калушан, на правом берегу Амура, ниже г. Благовещенска, **ДВУХ ОРУДИЙ**, Амурского казачьего полка зауряд-прапорщик **НОМОКОНОВ** и урядник **КУЗНЕЦОВ**, по **ВЫСОЧАЙШЕ** предоставленной мне власти, награждаются: первый — знаком отличия Военного ордена 3-й степени и второй — знаком отличия Военного ордена 4-й степени.

4-го августа 1900 года.

N 344

3-го августа, по случаю празднования полувекового юбилея занятия нашего Амура мною была послана Военному Министру телеграмма следующего содержания:

«50 лет тому назад, 1-го августа, Невельской поднял Русский флаг на устье Амура на левом его берегу и положил начало нашего владения этой великой рекой. Ныне после упорных боев мы завладели и правым берегом Амура и тем закончили великое дело присоединения всей р. Амура к Русским владениям, сделав эту реку внутренней, а не пограничной, чем достигли свободного и безопасного плаванья по этой артерии обширнейшего края.

Празднуя полувековой юбилей знаменательного события, положившего начало прочного занятия нами Амура, прошу Ваше Превосходительство подвергнуть Всеподданнейшее поздравление ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ от имени населения и войск Приамурского края. Счастлив, что могу свидетельствовать, что в ниспосланные дни испытания, войска и население оказались достойными великого русского имени».

На телеграмме этой, как уведомил меня Начальник Главного Штаба 8 августа, N 1608, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было собственноручно начертать:

«Искренно благодарю войска за молодецкие действия их».

Поспешаю объявить войскам округа о таковом милостивом отзыве ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА о наших трудах. Твердо уверен, что высокомилостивое внимание ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА придаст нам новые силы на служение для пользы и величия ГОСУДАРЯ и Отечества.

19-го августа 1900 г.

N 187

15 августа Цицикар, главный город Хейлудзянской провинции, занят нашими войсками. Противник, угрожавший нашим пределам, уничтожен или отброшен в глубь Манджурии; славные дела под Эхо, Хунчуном, Баянту, Сансином, Мергеном, Цицикаром, Хайларом, Нингутью, Айгуном, на Большом и Малом Хингане, целый ряд боев по очищению правого берега Амура свидетельствуют о доблести наших молодых войск, бывших впервые в бою.

Двести орудий, масса всевозможного оружия, огромные запасы огнестрельных и продовольственных припасов отбиты нашими войсками.

Поздравляю доблестные войска Приамурского округа. Горжусь ими командовать, не сомневаюсь, что с такою же доблестью будут преодолены труды и лишения предстоящей зимней кампании в Манчжурии.

19-го августа 1900 года.

N 398

Рассмотрев представления, наиболее отличившихся нижних чинов в делах с китайцами, я был поражен огромным числом нижних чинов, которые, будучи тяжело ранены, изнемогая от потери крови, но, твердо помня долг и присягу, не оставляли своих рядов, или, перевязав раны, возвращались в строй. Таковы молодцы: Амурского казачьего полка: ст. урядник Метелев и казаки Носков, Войлошников, Эпов, Суриков и Соломатов.

Спасибо, молодцы! Вы слава и гордость тех частей, в которых состоите. Спасибо и частям, которые воспитали в вас такой молодецкий боевой дух.

Да хранит вас Бог на славу отечества и страх врагам!

16-го сентября 1900 года.

N 459

На посланное донесение о взятии 11-го сего сентября, конницей отряда генерал Ренненкампа главного города Северной Маньчжурии, Гирина, Военный Министр изволил телеграфировать Командующему Войсками Округа Генерал-лейтенанту Гродекову:

«Поздравляю сердечно с занятием Гирина. Молодецкие войска Вами руководимые, преодолели природу, расстояние и сопротивление противника, с изумительной энергией и быстротой».

30-го сентября 1900 года.

N 575

При занятии конным отрядом вблизи г. Гирина, усадьбы Сун-джа-туна, на Генерал-Майора Ренненкампа бросились три китайца с копьями. Казак 6-й Амурской сотни Антипьев заслонил своею грудью начальника и, угрожавший ему удар, принял на себя. За такой подвиг, по **ВЫСОЧАЙШЕ** предоставленной мной власти, награждаю казака Антипьева знаком отличия Военного ордена 3-й степени.

26 ноября 1900 года.

N 600

Командующий Войсками округа телеграммой из Харбина от 25 сего ноября за N 3753, сообщил мне: «Сейчас удостоился получить следующую телеграмму ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: «Искренно поздравляя Георгиевских кавалеров с праздником, от всего сердца благодарю их за славную боевую службу». Подписано: «НИКОЛАЙ».

Во исполнение указания Его Превосходительства Генерал-Лейтенанта Гродекова, драгоценное поздравление верховного Вождя Русской армии счастлив объявить всем войскам округа для прочтения во всех частях при собрании всех чинов. Георгиевским же кавалерам выдать на память копию **ВЫСОЧАЙШЕГО** поздравления, в сем приказе объявленного.

24-го декабря 1900 года.

N 683

Военный Министр телеграфирует: «В виду понесенных трудов и лишений нашими войсками вследствие военных действий в Китае, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР всемилостивейше соизволил пожаловать, на дни Рождества Христова, всем нижним чинам, находящимся в Манчжурии, Печелийской провинции и вообще в пределах Китая и Квантунской области, денежные награды в размере: Георгиевским кавалерам и фельдфебелям по 5 руб., унтер-офицерам по 3 руб., всем остальным нижним чинам по 2 руб. на человека, 1223. Генерал Куропаткин».

Счастлив объявить войскам округа о новой **ВЫСОЧАЙШЕЙ** милости.

20-го февраля 1901 года.

№ 152

Управление Уссурийской конной бригады перевести из г. Никольск-Уссурийского в Гирин. Начальнику Уссурийской конной бригады подчинить сводную конную бригаду, в состав которой включить: Приморский Драгунский и Амурский казачий полк, первую сотню Амурского казачьего дивизиона и Уссурийский казачий дивизион.

**ПРИКАЗЫ
ПО АМУРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ.**

8-го июля 1900 года.

№ 119

За последние дни китайцы проявили к нам целый ряд враждебных действий, усиливают свои пограничные караулы и вооруженными толпами производят нападения на проходящие по Амуру пароходы и береговые казачьи поселения, открывая по ним орудийный и ружейный огонь.

Призывая молодцов Амурцев взяться за оружие и по-казачьи решительно и быстро расправиться с дерзкими нарушителями покоя, снять их пограничные караулы, не теряя времени на ненужные в этом случае запросы о разрешении, но отнюдь не трогая мирных и безоружных китайцев.

Помните казаки, что предки ваши, геройские защитники Албазина и доблестные атаманы Поярков, Хабаров и другие не страшились врага и храбро его сокрушали.

Твердо убежден, что Амурские казаки, проникнутые священным сознанием своего долга служить к ограждению спокойствия на границе, смело и быстро расправятся с враждебными нам китайскими отрядами и имя амурского казака прогремит по всей Манчжурии и станет грозой в китайском населении.

Приказ этот прочесть во всех станицах и поселках тотчас по получении.

18-го июля 1900 года.

№ 126

Ротмистр Гринвальд, Сотник Резунов и Вахмистр Номоконов в ночь на 14 июля с командами казаков и двумя добровольцами учинили разведку на китайской стороне в падах: Солдатке, Каменушке и Манджурке.

Мужество и сознательное исполнение святого долга защитников родной земли дают мне право высказать как начальникам команд: Ротмистру Гринвальду, Сотнику Резунову и Вахмистру Номоконову, так и добровольцам: отставному Хорунжему Полуэктову и дворянину Ивану Ладыгину, и всем казакам молодцам, участвовавшим в лихих разведках, мою глубокую сердечную благодарность.

«За Богом молитва, за ЦАРЕМ служба не пропадают».

25-го июля 1900 года.

№ 127

При сем объявляю для сведения телеграмму Командующего Войсками Приамурского военного округа от 23-го сего июля за № 3133. Счастлив объявить ее войскам.

«С помощью Божией и при доблести наших несравненных войск мы освободились от Айгуна. Поздравляю вас, вверенные Вам войска, город Благовещенск и всю Амурскую область от лица службы. Благодарю Вас за Ваши искусные распоряжения. Передайте нашим несравненным молодцам мое самое горячее спасибо, а амурские казаки, впервые бывшие в бою, показали себя достойными преемниками своих предков, завоевателей Амура, героев Албазинского сидения. Амурскому казачьему войску, слава! Войскам, с бою освободившим Амур: Ура! Ура! Ура! Подписал: Гродеков.

N 128

Телеграмму Наказного Атамана с поста N 2-й от 24 июля сего года за N 4, при сем войску объявляю.

Сердце мое преисполнено великою радостью. Казаки наши, впервые бывшие в бою, показали себя достойными и доблестными преемниками своих незабвенных предков героев Албазина и завоевателей Амурского края. Мужество, храбрость, геройские подвиги офицеров и казаков под начальством достойного Командира полка Полковника Печенкина покрыли славой Амурское казачество. Недавно **ВЫСОЧАЙШЕ** пожалованное полку знамя гордо носилось по вражеским полчищам под Колушаном и Айгуном; вместе с Войсковым Наказным Атаманом радостно провозглашаю: Слава Амурскому казачьему войску! Слава!

28-го июля 1900 года.

N 133

Телеграммою Войскового Правления от 12-го июля за N 79 и приказом моим по Амурской области от 22-го того же июля за N 166, была организована из мужского населения вверенного мне Амурского казачьего войска, в возрасте от 17-ти до 55-ти лет, сверх второй и третьей очередей, способных носить оружие, охранная стража для охраны селений, телеграфной линии и складов пароходских дров. Казаки этой стражи, находясь все время в напряженном состоянии при своих постах и не раз молодецки делая переправы на китайскую сторону, уничтожали китайские вооруженные пикеты и этим самым способствовали нашим регулярным войскам в быстрой очистке Амура к свободному и безбоязненному плаванью по ним пароходов, которое было на время нарушено нашим вероломным соседом. Ныне, с уничтожением всех китайских пикетов и селений, китайцы удалились в горы и леса, где образуя вооруженные шайки могут иногда выходить к берегу реки и вновь тревожить наши поселки, а равно и идущие по Амуру пароходы.

Поэтому, чтобы доконать врага окончательно; так, чтобы он не только не мог возвращаться шайками по самый берег Амура и этим тревожить наше население и пароходы, но даже не мог бы об этом и помышлять, я призываю молодцов казаков, свободных от своих работ, при всяком удобном случае делать переправы через Амур и производить поиски китайских вооруженных шаяк, уничтожать таковые шайки вместе с их жильем все без остатка, а отобранное оружие и огнестрельные припасы забирать и перевозить в станицы, где и хранить впредь до особого моего распоряжения, а также, если представится возможность забирать с собою и все продовольственные их запасы.

Вполне убедаясь в отважной смелости и беззаветной храбрости молодцов-казаков, показавших на поле брани и у себя в станицах свою молодецкую удаль

против вероломного нам соседа, твердо убежден, что Амурские казаки, не ограничиваясь совершенными уже славными делами, будут делать постоянные за Амур переправы и, уничтожая вооруженные шайки, заставят врага смириться и просить пощады и этим будут способствовать возможно скорее водворить общий мир и спокойствие во всем Амурском крае.

1-го августа 1900 года.

N 138

Объявляю войску телеграмму Командующего армией Генерала Гродекова от 3-го сего июля за N 3518.

768. Передайте от меня Генералу Ренненкампу, что его действия выше похвал. Отряду его мой привет, благодарность. Горжусь Приамурскими казаками, таких молодцов еще не было. За выдающиеся подвиги жалую знаками Отличия Военного Ордена: Амурского полка урядников Пакулова, Митрофанова, Матвеева, казаков: Петрова, Нижегородцева, Пальчикова, Королева, Ярославцева, Потехина, Уварова, Корнилова, Никитина, Куницина, Высоцкого; прошу распорядиться немедленно выштамповать или отлить в Благовещенске 18 знаков Отличия Военного Ордена для немедленной отправки их вновь пожалованным кавалерам, впредь пока будут заменены казенными номерными».

25-го августа 1900 года.

N 165

За доблестные действия войск Мергенского отряда Генерала Ренненкампа Командующий армией телеграммой за N 3663 пожаловал на каждую сотню отряда по пяти знаков отличия военного ордена.

N 166

Генерал Ренненкампф с своим лихим отрядом с чрезвычайной быстротой прошел 400 верстное расстояние и после целого ряда блестящих побед 15 сего августа взял Цицикар.

От души поздравляю победителей и все войска вверенного мне отряда с столь блестящими результатами достигнутыми в сравнительно короткий срок.

Командующий войсками округа на мою телеграмму о взятии Цицикара прислал следующий ответ:

«Поздравляю Ваше Превосходительство и подчиненные Вам войска с победою. Милостью Бога и доблестями Генерала Ренненкампа и наших чудных, несравненных войск главный наш враг сломен и уничтожен. Приамурские казаки показали себя чудо-богатырями. Не нахожу слов выразить всем мою глубочайшую признательность».

9-го декабря 1900 года.

N 262

При сем объявляю приказ Приамурским казачьим войскам 26-го ноября, предписываю прочесть таковой в сотнях и командах, и на первых станичных и поселковых сходах:

«Доблестные и несравненные Приамурские казачьи войска! ВЫСОЧАЙШЕЮ волею 12 июня сего года вы были призваны на защиту неприкосновенности границ Русского Государства, которым угрожал неприятель на протяжении

глава III

4000 верст, от Урги до Хунчуна. 56 конных и 23 пеших сотен, 4 батареи, включая первоочередные части, выступили в полной боевой готовности в кратчайший срок. По станицам остались лишь старики, женщины и малолетки, да и на тех зачастую лежала задача охранять телеграф, склады дров для пароходов и свои станицы, отделенные сплошь и рядом от пикетов врага самым незначительным расстоянием. Выделив часть своих сил на Печелийский театр, где удивили всех своими подвигами, вы отбросили противника от границ наших и грозной волной прошли Манджурию с севера на юг и с запада на восток.

За минувшую компанию противник много раз испытал силу нашего оружия и героями почти всякого дела были вы, Приамурские казаки. 7 офицеров и 85 казаков легли костями на чужбине, а 13 офицеров и 220 казаков пролили свою кровь в этих боях. Вы, Приамурцы, вполне оправдали те надежды, которые на вас возлагались. Вы, действительный и крепкий оплот государства на китайской границе. Мир славному праху павших, живым слава во веки!

17-го января 1901 года.

N 5

Командующий войсками округа и Войсковой Наказный Атаман Приамурских казачьих войск, благодаря Всевышнего за дарованные войскам победы в Манджурии пожертвовал 10000 руб. на сооружение в Хабаровске храма во имя покровителя Приамурских казачьих войск, Алексия Божия человека.

Объявляя о сем войску, я уверен, что мысль главного начальника края построить храм Божий в память такого знаменательного события найдет себе у всякого казака самое горячее сочувствие и Амурцы с радостью примут посильное участие в сборе средств на сооружение этого храма, для чего Войсковому Правлению разослать начальникам участков, станичным Атаманам и Командирам полка и дивизиона подписные листы.

14-го февраля 1901 года.

N 27

Командующий войсками округа Войсковой Наказный Атаман телеграфирует мне: «Шестого февраля Амурского полка Сотнику Вертопрахову ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован орден Св. Георгия четвертой степени за взятие с боя 25-го июля у кумирни, близ деревни Эюр, двух неприятельских орудий.

Радостно поздравляю Амурское казачье войско с ПЕРВЫМ Георгиевским кавалером». 8032 Гродеков.

Счастлив объявить мое сердечное поздравление вверенному мне Амурскому казачьему войску с первым Георгиевским кавалером.

17-го февраля 1901 года.

N 31

Казаки Амурского полка, перечисленные 1-го января сего года в 3-ю очередь, в составе: 1 вахмистра, 12 урядников, 52 казаков, 4 нестроевых старшего разряда, 2-х медицинских, и 2-х ветеринарных фельдшеров при 87 лошадях и 9 двуколках под командой, состоящего по Амурскому войску, Хорунжего Казанова, вследствие демобилизации были двинуты из Гирина через Харбин и Цицикар в Амурскую область 19-го минувшего января месяца и 11-го февраля прибыли в Благовещенск, сделав от Гирина до Благовещенска 1088 верст в 19 дней в суровое

тельствуют ряды крестов, разбросанных на тихих кладбищах поселков и станиц.

Не забудет летопись края тружеников и тружениц, положивших свои головы за его устройство.

Обращаясь к Вам, станичники Амура и Уссури, призываю Вас брать пример с Ваших отцов и дедов в неустанной работе своих хозяйств, дабы быть в состоянии снаряжать исправно казаков на службу, а Вас, казачек, призываю воспитывать своих детей на началах любви к Богу, уважения к старшим и доброй нравственности, дабы из них вырабатывались впоследствии люди, достойные почетного казачьего звания.

Прощайте, поддерживайте СЛАВУ доблестного русского казачества, и да поможет Вам Бог во всех Ваших благих начинаниях.

Приказ прочесть во всех сотнях и на станичных и поселковых сходах Амурского и Уссурийского казачьих войск.

*Подписал: Войсковой Наказный Атаман Амурского
и Уссурийского казачьих войск,
Сенатор, Инженер-Генерал Унтербергер
(По Управлению Окружного Генерал-Квартирмейстера)*

СПИСОК ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ ЗА КИТАЙСКИЙ ПОХОД. 1900-1901 гг. .

Сотник Роман Вертопрахов..... Орден Св. Георгия 4 ст.

глава III

Игнашинский станичный округ:

✳Младший урядник Александр Сенотрусов.....	4 ст.
✳Младший урядник Егор Щеголев.....	4 ст.
✳Вахмистр Иннокентий Кожевников.....	4 ст.
✳Приказный Конон Сычев.....	4 ст.
✳Старший урядник Петр Кузнецов.....	4 ст.
✳Казак Дионис Суриков.....	4 ст.
✳Старший урядник Степан Кузнецов.....	4 ст.
✳Казак Андрей Щербаков.....	4 ст.
✳Казак Влас Щербаков.....	4 ст.
✳Казак Савелий Суриков.....	4 ст.
✳Вахмистр Дмитрий Мунгалов.....	2, 3 и 4 ст.
✳Старший урядник Михаил Мунгалов.....	4 ст.
✳Вахмистр Александр Щербаков.....	3 и 4 ст.
✳Вахмистр Василий Елин.....	4 ст.
✳Старший урядник Козьма Шемелин.....	4 ст.
✳Старший урядник Григорий Портнягин.....	4 ст.
✳Казак Семен Баранов.....	4 ст.
✳Казак Федор Антипов.....	3 ст.
✳Приказный Егор Макаров.....	4 ст.
✳Урядник Петр Кузнецов.....	4 ст.

Албазинский станичный округ:

✳Вахмистр Александр Жигалин.....	4 ст.
✳Штаб-трубач Евлампий Васильев.....	4 ст.
✳Младший урядник Даниил Филиппов.....	4 ст.
✳Казак Григорий Суриков.....	4 ст.
✳Казак Сергей Черных.....	4 ст.
✳Казак Спиридон Филинов.....	4 ст.
✳Казак Егор Птицын.....	4 ст.
✳Казак Варнавий Сенотрусов.....	4 ст.
✳Нестроевой старшего разряда Иннокентий Баженов.....	4 ст.
✳Казак Роман Щербаков.....	4 ст.
✳Казак Захар Загибалов.....	4 ст.
✳Младший урядник Григорий Филинов.....	4 ст.
✳Казак Семен Черных.....	4 ст.
✳Старший урядник Софрон Стуков.....	4 ст.
✳Ветфельдшер Филипп Тугарин.....	4 ст.
✳Казак Макар Бянкин.....	4 ст.

✦ Казак Степан Исаков.....	4 ст.
✦ Казак Александр Портнягин.....	4 ст.
✦ Казак Петр Суриков.....	3 ст.
✦ Казак Суриков.....	4 ст.

Черняевский станичный округ:

✦ Казак Марк Пешков.....	4 ст.
✦ Старший урядник Никита Савин.....	4 ст.
✦ Трубач Мефодий Раздобреев.....	4 ст.
✦ Приказный Герасим Савин.....	4 ст.
✦ Казак Егор Шохирев.....	4 ст.
✦ Казак Егор Размахнин.....	3 и 4 ст.
✦ Вахмистр Ананий Глушков.....	4 ст.
✦ Младший урядник Алексей Коротких.....	4 ст.
✦ Казак Николай Потехин.....	4 ст.
✦ Казак Лев Стуков.....	4 ст.
✦ Казак Яким Уваров.....	4 ст.
✦ Младший урядник Иван Савин.....	4 ст.
✦ Казак Евстафий Савин.....	4 ст.
✦ Казак Михаил Потехин.....	4 ст.
✦ Старший урядник Михаил Шильников.....	3 и 4 ст.
✦ Казак Нефед Раздобреев.....	4 ст.

Кумарский станичный округ:

✦ Младший урядник Фаддей Пакулов.....	4 ст.
✦ Младший урядник Никита Пичуев.....	4 ст.
✦ Вахмистр Степан Щеголев.....	4 ст.
✦ Старший урядник Иван Щеголев.....	4 ст.
✦ Приказный Андрей Трухин.....	4 ст.
✦ Трубач Иван Макаров.....	4 ст.
✦ Казак Сергей Корнилов.....	3 и 4 ст.
✦ Казак Василий Саломатов.....	4 ст.
✦ Казак Евгений Алыпов.....	4 ст.
✦ Казак Егор Васильев.....	4 ст.
✦ Казак Яков Савватеев.....	4 ст.
✦ Казак Иван Куницын.....	4 ст.
✦ Казак Павел Ярославцев.....	4 ст.
✦ Казак Андрей Коренев.....	4 ст.
✦ Казак Гавриил Конев.....	4 ст.
✦ Казак Павел Плотников.....	4 ст.
✦ Казак Михаил Полоротов.....	4 ст.
✦ Казак Иван Высоцкий.....	4 ст.
✦ Казак Илья Эпов.....	4 ст.
✦ Вахмистр Петр Щеголев.....	4 ст.
✦ Старший урядник Иван Митрофанов.....	4 ст.
✦ Медфельдшер Николай Киселев.....	4 ст.
✦ Младший урядник Александр Иванов.....	4 ст.
✦ Младший урядник Андрей Саватеев.....	4 ст.
✦ Приказный Сергей Матвеев.....	4 ст.
✦ Приказный Максим Коренев.....	4 ст.

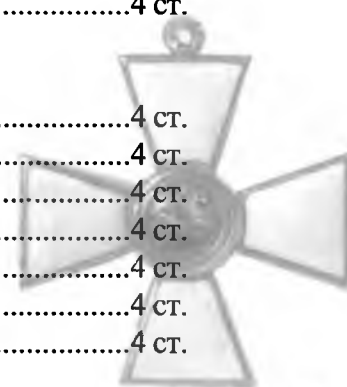
✱Трубач Николай Коренев.....	4 ст.
✱Казак Иннокентий Эпов.....	4 ст.
✱Казак Илья Андреев.....	4 ст.
✱Казак Семен Банышиков.....	4 ст.
✱Приказный Петр Гранин.....	4 ст.
✱Вахмистр Александр Щеголев.....	3 и 4 ст.
✱Старший урядник Василий Кокорин.....	3 и 4 ст.
✱Старший урядник Константин Пакулов.....	4 ст.
✱Приказный Диомид Золотарев.....	4 ст.
✱Казак Николай Никитин.....	4 ст.
✱Казак Сергей Коренев.....	4 ст.
✱Старший урядник Матвей Метелев.....	4 ст.
✱Младший урядник Степан Макаров.....	4 ст.
✱Казак Клавдий Батурин.....	3 и 4 ст.
✱Приказный Елизар Нижегородцев.....	4 ст.
✱Младший урядник Александр Матвеев.....	4 ст.
✱Младший урядник Василий Калинин.....	4 ст.
✱Казак Семен Верхотуров.....	4 ст.

Екатерининский станичный округ:

✱Прапорщик Дмитрий Номоконов.....	2 и 3 ст.
✱Старший урядник Алексей Гловов.....	4 ст.
✱Старший урядник Арсений Гамов.....	4 ст.
✱Старший урядник Евгений Номоконов.....	4 ст.
✱Старший урядник Дмитрий Шестопалов.....	4 ст.
✱Приказный Михаил Осипов.....	4 ст.
✱Младший урядник Александр Сливисский.....	4 ст.
✱Приказный Егор Носырев.....	4 ст.
✱Приказный Евгений Семенов.....	4 ст.
✱Приказный Семен Семенов.....	4 ст.
✱Младший урядник Константин Попов.....	4 ст.
✱Казак Василий Гамов.....	4 ст.
✱Казак Александр Королев.....	4 ст.
✱Казак Митрофан Федосеев.....	4 ст.
✱Казак Яков Носырев.....	4 ст.
✱Казак Алексей Попов.....	4 ст.
✱Казак Николай Гантимуров.....	4 ст.
✱Казак Алексей Софронов.....	4 ст.
✱Урядник Константин Федосеев.....	4 ст.
✱Казак Павел Номоконов.....	4 ст.
✱Приказный Павел Тихонов.....	4 ст.

Поярковский станичный округ:

✱Урядник Иван Терский.....	4 ст.
✱Урядник Александр Филинов.....	4 ст.
✱Казак Михаил Петров.....	4 ст.
✱Казак Илья Старицын.....	4 ст.
✱Вахмистр Иван Филинов.....	4 ст.
✱Приказный Артемий Пинегин.....	4 ст.
✱Казак Иван Афанасьев.....	4 ст.

✳Приказный Виктор Пешков.....	4 ст.
✳Казак Козьма Корнилов.....	4 ст.
✳Казак Антон Козырев.....	4 ст.
✳Приказный Иван Егоров.....	4 ст.
✳Урядник Гавриил Шестопапов.....	4 ст.
✳Вахмистр Илья Бутин.....	3 и 4 ст.
✳Вахмистр Егор Бородин.....	3 и 4 ст.
✳Урядник Семен Бутин.....	4 ст.
✳Урядник Андрей Березин.....	4 ст.
✳Медфельдшер Лев Бутин.....	4 ст.
✳Младший урядник Михаил Госьков.....	4 ст.
✳Казак Иван Пинегин.....	4 ст.
✳Вахмистр Никифор Перебоев.....	3 и 4 ст.
✳Урядник Иван Номоконов.....	4 ст.
✳Трубач Егор Мезгин.....	3 и 4 ст.
✳Казак Иннокентий Номоконов.....	4 ст.
✳Казак Порфирий Сумароков.....	4 ст.
✳Урядник Алексей Образцов.....	4 ст.
✳Младший урядник Николай Бояркин.....	4 ст.
✳Казак Степан Власьевский.....	4 ст.
✳Приказный Петр Филинов.....	4 ст.

Иннокентьевский станичный округ:

✳Казак Михаил Таскаев.....	3 и 4 ст.
✳Урядник Константин Тимофеев.....	4 ст.
✳Урядник Яков Лончаков.....	4 ст.
✳Казак Константин Пустынцев.....	4 ст.
✳Казак Леонтий Катанаев.....	4 ст.
✳Казак Егор Грачев.....	4 ст.
✳Вахмистр Михаил Ананьев.....	4 ст.
✳Казак Василий Катанаев.....	4 ст.
✳Урядник Афанасий Тимофеев.....	4 ст.
✳Казак Михаил Бронников.....	4 ст.
✳Казак Захар Тугарин.....	4 ст.
✳Казак Константин Баженов.....	4 ст.
✳Приказный Осип Тугарин.....	4 ст.
✳Казак Михаил Золотарев.....	4 ст.
✳Приказный Николай Пронин.....	3 и 4 ст.
✳Вахмистр Зиновий Цветков.....	3 и 4 ст.
✳Казак Сергей Грачев.....	4 ст.
✳Казак Потап Войлошников.....	4 ст.
✳Казак Алексей Ослопов.....	4 ст.
✳Казак Архип Носков.....	4 ст.
✳Урядник Иван Михайлов.....	4 ст.

Раддевский станичный округ:

✳Приказный Федор Астафьев.....	4 ст.
✳Казак Степан Попов.....	4 ст.
✳Нестроевой старшего разряда Алексей Астафьев.....	4 ст.
✳Приказный Афанасий Ослопов.....	4 ст.

✳Младший урядник Спиридон Бояркин.....	4 ст.
✳Казак Егор Федоров.....	4 ст.
✳Казак Елизар Харин.....	4 ст.

Екатерино-Никольский станичный округ:

✳Вахмистр Егор Пешков.....	4 ст.
✳Старший урядник Федор Елин.....	4 ст.
✳Казак Иван Бакшеев.....	4 ст.
✳Казак Осип Тычкин.....	4 ст.
✳Казак Афанасий Кибирев.....	4 ст.
✳Казак Петр Путинцев.....	4 ст.
✳Казак Козьма Карепов.....	4 ст.

Михайло-Семеновский станичный округ:

✳Казак Никита Филиппов.....	3 и 4 ст.
✳Приказный Алексей Колобов.....	4 ст.
✳Приказный Тимофей Тонких.....	4 ст.
✳Казак Тимофей Пермин.....	4 ст.
✳Казак Гавриил Макаров.....	4 ст.
✳Младший урядник Михаил Раменский.....	4 ст.
✳Казак Егор Паздников.....	4 ст.
✳Казак Василий 2-й Колобов.....	4 ст.
✳Казак Василий 1-й Колобов.....	4 ст.
✳Казак Матвей Черепанов.....	4 ст.
✳Приказный Илья Раменский.....	4 ст.
✳Старший урядник Василий Полухин.....	4 ст.
✳Младший урядник Макар Приезжих.....	4 ст.
✳Казак Николай Подойницын.....	4 ст.
✳Старший урядник Андрей Вертопрахов.....	4 ст.
✳Вахмистр Иван Федотов.....	4 ст.
✳Старший урядник Лука Кузнецов.....	4 ст.
✳Казак Феофан Козлов.....	4 ст.
✳Казак Гавриил Попов.....	4 ст.
✳Старший урядник Петр Клевов.....	4 ст.
✳Приказный Петр Казанов.....	4 ст.
✳Казак Степан Федоров.....	4 ст.
✳Казак Дмитрий Журавлев.....	4 ст.

**СПИСОК ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ
ЗА ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ
1904-1905 гг.**

✳Есаул Сергей Зыков.....Орден Св. Георгия 4 степени

Игнашинский станичный округ:

✳Зауряд-прапорщик Георгий Сычев.....	4 ст.
✳Старший урядник Капитон Марков.....	3 и 4 ст.
✳Старший урядник Афанасий Перов.....	3 и 4 ст.
✳Младший урядник Егор Щеголев.....	3 ст.
✳Старший урядник Иван Кожевников.....	4 ст.

✧Младший урядник Евгений Портнягин.....	4 ст.
✧Казак Федор Портнягин.....	4 ст.
✧Вахмистр Петр Мунгалов.....	2, 3 и 4 ст.

Албазинский станичный округ:

✧Старший урядник Антон Зенков.....	4 ст.
✧Приказный Семен Зенков.....	4 ст.
✧Приказный Дмитрий Исаков.....	4 ст.
✧Казак Дмитрий Суриков.....	4 ст.
✧Вахмистр Александр Жигалин.....	3 ст.
✧Старший урядник Иван Тонких.....	3 и 4 ст.
✧Младший урядник Михаил Исаков.....	4 ст.
✧Нестроевой старшего разряда Иван Загibalов.....	4 ст.
✧Казак Федор Исаков.....	4 ст.
✧Казак Иннокентий Зенков.....	4 ст.
✧Казак Сергей Щеголев.....	4 ст.
✧Казак Ефим Савин.....	4 ст.
✧Старший урядник Дмитрий Черных.....	4 ст.
✧Казак Сергей Черенцов.....	4 ст.

Черняевский станичный округ:

✧Младший урядник Евгений Савин.....	4 ст.
✧Старший урядник Владимир Лесков.....	4 ст.
✧Приказный Феофан Чупров.....	4 ст.

Кумарский станичный округ:

✧Младший урядник Иван Щеголев.....	3 и 4 ст.
✧Казак Иван Секисов.....	4 ст.
✧Младший урядник Иван Шабалин.....	4 ст.
✧Младший урядник Михаил Астраханцев.....	4 ст.
✧Казак Иван Нижегородцев.....	4 ст.
✧Казак Дмитрий Трухин.....	4 ст.
✧Казак Михаил Нижегородцев.....	4 ст.
✧Казак Егор Васильев.....	3 ст.
✧Младший урядник Иннокентий Савватеев.....	4 ст.
✧Вахмистр Иван Гранин.....	3 и 4 ст.
✧Младший урядник Фаддей Пакулов.....	3 ст.
✧Младший урядник Степан Афанасьев.....	4 ст.
✧Казак Андрей Куницын.....	4 ст.
✧Младший урядник Степан Баранов.....	4 ст.
✧Старший урядник Афанасий Верхотуров.....	3 и 4 ст.
✧Старший урядник Пимон Макушев.....	3 и 4 ст.
✧Старший урядник Андрей Митрофанов.....	4 ст.
✧Старший урядник Иннокентий Куклин.....	4 ст.
✧Младший урядник Степан Савватеев.....	4 ст.
✧Приказный Федор Трухин.....	4 ст.
✧Старший урядник Михаил Щеглов.....	4 ст.
✧Младший урядник Ефим Трухин.....	4 ст.
✧Младший урядник Петр Альшевский.....	4 ст.

Екатерининский станичный округ:

✖Казак Иван Темников.....	4 ст.
✖Казак Семен Щербаков.....	4 ст.
✖Урядник Павел Толпыгин.....	4 ст.
✖Урядник Иван Швалов.....	4 ст.
✖Урядник Илья Гантимуров.....	4 ст.
✖Урядник Михаил Глотов.....	4 ст.
✖Приказный Влас Тюменцев.....	4 ст.
✖Казак Егор Верхотин.....	4 ст.
✖Старший урядник Михаил Семенов.....	4 ст.
✖Младший урядник Феофан Федоров.....	4 ст.
✖Младший урядник Иван Баженов.....	4 ст.
✖Младший урядник Филипп Медведский.....	4 ст.
✖Казак Иван Бурдинский.....	4 ст.
✖Казак Иван Глотов.....	4 ст.
✖Младший урядник Иннокентий Почекунин.....	4 ст.
✖Старший урядник Иван Номоконов.....	4 ст.
✖Старший урядник Афанасий Мунгалов.....	4 ст.

Николаевский станичный округ:

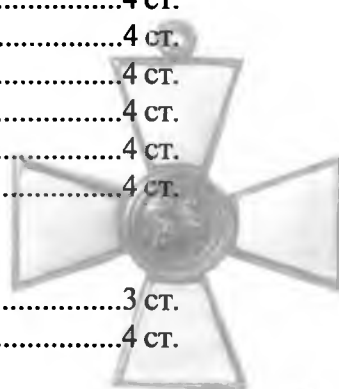
✖Урядник Ион Власцов.....	4 ст.
✖Урядник Федор Стадников.....	4 ст.
✖Казак Андрей Шаренко.....	4 ст.
✖Казак Петр Аверин.....	4 ст.
✖Казак Никита Макаров.....	4 ст.

Поярковский станичный округ:

✖Урядник Гавриил Образцов.....	3 и 4 ст.
✖Вахмистр Михаил Марков.....	4 ст.
✖Урядник Калина Федосеев.....	3 и 4 ст.
✖Урядник Василий Янов.....	3 и 4 ст.
✖Урядник Николай Алексеев.....	4 ст.
✖Приказный Иван Козырев.....	3 и 4 ст.
✖Казак Всеволод Козырев.....	4 ст.
✖Казак Пантелеймон Пушкарев.....	4 ст.
✖Урядник Михаил Чупров.....	4 ст.
✖Урядник Иннокентий Перебоев.....	4 ст.
✖Трубач Порфирий Высоцкий.....	4 ст.
✖Казак Иван Перебоев.....	4 ст.
✖Урядник Федор Спевак.....	3 и 4 ст.
✖Трубач Иван Кайдалов.....	4 ст.
✖Трубач Василий Акулов.....	4 ст.
✖Казак Григорий Сумароков.....	4 ст.
✖Казак Николай Маторин.....	4 ст.
✖Казак Алексей Размахнин.....	4 ст.
✖Вахмистр Михаил Попов.....	4 ст.

Иннокентьевский станичный округ:

✖Урядник Яков Лончаков.....	3 ст.
✖Урядник Василий Таскаев.....	4 ст.

✳ Урядник Иннокентий Трухин.....	4 ст.
✳ Казак Петр Федоров.....	4 ст.
✳ Казак Федор Номоконов.....	4 ст.
✳ Урядник Алексей Слаутин.....	4 ст.
✳ Казак Лев Артемьев.....	4 ст.
✳ Казак Устин Баженов.....	4 ст.
✳ Урядник Герасим Баженов.....	4 ст.
✳ Урядник Егор Попов.....	4 ст.
✳ Урядник Егор Добрынин.....	4 ст.
✳ Вахмистр Зиновий Цветков.....	3 ст.

Михайло-Семеновский станичный округ:

✳ Казак Федор Горбунов.....	4 ст.
✳ Казак Марк Куликов.....	4 ст.
✳ Казак Лазарь Баныщиков.....	4 ст.
✳ Казак Григорий Петров.....	4 ст.

**СПИСОК ЧИНАМ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ПОЛКА УБИТЫМ, УМЕРШИМ ОТ РАН,
БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ И РАНЕНЫМ
ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В
1900-1901 гг.**

УБИТЫЕ:

† Сотник Резунов — *18 июля на вылазке в Солдатской пади.*

† Сотник Волков — *21 июля во время атаки на высотах у дер.*

Колушан.

† Сотник Арсеньев — *3 августа под Хинганом.*

† Казак Василий Верхотуров,

† Казак Александр Старицын,

† Казак Феодул Васильев,

† Казак Андрей Сергеев — *21 июля во время атаки на высотах у*

дер. Колушан.

† Казак Александр Батурин,

† Казак Алексей Иванов — *25 июля во время атаки у дер. Эюр.*

† Старший урядник Дмитрий Нижегородцев,

† Казак Андрей Тонких,

† Казак Николай Скобелыцын,

† Казак Владимир Кузьмин — *15 августа при взятии г. Цицикара.*

† Младший урядник Афанасий Белоусов — *16 октября по дороге к гор. Монапашан в дер. Ян-тун-шань.*

† Казак Христофор Кондратьев — *27 января 1901 г. в 10 верстах от поста N 1 по линии Гири-Омосо во время охоты.*

УМЕРЛО ОТ РАН:

† Младший урядник Василий Осипов — *ранен 20 августа у крепости Багатай.*

† Казак Иван Киселев — *ранен 30 сентября у крепости Май-хуа-Лин, умер 1 октября.*

† Приказный Егор Жарков — *ранен 15 октября по дороге к крепости Монпашан, у д. Удзя, умер 28 октября.*

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАЛИ:

Казак Гавриил Мальцев — 4 июля за р. Зеей при отступлении отряда подполковника Гинейко.

Казак Иван Шаньгин — 9 сентября по дороге к Бодунэ.

КОНТУЖЕНЫ:

Есаул Плотников Василий — 21 июля у дер. Колушан.

Сотник Вондоловский — 20 июля у дер. Сахалян и вторично 25 июля под Эюром (5 ран).

Хорунжий Кузнецов — 8 сентября при укреплении Шин-ян-цзя.

Старший урядник Матвей Метелев — 21 июля у дер. Колушан.

Младший урядник Алексей Образцов,

Младший урядник Степан Макаров,

Казак Архип Носков,

Казак Потап Войлошников,

Казак Илья Эпов,

Казак Петр Суриков,

Казак Клавдий Батулин,

Казак Василий Саломатов,

Казак Петр Рыбаков — 22 июля у г. Айгуна.

Казак Иннокентий Горбунов — 20 июля в г. Благовещенске на посту у церкви Шадрина.

Вахмистр Ананий Глушков — 28 июля под Хинганом.

Казак Деомид Золотарев,

Казак Захар Утюжников,

Казак Константин Маторин,

Казак Михаил Номоконов,

Казак Григорий Васильев — 3 августа под Хинганом.

Казак Роман Щербаков — 15 августа у Цицикара.

Младший урядник Григорий Кокорин — 13 июля у крепости Баянту.

Казак Иван Зайков — 15 июля у Сан-сина.

Приказный Виктор Пешков — 17 октября у крепости Монпашан.

Старший урядник Константин Пакулов — 16 октября по дороге к крепости Монпашан.

Старший урядник Никита Савин,

Младший урядник Андрей Саватеев — 17 октября у крепости Монпашан.

Казак Михаил Осипов — 15 июня у Сан-Сина.

Казак Петр Пинегин — 18 ноября в Гао-джан.

ОБОЖЖЕННЫЙ ПРИ ВЗРЫВЕ ПОРОХОВОГО ПОГРЕБА:

Казак Федор Козырев — 22 июня в г. Айгуне.

СПИСОК гг. ОФИЦЕРАМ, УРЯДНИКАМ И КАЗАКАМ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, УБИТЫМ В ДЕЛАХ С ЯПОНЦАМИ

✠Хорунжий князь Масальский — у д. Цзинь-цзя-тунь 8 марта 1905 г.

✠Хорунжий Баклашов — в селе Хамбахо.

✠ Казак Иван Кутузов — 13 августа 1904 года у д. Анпин в стычке с Японцами.

✠ Казак Иван Хаустов,

✠ Казак Иван Бурый,

✠ Казак Петр Просвиров — 23 ноября 1904 г. около с. Тынчан.

✠ Казак Степан Власьевский — 10 ноября 1904 года в разъезде у дер. Сяодомын.

✠ Казак Лука Кашкаров — 23 сентября 1904 года в сражении у деревни Пиндишан.

✠ Казак Павел Шаренко,

✠ Казак Василий Сидоренко — 1 января 1905 у около д. Гаодянза.

✠ Казак Алексей Селяев — 24 февраля 1905 г. под г. Мукденом.

✠ Старший урядник Николай Бояркин — 3 мая 1904 года в перестрелке с хунхузами на перевале Ганчалин.

✠ Старший урядник Иван Токмаков — 14 июля 1905 года в перестрелке с хунхузами в окрестностях дер. Аль-до-ден-за.

✠ Казак Николай Щеглов — 30 июля 1904 года в перестрелке с японцами у дер. Син-дя-она.

✠ Казак Емельян Жилков — 19 марта 1905 г. в перестрелке с хунхузами около селения Таулу.

✠ Казак Василий Митков,

✠ Младший ветеринарный фельдшер Александр Самарин — в апреле месяце 1904 года при крушении поезда близ станции Шуанмяодза.

✠ Казак Семен Щеголев — 9 июля на перевале Чангоулин.

СПИСОК гг. ОФИЦЕРАМ, УРЯДНИКАМ И КАЗАКАМ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, РАНЕННЫХ В ДЕЛАХ С ЯПОНЦАМИ

Подъесаул Владимир Сабуров — 25 февраля 1905 г. у д. Таву близ ст. Хуншинтай.

Зауряд-прапорщик Георгий Сычев — 5 июня 1905 г. при перестрелке с японцами у д. Ердогоу.

Младший урядник Фома Номоконов — 4 июля 1905 г. при перестрелке с японцами в долине Умама.

Младший урядник Алексей Сенотрусов — 9 июля на перевале Чангоулин.

Казак Макар Жуков — 23 ноября 1904 г. у д. Тынчан.

Казак Семен Щербаков,

Казак Тимофей Мальцев,

Казак Петр Овсянников — 2 декабря 1904 г. при перестрелке с японцами у д. Данингу.

Казак Андрей Фалилеев — 10 ноября 1904 г. в разъезде у д. Сяодомын.

Казак Ефим Савин — 23 сентября 1904 г. в сражении под деревней Пиндишаном.

Казак Федор Исаков — 25 сентября 1904 г. при сопровождении интендантского транспорта.

Казак Михаил Никифоров — 8 августа 1905 г. в деле с японцами у д. Туй-Га-сан.

Казак Николай Зябликов,

Казак Александр Савчук — 24 февраля 1905 г. под г. Мугденом.
Казак Иван Щеголев — 23 февраля 1905 г. во время нахождения
его в отряде полковника Запольского.
Казак Егор Сенотрусов,
Казак Семен Зенков — 8 июля 1905 г. при перестрелке с японцами
в долине Уама.
Казак Михаил Поляков — 21 июня 1905 г. в перестрелке с хунху-
зами у д. Хатаманза.
Казак Семен Глотов,
Казак Васильев — 13 августа 1904 г. у д. Анпин.
Казак Сергей Черенцов — 19 апреля 1904 года.
Казак Иван Гуров,
Казак Максим Таскаев,
Казак Степан Самсонов — 5 июля около сел. Ерхулай.
Казак Егор Васильев — 26 августа 1904 г. в разъезде под перева-
лом Лошоугоу.
Казак Иннокентий Зенков — 29 августа в разъезде под д. Маданзы.
✠ Казак Феодосий Попов — 9 июля 1905 г. умер от ран.
Казак Иннокентий Самсонов,
Младший урядник Иван Гранин — 23 сентября под Пиндишаном.
Младший урядник Артемий Топорков — 16 июля в разъезде у
города Цзян-чана.

**СПИСОК г.г. ОФИЦЕРАМ, КЛАССНЫМ ЧИНАМ, УРЯДНИ-
КАМ И КАЗАКАМ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА И
ДИВИЗИОНА УМЕРШИМ, БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ
И БЫВШИМ В ПЛЕНУ У НЕПРИЯТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ**

УМЕРШИЕ:

✠ Старший ветеринарный врач Лобанов
✠ Нестроевой старшего разряда Степан Мунгалов
✠ Младший урядник Артемий Топорков
✠ Казак Василий Добрынин
✠ Казак Петр Суриков
✠ Казак Степан Самсонов
✠ Казак Павел Потехин
✠ Казак Иван Астраханцев
✠ Казак Петр Суриков
✠ Казак Михаил Коренев
✠ Казак Яков Тихонов
✠ Казак Иван Цыганков
✠ Казак Егор Нефедьев
✠ Казак Григорий Кибирев
✠ Казак Иннокентий Якимов
✠ Казак Иннокентий Федорев
✠ Казак Михаил Кибирев
✠ Казак Семен Башуров
✠ Казак Александр Астафьев
✠ Казак Михаил Бекетов

† Казак Василий Зенков
† Казак Лаврентий Пронин
† Казак Демьян Щеголев

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ:

Младший урядник Илья Козырев
Казак Егор Тюкавин

БЫВШИЕ В ПЛЕНУ:

Подъесаул Вондоловский
Нестроевой старшего разряда Анастасий Обухов
Казак Федор Верхотуров
Казак Николай Макаров
Казак Иннокентий Исаков (ранен)
Казак Елисей Соловьев
Казак Иван Маторин
Казак Федор Золотухин
Казак Митрофан Федосеев
Казак Иннокентий Терский
Казак Семен Глотов (ранен)

ЗАСТРЕЛИВШИЙСЯ:

Казак Трофим Носков

**СПИСОК НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ЛИЦ,
УПРАВЛЯВШИХ АМУРСКИМ КАЗАЧЬИМ
ВОЙСКОМ СО ДНЯ ЕГО ОСНОВАНИЯ**

I. ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ И КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ:

Генерал-майор Николай Васильевич Буссе 1859-1866 гг.
Генерал-майор Иван Константинович Педашенко 1866-1873 гг.
Полковник Альберт Андреевич барон Оффенберг 1873-1880 гг.

II. НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ:

Генерал-майор Иосиф Гаврилович Баранов 1880-1881 гг.
Генерал-майор Петр Степанович Лазарев 1881-1886 гг.
Генерал-майор Аркадий Семенович Беневский 1886-1891 гг.
Генерал-майор Александр Николаевич Попов* 1891-1892 гг.
Генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Арсеньев 1892-1897 гг.
Генерал-лейтенант Константин Николаевич Грибский 1897-1902 гг.
Генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Путята 1902-1906 гг.
Генерал-майор Аркадий Валерианович Сычевский 1906-1910 гг.
Генерал-майор Аркадий Михайлович Валуев* с 1910 г.

**СПИСОК КОМАНДИРОВ БЫВШЕЙ АМУРСКОЙ КОННОЙ
БРИГАДЫ И АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА**

I. КОМАНДИРЫ БРИГАДЫ:

Полковник Георгий Федорович Черняев 1858-1866 гг.

Полковник Александр Петрович Сумароков 1868-1870 гг.
Полковник Иннокентий Федорович Петров 1870-1880 гг.

II. КОМАНДИРЫ ПОЛКА:

Полковник Михаил Акимович Чеснок 1880-1885 гг.
Полковник Григорий Васильевич Винников 1885-1892 гг.
Временно командовал полком подполковник
Казимир Гаврилович Гинейко 1892-1893 гг.
Полковник Владимир Федорович Петров* 1893-1898 гг.
Полковник Иван Николаевич Печенкин 1898-1903 гг.
Полковник Николай Казимирович Кононович* 1903-1905 гг.
Полковник Анастас Федорович Бендерев* 1905-1906 гг.
Полковник Андрей Михайлович Ваксмут 1906-1907 гг.
Полковник Дмитрий Николаевич Пешков 1907-1908 гг.
Полковник Эрнест Августович Раддац с 1908 г.

СПИСОК ШТАБ, ОБЕР-ОФИЦЕРОВ И КЛАССНЫХ ЧИНОВНИКОВ, БЫВШИХ В АМУРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ПОЛКУ ВО ВРЕМЯ КИТАЙСКОГО ПОХОДА 1900 И 1901 гг.

ПОЛКОВНИК Печенкин.

ВОЙСКОВЫЕ СТАРШИНЫ:
Сотников,* Кононович.

ЕСАУЛЫ:
Кузмицкий,* Кузнецов, Плотников, Пешков, Фусс.

ПОДЪЕСАУЛЫ:
Плешков, Абоимов, Доможиров, Ожегов.

СОТНИКИ:
Федотьев, Волков.

Р.А. ВЕРТОПРАХОВ И ЕГО «ПАМЯТКА АМУРСКОГО КАЗАКА»

Вертопрахов Роман Андреевич, полковник, командир 2-го Амурского казачьего полка (15 сент. 1915 — март 1918 г.). Родился 10 октября 1871 г. в станице Михайло-Семеновской Амурского казачьего войска, из семьи школьного учителя. Закончил 8 классов Благовещенской мужской гимназии (1883–1890) и Иркутское юнкерское училище по 1 разряду.

Полковник с 11 мая 1911 г., генерал-майор с 1919 г.

Кавалер орденов Св. Георгия 4-й ст.; Св. Владимира 3-й и 4-й ст.; Св. Анны 2-й ст., 3-й ст. с мечами и бантом, 4-й ст. с надписью «За храбрость»; Св. Станислава 2-й и 3-й с мечами и бантом. Имел медали: серебряную в память похода в Китай 1900–1901 гг.; светло-бронзовые в память русско-японской войны 1904–1905 гг. и 300-летия царствования Дома Романовых.

Участник похода в Китай 1900–1901 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг., 1-й мировой 1914–1918 гг. и гражданской 1918–1922 гг. войн.

Женат. Его семейство, состоящее из жены и усыновленных детей Нины и Петра Кузнецовых, зачислено в дворянское сословие по 2-й родословной книге общей для всей империи с присвоением детям фамилии Вертопраховых (удостоверение герольдмейстера за N 810–1913 и 889–1912).¹

Согласно послужного списка, составленного 8 января 1916 г. проходил службу: в Амурском казачьем пешем батальоне 01.1890–08.1895; учился в Иркутском юнкерском училище 08.1893–08.1895; в Амурском конном казачьем полку 09.1895–09.1915; во 2-м Амурском казачьем полку с 09.1915.

Производство в чины: хорунжий с 05.1896; сотник с 08.1900; подьесаул с 11.1904; есаул с 05.1905; войсковой старшина с 11.1907; полковник с 11.05.1911.

По мобилизации Амурского казачьего войска назначен командиром 2-го АКП 15.09.1914 (высочайший приказ от 18.10.1914). Исполнял должность командира 2-й бригады Уссурийской казачьей конной бригады (так в тексте. – А.В.) 12.1914–02.1915.²

ВОЕННО-СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

В 1900–1901 гг. хорунжий Амурского конного полка, первый георгиевский кавалер АКВ. За бой под Эйюром 25 июля 1900 г. награжден орденом Св. Георгия Победоносца 4-й ст. 06.02.1901: командовал авангардной сотней, избившей китайский передовой отряд и захватившей с боя два орудия. Прodelал китайский поход в составе Мергенского отряда генерал-майора П.К. Ренненкампа.³

¹ ГААО. Научно-справочная библиотека. Приказы по АКВ за 1914–1919 гг.

² РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 228. Л. 61об.; Ф. 409. Оп. 1. Д. 139337. ПС 88–684. Л. 1–13.

³ Памятка Амурского казака. – Благовещенск, войсковая типография, 1911. С. 42.

В 1909 г. по поручению войскового правления составил «Памятку амурского казака», включавшую краткую историю войска и документы, относящиеся к его организации и боевой деятельности за 1858-1909 гг. Памятка была издана войсковой типографией двумя изданиями в 1909 и 1911 годах. Сборник предназначался для обучения и воспитания казаков молодого пополнения Амурского казачьего полка на героических примерах времен завоевания Сибири и недавнего прошлого. В него были включены подлинные приказы о награждении георгиевских кавалеров с описанием их подвигов и сводный список награжденных георгиевскими крестами и медалями за китайский поход 1900-1901 гг. и русско-японскую войну 1904-1905 гг. Одновременно «Памятка» стала своеобразным мартирологом Амурского казачьего войска, так как в ней был приведен список офицеров и казаков погибших в боях, умерших от ран и пропавших без вести в период военных действий с указанием примерных мест захоронения. До нашего времени это издание является единственным опубликованным документальным источником, содержащим конкретные поименные сведения по личному составу Амурского казачьего войска.

В начале 1918 г. Р.А. Вертопрахов вернулся с полком в Благовещенск из-под Петрограда. В марте 1918 г. он военный руководитель восстания против большевиков в г. Благовещенске, так называемого Гамовского мятежа.

Т. Матвеев, активный член благовещенского Совета депутатов в это время, вспоминал об обстоятельствах своего ареста: «Через некоторое время нас препроводили и сдали по списку в войсковое правление казачьего войска. Там отвели в камеру, где уже были другие арестованные.

Часов в 10 утра заходит в сопровождении вооруженной команды полковник Вертопрахов (вскоре стал командующим всей банды домовладельцев, гимназистов-семинаристов и прочего буржуазного воинства). Скомандовал при своем входе: «Встать, смирно!» По его же приказу, опять по списку, нас отделяют из среды арестованных, берут под караул. Вертопрахов достает из кармана брюк бумажку и оглашает приговор. Мы признаны виновными в измене «законному Всероссийскому Временному правительству», «в захвате государственных ценностей» и в содействии или способствовании «неприятелю», то есть Германии. Приговорены к расстрелу. Нас уводят и помещают в особую камеру, где также находились арестованные.

Приговор этот совершенно случайно в исполнение проведен не был. Наверное, потому, что очень быстро сменился караул, знавший приговор и, видимо, из-за неосведомленности о нем помощника атамана Гамова, члена казачьего правительства Николая Кожеевникова. Во всяком случае, его распоряжением мы из-под стражи были освобождены вместе с другими...».⁴

После подавления «мятежа» до сентября 1918 г. временно в эмиграции в г. Сахалине (Маньчжурия), член войскового штаба АКВ, вел организационную работу по подготовке к свержению власти Амурского совнаркома. С приходом к власти в Амурской области антисоветской коалиции активный деятель установленного режима. Е. Воропаев вспоминает о пребывании в тюрьме в октябре 1918 г.: «... Из соседней комнаты вышел

⁴ Матвеев Т. Чиновная оппозиция // Вместе со всей Россией. / По воспоминаниям и документам. - Хабаровское кн. изд., 1988. С. 217.

начальник контрразведки полковник Вертопрахов... предложил мне сесть и дать письменные показания о моей работе при Советской власти и об отношении к большевизму. Вертопрахов знал меня хорошо как делегата от станицы Иннокентьевской на 2-м и 5-м областных казачьих съездах; показания я написал, что я не большевик, о большевизме понятия не имею, работал потому, что был избран и в своей работе делал все так, как мне казалось лучше».⁵

5-м войсковым кругом в октябре 1918 г. избран кандидатом члена войсковой управы А.Д. Кузнецова по военному отделу, в 1918-1919 гг. начальник войскового штаба, уволен в резерв 10 марта 1919 г. в связи с избранием войсковым атаманом А.Д. Кузнецова.⁶

С 1920 г. в эмиграции в Маньчжурии (г. Харбин), генерал-майор. В 1922 г. представитель Амурской военной организации во Владивостоке при правительстве Меркуловых.⁷ В 1920-е — начале 1930-х гг. один из организаторов и активный деятель Восточного казачьего союза.⁸ После оккупации Маньчжурии Японией выехал на жительство в Шанхай.

Умер в октябре 1935 г. в Шанхае. Некролог опубликован в газете «Друг инвалида» (1936. — Вып. 6 (январь). С.13).⁹ Потомки семей Вертопраховых и Чипизубовых живут в Санкт-Петербурге, Хабаровске, Благовещенске.

⁵ Воропаев Е. // Им не убить идеала!... — Хабаровск, 1990. С.239.

⁶ ГААО. НСБ. Протоколы 5-го войскового круга АКВ. — Благовещенск, 1918; Протоколы 6-го войскового круга АКВ. — Благовещенск, 1919.

⁷ Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб: Изд. Дом «Нева», 2003. С.74.

⁸ ГАХК. НСБ. Россия и казачество. Харбин, 1933.

⁹ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. — Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2000. С. 72.

АМУРСКИЕ КАЗАКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

АМУРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В 1914-1917 гг.¹

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Русский народ, армия и флот воспринимали эту войну в первые месяцы с патриотическим чувством: дать отпор внешнему врагу! Значительный вклад в дело защиты Родины внесли казачьи кавалерийские и пластуны (пехотные) соединения и подразделения, в том числе и амурские казачьи полки. Казачьи части отличались наивысшей боеспособностью, дисциплиной и воинским мастерством.

20 июля (2 августа) 1914 г., согласно мобилизационному плану, в Амурском казачьем войске началось развертывание подразделений по штатам военного времени. В середине сентября были окончательно сформированы для отправки на фронт 1-й и 2-й Амурские конные казачьи полки, запасная конная сотня пополнения и две полусотни конско-фуражного запаса. Кроме того, для прикрытия границы, линии Амурской железной дороги и золотых приисков были сформированы из запасных казаков 8 особых конных сотен.

И вот наступил день 28 сентября 1914 года. В Благовещенске на полковом плацу (ныне территория военного госпиталя) выстроился 1-й Амурской генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского конный казачий полк. Газеты так описывали этот момент: «...Команда «Смирно! Под знамя! Слушай, на караул!» Блеск оголенных шашек. Полковое знамя слабо качнулось и застыло перед знаменной сотней. Казаки в полном походном снаряжении замерли в строю. «На молитву! Шапки долой! Певчие - пред полк!» По совершении торжественного молебствия полковой священник произнес прекрасные слова о мужестве и небоязни смерти.

Затем горячее слово отца-командира, полковника Александра Савицкого,* напомнившего о присяге, о любви к Царю и Родине! Троекратное «Ура!» Оркестр играет «Боже, Царя храни». Далее, под звуки хватающего за душу марша «Прощание славы» первые сотни полка двинулись по центральным улицам города на вокзал. По тротуарам тысячи провожающих. На перроне торопливое прощание. Заплаканные матери и жены благословляют

Объявление войны. Зимний дворец. 20 июля 1914 года.

¹Первая публикация очерков по истории Амурского казачьего войска в газете «Амурская правда»: NN 2/22056/ от 5 января, 7/22061/ от 13 января, 15/22069/ от 25 января, 19/22073/ от 28 января, 23-24/22077-22078/ от 3 февраля 1994 г. В апреле 1999 г. В.Г. Кильчанским и В.Н. Абеленцевым подготовлена новая редакция текста, хранящаяся в Амурском областном краеведческом музее.

казаков и вешают на их шеи ладанки с защитными святынями. Полк отбыл на фронт ...» На переброску к фронту полка (969 сабель и 1030 лошадей) потребовалось несколько эшелонов (160 вагонов из расчета — 8 лошадей или 40 человек).

2-й Амурский конный казачий полк, сформировавшийся в станице Екатерино-Никольской, был отправлен сначала в Приморье, в селение Ново-Киевское близ залива Посыет, а на фронт был переброшен лишь в октябре 1915 г.

В конце 1914 г. первыми приняли боевое крещение в Восточной Пруссии казаки Амурского взвода 4-й Приамурской сотни лейб-гвардии Сводного казачьего полка. В этом кадровом гвардейском полку служили казаки от всех восточных казачьих войск империи. В госархиве Амурской области, в приказе по АКВ N 227 за 1915 год сохранилось донесение командира полка, полковника А.П. Богаевского в войсковое правление Амурского казачьего войска: «... За боевое отличие казаки Амурского взвода награждены мною Георгиевскими крестами. Счастлив поздравить войско с первыми георгиевскими кавалерами. Представляю список награжденных...» Это казаки Игнашинского, Албазинского, Кумарского, Екатерининского, Поярковского, Иннокентьевского и Михайло-Семеновского станичных округов: Устин Шемелин, Иван Птицын, Андриан Альшевский, Сергей Рязанцев, Иван Трухин, Николай Бастрыгин, Александр Номоконов, Иван Таскаев, Василий Ушаков, Тимофей Швалов и Иван Шипунов.

Февраль 1915 г. Северо-Западный фронт. Русские войска, подавленные превосходством врага, особенно в тяжелой артиллерии, с боями и неоправданными потерями отходили из Восточной Пруссии. Немцы рвались к Варшаве, но, израсходовав людские резервы и огневые припасы, вынуждены были остановиться. Оправившись, Северо-Западный фронт контратаковал врага с величайшей энергией. Немцы были отброшены. А у реки Нарев сибирские дивизии и казачьи полки, окружив врага, взяли город Прасныш (в 100 км севернее Варшавы). Десятки тысяч пленных. Захвачены сотни орудий, боеприпасы. Угроза взятия Варшавы была временно снята.

В Праснышской операции участвовали 1-й Амурский казачий полк и 6-я Сибирская дивизия, состоявшая из солдат, призванных в Благовещенске и Амурской области. Приказы по АКВ N 398 и N 1202 за 1915 г. подтверждают, что за бои под Праснышем 18 казаков-амурцев были награждены Георгиевскими крестами различных степеней, а командир полка А. Савицкий — произведен в генерал-майоры. Среди награжденных — казаки Игнашинского, Албазинского и Поярковского станичных округов: Тимофей Самсонов, Александр Мунгалов, Иван Некрасов, Андрей Митясов, Семен Семенов.

Парад войск в Благовещенске перед отправкой на фронт.

Лето и осень 1915 г. После ряда неудачных наступлений русских в 1914 году, немцы и австро-венгры наступают по всему фронту. Русские войска оказывают упорное сопротивление. Но мужество и жертвенность не могут заменить нехватку тяжелой артиллерии, пулеметов, винтовок, снарядов и патронов. Русская промышленность не может их дать, а ориентация на зарубежную помощь не оправдала надежд скудных умом царских сановников. Результат не замедлил сказаться: немцы не жалели снарядов, русские - людей. Оставлена Галиция, Польша, часть Прибалтики. «Великое» отступление обошлось Русской армии в 1 миллион 410 тысяч убитых и раненых, 450 тысяч пленных. Немцы выбили значительную часть кадровых офицеров, унтеров и солдат.

Грандиозность потерь ошеломила русское общество. Скорбные санитарные поезда развозили по всей России увечных воинов. Царская Ставка губила целые корпуса и армии в неподготовленных (но отвлекающих) больших силах немцев с Запада) наступлениях по требованию союзников по Антанте, которые берегли своих людей и стремились воевать «до последнего русского солдата». Военно-промышленная подготовка страны оказалась в тисках царской бюрократии и хищников крупного российского капитала, которые срывали имеющиеся и потенциальные оборонные возможности. Верхи думали, что «серая кобылка» во всем этом не разберется. Но именно в этом в армии и обществе хорошо разобрались. Солдаты и казаки, еще вчера рвавшиеся в бой, начали прозревать, понимая бессмысленность кровопролития. Совсем скоро к ним придет понимание того, что десятки миллионов людей приносятся в жертву корыстным интересам крупной буржуазии.

Но пока боевой дух русских войск был еще высок. Беспорядочного бегства и паники не было. Русские вырвались из клещей и отошли в избранном ими направлении. Хотя немцы и углубились в пределы России, но основной цели — полного поражения армии — не достигли. К исходу осени 1915 г. фронт был стабилизирован по линии Рига — Двинск — Пинск — Тернополь — Черновцы. Началась позиционная война.

Особую стойкость летом 1915 года проявили сибирские армейские корпуса и казачьи подразделения, в том числе - 1-й Амурский казачий полк. Именно эти части, занимавшие оборону по Неману, не дали замкнуть кольцо окружения армий Северо-Западного фронта. За проявленную в боях стойкость 176 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами различных степеней и серебряными медалями «За усердие» на Станиславовской ленте, что подтверждается приказами по АКВ N 667, N 474, N 702, N 824, N 1023 и N 1020 за 1915 г. В числе награжденных: вахмистры Михаил Екимов и Павел Чупров, урядники Захар Попов и Иван Пенжуков, штаб-трубач Алексей Никитин, казаки Иван Савин, Иннокентий Матвеев, Степан Уваров, Федор Родионов, Степан Жданов, Сергей Куликов. Смертью храбрых пали 34 казака-амурца, 62 были тяжело ранены, более полусотни казаков получи-

Казак лейб-гвардии Сводно-казачьего полка в полном обмундировании.

*А.П. Богаевский, командир лейб-гвардии
Сводно-казачьего полка.*

ли легкие ранения и контузии.

В январе 1916 г. 1-й Амурский казачий полк был отведен с фронта на отдых под Вильно (Вильнюс). А уже в марте, приняв молодое пополнение, был переброшен на Юго-Западный фронт в район города Черновцы. Полк влили в 3-й конный корпус генерала Келлера, вошедший в состав 9-й армии генерала П.А. Лечицкого (бывшего в 1910-1914 гг. командующим войсками Приамурского военного округа и наказным атаманом Приамурских казачьих войск).

На смену 1-му полку прибыл на Северный (Рижский) фронт 2-й Амурский конный казачий полк, включенный в 27-й армейский корпус. 2-й полк отбыл на фронт из Приморья в октябре 1915 года, но на подходе к Петрограду, по требованию министра двора, был направлен для охраны императорской резиденции в Царском Селе. Не жизнь там была — мали-

на! Харчей давали от пуза, банька и кинематограф — каждую неделю, даже в Питер в увольнение отпускали. «Вот, паря, подвезло нам!» — радовались казаки. Простоял бы там полк дольше, если бы ни один случай. Прикомандировали к полку «тыловых крыс» — несколько офицеров-белоручек из сословных князей. Повели они себя с казаками неправильно: старались «выбить» из казачьих душ достоинство вольных сынов Амура. Но не получилось. До крови отстегал нагайкой один плюгавый князек казака-амурца, а тот пристрелил его из винтовки. Казаку — расстрел, полк — на фронт.

Кроме вышеперечисленных фронтовых казачьих полков и взвода лейб-гвардии, в урочище Большой Буялык, близ Одессы, дислоцировались прифронтовые сводные казачьи подразделения Амурского и Уссурийского казачьих войск: конная сотня пополнения и отделение конско-фуражного и вещевого запаса. Подобные подразделения приамурских войск находились и в Челябинске, с подчинением в интендантском отношении штабу Казанского военного округа. Сотня пополнения и безномерной (3-й) Амурский конный резервный казачий полк и войсковое правление квартировали в Благовещенске. По течению Амура, в пунктах нахождения таможенных застав, стояли восемь особых конных сотен. Таким образом, из 50-тысячного населения АКВ, по мобилизации было поставлено под ружье 6 тысяч казаков в возрасте от 20 до 40 лет.

Попутно отметим, что по данным Амурского воинского присутствия, в Амурской области в 1914-1917 гг., из 360 тысяч населения было мобилизовано в армию 50 тысяч человек всех сословий, из них 38 тысяч было отправлено на фронт. Невредимыми вернулись 20 тысяч человек, ранеными — 16 тысяч. 14 тысяч человек были убиты, умерли от ран и пропали без вести. Об этом сообщала газета «Наши дни» в N 33 от 15 февраля 1919 г. в публикации «Задачи народного здоровья».

В начале 1916 года немцы начали сильнейшие атаки на французскую крепость Верден. Вместо срочной мобилизации своих сил и оказания помощи изрядно побитой России, французы потребовали от царской Ставки перейти в немедленное наступление крупными силами для отвлечения немцев с их фронта. В грандиозную весеннюю распутицу, по открытой пристрелянной местности, без всякой подготовки, были брошены в лобовые атаки на немецкие пулеметы и пушки корпуса левого фланга русского Северного фронта на участке Двинск — озеро Нарочь. 80 тысяч российских воинов остались навсегда в кровавой двинской грязи всего за 10 дней безрезультатного «расстрельного» наступления. Многие погибли, будучи ранеными — перевязать и выносить пострадавших с поля боя было невозможно в весеннее половодье, под прицельно-плотным огнем неприятеля. Но главная цель союзников была достигнута — немцы приостановили натиск на Верден, французы получили передышку и затребовали 400 тысяч русских солдат в свои окопы. Царь успел отправить только 44 тысячи «серых россиян», потом помешала революция.

2-й Амурский казачий полк был во втором эшелоне атакующих войск, поэтому почти не пострадал, но горечь неоправданных потерь, крики и стоны погибающих раненых глубоко поразили сердца казаков-амурцев.

Вскоре настал другой критический для союзников момент и вновь посыпались настойчивые требования немедленной русской помощи. На этот раз отчаянный крик последовал из Рима. Разбив итальянцев под Трентино (в Восточной Италии), австро-венгры галопом двинулись на промышленный Милан. Николай II телеграфировал любезному итальян-

Почтовая открытка «Карта военных действий» времен I мировой войны.

Генерал А.А. Брусилов, командующий Юго-Западным фронтом.

янскому королю: «Милейший друг, я решил предпринять изолированное наступление ради спасения храбрых итальянцев и во внимание к твоей просьбе».

На противостоящий австро-венграм Юго-Западный фронт были стянуты лучшие войсковые соединения, остатки гвардии, накопленные огневые и материальные ресурсы. Хотя фронт получил далеко не все необходимое и почти не имел резервов, командующий фронтом Алексей Алексеевич Брусилов выдвинул новую идею — наступать всем фронтом, выделив четыре особо ударных участка, что лишало противника возможности определить направление главного удара и маневрировать резервами.

С рассветом 22 мая (4 июня) 1916 года австро-венгерские войска не увидели восхода солнца. Вместо ласковых его лучей с востока пришла смерть — тысячи снарядов превратили сильно укрепленные позиции врага в адское месиво. На фронте в 350 верст русские перешли в невиданное наступление. Результаты — ошеломляющие! Очищена от врага территория Буковины и Галиции, площадью в 25 тысяч кв. верст. Австро-венгры потеряли 1,5 млн. убитыми и ранеными, 450 тысяч пленными. Спасена не только итальянская армия, но и вновь оказана помощь французам и англичанам отвлечением на русский фронт крупных сил немцев. Однако 500 тысяч российских «чудо-богатырей» навсегда полегли в галицийских полях и карпатских горах.

Во время Брусиловского прорыва 3-й конный корпус (26 тысяч сабель и 48 орудий), состоявший из 1-й Донской, Уссурийской казачьих дивизий и Кавказской туземной («Дикой») дивизии был грозной боевой силой. Каждая дивизия имела 4 полка, сведенные в две бригады. В Уссурийскую казачью дивизию входили 1-й Амурский, 1-й Нерчинский, Уссурийский казачий, Приморский драгунский полки и Уссурийский казачий дивизион.

Из воспоминаний генерала П.Н. Краснова, тогда командира полка 1-й Донской дивизии 3-го конного корпуса: «3-й конный корпус пользовался в армии громкой боевой славой. Я принимал участие в победах корпуса над австро-германцами. Помню, как майским утром 1916 года на черном пахотном поле выстроились 48 конных сотен и 12 батарей. Раздались звуки сигнальных труб. На громадном вороном коне, под развевающимся корпусным штандартом, командир корпуса генерал Келлер повел амурских, уссурийских, забайкальских, донских и терских казаков на вражеские позиции под селениями Баламутовкой, Ржевницами, Топоровцами и Мамаештами (близ г. Черновцы — В.К.). Казаки шли на штурм смело и весело. Мы захватили 6 тысяч пленных и богатые трофеи»²

П.Н. Врангель (в 1916 г. — командир 1-го Нерчинского полка

²Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Берлин, 1927.

Уссурийской казачьей дивизии) свидетельствует: «... Дивизия, составленная из амурских, уссурийских и забайкальских казаков, под начальством генерала Крымова, приобрела в армии заслуженную славу. Казаки дивизии - отличные солдаты - одинаково хорошо сражались как на коне, так и в пешем строю. За блестящую конную атаку в лесистых Карпатах дивизия удостоилась благодарности Верховного главнокомандующего...».³

Из телеграммы командира 1-го Амурского казачьего полка наказному атаману АКВ К.Н. Хагондокову* от 8 июля 1916 г.: «Спешенный 1-й полк доблестно ходил в штыковую атаку. Нанес поражение врагу. Взял пленных, два пулемета. С поля боя поклон родному войску. Офицеры целы. Казаков убито одиннадцать: Федор Лондарев, Степан Цыганов, Василий Пинегин, Афанасий Вараксин, Алексей Пашенюк, Михаил Самсонов, Кирилл Хоружий, Дмитрий Стрельцов, Василий Гусевский, Иоаким Верхогуров, Яков Шиш. Ранены и контужены 48 казаков. Передайте в утешение родным, что казаки пали в бою, выполняя святую обязанность защиты Отечества. Комполка Сычев».⁴

Из телеграммы командира 1-го Амурского казачьего полка в войсковое правление АКВ 31 июля 1916 г.: «Убиты в боях 26-29 июля 10 казаков: Дмитрий Исаков, Василий Лопатин, Семен Пермяков, Куприян Капинас, Максим Тортюев, Тимофей Корженевский, Федор Утюжников, Иван Шульгин, Михаил Коваленко, Афанасий Мантуло. Ранены 18 казаков. Комполка Сычев».⁵

За бои в Карпатах летом 1916 г. сотни казаков-амурцев были отмечены георгиевскими крестами и медалями, десятки из них повторно, в том числе Михаил Швалов (хутора Верхне-Благовещенского). Приказом по Уссурийской казачьей дивизии награды особо отличившихся погибших казаков: Василия Гусевского (Черняевский округ), Вениамина Лопатина (Кумарский округ) и Ивана Михайлова (Михайло-Семеновский округ) были отправлены в войсковое правление АКВ для торжественной передачи родным.⁶

Орденами Св. Анны и Св. Станислава с мечами и бантом, с надписью «За храбрость» были награждены 14 офицеров 1-го Амурского полка: Дмитрий Кузнецов, Григорий Тонких, Алексей Бородин, Сергей Жуковский, Михаил Танаев, Авенир Москалец, Владимир Воробей, Василий Астафьев, Алексей Попов, Борис Савицкий, Алексей Бянкин, Лев Черных, Григорий Черепанов, Григорий Шульгин.⁷

Командир 1-го Амурского казачьего полка Е.Г. Сычев за умелое командование полком и личную храбрость был удостоен именного Георгиевского оружия с бриллиантами. Для справки: казак Игнашинского станичного округа, лейб-гвардеец, Ефим Георгиевич Сычев за боевое отличие из есаулов лейб-гвардии Сводного казачьего полка был произведен в полковники и в июле 1916 г. назначен командиром полка.⁸

Ободренная успехами русских войск, Румыния выступила на стороне Антанты. Но осенью 1916 г. австро-германцы разгромили слабую румынскую армию. Без боя был сдан Бу-

**В.Ф. Филинов, казак лейб-гвардии
Сводно-казачьего полка.**

*Граф Ф.А. Келлер, командующий
3-м конным корпусом.*

харест, король Румынии и правительство бежали в российскую Молдавию. России пришлось невыгодно удлинить фронт, транспортные коммуникации и ввести в Румынию 35 пехотных и 11 казачьих дивизий, в том числе 3-й конный корпус, для спасения «доблестных» румын. Два месяца шли кровопролитные бои с отборными войсками противника.

Михаил Андреевич Швалов (1894–1992), житель поселка Верхне-Благовещенского, бывший казак 4-й сотни 1-го Амурского казачьего полка Уссурийской дивизии, в беседе с автором рассказывал: «Две недели шли форсированным маршем на помощь разбитым румынам. Затяжные дожди, набухшие шинели и папахи, раскисшие сапоги, сухое питание, отощавшие от бескормицы лошади. Прибыли на позиции – и сразу же в залитые водой окопы. Немцев отбили и сами пошли в наступление. Под городом Мэрешти наш полк ходил в кон-

ную атаку. Столкнулись с тяжелой немецкой кавалерией. Немцы, хоть и смелые солдаты, но супротив казаков – слабоваты. Лошади у них толстозадые, неповоротливые, а у всадников, вместо шашек, огромные палаши – двумя руками махать надо. Порубали мы немцев видимо-невидимо. Правда, и наших казаков полегло немало.

В том бою были убиты верхнеблаговещенские станичники: Иван Шульгин, Даниил Утюжников, Петр Кармадонов, Петр Карсаков, а Иван Бородин и Георгий Екимов были тяжело ранены...»⁹

Только в конце января 1917 г. 3-й конный корпус был выведен в резерв Румынского фронта в район Кишинева. 1-й Амурский казачий полк был расквартирован в молдавском селе Парканы. Казаки получили длительную передышку. По воспоминаниям М.А. Швалова истинной причиной отвода 3-го конного корпуса в глубокий тыл был сыпной тиф, которым проболели едва ли не все казаки. Сам Швалов и однополчане вповалку лежали в крестьянских хатах в тяжелом бреде, без достаточной медицинской помощи. Недуг не взял лишь одного ветеринарного фельдшера, урядника Сашку Гантимурова Игнашинской станицы, который лечил всех казаков. Да спасибо селянам, которые давали молоко, вино и ухаживали за больными.

За два с половиной года войны потери 1-го Амурского казачьего полка составили 156 человек убитыми и 488 ранеными. 2-й Амурский

⁹Врангель П.Н. Белое дело. Берлин, 1928.

⁴ГАО. НСБ. Приказы по АКВ за 1916 год, N 616.

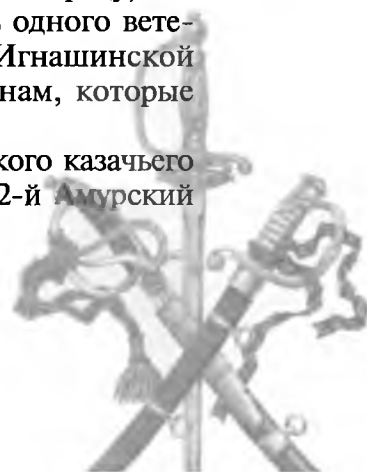
⁵Там же, N 623.

⁶Там же, NN 794, 1027

⁷Там же, NN 674, 677, 807, 1140.

⁸Там же, N 531.

⁹ЛИА. Воспоминания М.А.Швалова (1894–1992).

полк за год войны на Северном фронте потерял 146 человек убитыми и ранеными. Но фактически казачьи жертвы и ранения были больше. В госархиве Амурской области, в фонде АКВ, нет данных по потерям на Румынском фронте и судьбах около полусотни казаков, пропавших без вести — вероятно, захваченных и расстрелянных немцами и австрийцами, поскольку казаков в плен не брали.

Известие о Февральской революции казаки получили лишь 6 марта 1917 г. В тот памятный день всем полкам 3-го конного корпуса был зачитан манифест Николая II об отречении от престола. Но об истинном смысле революции казакам не говорили. Сообщили об образовании Временного правительства, но утаили новости о создании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Отречение царя истолковали как акт его доброй воли, исходящий из желания принести благодеяние народу.

Сызмальства воспитанные на идее нерушимости присяги и верности царю, казаки недоумевали. Поддерживая настроение подчиненных, офицеры говорили казакам: «Царь-батюшка, наверное, сошел с ума». А командир 3-го конного корпуса, генерал Ф.А. Келлер даже отбил свергнутому царю телеграмму: «Государь, я со своим корпусом не перейду на сторону революции. Остаюсь верен Вашему Величеству до конца».

Однако антимонархические и антивоенные веяния очень быстро проникли и в казачью среду. Этому способствовало влияние на казаков революционных солдат Румынского фронта, расквартированных в Молдавии. Среди казаков хорошо поработали агитаторы как большевиков, так и буржуазно-демократических партий. В городах и гарнизонах шли митинги под лозунгами: «Долой тиранов!», «Прочь оковы!», «Свободу народу!», «Да здравствует демократическая республика!». Но были и призывы под красными флагами: «Долой империалистическую войну!», «Обратим оружие против капиталистов и помещиков!», «Землю — крестьянам!», «Фабрики и заводы — рабочим!».

Единодушно одоббив свержение самодержавия, революционные солдаты гарнизонов Кишинева и Тирасполя приняли активное участие в роспуске и разоружении царской администрации, полиции, жандармерии и претворении в жизнь приказа N 1 Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Приказ сыграл важную роль в создании выборных солдатских организаций — полковых и дивизионных комитетов, которые наделялись властными полномочиями: распоряжаться оружием и контролировать действия офицеров. Приказ отменял титулование офицеров, вставание «во фронт» (навытяжку), отдание чести вне службы, запрещал проявления грубости по отношению к нижним чинам и, в частности, обращение на «ты».

Генерал П.Н. Врангель вспоминал: «...17 марта был полковой праздник 1-го Амурского казачьего полка. Как командир бригады я прибыл в полк... Полком командовал бравый полковник Сычев. Подъехав к построенному для парада полку, я с удивлением увидел на пиках красные флаги вместо сотенных значков. Для флагов казаки использовали подручный материал — юбки из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскочил ко мне с рапортом, а оркестр вместо полкового марша заиграл «Марсельезу» и казаки, помнится, даже подпевали что-то вроде «отречения от старого мира». Приняв рапорт, я спросил Сычева: «Что значит этот маскарад?». Я услышал неожиданный ответ: «Казаки того потребовали...» Поздравив полк с праздником, я обратился к казакам: «Я ожидал встретить ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, под которыми погибло геройской смертью

Барон П.Н. Врангель, командующий бригадой Уссурийской конной дивизии в 1916-1917 гг.

столько славных амурских казаков. Хотел я собрать вас и выпить за славу Амурского войска круговую чарку, но под красной юбкой сидеть не могу...” Круто повернув коня, я поскакал к штабу. Приказом по дивизии я объявил Сычеву выговор. Но он, поддержанный казаками, явился ко мне и заявил, что я оскорбил весь полк, а в его лице все Амурское казачество и, что сам я не казак. После этого я приказал вступить в командование Амурским полком полковнику Полковникову.* В отношении же Сычева распорядился начать расследование для предания суду». ¹⁰

Упоминаемый Михаил Швалов, с которым автору посчастливилось неоднократно беседовать в 1970-х годах, отмечал: «Поначалу в полковые и вышестоящие комитеты были выбраны рядовые казаки, сполна хлебнувшие фронтовой жизни. В дивизионный комитет Уссурийской казачьей дивизии являлись делегаты от сотен и полков и

говорили, что терпение казаков нескончаемой войной не за Родину, а за какие-то «дарданелы», за чьи-то барыши, за союзников (с чем мы уже хорошо разобрались) кончается. «Домой, на Амур, Уссури, в Забайкалье!». Уставшие, измученные окопно-походной жизнью и повальной тифозной болезнью, зазряшно потерявшие сотни боевых друзей, казаки неудержимо стремились в родные станицы и хутора. Свое отношение к бывшему царю и Временному правительству большинство казаков выражало короткой, но емкой фразой: «Хрен редьки не слаще!». И в этом они не ошиблись». ¹¹

В целях укрепления дисциплины в войсках и «ведения войны до победного конца» Временное правительство утвердило текст военной присяги: «На верность службе Российскому государству». Началось повсеместное ее принятие. 18-20 марта 1917 г. новую присягу приняли 1-й и 2-й Амурские казачьи полки. Так, командир 2-го Амурского полка, полковник Роман Вертопрахов телеграфировал наказному атаману АКВ: «Я, офицеры, казаки, приняв присягу новому правительству поддержали его в трудной борьбе по устройству новой свободной дорогой нам Родины...».

Полное согласие подчиниться Временному правительству высказали на сходах и казаки всех станичных округов АКВ. Так, ставший атаманом Екатеринбургского округа Горбунов телеграфировал войсковому правлению: «Казаки округа присоединяются к народному движению и подчиняются Временному правительству без всяких колебаний». Сле-

¹⁰Врангель П.Н. Указ. соч.

¹¹ЛАА. Воспоминания М.А.Швалова.

дом пошла телеграмма в Петроград от наказного атамана АКВ К.Н. Хагондокова: «Амурское войско, сохраняя порядок, поддерживает Временное правительство. Примите наши заверения честной службы на благо горячо любимой Родины».

Правда, рядовые фронтовые казаки и после принятия присяги остались при своем мнении: «Что хрен, что редька — никакой разницы». Большинство казачьих генералов и кадровых офицеров, хотя и приняло новую присягу, но в душе они оставались монархистами и мечтали реставрировать, слегка перекусив, бывшее самодержавие. Но были и твердокаменные монархисты. Так, командир 3-го конного корпуса генерал Келлер отказался присягать Временному правительству, но был тотчас смещен и заменен «монархическим демократом» — генералом Крымовым, командиром Уссурийской дивизии.

Одновременно, в противовес приказу N 1 Петросовета, командование Румынского фронта по указке и.о. Главковерха генерала М.А. Алексеева издало приказ N 270 от 24 марта «О создании Советов офицерских и солдатских депутатов» («СОСдепов»). Учитывая текущий революционный момент, этот контрприказ носил явно антидемократический характер, поскольку устанавливал равное, то есть непропорциональное представительство офицеров и солдат в полковых и дивизионных комитетах. При этом созыв их заседаний разрешался только с санкции командиров частей. Это новшество было начисто отвергнуто в солдатской среде, но, по разным причинам, на какое-то время привилось в казачьих подразделениях, где полномочия полковых комитетов были ограничены хозяйственно-бытовыми рамками.¹²

Так, в 1-м Амурском казачьем полку, вместо рядовых казаков в полковом комитете стали верховодить кадровые офицеры-монархисты и урядники: есаул Николай Танаев (председатель), старший урядник Федор Лапшаков (товарищ председателя), хорунжий Василий Спасский (секретарь), полковой адъютант есаул Шепелевский и войсковой старшина Черепанов (члены). Все протоколы заседаний комитета утверждались командиром полка полковником Полковниковым.¹³

М.А. Швалов вспоминал: «Прибрав к рукам полковой комитет, офицеры-старорежимники начали наводить «революционный порядок». Им помогали агитаторы — фронтовые комиссары Временного правительства, истощенными призывами: «Армия — вне политики!», «Воевать до победного конца, а не митинговать!». «Казаки-смутьяны», бывшие комитетчики: Иван Титов, Игнатий Бакшеев, Иван Измайлов, Никита Верещагин, Михаил Федосеев и Павел Сидельников были спешно переведены «для исправления» в Донскую казачью дивизию. Кое-кого из казаков-«вольнодумцев» посадили на гауптвахту. В полку стало широко практиковаться рукоприкладство и использование изощренных наказаний: многочасовое стояние по стойке «смирно» и ходьба «на корточках». Особенно свирепствовал командир 6-й сотни есаул Григорий Тонких, которому еще в Благовещенске казаки за зверства разбили губу и выбили зуб. Терпение казаков лопнуло и казачье общество вынесло есаулу смертный приговор. Кинули жребий — кому исполнять. Тонких застрелили в сумерках на пути к офицерской столовой. Остальным рукоприкладцам и преследователям «крамолы» были посланы анонимные листки с предупреждением. «Сирая» казачья масса напомнила приверженцам старых порядков, что все-таки произошла демократическая революция, хотя и бур-

¹²РГВИА. Ф. 2118. Оп. 6. Д. 13. Л. 11.

¹³ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 20. Л. 92.

жуазная; народ и армия стали другими, возврата к прошлому нет. Есаул Тонких был храбрым и опытным командиром, имел пять боевых наград. Учитывая заслуги перед Отечеством погибшего офицера, полковое начальство отправило его тело на Амур в цинковом гробу, где он был с почестями похоронен на военном кладбище Благовещенска.¹⁴

18 июня 1917 года военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский бросил Юго-Западный фронт в совершенно ненужное и плохо подготовленное локальное наступление. Однако, наткнувшись на ожесточенное сопротивление австро-немецких резервных войск, русская армия побежала вспять, откатившись далеко от исходных позиций. Десятки тысяч убитых и раненых. В неудаче наступления обвинили большевиков, проводивших антивоенную агитацию. Но солдаты и казаки проклинали не их, а верхи армии и правительство, бросивших полки в очередную «мясорубку». «За что воюем и проливаем кровь?!» – гневно вопрошали фронтовики.

3-4 июля 1917 г. в Петрограде произошли события, которые явились логическим следствием незавершенной Февральской революции. На улицы столицы вышли под большевистскими знаменами 500 тысяч демонстрантов – рабочих, солдат, матросов, простолюдинов, которых обстреляли из пулеметов с верхних этажей, крыш и чердаков зданий сторонники правительства. 700 убитых и раненых манифестантов, тысячи избитых и арестованных революционных активистов. Напуганное ростом влияния большевиков на массы, Временное правительство перешло в открытое наступление. Новый министр-председатель Временного правительства эсер Керенский восстановил на фронтах военно-полевые суды с правом смертных приговоров. Кончилось двоевластие Временного правительства и Петроградского Совета в пользу первого, была утрачена возможность мирного развития революции.

Из протокола заседания «офицерского» полкового комитета 1-го Амурского казачьего полка от 12 июля 1917 г., деревня Парканы Бессарабской губернии: «По поводу об отношении к недавнему выступлению большевиков-ленинцев и анархистов в Петрограде полковой комитет постановил: считать их изменниками Родины и особо опасными врагами Временного правительства и свободы России. Мы будем всемерно с ними бороться. Пути к этой борьбе следующие: не допускать выступлений большевиков и распространения газеты «Правда» в нашем полку и всюду, где только представится возможность, пресекать их устремления. Если же эти господа будут делать вооруженные выступления, то мы будем отвечать им тем же». Протокол подписали: есаул Танаев, есаул Шепелевский, хорунжий Спасский, старший урядник Лапшаков, утвердил зам. комполка по строевой части войсковой старшина Черепанов.¹⁵

27 июля 1917 г. «офицерский» полковой комитет 1-го полка и подобные ему комитеты других казачьих подразделений 3-го конного корпуса собрались на съезде «всех» фронтовых казаков Юго-Западного фронта в Бердичеве. От имени «всех» казаков фронта офицеры-комитетчики приняли проправительственную резолюцию: «Съезд казаков Юго-Западного фронта одобряет и вполне поддерживает меры беспощадной борьбы с распадом фронта, введенные Временным правительством Керенского по инициативе нашего доблестного станичника, генерала от кавалерии, Главковерха Лавра Корнилова. Мы требуем немедленного проведения этих

¹⁴ЛАА. Воспоминания М.А. Швалова.

¹⁵ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 19. Л. 92.

крутых мер и в тылу всей России, где продолжают антивоенную агитацию безответственные элементы».¹⁶

Вполне естественно, что офицеры-профессионалы царского производства были искренне озабочены начавшимся разложением армии, брожением солдатских и казачьих умов и судьбой того государства, которому они верно и честно служили. Мыслить и поступать иначе они не могли. Не вдаваясь в реалии тех дней, следует заметить, что верность прежним идеалам, сохраненная кадровыми царскими офицерами, заслуживает уважения...

Отвлечемся немного от фронта и проследим за ходом казачьих дел на далеком Амуре в период марта-августа 1917 г. Сразу после Февральской революции наказной атаман АКВ, военный губернатор Амурской области генерал-майор Хагондоков, признав Временное правительство, был отозван в Петроград и передал свои полномочия новой власти — Комитету общественной безопасности (КОБ), который, в свою очередь, назначил исполняющим обязанности наказного атамана члена войскового правления полковника Василия Семеновича Филинова.*

21 марта - 22 апреля в Благовещенске, в здании Общественного собрания (ныне драмтеатр) проходил 2-й войсковой круг (съезд) Амурского казачьего войска. В президиуме круга были почетные гости — бывшие делегаты 1-го «крамольного» круга АКВ 1905 г.: урядник Андрей Андреевич Вертопрахов Михайло-Семеновской станицы и казак-учитель Павел Васильевич Попов Поярковской станицы, отбывшие шестилетнюю царскую каторгу за антиправительственные выступления. Председателем круга казаки единогласно избрали мещанина, бывшего казака, уроженца Иннокентьевской станицы Николая Григорьевича Кожевникова. *(Юрист, присяжный поверенный, выпускник Киевского университета, член партии социалистов-революционеров и лидер ее амурской организации, гонимый царской охранкой со студенческих лет. - В.К.)* На круге присутствовали 58 делегатов от всех 15 станичных округов, представлявших интересы всего социального спектра казачьего населения Амура.

Как и в 1905 г., амурские казаки были вместе с народом. Круг единодушно приветствовал свержение самодержавия и принял соответствующую резолюцию: «Съезд казаков Амура, выражая живейшую радость по поводу свержения старого государственного строя, высказывает пожелание о скорейшем созыве всенародного Учредительного собрания для установления нового государственного управления на широких демократических началах». Круг послал приветственную телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Круг отстранил от должности советника войскового правления, ярого монархиста, есаула Георгия Сергеевича Толстокулакова, упразднил на казачьей территории полицейские участки и переименовал станичные правления в станичные комитеты общественной безопасности. Новым наказным атаманом и одновременно председателем войскового правления АКВ круг избрал большинством голосов неслужилого казака — бывшего учителя Верхне-Благовещенского хутора Екатерининского станичного округа, депутата 4-й Государственной думы от амуро-уссурийского казачества и новоиспеченного эсера Ивана Михайловича Гамова. Вместе с тем, делегаты круга образовали исполком 2-го войскового круга АКВ, наделив его контрольными функциями ревизии войскового правления. Председателем казачьего исполкома был избран рядовой казак 6-й особой сотни большевик Самуил Федоро-

¹⁶ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.

вич Шадрин, пользовавшийся авторитетом у значительной части амурских казаков.

Учитывая, что Временное правительство приняло закон об упразднении сословий и чинов, на круге был поставлен вопрос об упразднении казачества и уравнивании его с крестьянством. Но так как в делегатских наказах ничего об этом не говорилось, то круг постановил передать этот судьбоносный вопрос на рассмотрение в станичные округа, тыловые сотни и фронтовые части. Для проведения референдума была образована комиссия во главе с казаком-учителем П.В. Поповым, после чего было решено созвать в августе текущего года 3-й войсковой круг с участием фронтовиков. Ввиду предстоящего отъезда в Петроград на Всероссийский съезд казачьих войск представителя АКВ, отставного почетного казака А.А. Вертопрахова, круг принял ряд постановлений, касающихся насущных нужд амурских казаков, которые должен был отстаивать в совете Союза казаков и правительстве делегат войска.

Поголовная мобилизация амурских казаков 22 возрастов, большей части конского состава и отвлечение оставшихся на конвойно-этапную и прочие повинности, лишило станицы самых деятельных работников. На полях преобладали старики, женщины, подростки и старые клячи. Посевные площади сократились на 35%. В этой связи казаки испрашивали у правительства кредит в 17 тысяч рублей на приобретение сельхозмашин и наем мастеровых для их наладки и эксплуатации, а также право использовать на полевых работах личный состав особых сотен, стоявших на охране границы.

По медицинской части АКВ, где на расстоянии 1800 верст казачьей полосы работали с мизерным количеством медикаментов всего 6 врачей и 10 фельдшеров, казаки-делегаты ходатайствовали об отпуске бесплатных лекарств и инструментов со складов Приамурского военного округа.

По военно-призывной части войска дело дошло до того, что новобранцы являлись на службу пешими и в штатском платье, поскольку иссякли личные и общественные средства на приобретение служилым строевого коня, обмундирования и амуниции. Казаки слезно просили отнести снаряжение на службу на казенный счет. Подобные мольбы были по ветеринарной и агрономической службам, школьному делу и дорожно-мостовому строительству.

По окончании круга оркестр сыграл «Марсельезу», а казаки с воодушевлением запели: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!...»¹⁷

С чего бы это рядовые казаки, еще вчера боготворившие царя-батюшку, превратились вдруг в демократов, да еще поставили во главе войска штатских - социалистов-революционеров, поскольку среди кадровых казачьих офицеров таковых не оказалось? Что это, угодничество или приспособление к новой власти? Отнюдь. Чувство социальной справедливости было присуще казачеству с древних времен. Еще донской казак Степан Тимофеевич Разин сложил свою буйную головушку за стремление установить казачий строй, казачью общину во всей крестьянской России. В чем заключался этот строй? А в том, что в казачьих скрижалях издревле было начертано: «У казаков выборное самоуправление сверху донизу. Казачья земля принадлежит только трудовому народу и не служит предметом купли-продажи, на ней нет собственников, а только пользователи. Верховным распорядителем казачьей земли являет-

¹⁷ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-16.

ся весь казачий народ конкретного войска. Родовой казак, атаман, офицер, генерал должны иметь одинаковые права на установленный земельный пай и в решении дел на казачьих сходах. Войсковое хозяйство есть упрощенная коммуна. Однако к исходу 1-й половины XIX века общественно-экономическое движение казаков было задушено мерами царской администрации. Казаки, как земледельцы, были ограничены в своей хозяйственной деятельности. Главным для них, с точки зрения самодержавного государства, было выполнение военно-пограничных и карательных обязанностей. И хозяйство казака, так и не дотянув до товарного типа, превратилось в чисто потребительский натуральный тип. Казак хочет увеличить свою пашню, расширить огород, лучше уладить свое подворье — не положено! Он собирается в город, где выгоднее продать свой товар, или на охоту и иные промыслы — нельзя! Частое привлечение казаков на службу и иные повинности требуют постоянного проживания их в родных станицах.

Войсковые территории были разделены на станичные округа и полицейские участки, во главе которых стояли назначенцы — обер-офицеры, зачастую неказачьего происхождения. То же самое происходило и в кадровых казачьих полках, где многие офицеры не были казаками. Войсковые атаманы стали «наказными», то есть, назначаемыми по велению самого царя из числа военных губернаторов окраинных российских областей, которые, в свою очередь, назначали членами войсковых правлений кадровых офицеров. Былому самоуправлению казаков пришел конец. Правда, за ними оставили выбор станичных и хуторских атаманов, членов станичных правлений, да и то из числа местной казачьей верхушки и отставных урядников-сверхсрочников.

По самой скромной оценке «издержки» казаков по несению военной и прочих повинностей, то есть затраты личных денег на исполнение царской службы, простирались до 1200 рублей. Это была огромная для простолюдинов сумма, если сравнить, что годовой заработок хорошего мастерового составлял тогда 150–180 рублей. Откуда же должен был достать казак эти деньги? С земли, со своего 30-десятинного казачьего пая. И за эту землю казак был обязан верно служить Царю и Отечеству при своем строевом коне, обмундировании и амуниции. Казенными были винтовка, патроны, харчи (на войне и срочной службе) и сама жизнь казака. В то же время кадровым офицерам, приписанным к казачьему сословию, выделялись поистине помещичьи земельные участки в 400–1000 дес. в самых хороших местах. Злоупотребляла земельными отношениями и местная «выборная» казачья власть, спихивая многих казаков на неудобья и дальнеземелье.

Потому не удивительно, что значительная часть амурских казачьих семей, испытывая тяготы долгой царской службы, терпела беспросветную нужду, залезала в долги и по их неуплате батрачила на станичных богатеях или войсковую экономическую кассу. Экономическая неустойчивость казачьих хозяйств, порожденная существовавшими порядками, вызывала крайнее недовольство казаков, создавала базу для брожения «крамольных» мыслей в казачьих умах. Не случайно многие амурские казаки были участниками революционных событий 1905–1906 гг. и приветствовали свержение самодержавия в 1917 году.¹⁸

Большая часть активных амурских казаков и казачья интеллигенция посчитали наиболее приемлемой для себя программу партии

¹⁸Крюков Ф.А. Обзорение из жизни казаков на Тихом Дону. // Русское богатство. 1898. N 9; ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 19. Л. 15. «Казаки как социалисты».

С.А. Мунгалов, председатель правления Амурского казачьего войска в 1907 – 1915 гг., участник Мировой и Гражданской войн.

социалистов-революционеров. Эсеровские лозунги отрицали право частной собственности на землю, декларировали непризнание эксплуатации человека человеком, придерживались уравнительного землепользования на основе применения собственного труда — единоличного или в товариществе.¹⁹

В мае-июле 1917 г. во всех станичных округах, тыловых сотнях и фронтовых полках АКВ проходили политические сходы-референдумы. Среди прочих вопросов, вынесенных на обсуждение, рассматривались четыре основных — об упразднении или сохранении казачества, об отношении к войне и Временному правительству, о казачьем землеустройстве и о введении на казачьих территориях земства (выборного, бессословного местного самоуправления, единого в масштабе губернии, области, уезда). Одновремен-

но проходили выборы делегатов на 3-й войсковой круг АКВ.

Большую агитационную работу по подбору делегатов и принятию предстоящих решений провели на местах члены амурской эсеровской организации во главе с Н.Г. Кожевниковым, И.М. Гамовым, А.Н. Алексеевским и И.М. Блажиевским. Эсеры хвалили политику Временного правительства и призывали казаков горой стоять за его министров и партию социалистов-революционеров, даровавших им долгожданную свободу. Следом выступали перед станичниками речистые кадровые офицеры — члены войскового правления АКВ: полковники С.А. Мунгалов* и В.С. Филинов, войсковой старшина А.Г. Макосей-Шибинский и есаул А.П. Федотьев. Правда, заслуг временных правителей и революционных социалистов они нигде не отмечали, но, зато везде заявляли: «У казаков нет ни правых, ни левых, а есть казаки — верные защитники свободной России!».

Пропаганда имела успех. Выборы нужных депутатов и референдум прошли в желательном руководству АКВ и эсерам направлении. В большинстве станиц казаки высказались за сохранение казачества. Так, казаки Албазинского станичного округа наделили своего делегата, старшего урядника А.Ф. Казанова, наказом: «Казаки в течение многовекового существования выработали особый от иных сословий уклад жизни и всецело с ним свыклись. Мы не видим необходимым в изменении традиций казачества и предпочитаем оставаться казаками». А казаки Игнашинского станичного округа записали в протоколе схода: «Мы двумя руками голосуем за казачество. Да и было бы нелепо прежде времени хоронить казачество, чего оно не заслуживает. Нам дорога память предков, кои

¹⁹Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М.: Политиздат, 1983.

были пионерами освоения Амурского края, невероятными лишениями, в буквальном смысле каторжным трудом, они превратили его в достойные для проживания места».

Но вот сход казаков Екатерино-Никольского станичного округа в своем протоколе N 38 от 9 июля 1917 г. постановил: «Мы высказываемся за упразднение казачества по следующим соображениям. Отбывание воинской повинности тяжелым бременем ложится на казачество. Казак, идя на службу со своим конем, при своей шашке, должен еще и обмундировываться за свой счет. Живя на границе с Китаем, казаки должны быть в постоянной готовности отразить возможное нападение своих непредсказуемых соседей. При отбывании многих обязанностей казаки не имеют никакой материальной поддержки со стороны государства, кроме большего, по сравнению с крестьянами, надела земли. Но эти наделы, в большинстве случаев, расположены на неудобьях и, потому зачастую не обрабатываются, поскольку казаки половину своей жизни проводят на службе и хозяйство их приходит в упадок. Мы находим необходимым слиться со всеми земледельцами России. Нам нужны условия жизни, кои бы вполне обеспечивали нас материально».²⁰

Во фронтовых амурских казачьих полках дела по выборам делегатов на 3-й войсковой круг АКВ и референдуму об упразднении казачества, прочим вопросам текущего момента проходили не гладко. Во-первых, казаки были недовольны тем, что кандидатуры кандидатов в делегаты выставлялись «офицерскими» полковыми комитетами без их участия. Во-вторых, на полковые сходы казаки являлись, но от голосования многие воздерживались и заявляли: «Скорее замиряйтесь, кончайте войну, возвращайте нас домой, там и разберемся, что к чему, а пока нам не до этого».

Так, во 2-м Амурском казачьем полку на Рижском фронте из 1200 человек личного состава приняли участие в голосовании всего 398 казаков — в основном, офицеры, вахмистры, урядники и молодые казаки, только что прибывшие в полк по замене. Но все равно выборы посчитали состоявшимися. Войсковой старшина А.Д. Кузнецов и хорунжий В.П. Перебоев были избраны единогласно, старший урядник Ф.Я. Попов получил 70 голосов, вахмистр И.А. Вертопрахов — 63, старший урядник И.П. Пермин — 53, казак И.В. Кутузов — 52, старший урядник Н.Г. Рыбаков — 40, вахмистр Н.И. Корженевский — 37, старший урядник К.С. Ташлыков — 28. Первые четыре делегата получили право решающего голоса, остальные — совещательные полномочия.

В более «революционном» 1-м Амурском казачьем полку, стоявшем по-прежнему в Бессарабии, на голосование о судьбе казачества явилось 300 человек. Однако, на выборы делегатов круга привалил весь полк — полторы тысячи казаков, которые единогласно проголосовали за одного «Родю», так уважительно величали в полку заместителя командира по хозяйству полковника Родиона Семеновича Иванова (уроженец поселка Верхне-Благовещенского). А старшие урядники П.А. Федореев, И.С. Алексеев, И.Г. Матафонов и другие делегаты получили по 30-40 голосов, по-видимому, офицерских.

От отдельной амурской батареи, отведенной на отдых в Брянск, делегатом круга был избран писарь — старший урядник А.Д. Лопатин. Гвардейский Амурский взвод Сводного казачьего полка послал на круг помкомвзвода старшего урядника П.И. Кукушкина.

Всего от фронта было делегировано на 3-й войсковой круг АКВ 18

²⁰ ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 20. Л. 67-68.

казаков, которым офицерские полковые комитеты вручили строгий наказ, утвержденный командирами полков: «Всемерно отстаивать на Круге сохранение казачества. Твердо помнить, что за делегатами стоят все фронтовые полки АКВ. Нужно честно выразить на Круге их волю — заставить замолчать тех, кто торгует высоким званием казака и напомнить этим супостатам, что фронтовики сумеют защитить священное знамя казачества».

Так, делегатский наказ 1-го Амурского казачьего полка от 20 июля 1917 г., подписанный председателем полкового комитета есаулом Танаевым и скрепленный печатью комполка, полковника Полковникова, гласил: «Выход из казачьего сословия в настоящее тяжелое время, когда взоры всей России и наших союзников обращены на казаков, как на почти единственное спасение нашей свободной России, считать позором. Фронтовые казаки возмущены даже тем, что сам вопрос «быть или не быть казачеству» мог быть поставлен на обсуждение в столь тревожный для Родины период. Лицам, не желающим носить почетное звание казака, предлагаем немедленно выйти из казачьего сословия и покинуть территорию войска».

По-видимому, офицеры никак не могли осмыслить, что произошла демократическая революция. Исходя из своих прежних представлений, они дополнили делегатский наказ протестным пунктом: «Требуем от исполкома 2-го круга и войскового правления АКВ объяснить, на каком это основании наказным атаманом выдвинут, не имеющий военного образования, казак штатской службы Гамов и был допущен на круг неказачьего сословия, бывший казак, эсер-террорист Кожевников».²¹

3-й войсковой круг АКВ открылся 6 августа 1917 г. В театральном зале благовещенского общественного собрания — 63 казака-делегата от станичных округов, тыловых сотен и фронтовых частей. С небольшим перевесом большинства делегатских голосов на пост председателя вновь избран эсер Н.Г. Кожевников, но уже в ранге областного комиссара Временного правительства Керенского. Приглашенные гости: члены Амурского КОБа, представители купечества, интеллигенции, иностранных резидентов и прессы. Перед началом заседания казачий оркестр сыграл «Марсельезу» — временный гимн новой власти.

На окончательное решение Круга были вынесены четыре основных вопроса: о сохранении или упразднении казачества; об отношении к войне, Временному правительству, Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов; о введении земства и казачьем землеустройстве. В повестку заседаний был внесен вопрос — о подготовке к выборам в Учредительное собрание и по проблемам казачьей жизни.

Подавляющим большинством голосов (60 — «за» и 3 — «против») Круг с возгласами: «Любо!», «Слава станичникам!» проголосовал за сохранение казачества. За упразднение казачьего сословия высказались делегаты Екатерино-Никольского станичного округа. В резолюции круга N 10 от 7 августа 1917 г. было записано: «Почти все делегаты от станичных округов, тыловых сотен и фронтовых полков в соответствии с данными им наказами выразили желание сохранить казачество. Мы заявляем, что Российское казачество вообще, а Амурское — в частности, не является сословием с особыми правами и преимуществами. Казачество — это исторически сложившийся, спаянный общей судьбой в условиях жизни народ, сросшийся в одну могучую земельно-экономическую общину. Звание казака почетно. А потому, лишаться его нет основа-

²¹Воспоминания М.А. Швалова; ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 20. Л. 11-13, 88.

ний. Казачество не несет в себе ничего противоречащего задачам и требованиям Революции».²²

Голосуя за сохранение казачества и помня наказания станичников, делегаты вновь потребовали от государства улучшить материальные условия жизни и службы амурских казаков. Кругом были приняты постановления: «О скорейшем возвращении земель отвода Духовского», «Об отнесении всех расходов, связанных с военной службой казаков, на счет казны», «О снятии с казаков конвойно-этапной службы и полицейских функций», «Об увеличении государственных ассигнований на агрономическую, медицинскую, ветеринарную службы и школьное дело». Делегаты круга приняли решение о введении на территории АКВ самостоятельного казачьего земства (то есть трехстепенного земства — областное, казачье станичное и крестьянское волостное). Принцип объединения казачьих и крестьянских земств был отвергнут.

Круг подтвердил полномочия наказного атамана АКВ И.М. Гамова. Был избран новый состав казачьего исполнительного комитета 3-го круга из семи человек, во главе с делегатом от Пашковского станичного округа отставным старшим урядником П.И. Кибиревым. Бывший председатель казачьего исполкома С.Ф. Шадрин был лишен своих полномочий и возвращен на службу в особую сотню. В состав Амурского КОБа были включены пять членов от АКВ, в том числе учителя — В.Н. Маньков и П.В. Попов.

11 августа 3-й круг АКВ, заканчивая свою бурную шестидневную работу, определил свою политическую линию: «Сплотиться вокруг Временного правительства, довести войну до победного конца в полном согласии с союзниками по Антанте, а мир должен быть заключен на основе отказа противостоящей стороны от захвата чужих территорий. Казачество, как часть русского народа, должно идти рука об руку с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, поскольку интересы трудового народа однородны. Государственная Дума, в связи с контрреволюционными настроениями части ее депутатов, должна быть распущена. Дальнейшее государственное устройство России амурские казаки поручают определить Учредительному Собранию и при выборах в этот парламент войдут в единый блок с партией социалистов-революционеров».

Делегаты большинством голосов выдвинули кандидатом в депутаты Учредительного собрания от АКВ товарища (так в тексте протокола) Николая Григорьевича Кожевникова. Под бурные аплодисменты круг избрал постоянным представителем АКВ в Совете Всероссийского союза казаков отставного почетного казака Андрея Андреевича Вертопрахова, которому было поручено передать все постановления 3-го круга АКВ Совету Союза казаков и Временному правительству.²³

С надеждой на лучшее будущее возвращались казаки-делегаты в свои полуразоренные станицы и, в опаленные порохом, досыта навазавшиеся, фронтовые полки. Они искренне верили, что стоит только покарать «смутьянов» и сплотиться вокруг Временного правительства, как придет победа и наступит желанный мир. Дух устава царской армии и патриотизм был еще достаточно высок у значительной части казачества. В тяжкую для России годину оно отдавало для ее защиты все силы. В мировую войну сражались на фронтах 300 тысяч казаков, в их числе 6

²²ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.

²³Там же. Л. 17-40.

Л.Г. Корнилов, Верховный Главнокомандующий Русской армией в 1917 г.

тысяч амурских, столько же уссурийских и 25 тысяч забайкальских.

Однако в солдатской и казачьей среде зрело убеждение, что эта война не Отечественная, а империалистическая, и народам нужно ее прекратить. «Мы готовы защищать Родину, но мы не хотим быть пушечным мясом ради прихотей и прибылей хищников капитала», — заявляли фронтовики. К такому же пониманию приходили и солдаты противника. По всему фронту шло братание солдат противостоящих сторон. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Энтузиазм первого периода войны сменился к осени 1917 года рассуждениями о целесообразности ведения европейской войны, в основу которой легли мало кому понятные союзнические обязательства. Русское Верховное командование неизменно отказывалось от собственных планов военных действий и предпринимало рискованные и

невыгодные для своей армии наступательные операции по требованию или в угоду союзникам по Антанте. Низы армии в этом отлично разобрались. Рассчитывать на победоносный конец войны при таком настроении солдатской массы было невозможно».²⁴

К августу 1917 г. война ощущалась уже всем населением России, поскольку мобилизации вычерпали из народного хозяйства 19 миллионов мужчин. В стране — скорбь по огромным людским потерям, упадок сельского хозяйства, рост дороговизны, продовольственные проблемы. Но зато жирели, наживаясь на военных заказах и спекуляции, банкиры, промышленные магнаты и прочие поставщики армейских припасов. Среди рабочих и солдат возрастает влияние хорошо понятных лозунгов большевиков: «Власть — Советам, мир, земля — крестьянам!». Улавливая недовольство масс затянувшейся войной, учитывая перебои с продовольствием, особенно в Петрограде, и вековую мечту крестьян поделить помещичьи земли поровну, большевистская партия повела невиданную антиправительственную агитацию. Под ее знамя стала значительная часть рабочих, солдаты Петроградского гарнизона и матросы Балтийского флота.

Одновременно консолидировались крайне правые силы. «Только генералы смогут справиться с надвигающейся революцией черни», — отмечалось в резолюции ЦК партии кадетов. Центристско-демократические буржуазные установки Керенского уже не удовлетворяли буржуазию и она готовила ему замену. Центром подготовки крайне правого мятежа была выбрана Ставка Верховного командования в Могилеве. Главкомверх генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов предупреждал министра

²⁴Бонч-Бруевич М.Д. Конец царской армии. // Военно-исторический журнал. 1986. № 6. С. 83-84.

председателя о надвигающейся «крайне левой опасности» и предлагал ввести в стране режим сильной власти. Керенский в принципе соглашался, но от установления открытой военной диктатуры пока воздерживался, так как опасался притязаний генерала на диктаторские полномочия. Получив поддержку правых буржуазных сил, Корнилов еще в начале августа начал переброску 3-го конного корпуса генерала Крымова с Румынского фронта в район Невель — Великие Луки, то есть в тылы Северного фронта, поближе к столице. Войсковые переброски мотивировались необходимостью укрепить Северный (Рижский) фронт и прикрыть подступы к Петрограду на случай широкого наступления немцев. Но на самом деле район сосредоточения 40-тысячной казачьей конницы был выбран на случай подавления возможного вооруженного выступления большевиков и других левых сил в Петрограде. Намечавшийся поход казаков и кавказских джигитов на Питер встревожил партии меньшевиков и эсеров. Правда, Корнилов успокаивающе заявлял: «Против Керенского я не собираюсь выступать, думаю, что мне удастся договориться с ним в последний момент». Но прийти к соглашению им не удалось. Корнилов потребовал передачи ему всей полноты власти, в ответ Керенский телеграфно снял того с поста Главковерха. Генерал, отказавшись подчиниться, обратился с воззванием к армии и населению, в котором обвинил Керенского в неспособности противодействовать смутянам и управлять страной, а министрам предложил подать в отставку. В обращении к казакам Корнилов призывал: «Казаки, дорогие станичники, рыцари земли русской! Час пробил — Родина накануне смерти! Спасайте отечество и Свободу, завоеванную Революцией! Слушайте и исполняйте только мои приказы. Поддержите честь и славу доблестного казачества!».

22 августа 1917 г. 3-й конный корпус генерала Крымова в составе 1-й Донской, Уссурийской и Кавказской туземной («Дикой») дивизий снялся с мест сосредоточения и плотными эшелонами, по трем железным дорогам, через Псков, Дно и Нарву двинулся на Петроград. Казакам поначалу не сообщали о целях передислокации, только в пути они узнали, что направляются в Питер, якобы для защиты Временного правительства от анархо-большевиков, продавшихся немцам. Уссурийской казачьей дивизии, в которую входил 1-й Амурский казачий полк, была поставлена задача: следуя эшелонами по линии Двинск — Нарва, сосредоточиться в районе Гатчина — Царское Село, откуда в конном строю наступать на столицу.

Контрреволюционная буржуазия в успехе не сомневалась. От Керенского отошли крупные партии, вышли из правительства кадеты. Петроградский гарнизон, хотя и был крупным по численности, но состоял в основном из солдат запасных частей, не нюхавших порошу. И тогда Керенский метнулся к эсерово-меньшевистскому руководству Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обещавшему ему поддержку. Однако эсеры и меньшевики без участия большевиков не могли поднять массы на защиту столицы и Временного правительства. Большевики пошли на совместные действия, но при самостоятельной организации военно-революционных сил. По их зову в Красную гвардию записалось 40 тысяч рабочих, солдат и матросов, занявших позиции на подступах к Петрограду, опоясанному тремя рядами проволочных заграждений. Железнодорожники всеми мерами тормозили движение воинских составов.

К 30-31 августа все три дивизии 3-го конного корпуса прочно

застряли на станциях и полустанках в 40–50 км от столицы, головные эшелоны Уссурийской дивизии дальше Гатчины продвинуться не смогли. В соприкосновение с защитниками города вошли лишь передовые разъезды 3-й бригады Кавказской дивизии, завязавшие перестрелку на подступах к Павловску. Остановившиеся казачьи эшелоны были «атакованы» тысячами агитаторов из Петрограда, в основном большевиков. К горцам Дикой дивизии прибыли представители мусульманских демократических организаций. Большевики обращались к казакам: «Братья-казаки! В Петрограде вам делать нечего. Никакого бунта во главе с немецкими агентами там нет. Вас обманули. Корнилов послал вас, чтобы свергнуть Временное правительство. Мы не за это правительство, но из двух бед надо выбирать меньшую. Если утвердится Корнилов, то в народной крови будет бродить вся Россия. Братья-казаки, мы призываем вас не проливать кровь трудового народа». Агитация питерцев имела успех. Казаки и кавказцы 3-го конного корпуса вышли из повиновения командирам и отказались наступать на Петроград. В казачьих частях прошли митинги и сходы. Активные офицеры-корниловцы были отстранены от командования и частью изгнаны из полков. В фактическое управление частями вступили переизбранные полковые комитеты из рядовых казаков, которые послали делегатов в Петроград для переговоров с Керенским.²⁵

А как вели себя в эти судьбоносные дни наши амурские казаки? Сразу скажем, что мыслили и действовали они достойно. М.А. Швалов вспоминал: «Шесть эшелонов 1-го Амурского казачьего полка, следуя от Великих Лук в арьергарде Уссурийской дивизии, подошли к станции Гатчина-Товарная утром 26 августа и дальше по «вине» железнодорожников не продвинулись ни на шаг. Рельсовый путь от Гатчины был забит порожняком на многие сотни метров вперед. Казачьи составы обступили штатские люди с красными повязками на рукавах. Они объясняли казакам, что в Питере никаких немецких шпионов, бунтовщиков и насильников нет и усмирять там некого. Корнилов гонит казаков в Питер, чтоб пустить кровь рабочим, поймать и расстрелять Ленина, а заодно свергнуть нефартового Керенского. Агитаторы просили казаков не брать грех на душу, шашками не махать и в Питере не появляться. Казаки громко матюгались, кляли и Корнилова, и Керенского, и своих командиров-мордобойцев и меж собой говорили: «Вот паразиты, нужно, в первую очередь, решать вопрос о мире, а они, подлюки, задумали заставить нас воевать еще и со своими. Не видать нам, паря, дома как своих ушей, если пойдем в Питер бить своего же брата». Когда поступила команда выводить из вагонов коней и седлать их, чтобы следовать в Питер походным порядком, то казаки взбунтовались и образовали свой полковой комитет, постановивший всем оставаться на своих местах, а офицерам сидеть в штабном вагоне и не высовываться. На сторону казаков перешел полковник Родя Иванов — мой одностанничник, который вместе с полковым комитетом стал командовать полком».

Керенский восторженно принял казаков — членов полковых комитетов в Зимнем дворце. Он обласкал их, а двух, самых речистых тут же произвел в офицеры. Глава правительства, только что балбесивший себя постом Верховного главнокомандующего, разрешил полковым комитетам производить аресты офицеров, требующих движения корпуса к Петрограду, и вручил казакам свой приказ «препроводить к нему всех

²⁵Грунт Н.Я., Старцев В.И. Петроград-Москва. Июнь-ноябрь 1917 г. М., 1984, с. 41–50.

старших офицеров для обстоятельных объяснений». И потекли в Петроград с повинной командиры дивизий и полков 3-го конного корпуса. Офицеры, еще вчера шедшие на Керенского войной, поспешили выразить ему свою верность и за это получили даже повышение по службе. Так, «демократичный» генерал Краснов был утвержден в должности командира 3-го конного корпуса вместо застрелившегося генерала Крымова; командир Уссурийской дивизии генерал А.А. Губин стал советником военного министра, а командир 1-го Амурского полка полковник Полковников возглавил Петроградский военный округ. Сам Корнилов и 20 генералов Ставки, причастных к мятежу, в их числе А.И. Деникин, С.Л. Марков, Эрдели были взяты под стражу, но вскоре «бежали» на Дон.²⁶

Не пошли слепо казаки за Верховным казаком-генералом, а могли бы взять Петроград и без штурма, сил и боевого умения было достаточно. Авантюру бывшего Верховного главнокомандующего осудили все губернские и областные органы Временного правительства и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, региональные организации большевиков и мелкобуржуазных партий, командующий Северным фронтом генерал Черемисов, командующие военными округами, в подчинении которых находились тыловые подразделения казачьих войск. Так, командующий Приамурским военным округом генерал К.Н. Хагондоков в своем приказе N 572 от 31 августа 1917 г. отмечал: «Генерал Корнилов пытался захватить власть в свои руки и тем самым ограничить права и свободы, завоеванные Февральской революцией. Призываю войска вверенного мне округа тесно сплотиться вместе с председателем — военным министром Керенским, твердо помня, что все мы от старшего до младшего стоим на страже демократии».²⁷

Национальный герой России генерал Брусилов в своей речи на втором «Совещании общественных деятелей», состоявшемся в Москве 13 октября 1917 г., сказал: «Мы хотим, мы желаем сильной власти. Нам нужны Минины и Пожарские. Но сильная власть возможна лишь тогда, когда ее желает народ, иначе на что такая власть может опереться? У нас был несвоевременный Пожарский — Корнилов... Когда история потребует, явится и Минин, и Пожарский...».²⁸

«Если бы даже Корнилову удалось свергнуть Керенского, то его торжество продолжалось бы недолго. Правление военного диктатора было бы также неспособно разрешить те непримиримые классовые противоречия, которые раздирали Россию», — уверял начальник службы Российской пограничной стражи генерал Мартынов.²⁹

Керенский учел значимость дислокации 3-го конного корпуса под Петроградом и приказал оставить казаков как свой боевой резерв на прежних позициях: Царское Село — Пулковое — Павловск — Гатчина. Генералу Краснову и комиссарам Временного правительства было поручено подготовить корпус для предстоящей борьбы с большевиками. 8 сентября командующий корпусом — Краснов и комиссар — эсер Войгинский прибыли в Гатчину, где выступили перед наиболее «обольшевичеными» казаками Уссурийской конной дивизии. Краснов свидетельствовал: «После моего призыва начать строевые и тактические занятия, дабы быть готовыми к защите порядка и законности, из казачьих рядов послышались свист и дикие выкрики: «Га, мало попили нашей кровушки, сволочи!». На лицах казаков — тупая скука и раздражение с примесью злорадства. Я сразу сообразил, что не только говорить, но и находиться мне здесь опасно.

*Генерал П.Н. Краснов, командующий
3-м конным корпусом в 1917 г.*

С трудом протиснулись сквозь толпу к своему автомобилю. Возвратившись в корпусной штаб в Царском Селе, я мучительно раздумывал, как оздоровить дивизию? В ее полках верховодили рядовые казаки полковых комитетов, а офицеров почти не осталось. Отстраненные казаками от командования, они обитали при штабах корпуса и дивизий или в гостиницах Петрограда. Правда, в 1-м Амурском казачьем полку находился казачий авторитет — штаб-офицер Иванов, но и он занимался больше политикой, чем наставничеством. Я пришел к выводу, что Уссурийскую, а заодно и Кавказскую дивизии нужно из корпуса убирать и вместо них влить в него 1-ю и 2-ю сводные гвардейские казачьи дивизии, о чем и доложил правительству. Однако Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов остался недоволен присутствием корпуса под

стенами столицы и на всякий случай настоял на переводе его подальше.

20 сентября Керенский вынужден был подписать приказ о перемещения 3-го конного корпуса в район Псков — Остров, где он был расквартирован по деревням вдоль линии железной дороги».³⁰

По воспоминаниям М.А. Швалова, после отвода 3-го конного корпуса от Петрограда в резерв Северного фронта, 1-й Амурский казачий полк был размещен на постой в деревне Заходы близ Пскова, в 370 км от столицы. В полку осталось всего два уважаемых казаками офицера — полковник Родион Иванов и сотник Анатолий Бородин, оба из Верхне-Благовещенского поселка. В ожидании отправки на фронт казаки приводили в порядок полковое хозяйство, занимались стрельбами, починкой обмундирования, обуви, конского снаряжения, помогали селянам молотить хлеб, мечтали о мире и возвращении в родные станицы. Однако, размеренная, спокойная жизнь казаков продолжалась недолго. В полк неожиданно прибыли изгнанные казаками офицеры, а затем последовал приказ готовиться к новому походу на Петроград, где германские агенты — большевики свергли Временное правительство и ожидается вторжение немецких войск из Финляндии. Басням о вражеских шпионах и немецком наступлении с финской стороны казаки не поверили и начисто их отвергли. Правдой оказалось то, что 25 октября (7 ноября) 1917 г. произошло вооруженное восстание рабочих, солдат и матросов, которое смело буржуазное Временное правительство и была установлена власть Советов рабочих,

²⁶Краснов П.Н. Указ. соч. С. 122.

²⁷ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 12. Л.1-3.

²⁸Ростунов Н.Н. Генерал Брусилов. М., 1964, с. 289.

²⁹Мартынов Е.И. Корнилов — попытка военного переворота. М., 1927, с.176.

³⁰Краснов П.Н. Указ. соч. С.136-140.

солдатских и крестьянских депутатов.

Ну, а что же Керенский? 26 октября Керенский появился в штабе Северного фронта в Пскове. Однако, командующий фронтом генерал В.А. Черемисов отказал ему в поддержке: «Политическая борьба не должна касаться армий моего фронта. Их задача прочно удерживать занимаемые позиции». Тогда Керенский лично явился в штаб 3-го конного корпуса к командующему корпусом Краснову: «Генерал, немедленно сосредоточьте корпус, прикажите казакам отточить шашки и наступать на Петроград, где арестуйте Ленина и освободите моих министров». Генерал Краснов вспоминал: «Собрать корпус воедино было архисложно. Его полки и сотни были разбросаны по всему Северо-Западу. При этом мой прямой приказ без санкций полковых комитетов казаки не признавали. С большим трудом, с помощью квартирмейстера штаба фронта, генерала В.Л. Барановского, удалось созвать полковые комитеты корпуса на ж.-д. станции Остров, где перед ними с призывом освободить Петроград от большевиков выступил бывший министр-председатель Временного правительства. Речь Керенского была во всех отношениях очень слабой, хотя он и слыл искусным оратором. Все те же избитые слова и лозунги, прерываемые не связанными между собой истеричными фразами: «Верность союзникам», «Война до победного конца», «Февральская революция в опасности», «Безумцы-большевики не желают мира — хотят полить кровью революцию». Комитетчики-донцы слушали Керенского из любопытства, с раскрытыми ртами, вполне миролюбиво. Но там, где сидели амурские, уссурийские и забайкальские казаки, слышались негодующие возгласы. А затем закричал урядник Амурского полка: «Неправда, большевики этого не хотят». Когда Керенский на минуту умолк, то раздались жидкие аплодисменты донцов. И сейчас же громогласно пробасил казак-амурец: «Товарищи-казаки, вас обманывают! Перед вами новый Корнилов! Это дело замышляют против народа! Казакам и солдатам нужен мир, а он опять про войну шарманку завел». Казаки с задних рядов подкрикивали: «Довольно, хватит, навоевались! Остановите его!» Я послал за ординарцами сопроводить оратора к выходу и уговорил Керенского уйти».³¹

26-27 октября полковые комитеты 1-го Амурского казачьего полка и, недавно прикомандированного к корпусу, 2-го полка, как и комитеты других полков приняли решение в выступлении Керенского-Краснова на Петроград не участвовать. Постановление об отказе наступать на Петроград принял и батарейный комитет отдельной Амурской казачьей батареи, стоявшей в Великих Луках. При этом командир батареи сотник Соловьев, сотники Астафьев и Николаев, хорунжий Артышко, требовавшие отправки уже погруженной в эшелон батареи, были казаками обезоружены и из батареи изгнаны. Подобное происходило и в других полках и сотнях корпуса.³²

С большим трудом Краснов собрал 10 неполных казачьих сотен (1200 шашек) из 40-тысячного корпуса, в основном, из 9-го и 10-го полков 1-й Донской дивизии и офицеров других частей; три батареи, броневик и бронепоезд. При этом генерал не мог даже найти машини-

³¹ Там же. С. 144-153.

³² ГААО. Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 167. Рапорт есаула Соловьева в войсковое правление АКВ; Краснов П.Н. Указ. соч. С. 154; Грунт А.Я., Старцев В.И. Указ. соч. С. 195

ста для эшелона и состав повел есаул Коршунов, служивший когда-то помощником машиниста. Штурмовать Петроград, где находился 200-тысячный гарнизон и многочисленная Красная гвардия, такими малыми силами противоречило всем понятиям военной тактики. Но Краснов рассуждал так: «Гражданская война — война особая и подлая, ее правила иные. Здесь все решают внезапность, решительный натиск и деморализация противника. Гарнизонные солдаты поздно ложатся спать, утром их не поднять, потому как долго шляются по трактирам и кинематографам, а красногвардейцы-рабочие отпускаются на ночлег по домам. Захват окрестностей столицы в туманном рассвете, когда наших сил не определишь, приведет солдат в панику. Они будут держать нейтралитет или перейдут на нашу сторону. Захват же центра города, где мы уничтожим головку большевиков, приведет нас к победе». 28 октября отряд Краснова занял Гатчину, часть гарнизона которой разбежалась, а другая примкнула к казакам. Керенский, перебравшись в Гатчинский дворец, отправил в Петроград телеграмму с предложением гарнизону разоружиться и сдаться правительственным войскам. Подавив артиллерией красногвардейские заслоны красновцы заняли Царское Село. Под колокольный звон Керенский расположился в царской резиденции и уже предвкушал победу. Царскосельская радиостанция круглые сутки передавала воззвание Керенского к армии и народу с призывом поддержать его в столь ответственный исторический момент. В самом Петрограде правые силы были готовы ударить в спину революционным отрядам, а начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Духонин обещал Керенскому двинуть в столицу фронтовые части. Ранним утром 30 октября Краснов повел наступление на столицу вдоль Петроградского шоссе. Под прикрытием артиллерии и бронепоезда казаки двинулись на позиции красногвардейцев и революционных солдат. Бой продолжался до полудня. Обе стороны несли большие потери. Но к концу дня защитники Петрограда подвергли казаков жестокому артобстрелу и перешли в контрнаступление. Казаки оставили Царское Село и закрепились в Гатчине, где большинство заявило Краснову, что участвовать в братоубийственной войне они более не намерены. Командующий отрядами Красной Гвардии П.Е. Дыбенко добился от казаков согласия на арест Керенского и Краснова. Однако, Керенскому удалось бежать, а Краснов и другие офицеры, участники мятежа, вскоре были отпущены на свободу под честное слово — не воевать против советской власти. Рядовые казаки возвратились в свои полки. Мятеж Керенского-Краснова был ликвидирован. Казаки были возмущены бегством Керенского, корпусной комитет 3-го конного корпуса послал телеграмму: «Всем, всем, всем! Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит этого труса и предателя, должен его арестовать и выдать новым властям».

В ноябре-декабре 1917 г. подразделения 3-го конного корпуса, подчиненные командованию Красной гвардии и советскому правительству, располагались на прежних местах дислокации по линии Остров — Псков — Нарва, в Великих Луках и входили в группу войск «завесы», сформированной для прикрытия распавшейся линии фронта от возможного немецкого наступления. 10 ноября 1917 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин подписал декрет «О постепенной демобилизации бывшей царской армии».³³

По свидетельству командующего 3-м конным корпусом генерала П.Н. Краснова отправка эшелонов демобилизованных казаков Уссурийской конной дивизии началась 16 декабря 1917 г. Казакам оставили винтовки, шашки, пулеметы, полковое хозяйственное имущество, часть денежных средств полковых касс, но изъяли орудия, автомобили, средства связи, знамена и документацию штабов. К концу января 1918 г. корпус был расформирован окончательно. В отличие от солдат, неорганизованными толпами покидавших фронт, казачьи части сохранили свою организацию и в полном боевом и хозяйственном снаряжении убывали в родные края.³⁴

По воспоминаниям М.А. Швалова амурские казачьи полки с конским составом прибыли в Благовещенск в самом конце января 1918 г. В пути, под Новониколаевском (Новосибирском), казачьи эшелоны были остановлены красновардейцами и частично разоружены: изъяты все пулеметы, а также излишние и трофейные винтовки с патронами. По прибытии фронтовиков в Благовещенск, молодые казаки (первых двух лет службы), которых больше всего было во 2-м Амурском полку, были оставлены войсковым правлением дослуживать срок в кадровом казачьем полку. Старослужащие, получив денежное содержание, были выпущены по домам. Казаки возвращались в станицы конными и при оружии. Гульба по случаю возвращения фронтовиков с войны шла по всей территории войска целую неделю. Пили за все и за всех, добрым словом помянули Ленина за то, что он вызволил казаков с фронта.

Недолго наслаждались казаки мирной жизнью. Гражданская война вскоре разделит станичников на белых и красных. Примирение было невозможно, так как у каждой из сторон была своя правда, которую не признавала другая. Бывшие офицеры и генералы 3-го конного корпуса — Краснов, Врангель, Богаевский, Семенов,* Унгерн, Кузнецов, Сычев, Вертопрахов, Чехович* будут руководить и активно участвовать в Белом движении на юге России, в Сибири, Приамурье и Забайкалье. В то же время их однополчане — казаки, урядники и младшие офицеры Кривошлыков, Подтелков, Миронов, Прохоров, Шадрин, Бреус, Шилов, Таскаев будут сражаться за советскую власть, станут командирами Красной Армии и партизанами, работниками советских органов и местных правительств.

³³Грунт А.Я., Старцев В.И. Указ. соч. С.193-213.

³⁴Краснов П.Н. Указ. соч. С.184-186

АМУРСКИЕ КАЗАКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

глава IV

В декабре 1917 г. за власть Советов высказался III-й краевой съезд Советов Дальнего Востока. Съезд образовал Дальневосточный исполнительный комитет, предложив земствам Амурской и Приморской областей по два места в составе Дальисполкома. Приморское земство приняло это предложение, амурские земские деятели отказались признавать власть Дальисполкома.

В декабре 1917 г. по требованию большевистской фракции Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов были проведены переборы Благовещенского Совета, большинство мест в нем получили большевики. 13 (26) января 1918 г. Благовещенский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя высшим органом власти в городе.

Председателем исполкома Благовещенского Совета был избран Ф.Н. Мухин. Исполком Благовещенского Совета предложил крестьянам избрать делегатов на областной съезд для решения вопроса о власти в области. Областной крестьянский съезд был назначен на 25 февраля 1918 г. Областная земская управа в ответ предложила создать общедемократический Народный совет Амурской области, включив в него представителей земства, городской управы, казачьего правления и Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Войсковое правление для решения вопроса о власти созвало 17(30) января очередной IV войсковой круг (съезд) Амурского казачьего вой-

Казаки 1-го Амурского полка армии адмирала А.В. Колчака. Благовещенск, 1919 г.

ска. Председателем круга был избран Н.П. Самарин. Съезд по докладу П.В. Попова по текущему моменту принял резко антибольшевистскую и антисоветскую резолюцию. В ней провозглашалось:

1. Вся полнота власти в центре в данный момент принадлежит только Учредительному собранию, на местах — демократическим органам городского и земского самоуправления.

2. Советской власти — власти народных комиссаров в центре, власти Совета рабочих и солдатских депутатов на местах, как власти, не опирающейся на волю всего народа, основанной на грубой силе штыков, не признавать.

3. Власть в войске принадлежит войсковому самоуправлению и его исполнительному органу — войсковому правительству. Никакой другой власти впредь до установления в Российской советской республике нормального государственного порядка, войско у себя не допустит.

4. Так как жизнь войска тесно связана с жизнью всей Амурской области, в частности, города Благовещенска и, так как нормальный порядок жизни неизбежно будет нарушен при попытке захвата власти в городе и области со стороны безответственных групп населения, что, в свою очередь, вызовет осложнения не только внутреннего, но и международного характера, принимая все это во внимание и учитывая все последствия осложнений, Амурское казачество всеми мерами будет бороться против всяких посягательств на узурпацию прав городского и земского самоуправления, созданных на основе всеобщего избирательного права.¹

Круг отказался от предложения исполкома Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов объединиться, но полностью поддержал предложение областной земской управы создать объединенный народный совет, утвердив в его состав кандидатуры И.М. Гамова, В.Н. Манькова, Н.Г. Сапожникова, П.М. Самсонова, В.В. Лопатина и Н.Г. Кожевникова.

Круг избрал новое правление войска: атаманом войска вновь был избран И.М. Гамов, членами войсковой управы — И.М. Суриков, Н.Г. Кожевников, Р.А. Вертопрахов, и наделил его чрезвычайными полномочиями. Исполнительный комитет был упразднен, вся полнота власти была сосредоточена в войсковом правлении.

Завершая работу 4 (17 февраля), за неделю до открытия областного крестьянского съезда, круг принял обращение к населению: «4-й круг твердо заявляет и на деле проводит свою четкую политическую программу, а именно, единственной законной и правомочной властью в государстве войско признает только Учредительное собрание, в своем войске — войсковую власть во главе с войсковым кругом, в области — земство, в городе — городское самоуправление».

Во время работы казачьего круга 14 февраля 1918 г. в Благовещенске открылась вторая сессия областного земского собрания, также выработавшая меры по сохранению и упрочению власти земства. Земское собрание приняло решение создать в Амурской области Народный совет, в состав которого включить по 6 представителей от областного земства, Совета крестьянских депутатов, трех от Благовещенской городской думы, двух от казачьего войска, по одному от Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов, от союза горнорабочих и союза железнодорожников. Для текущей работы из состава Народного

И.М. Гамов, атаман Амурского казачьего войска (1917-1919).

Совета выделен Исполнительный комитет в составе 5 человек. Был сформирован новый состав Областной земской управы, председателем которой избран юрист, золотопромышленник Н.Н. Родионов.²

Обе стороны политических сил готовились к решающей схватке. Областной крестьянский съезд должен был решить судьбу власти в Амурской области.

25 февраля 180 делегатов от крестьянских селений собрались в Благовещенске на свой IV-й съезд. Большевистское руководство Благовещенского совета выдвинуло на него свои лучшие силы. Прибыла авторитетная делегация из Хабаровска во главе с председателем Дальневосточного краевого комитета

Советов и самоуправлений А.М. Краснощековым.

Крестьянский съезд сразу же провозгласил приверженность власти Советов. На совместном заседании областного крестьянского съезда и Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято соответствующее решение:

«Единственной властью, как в центре, так и на местах признать Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов».

Съезд постановил — земство и городские органы самоуправления — упразднить. Для осуществления функций власти съезд избрал областной исполнительный комитет, председателем которого был утвержден Ф.Н. Мухин. 4 марта 1918 г. съезд завершил работу, выработав меры по практическому осуществлению функций власти советов.³ На следующий день, 5 марта облисполком занял помещение земской управы.

Не признавая решений крестьянского съезда, областная, земская и городская управы вечером 5 марта в помещении войсковой управы провели экстренное заседание, призвавшее население к созданию отрядов добровольной гражданской милиции, которые на следующий день, получив оружие, начали занимать город. Атаман И.М. Гамов мобилизовал наличные силы казачьего гарнизона для оказания помощи земской и городской управам. Боевые отряды белой гвардии окружили здание, где заседал облисполком, угрожая расправой. Руководители облисполкома — Ф.Н. Мухин, Ф.Н. Сюткин, Ф.И. Бугаев, С.П. Джалов и присутствовавший А.М. Краснощек обратились к Гамову за посредничеством для предотвращения вооруженного столкновения. Вечером 6 марта в здании войсковой управы состоялось совместное заседание областной земской управы, городской управы, войскового правления, предложившее создать Народный совет по нормам земского собрания. Руководители Советов от этого предложения отказались, тут же были арестованы и отправлены в тюрьму. Участники заседания создали Народный совет и

²«Народное дело», 1 марта 1918 г.

³Съезды Советов Амурской области. Благовещенск, 1987, с. 15-25.

его исполнительный комитет из 5 человек. Председателем избрали Н.Г. Кожевникова, военным руководителем назначили атамана И.М. Гамова.

На защиту власти Советов поднялись рабочие и крестьяне области, прибыли подкрепления из Владивостока и Хабаровска. В селении Астрахановка в течение недели сформировалась десятитысячная красногвардейская армия, которая 12 – 13 марта 1918 г. штурмом заняла Благовещенск. По некоторым данным, победители устроили «погром буржуазии», в ходе которого погибло до 1500 офицеров, служащих и коммерсантов. «В Благовещенске, – писал генерал Нокс, – были найдены офицеры с граммофонными иглами под ногтями, с вырванными глазами, со следами гвоздей на плечах, на месте эполет, их вид был ужасен». ⁴

В Благовещенске и области реальная власть перешла к Советам. Поражение антисоветских сил привело основную массу казаков к формальному признанию новой областной власти. По станицам и хуторам казачьего войска сходы жителей стали принимать резолюции о признании власти Советов, преобразовывая станичные и хуторские правления в исполкомы Советов. Облисполком предложил казакам избирать делегатов на очередной съезд (круг) казачьего войска для решения важнейших вопросов дальнейшего существования войска. 31 марта 1918 г. в Благовещенск прибыли более 50 делегатов от казачьих станиц и в первый же день на открывшемся заседании 5-го съезда была принята резолюция: «Единственной властью, как в центре, так и на местах должны быть Советы крестьянских, казачьих, рабочих и солдатских депутатов, как органы, опирающиеся на волю трудового народа».

После продолжительного обсуждения было также принято решение об упразднении Амурского казачьего войска. «Всякое деление граждан Российской республики на сословия, – говорилось в нем, – вносит лишь рознь и неприязненное отношение в среду трудового народа, поэтому Амурское казачье войско, как отдельную сословную единицу, упразднить и слиться в одну семью со всем крестьянством Амурской области для совместной работы на благо трудового народа». ⁵

Казачий съезд решил объединиться с открывающимся 1 апреля 1918 г. V-м областным крестьянским съездом.

Решением V-го войскового круга о самоупразднении казачьего сословия и Амурского казачьего войска было упразднено войсковое правление во главе с атаманом Гамовым, однако оно продолжало действовать на китайской территории – в Сахалине, где весной 1918 года сформировалось Бюро самоуправления Амурской области, как правопреемник бывшей областной власти. В него вошли члены Войсковой управы АКВ (И.М. Гамов, И.М. Суриков, П.И. Кибирев, П.М. Самсонов), члены областной земской управы (Н.Н. Родионов, А.И. Рыслев), исполняющий обязанности городского головы Благовещенска Н.З. Перминов. Вскоре Бюро пополнилось активными военными кадрами: из Харбина прибыли полковники А.В. Сулавко* и Н.В. Орлов, в начале 1918 года, создававшие отряд в полосе отчуждения КВЖД, а также подполковник Генерального штаба И.Н. Никитин,* ранее – начальник штаба Иркутского военного округа и один из организаторов антисоветского вооружённого выступления в Иркутске (декабрь 1918 г.)

8 мая 1918 года в Сахалине по инициативе атамана Гамова было созвано общее собрание казаков, чиновников, офицеров, находившихся

⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – Москва, 2001, с. 86.

⁵ ГААО, ф. 12, оп. 2, д. 43, л. 11–12.

*С.Ф. Шадрин, заместитель председателя
Амурского совнаркома. 1918 г.*

в ближайшей округе. Было рассмотрено постановление Бюро самоуправлений о необходимости создания вооружённых сил для борьбы против Советской власти в Амурской области. Собрание постановило создать военный совет, которому поручить подготовку воинских отрядов, предусмотрев необходимое финансирование. В состав Военного совета были избраны четыре действительных члена (войсковой старшина А.П. Федотьев, есаул А.Л. Чехович, подьесаул Н.М. Шалыгин,* сотник П.Н. Сотников) и два кандидата (сотник Карякин и есаул Воробей). Начальником отряда был назначен подполковник Генерального штаба

И.Н. Никитин, начальником штаба — полковник А.В. Сулавро.⁶

Средства на содержание отряда, получившего название Амурского, выделялись из войсковой казны, которая в марте 1918 г. была вывезена из Благовещенска (около 40 тысяч рублей), и предоставленных генералом Д.Л. Хорватом, директором — распорядителем КВЖД — более 700 тысяч рублей.⁷

Это дало возможность оплачивать жалованье офицерам и рядовым чинам, закупку оружия, командировочные расходы. Например, по предоставленной начальником штаба смете на сентябрь 1918 года предусматривалось выделение 196615 рублей.⁸

Находясь в вынужденной эмиграции, Бюро самоуправлений проводило систематическую работу против власти Амурского совнаркома, направляя своих представителей в крестьянские села и казачьи станицы, а также привлекая население сельской местности на свою сторону обещанием снабжения дефицитным шпагатом и мазутом из Маньчжурии.

27 июля 1918 г. атаман И.М. Гамов направил по казачьим станицам приказ-обращение, в котором призывал к восстанию. «Казаки, — призывал он, — настал час сплотиться. Забудьте личные счёты, откиньте все посторонние заботы и немедленно приступайте к тайной организации боевых отрядов».⁹

Представителям войскового правления удалось 14 августа созвать станичный сход в Черняевой с участием делегатов соседних казачьих поселков. Сход принял решение начать вооружённое восстание и провести мобилизацию мужского населения от 18 до 50 лет. Сход также высказался за немедленный уход от власти партии большевиков, освобождение заключённых, восстановление земских и городских самоуправлений, свободное возвращение бежавших в Маньчжурию казаков. Все эти требования были внесены на сход представителями Бюро самоуправлений.

По инициативе войскового правления 15-16 августа массовые схо-

⁶РГВИА, ф. 1577, оп. 1, д. 3, л. 37.

⁷ГАРФ, ф. 129, оп. 1, д. 12, л. 17.

⁸Там же д. 3 л. 30.

⁹РГВИА, ф. 1573, оп. 3, д. 9, л. 292.

ды были проведены в Игнашиной и Кумарской станицах. На сход в Кумаре выезжал сам атаман И.М. Гамов.¹⁰

Войсковое правление (управа) активно направляла подготовку к общему восстанию и организацию боевых отрядов, называя их партизанскими. Призывы к сопротивлению Советам подкреплялись действенной организационной и финансовой помощью. Так, 17 августа, получив донесения о начавшихся восстаниях в бывших Черняевском и Кумарском станичных округах, Войсковая управа направила туда своего представителя, выдав ему аванс в 20 тысяч рублей «на необходимые расходы в поддержку казаков войска, активно выступивших против Советской власти» и 800 рублей было выдано на расходы по поездке. Для организации сопротивления в районах восточнее Благовещенска, туда были направлены представители Войсковой управы и начальник Войскового штаба с полномочиями, «как на случай проведения мобилизаций, так и по передвижению организованных казачьих сил на Благовещенск». На проведение означенных операций было выдано 200 тысяч рублей.

В конце августа 1918 г. восстали казаки Екатерино-Никольского, Михайло-Семеновского, Константиновского и Поярковского округов.¹¹ 27 августа 1918 г. состоялся станичный сход в Поярково. Сход также призвал казаков к восстанию, объявил мобилизацию казаков 18-50 лет, принял решение заменить станичный Совет временным станичным правлением, в состав которого было избрано 5 человек. В работе схода участвовал представитель Войсковой казачьей управы.¹²

Активизация деятельности Бюро самоуправлений в конце августа 1918 г. была связана с резко обострившейся политической и воен-

Участники схода в станице Пашиковой в августе 1918 г. (предположительно).

Г.М. Семенов, походный атаман Дальневосточных казачьих войск с 1918 г.

ной ситуацией, повсеместным свержением органов советской власти на Дальнем Востоке. Из Сибири наступали чешские отряды и войска Временного Сибирского правительства Вологодского. 11 июля 1918 г. взят Иркутск, в августе – Верхнеудинск (Улан-Удэ) и Чита. По КВЖД в сторону Читы наступали части 3-й японской дивизии, чехи и Особый Маньчжурский отряд атамана Г.М. Семенова. 31 августа они соединились на станции Оловянная с наступавшими белыми войсками из Сибири. В начале сентября 1918 г. подразделения чехов, японцев и белогвардейских войск со стороны Забайкалья вторглись в Амурскую область по железной дороге, по рекам Шилке и Амуру, освобождая от красных западную часть Амурской области.

Руководители Амурского бюро самоуправлений согласовывали с организаторами Белого движения свои действия. В августе 1918 г. группа представителей амурского Бюро самоуправления во главе с атаманом И.М. Гамовым выезжала в Харбин и Владивосток для координации общих действий.

В связи с подготовкой в Амурской области крестьянского съезда на заседании Временного правительства автономной Сибири (Владивосток) 17 августа по докладу главы правительства И.А. Лаврова «О положении в Амурской области» было принято решение направить в Амурскую область специального эmissара, Ф.Д. Облогина, поручив ему выступить на съезде от имени правительства. На организацию съезда Облогину было выдано 15 тысяч рублей.¹³

Организованный эсеровским Союзом амурских хлеборобов съезд состоялся 25–28 августа 1918 г. в волостном центре Песчаноозёрке и носил открыто выраженный антибольшевистский и антисоветский характер. В его работе участвовали 256 человек, представлявших 21 крестьянскую волость и 10 бывших станичных округов. Так, в частности, в резолюции по текущему моменту было записано, что Советская власть повинна в развязывании гражданской войны, что она «уничтожила все свободы, разрушила всю промышленность, земледелие и торговлю и довела народ до всеобщего голода». Съезд хлеборобов высказался за замену Советов земствами, городским и казачьим самоуправлением и т.д. Был избран Временный областной исполнительный комитет, объявивший себя высшим органом власти в Амурской области. При обриспол-

¹⁰РГВИА, ф. 1577, оп. 1, д. 3, л. 26.

¹¹Там же, л. 40.

¹²ГАРФ, ф. Р-129, оп. 1, д. 3, л. 18–19.

¹³Там же, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 63.

коме было решено создать военный совет для организации вооруженных сил под видом отрядов самообороны.¹⁴

12 сентября 1918 г. у китайского городка Айгунь на пароходе «Семен Дежнев» состоялась встреча членов Песчаноозерского облисполкома и Бюро самоуправлений. Была достигнута договоренность о совместной борьбе против Советской власти в Амурской области. Песчаноозерский исполком предложил Амурскому областному исполкому Советов передать ему всю власть в Амурской области, что было категорически отвергнуто. По инициативе даоиня Сахалинского округа 8 сентября была проведена встреча представителей Бюро самоуправлений и Амурского облисполкома Советов. Основной целью встречи предполагалось решение вопроса о власти в Амурской области мирным путем. Бюро самоуправлений предложило полное упразднение Советской власти и восстановление земских и городских самоуправлений. Однако советские представители не согласились капитулировать. 9 сентября 1918 г. в Благовещенске было проведено расширенное заседание облисполкома, Благовещенского совета, Совнаркома, представителей профсоюзов области, которое также полностью отвергло притязания Бюро самоуправлений.¹⁵

Однако, Амурский совнарком, потеряв поддержку крестьянского населения области, не был в состоянии организовать противодействие наступлению белых сил и их иностранных союзников. Началась эвакуация из Благовещенска советских работников и красногвардейцев в таежные районы.

17 сентября 1918 г. последние пароходы из Благовещенска двинулись вверх по Зее. 18 сентября, ранним утром, из Сахалина началась переправа Амурского отряда И.Н. Никитина, Бюро самоуправлений и японского батальона. Город был сдан без боя. Начались облавы на красноармейцев и советских работников, аресты. В тот же день на расширенном собрании членов войсковой управы, областной земской управы, городской управы Благовещенска было сформировано Временное правительство Амурской области. В состав правительства вошли — городской голова Благовещенска А.Н. Алексеевский, войсковой атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов, председатель областной земской управы Н.Н. Родионов и командир Амурского отряда подполковник И.Н. Никитин.¹⁶

Через два дня к городу подошли отряды Песчаноозерского облисполкома. 20 сентября в Благовещенске состоялось совещание членов правительства Алексеевского, областной земской управы, Песчаноозерского облисполкома, Войсковой управы и городской управы Благовещенска: рассматривался вопрос о высшей власти в Амурской области. Было принято решение пополнить состав правительства двумя членами песчаноозерского облисполкома. Членами правительства были утверждены А.Н. Алексеевский, И.М. Гамов, Н.Н. Родионов, И.Н. Никитин и от Песчаноозерского исполкома А.В. Сторожев и В.Т. Лохэ. Председателем правительства единогласно был снова утвержден А.Н. Алексеевский. Совещание постановило: «вручить этому правительству всю полноту государственной власти в Амурской области».¹⁷

¹⁴ГААО, ф. 114, оп. 1, д. 56, л. 1-3.

¹⁵Там же, д. 10, л. 1-2.

¹⁶Бюллетень правительства Амурской области, № 1, 21 сентября 1918 г.

¹⁷ТААО, ф. 114, оп. 1, д. 68, л. 1.

¹⁸«Далекая окраина», 31 октября 1918 г.

¹⁹«Бюллетень правительства Амурской области», № 1, 21 сентября 1918 г.

В начале октября 1918 г. в правительство вошли А.И. Рыслев, П.В. Попов и Т. Кузьменко.¹⁸

В таком составе оно в течение почти двух месяцев осуществляло функции государственной власти. Направленность деятельности правительства Алексеевского была определена в особой Декларации.¹⁹ Ее основные положения: вся полнота власти принадлежит правительству Амурской области в составе войскового атамана, председателя земской управы, командующего войсками области и городского головы. Декларация предусматривала, что городское, земское и войсковое самоуправление восстанавливалось. В области объявлялось осадное положение, мотивировалось это угрозой гибели Российского государства. В документе провозглашалось непризнание Брестского мира. Предусматривалось лишение политических и общественных мандатов активных участников подавления мартовского выступления 1918 г. и лиц, занимавших «выдающееся положение в Советском руководстве», предание их чрезвычайному суду. В целом это была программа реставрации государственного порядка, существовавшего при Временном правительстве.

Правительство Алексеевского опиралось на органы местного самоуправления — земства, городские управы и казачье войсковое правление. С первых же дней его деятельности началось воссоздание вооруженных сил — стала жестко проводиться мобилизация казаков и формирование казачьего полка, увеличение численности Амурского отряда.

С первых дней деятельности правительство Алексеевского начало создавать аппарат милиции, судебные органы, была организована следственная комиссия. Начались массовые репрессии: обыски, аресты, по селам и деревням отправлялись карательные отряды. Устанавливалась жесткая военизированная диктатура. Из областного центра власть правительства распространялась по всей области. Оперативно стали созда-

Японские интервенты на железнодорожной станции Алексеевска. 1918 г.

ваться военно-полевые суды с правом немедленного приведения приговоров в исполнение. Благовещенская тюрьма была переполнена. Власти организовали судебные заседания военно-полевых судов с вынесением, как правило, приговоров о смертной казни. Так, 6 ноября 1918 г. военно-полевой суд под председательством подполковника Воротеляка приговорил к смертной казни одного из известных советских деятелей, заместителя председателя облисполкома С.Ф. Шадрина, затем последовали аналогичные приговоры В.И. Шимановскому, группе активистов советской власти казаков — из Поярково, Ф.Н. Сюткину и другим большевикам.²⁰

Осуществляя властные функции, правительство Алексеевского тесно взаимодействовало с Амурским казачьим войском. Бюро самоуправления Амурской области 15 сентября 1918 г. приняло решение подчинить все вооруженные силы (Амурский отряд и отряды самообороны Песчаноозерского исполкома) атаману И.М. Гамову.²¹ По станичным округам были мобилизованы и стянуты к Благовещенску до тысячи вооруженных казаков. 19 сентября 1918 г., заняв Благовещенск, атаман Гамов издал приказ № 713: «Ввиду восстановления действия Войсковой управы и всех органов казачьего самоуправления на территории Амурского казачьего войска, восстанавливается 1-й Амурский казачий полк, поэтому все казачьи отряды, находящиеся в Благовещенске, переходят в состав полка».²²

Командиром полка назначили есаула А.Л. Чеховича, было намечено мобилизовать казаков трех возрастов — 1916-1918 годов призыва. По всем станичным округам развернулась организационная работа: составлялись списки, выписывались мобилизационные свидетельства и т. п. Началась подготовка очередного войскового круга.

Пятый войсковой круг состоялся 9-17 октября 1918 г. Открыл работу круга атаман И.М. Гамов, председателем был избран Н.Г. Кожевников. Пятый круг поддержал создание правительства Алексеевского, одобрил проведение мобилизации казаков трех возрастов и формирование 1-го казачьего полка. Круг принял обращение к генералу Хорвату с просьбой помочь вернуть из Харбинского банка, хранящиеся там ценности Благовещенского государственного банка, вывезенные в ходе мартовского вооруженного выступления. Круг создал комиссию для разбора дел арестованных. Был также избран новый состав казачьей войсковой управы (полковник Р.А. Вертопрахов, хорунжий В.А. Никольский, П.М. Самсонов, полковник Р.С. Иванов, Н.П. Самарин).²³ Казачье войсковое правление (атаман, войсковая управа) в какой-то мере было параллельным правительством, фактически не подчинявшимся гражданскому правительству Алексеевского. Иногда оно именовало себя войсковым правительством.

Войсковой круг постановил: «5-й войсковой круг, созданный советской властью считать неправомочным, а все его решения не имеющими законной силы, так как некоторые станичные округа делегатов

²⁰РГВИА, ф. 1577, оп. 1, д. 3, л. 40.

²²ГАРФ, ф. Р-129, оп. 1, д. 13, л. 3.

²¹Там же.

²³Там же, д. 5, лл. 4-10.

²⁴РГВИА, ф. 1573, оп. 2, д. 13, л. 10.

²⁵Там же, д. 6, лл. 1-2.

совсем не посылали, другие посылали по принуждению, боясь репрессий советской власти, третьи посылали делегатов избранных лишь кучкою приверженцев советской власти, а не всем населением округа».²⁴

После окончания работы круга 25 октября атаман Гамов выехал в Хабаровск, где с 21 октября начал работу V-й войсковой круг Уссурийского казачьего войска, принявший решение об объединении Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск и создании Дальневосточного союза казачьих войск. На круге выступил атаман Г.М. Семенов от имени Забайкальского казачьего войска, а также И.М. Гамов с поддержкой этого предложения. Г.М. Семенов был избран Походным атаманом всех дальневосточных казачьих войск.²⁵ Затем Гамов выехал во Владивосток, находился там до середины месяца, а 25 ноября вернулся в Благовещенск. За время его отсутствия обязанности атамана исполнял полковник Р.А. Вертопрахов.

Деятельность правительства Алексеевского осложнялась подчинением его воинскому начальнику. Временное Сибирское правительство еще 15 июля 1918 г. права и обязанности по охране государственного и общественного порядка в местностях, объявленных на военном положении, возлагало на комиссара или воинских начальников, назначаемых командующими армиями или командирами отдельных военных корпусов. В Амурской области воинским начальником был полковник И.Н. Никитин. Войска Амурской области в сентябре 1918 г. были включены в общую структуру белых войск Дальнего Востока. Приказом по Сибирской армии № 68 от 10 сентября 1918 г. Г.М. Семенову было приказано формировать V-й Приамурский армейский корпус. В его состав включались подразделения Особого Маньчжурского отряда, сводная казачья дивизия (амурские и уссурийские казаки), а также будущие полки 9-й Сибирской стрелковой дивизии. 1 ноября 1918 г. по войскам 5-го Приамур-

5-й Большой Круг Уссурийского казачьего войска. В центре — войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-майор Г.М. Семенов, слева от него войсковой атаман Амурского казачьего войска, И.М. Гамов, справа — войсковой атаман Уссурийского казачьего войска, генерал-майор И.П. Калмыков.

ского отдельного корпуса был издан приказ № 13, которым предусматривалось назначить начальником гарнизона г. Благовещенска полковника Шемелина.²⁶

Глава Амурского правительства Алексеевский 4 ноября 1918 г. освободил Никитина от обязанностей начальника войск Амурской области, назначив временно на этот пост полковника С.А. Мунгалова. 5 ноября полковник Вертопрахов, исполнявший обязанности войскового атамана, направил во Владивосток на имя Гамова по этому поводу телеграмму. 6 ноября от Гамова поступила ответная телеграмма: «Назначение полковника Мунгалова считаю допустимым только временно до приезда полковника Шемелина».²⁷

Из этого следует, что кандидатура Шемелина на пост воинского начальника Амурской области была согласована Г.М. Семеновым. Полковник Шемелин, бывший до этого начальником гарнизона в Чите, зарекомендовал себя как волевой, жесткий и требовательный начальник. И, когда через несколько дней он появился в Благовещенске, то приказал освободить для него здание бывшего военного губернатора, где размещалась областная земская управа, издал приказ об объединении в его лице всей полноты военной и гражданской власти, создал военно-следственную комиссию, распорядился направить по области карательные отряды.²⁸

Атаман Гамов 1 декабря 1918 г. вынужден был издать такой приказ: «Первый Амурский казачий полк подчиняется во всех отношениях только мне, а потому приказываю исполнять приказы, только исходящие от меня».²⁹

В связи с образованием Всероссийского правительства (Омская директория) 10 ноября 1918 г. в Благовещенске было проведено расширенное заседание областного правительства с участием членов областной земской управы, представителей общественных организаций, которое постановило:

признать образовавшееся в Омске правительство общерусской государственной властью и подчиниться ей как высшему государственному учреждению России;

Временное правительство Амурской области и его представительное совещание демократических организаций области считать упраздненными;

временное общее руководство административными органами в области до того, как состоятся соответствующие назначения центральным правительством вручается законным порядком Амурской областной земской управе.³⁰

В работе расширенного собрания участвовал представитель Всероссийского Правительства подполковник М.И. Афанасьев, познакомивший собрание с его деятельностью. 11 ноября Афанасьев собрал совещание представителей партий и общественных организаций, на котором рассматривался вопрос о выдвижении кандидатуры на пост правительственного комиссара. Были выдвинуты кандидатами И.Н. Шиш-

²⁶РГВИА, ф.1573, оп.2, л.25, л.14.

²⁷ГАРФ, ф. Р-129, оп.1, л.3, л.146.

²⁸«Амурская жизнь», 22 ноября 1918 г.

²⁹ГАРФ, ф. Р-129, оп.1, д.29, л.31.

³⁰ГАРФ, ф. Р-129, оп.1, д.29, л.31.

А.И. Дутов, Походный атаман казачьих войск.

лов, А.И. Рыслев и А.Н. Алексеевский. Большинством голосов кандидатура А.Н. Алексеевского утверждалась на пост комиссара области.³¹

11 ноября областная земская управа приняла общее руководство административными делами области. В тот же день об этом были поставлены в известность (по телеграфу) Всероссийское правительство, генерал Хорват, все правительственные и общественные учреждения и должностные лица области.

Через несколько дней, 18 ноября 1918 г., в Омске произошел переворот: Директория была отстранена от власти, ее члены арестованы. Совет министров под председательством П.В. Вологодского объявил о переходе всей полноты власти в свои руки и в тот же день назначил А.В. Колчака Верховным правителем России.

В истории Сибири, Дальнего Востока начиналась новая полоса — военной диктатуры правительства адмирала А.В. Колчака. В Амурскую область был назначен правительственным комиссаром И.Д. Прищепенко, Алексеевский был уволен в отставку. Но носителем высшей и военной и гражданской власти был начальник вооруженных сил. Ставленник Семенова полковник И.В. Шемелин был отозван из Благовещенска и 8 декабря 1918 г. функции высшего военного начальника в Амурской области были возложены на атамана И.М. Гамова.

В декабре 1918 г. при поддержке военного министра Иванова-Ринова, Г.М.Семенов начал формировать Восточный отдельный казачий корпус, в состав которого входили забайкальские, амурские и уссурийские казачьи части. Кроме того, при военном министерстве правительства Вологодского был помощник военного министра по казачьим делам, а в мае 1919 г. была введена должность Походного атамана всех казачьих войск, в том числе и Амурского. Походным атаманом был назначен А.И. Дутов.

Вот в таких условиях взаимодействия с правительственными органами оказалось амурское казачество. Осенью 1918 г. был сформирован 1-й Амурский казачий полк. Командиром полка был назначен войсковой старшина А.Л. Чехович. Правительство Алексеевского, а затем и уполномоченный правительства А.В. Колчака И.Д. Прищепенко использовали казаков для подавления очагов сопротивления после падения советской власти.

9 декабря И.М. Гамов издал приказ следующего содержания:

«Уступая настояниям представителей союзного командования, а

³¹ГАРФ, ф. Р-129, оп.1, д.29, л.31.

также, что самое главное, желая не допустить использования авторитета войска в нежелательном для него направлении, будучи полон искреннего желания помочь всем слоям населения Амурской области безболезненно выйти из создавшегося затруднительного положения, представить законным властям полную возможность наладить жизнь области и внести успокоение в умы населения, я, волею событий, принужден взять на себя всю полноту военной власти в пределах Амурской области».³²

Гамов распорядился упразднить военно-следственную комиссию, пересмотреть дела арестованных; приказ Шемелина о запрещении свиданий с арестованными в областной тюрьме отменил, начальнику тюрьмы было предписано руководствоваться общими российскими законами. С 1 января 1919 г. штаб командующего войсками Амурской области был также расформирован. Эти шаги атамана Гамова несколько ослабили напряжение во взаимоотношениях местных органов власти и военного командования.

Но обстановка в области оставалась чрезвычайно напряженной. Восстановление прежнего порядка, возврат национализированных предприятий бывшим собственникам, восстановление крупных наделов земли зажиточных крестьян, репрессии против активных советских работников, карательные действия японских войск и белой милиции вызывали растущее недовольство населения. К концу 1918 г. оформились три организационных центра по подготовке восстания — в Благовещенске, у станции Ледяная в тайге, в Ивановской волости. Восстание готовилось на март 1919 г. Но началось оно стихийно в Мазаново. Там размещался небольшой японский гарнизон. В день праздника Рождества Христова 7 января японские солдаты

Офицеры Амурского казачьего войска в день войскового праздника 30 марта 1919 г.

занились грабежами крестьянских домов, что вызвало острое недовольство крестьян, многие из которых имели оружие и были в составе боевой группы самообороны. Возник конфликт, японские солдаты, захватив несколько человек, повели их на расстрел. Крестьяне отбили арестованных и перебили значительную часть японского гарнизона. На несколько дней в Мазаново была восстановлена советская власть. Крестьяне соседних сел присоединились к мазановцам. Но японское командование двинуло на Мазаново батальон с орудиями, артиллерийским огнем была сожжена большая часть деревни. Крестьяне с семьями бежали в тайгу. Из ближайших селений крестьяне также уходили от возмездия. Мужское население мятежных сел сформировало партизанский отряд. Так началось массовое крестьянское восстание на Амуре на три месяца, парализовавшее власти Амурской области. Японские карательные отряды жестоко расправлялись с восставшими крестьянами. Им помогали отряды казаков. Так, в разгроме восставших сел Мазаново, Сохатино и других участвовал отряд казаков во главе с подьесаулом Черных. Отряд успешно справился с подавлением восставших сел и заслужил благодарность атамана Гамова. По итогам экспедиции отряда Черных 10 февраля 1919 г. Гамов издал приказ, в котором дал высокую оценку действиям казаков. В приказе говорилось:

«От имени Амурского казачьего войска, от себя выражаю глубокую благодарность начальнику Мазановского казачьего отряда подьесаулу Черных, господам офицерам и всем казакам — доблестным участникам ликвидации Мазановских событий. Подчеркивая особую тактичность и выдержанность, как самого начальника отряда, так равно и всех чинов его, вызвавшую удовольствие и восхищение широких кругов общества области, надеюсь, что столь блестящее выполнение задачи отрядом с полным сознанием выполненного долга послужит благодарным примером для всех членов нашей казачьей семьи. Еще раз всем сердечное спасибо. Гамов».³²

26 января 1919 г. сам атаман И.М. Гамов с отрядом казаков совершил карательный поход в Ивановку, где, по его сведениям, активно работала подпольная революционная группа. Несколько человек были арестованы и там же казнены, в том числе и учитель А.А. Матыцин.

Использование Амурского полка для подавления восстаний вызвало недовольство и сопротивление рядовых казаков. Значительная часть склонялась к сотрудничеству с партизанскими отрядами. В таких условиях 18 февраля — 5 марта 1919 г. состоялся VI-й очередной войсковой круг. Круг подвел итоги восстановления войсковой системы самоуправления — вместо советов и земств были воссозданы поселковые и станичные управы во главе с атаманами, была дана оценка деятельности казачьего войскового правления (управы) и атамана И.М. Гамова по обеспечению общественного порядка и государственного режима. Был избран новый состав войсковой управы во главе с С.А. Бардиным. Атаман И.М. Гамов обратился к кругу с просьбой освободить его от обязанностей атамана войска по состоянию здоровья. Новым атаманом был избран войсковой старшина А.Д. Кузнецов.³⁴

³²РГВИА, ф. 1573, оп. 2, д. 25, л. 20.

³³ГААО, ф. 10, оп. 2, д. 355, л. 20)

³⁴ГААО, ф. 10, Протоколы VI войскового круга Амурского казачьего войска. - Благовещенск, 1919)

Выполнять атаманские функции А.Д. Кузнецову пришлось в сложных условиях. Правительство адмирала А.В. Колчака готовило войска для решающего наступления против Красной Армии на западном фронте и требовало обеспечить порядок в тылу, увеличить пропускную способность железных дорог, направить казачьи полки и армейские части на фронт. Но в Приамурье партизанская армия под руководством Г.С. Дрогошевского громила тылы белых войск. Правительство требовало наведения порядка любой ценой. И атаман Кузнецов, также наделенный полномочиями воинского начальника, стремился мобилизовать все силы на подавление крестьянского восстания. В села и деревни с чрезвычайными полномочиями направлялись японо-белогвардейские карательные отряды. 22 марта 1919 г. была сожжена Ивановка, разорены и сожжены многие другие села. 26 марта в Благовещенске были казнены 16 бывших комиссаров и участников подпольной организации. Крестьянское восстание было подавлено.

Однако, летом и осенью 1919 г. партизанское движение развернулось с новой силой. В августе 1919 г. действовали уже более 10 партизанских отрядов. Для координации их усилий был сформирован областной военно-полевой коллектив. Были проведены многочисленные нападения на железнодорожные станции, нане-

сены удары по казачьим станицам, разрушена на сотни верст железная дорога. В июне 1919 г. с чрезвычайными полномочиями на Дальний Восток был направлен походный атаман всех казачьих войск А.И. Дутов, которому были подчинены все вооруженные силы Приамурского края. 18 июля 1919 г. командующим войсками Приамурского военного округа и главным начальником всего Приамурского края был назначен генерал С.Н. Розанов, проявивший себя в Сибири как жесткий администратор. Активизировались японские войска. Потрепанная в боях с партизанами 12-я японская дивизия была отозвана на пополнение в Японию, ее сменила хорошо укомплектованная 14-я японская дивизия. Однако к концу 1919 г. многочисленные партизанские отряды контролировали большую часть Амурской области. В декабре 1919 г. в селении Ромны был проведен VII съезд трудящихся, наметивший программу завершения борьбы против интервентов и белых. Был избран областной Исполнительный комитет («Таежный исполком»), назначен главнокомандующий партизанской армии, приняты обращения к союзным державам о прекращении интервенции. В Благовещенске был восстановлен Военно-революционный штаб. Крестьянам было предложено бойкотировать обслуживание японских войск, рабочих-железнодорожников призвали начать всеобщую забастовку.

В таких условиях 16 декабря 1919 г. открылся в Благовещенске VII очередной круг (съезд) Амурского казачьего войска. Открывал съезд атаман А.Д. Кузнецов. Председателем круга был избран И.М. Суриков. Круг заслушал отчет войсковой управы, рассмотрел вопросы хозяйственной жизни войска, избрал новый состав войсковой управы. Атаманом вновь был избран А.Д. Кузнецов.

Круг решительно высказался за прекращение гражданской войны, предложил созвать областной съезд всех слоев населения и на общедемократической основе сформировать общий орган власти области. В ходе работы, 22 декабря 1919 г. состоялось совместное заседание делегатов войскового круга, членов областного земского собрания и депутатов Благовещенской городской думы. В повестке дня объединенного заседания основным значился вопрос о прекращении гражданской войны в области. Было принято решение — созвать в январе 1920 г. областной съезд представителей всех слоев населения, обратиться к воюющим сторонам с предложением прекратить военные действия и создать на общедемократической основе подлинно-демократическую народную власть. Было также принято обращение к партизанам вернуться в свои села к мирному труду — и против них не чинить никаких репрессий.³⁵ Войсковой круг закончил свою работу 3 января 1920 г.

Областной съезд был назначен на 28 января 1920 г. Но главнокомандующим вооруженных сил Дальнего Востока Г.М. Семенов предложил перенести его на 28 февраля. Началась подготовка съезда.

³⁵ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 156, лл. 32-38.

Однако, «Таежный исполком» предложил волостным и сельским обществам не посылать своих представителей на такой съезд, а руководствоваться решениями VII съезда трудящихся о решительном бойкоте колчаковских властей. Тем временем, в Благовещенске началась деятельная подготовка к восстанию. В составе гарнизона был создан нелегальный «Казачий ревком» во главе с С.Г. Таскаевым, который начал вести пропаганду среди казаков против существующей власти.

«Таежный исполком» и командование партизанской армии (главком И.Г. Безродных) разработали план совместного наступления на Благовещенск партизанских армий всех четырех повстанческих районов. Однако, развязка событий была ускорена в конце января 1920 г. свержением во Владивостоке ставленника Колчака генерала Розанова. Главком японских экспедиционных сил на Дальнем Востоке генерал Оой объявил о нейтралитете японских войск. 3 февраля 1920 г. командующий 14-й японской дивизии в Приамурье генерал Сиродзу также объявил о нейтралитете. Казаки некоторых станиц отказались признавать власть атамана Кузнецова. Попытка направить карательный отряд против казаков Николаевской станицы провалилась. Атаман Кузнецов собрал урядников, рассчитывая получить их поддержку, но от имени войска ему было отказано в доверии. В тот же день полковник Кузнецов сместил с поста уполномоченного правительства А.В. Колчака И.Д. Прищепенко и передал власть земской управе и профсоюзам.

Вечером 5 февраля 1920 г. состоялось расширенное заседание Благовещенского военно-революционного комитета с участием членов казачьего ревкома, объявившего о переходе власти к Советам. Был создан Временный исполком советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Председателем исполкома избрали Я.Ф. Яковлева. Заместителем стал С.Г. Таскаев. 14 февраля в Благовещенск прибыл «Таежный исполком», был сформирован объединенный исполком советов. Руководящие деятели прежнего режима, в том числе А.Д. Кузнецов, И.Д. Прищепенко, офицеры и горожане переправлялись через Амур в Маньчжурию. С уходом атамана и членов войскового штаба войсковая управа фактически прекратила свою деятельность. Было решено на расширенном ее заседании для управления делами казачьего населения создать Временный исполком по управлению делами казачьего войска. Председателем исполкома был избран П.В. Попов, его заместителем — Н.Г. Кожевников. Для контроля его деятельности Областной исполком назначил комиссара по казачьим делам — бывшего командира партизанского отряда Е.Я. Воропаева. Вопрос о судьбе казачьего войска рассматривался на VIII съезде трудящихся Амурской области 27 марта — 21 апреля 1920 г. Были рассмотрены важнейшие хозяйственные проблемы, состояние военного строительства. Съезд высказался за скорейшее воссоединение с Советской Россией и признал необходимым: упразднение казачьего сословия, прекращение деятельности Амурского казачьего войска, роспуск войсковой управы. 16 ап-

реля 1920 г. на заседании войсковой управы было принято решение: деятельность управы прекратить, членам управы подготовить отчеты и сдать все документы в соответствующие комиссариаты.³⁶ Таким образом, на советской территории Амурское казачье войско прекратило свое существование.

³⁶ГАОО, ф.10, оп.1, д.171, лл. 9-10.

ПЕСНИ АМУРСКИХ КАЗАКОВ

АМУРСКАЯ ПЕСНЯ

В педесят пятым году,
В забайкальском во краю

Припев:

Эх, и калина,
Да, эх и малина!

По бригадам шел приказ -
Назначали в Амур нас.
Мы слышали походу,
Много шли в Амур охотой.
В батальоны формовали,
В Молоду нас отправляли.
В Молоду мы приходили,
Одну ночку пробыли.
С Молодой нас отправляли,
Нам подвод-то не давали,
Нам подвод-то не дали,
Нас пехотой повели.
Вот походы-хлопоты,
Отправляли нас в Баты.
Во Батах мы проживали,
Все ученьем занимались.
Нам ученье ничего,
Между прочим - чижело.
Вот кончали смотр-ученье,
Пошли в Шилку на мученье
Мы во Шилке проживали,
Себе баржи исправляли,
Себе баржи исправляли,
В Усть-Кару нас отправляли.
В Усть-Каре мы проживали.
Себе баржи нагружали.
Вот и баржи нагрузили,
Вниз по Шилке и Аргуне -
Тут пошла река Амур.
Мы Амуром проплывали,
Много горя попримали:
Мы и плыли ночь и день,
Часто садились на мель.
Со мели баржи сымали,
Свою участь проклинали,
Свою участь проклинали,
В Айгунь город подплывали.
В Айгунь город подплывали,
Много страху принимали.
Айгунь город мы проплыли,
Все и горюшко забыли.

Мы все горе забывали,
Да во Кизу приплывали.
Бузинов отдал приказ —
Отправить в Марининск нас.
Мы в Марининске проживали
И казармы снаряжали.
Муравьев отдал приказ —
Повели в Декастру нас.
Мы в Декастру приходили,
На изморье выходили,
На изморье выходили,
Белы руки опустили.
«Это что за издивленье —
Только лес, одни коренья».
Нам и нечего смекать,
Мы - просеки просекать.
А морозы подошли,
Мы в казармы перешли.
Мириканцы к нам пришли.
Мириканца дожидали,
Англичана дожидали.
Казаки наши в расходе,
Плывут морем пароходы,
От синя моря бежит,
Громким голосом кричит...
Чесовые услышали.
Бузинову весть подали.
Бузинов распорядился,
Во казармы сам бросился,
Во казармы прибежал,
Бить тревогу заставлял.
Мы тревогу услышали,
Все работы побросали,
Все работы побросали,
Во казармы прибежали,
Патранташи, ружья хватали,
По зводам нас становили.
Рошшитали нас зводами,
Пошли к морю просеками.
Пошли к морю просеками,
Залегали за кустами.
Мы за кустиком лежим,
Промеж собою говорим:
«Ну, ребятушки, потише,
Подождем его поближе,
Ну, ребята, не бояться,
Агличанам не поддаться».
Ружья, пушки загремели,
Агличаны заревели.
Мы в охотку попалили,
Назат в казармы отвалили.
Назат в казармы воротились,
На нарах-то мы сажались.
На нары-то мы все сели,
С горя песенку запели.

СЛАВА ВАМ, БРАТЬЯ, ГЕРОИ АМУРЦЫ! (Слова А.Б. Карпова)

Слава вам, братцы, герои Амурцы,
Слава лихим казакам!
Слава и честь пионерам Востока,
Слава Амура сынам!

Ровно полвека вы царскую службу
Верой и правдой несли.
Ровно полвека стояли на страже
Граней родимой земли.

Молвил нам царь из-за гор Забайкалья
С светлой отвагой в груди.
Смело мы ринулись в дебри Амура
С храбрым вождем впереди.

Плот шел за плотом, баржа за баржою
Быстро неслись по реке.
Горы, утесы, тайгу вековую
Видели мы вдалеке.

Вот мы доплыли до устья Амура —
Лихо работал казак!
Гордо поднялся орел наш двуглавый,
Взвился трехцветный наш флаг.

Пусть же колышутся пышные нивы
Вдоль по родным берегам.
Пусть расцветают родные станицы
Грозные Руси врагам!

Бодро же стойте на грани России,
Смело глядите вперед —
Сзади за вами стоит исполином
Русский великий народ!

Честь же и слава Руси пионерам,
Слава лихим казакам,
Слава недремлющей страже России,
Слава Амура сынам!

НА ЗЛОДЕЯ ЛИХОГО

Я в станице веселился
И душою не скорбел,
А теперь с родным простился,
Видно род мне так велел.

Род велит за Русь святую
К пламя, к бою нам идти.
Как китаец-то наступит,
Все я думал об одном:
Нам злодея бы лихого
Вот на вид бы его взять;
Его, варвара такого,
Вот на вид бы его взять,
Нам злодея бы лихого
На пики скорей поднять.
И Господь нам Бог поможет,
Мы китайца разобьем;
Мы, разбивши супостата,
Жить на родину пойдем.
Жаль нам маленьких детишек,
Жаль, остались ни при чем!

АМУРСКИЕ КАЗАКИ В МАНЬЧЖУРИИ

Мы в Манджурию идем,
Хлеб едим и воду пьем;
По горам твоим Манджурским
Раздалась слава об нас!
Вплавь мы плыли по Амуру
За границы побывать;
Переплыли, показали,
Как умеем воевать.
Под деревней Калушаны
И под Айгуном большим
Освятили наше знамя
Мы огнем пороховым.
Мы под пулями смеемся,
Нам гранаты нипочем,
А войска манджур проклятых
Мы в капусту посечем.
Под деревней Калушаны
Мандза видел казака,
Видел знамя боевое,
Испытал удар клинка.
Августейший атаман наш,
Батка Белый государь,
Несмотря на нашу юность,
Нам святое знамя дал.
Хоть амурские казаки
По годам своим юнцы,
Но в сражение и во драке
Оказались молодцы!

**МАРШ ДОБРОВОЛЬЦЕВ,
ЗАЩИЩАВШИХ г. БЛАГОВЕЩЕНСК
В ИЮЛЕ 1900 г.
(Слова А.В. КИРХНЕРА)**

Слышите ль братья - раздался неожиданно
Рев канонады в предательский час.
Дружбу забывший, сосед наш коварный
Ринулся с дикою злобой на нас.

Слышите ль — пули свистят, завывают,
Смерть грозно реет над вашей семьей.
Враг беспощадный на бой вызывает —
Жизнь продадим дорогою ценой.

Мир вековой разорвавший со злобой,
Вдруг поднялся молчаливый Китай...
Нету спасенья и помощь не скоро,
Выручит нас и забытый наш край.

Дружно идите и ройте траншеи —
Больше спасенья ни в чем не найти —
Грозно режут, мечут смерть батареи,
Враг нас отрезал, все занял пути.

Пусть же он помнит, сосед наш коварный —
Полной расплатимся с ним мы ценой.
В час роковой в этой битве неравной
Ляжем бесстрашно за край наш родной

Смело ж идите, за ружья беритесь,
Если нет ружей — точите ножи.
Пороху мало — заряд берегите,
Целься верней, ружье крепче держи!..

**МАТУШКА РОССИЯ,
ЗА ТЕБЯ МЫ В БОЙ ИДЕМ**

На краю Руси обширной,
Вдоль амурских берегов,
Поживало тихо, смирно
Войско храбрых казаков.
Вдруг тревога там случилась
И подняли красный флаг,
Разом все зашевелилось —
Подступил к России враг.
Вмиг собрали нас в станицу,
Учинили нам смотры,
Каждый день нас посещали

Жены, матери, отцы.
По приказу командира
Заседлали мы коней,
И в станице нас не стало —
Распрощались мы с ней.
Нас на площадь выводили
И построили в ряды,
И чуть слышно говорили:
«Генерал будет сюды».
Командир полка явился,
Он удалый молодец,
Принял знамя, помолился
Полка нашего отец.
Нам молебен отслужили;
Он нам знамя передал,
Прочитал приказ военный,
«С Богом, братцы!» — он сказал.
Мы в вагонах покатали
Дни и ночи, и утра;
«Слава Богу», — говорили
И кричали все «ура!».
Прощай, станичники родные!
Дай Бог счастливо вам жить,
Вы всех нас благословите,
Чтоб Японию побить.
Куропаткин ведь назначен
(Он почетный наш казак),
Он задаст японцу встряску —
Трепещи, России враг!
Коль прикажет он в атаку,
Не отстанем назади,
Мы послужим верой, правдой,
Всегда будем впереди.
Хоть нескладна песня эта,
От души ее поем!
Помни, матушка Россия,
За тебя мы в бой идем:
В поле брани послуживших
По заслугам награди,
За живот свой положивших
Панихиду отслужи.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Близ моря на Дальнем Востоке,
В ущелье кремнистой скалы
Кровавые льются потоки
С утра до вечерней зари.
Там слышны глухие раскаты,
Там жерла у пушек горят,
Там рвутся шрапнели, гранаты

И землю взрывает снаряд!
Там бьются за правое дело
И смерть храбрецов не страшит —
И в битву идут они смело;
Их Божия Матерь хранит!
А дома отец удрученный
И с ним, пригорюнившись, мать
Читают про бой отдаленный;
Про сына им хочется знать.
Из Мукдена их извещают;
Вдруг брызнули слезы из глаз...
Да, сын их убит; извещает
Об этом военный приказ;
Убит он в расцвете был силы,
Убит и зарыт он вдали...
Никто не узнает могилы
Защитника русской земли!

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливой грозной тучей
На войну шли казаки!

С ними шла былая слава,
Беззаветна и грозна!
Через Вислу переправа
Забайкальцам не страшна!

Ни усталости, ни страха!
Бьются ночь и бьются день,
Порыжелые папахи
Лихо сбиты набекрень.

Ах, Амур, страна родная,
За тебя мы постоим —
Волнам Рейна и Дуная
Твой поклон передадим!

Нас сурово воспитала
Приамурская тайга,
Пурга грозного Байкала
И сибирские снега...

Дружно в бой, на вражью силу,
Нам идти пришла пора!
Снами вместе атаманы
Урала, Дона и Днепра.

**БОЕВАЯ ПЕСНЯ АМУРЦЕВ 1-Й СОТНИ
1-ГО АМУРСКОГО ПОЛКА.
18 ДЕКАБРЯ 1916 Г. В КАРПАТАХ
(ПОЕТСЯ НА МОТИВ «ВАРЯГА»)**

*Амурские
казаки*

глава IV

Не горный буран на горах бушевал,
Не вьюга седая носилась...
Огонь пулеметный, ружейный трещал,
С врагом горсть амурская билась.

Враг, вчетверо сильный, кругом наседал,
Но крепко Амурцы стояли:
«Ребята, держись», – командир нам сказал,
А пули кругом так стонали.

Свистели, визжали и пели в лесу,
Как волки над падалью выли,
Как будто бы тысячи ведьм в шабаше,
С чертями обнявшись, заныли.

Вот первая злая атака врага
О груди амурцев разбилась...
Но снова затакал в лесу пулемет...
И снова враги откатились.

И третья атака... и звери-враги
Вновь лезут на нас всей гурьбою.
Тарас-Волковинский не дрогнув стоит,
И снова враги под горою.

В четвертый раз в гору враг злобный идет,
Трещит пулемет, не смолкая...
Враги окружают, враги ворвались...
Но сотня амурцев – стальная.

Но что с командиром? Зачем он молчит?
Зачем его щеки бледнеют?
Зачем не слышать его властных команд?
Зачем его взоры тускнеют?

«Атака отбита! Ура! Командир!
Скажи нам хоть слово привета...»
Но крепче сжимаются веки его
И нет на призыв наш ответа...

Горячая пуля венгерских гусар
Пронзила насквозь командира.
Не крикнет уж он: «Эй, ребята, за мной... Вперед...
Постоим за Россию!»

И вьюга надгробную песнь завела,
И снег густо хлопьями вился,
И саваном чистым от Русской земли
На тело героя ложился.

И очи смежил и навеки заснул
Лихой есаул Волковинский.
Но имя его будет в песнях греметь
И править по нем будем тризны.

На тризнах тех будут не свечи гореть,
Сверкать будут шашки стальные,
Не будет вина, кровь польется рекой,
И ржать будут кони гнедые.

О Г Л А В Л Е Н И Е 1 Т О М А

ГЛАВА I. <i>В.Н. Абеленцев.</i> КАЗАКИ ПРИАМУРЬЯ В ИСТОРИИ РОССИИ.....	5
ГЛАВА II. <i>Р.С. Иванов.</i> КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.....	25
<i>В.Н. Абеленцев.</i> Р.С. ИВАНОВ И ЕГО «КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА».....	172
ГЛАВА III. <i>Р.А. Вертопрахов.</i> ПАМЯТКА АМУРСКОГО КАЗАКА.....	175
<i>В.Н. Абеленцев.</i> Р.А. ВЕРТОПРАХОВ И ЕГО «ПАМЯТКА АМУРСКОГО КАЗАКА».....	228
ГЛАВА IV. АМУРСКИЕ КАЗАКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	231
<i>В.Г. Кильчанский</i> АМУРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В 1914-1917 гг.....	232
<i>Н.А. Шиндялов</i> АМУРСКИЕ КАЗАКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	259
ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕСНИ АМУРСКИХ КАЗАКОВ	278

АМУРСКИЕ КАЗАКИ

(1-й том)

Приамурье. Из века в век.

Материалы, документы, свидетельства, воспоминания.

Идея и руководитель издательского проекта
«Приамурье. Из века в век.» — к.ф.н. А.В. Телюк,
генеральный директор ОАО «Амурская ярмарка».

Подготовка материала и редактирование — к.ф.н. Т.Н. Телюк,
А.А. Гаршин, К.Н. Морозов.

Допечатная подготовка — Н.В. Лысенко.
Обложка — В.Г. Ларионов, М.В. Комадий.

В книге использованы фотографии, открытки, публикации конца XIX — начала XX вв. из фондов Амурского областного краеведческого музея, личных архивов В.Н. Абеленцева, С.Н. Лафина, А.В. Телюка, Н.А. Шиндялова.

Выражаем признательность и благодарность всем организациям,
учреждениям и частным лицам, принимавшим участие
в осуществлении данного проекта.

Особая благодарность коллективам
Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского
(директор Е.И. Пастухова) и Российского государственного исторического
архива Дальнего Востока (директор А.А. Торопов).

Подписано в печать 04.05.08 г. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х28/84. Усл. печ. листов 33.48. Тираж 1000.
Отпечатано в ОАО «ПКИ «Зея» 675000, г. Благовещенск, ул. Калинина, 10.

